
VE
RI
TAS

Мирный Трудъ

№ 8

1904.

Въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ. Дѣвичья, № 14-й) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

Альбицкій В. И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпровскихъ порогахъ“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Предпріимчивость русскаго человѣка“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Восточные вопросы“. Цѣна 10 коп.

Вицинскій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій“. Цѣна 25 к. съ пер. 30 к.

Завитневичъ В. З. проф. „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго самосознанія“. Цѣна 25 коп. съ пер. 30 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими“. Цѣна 20 к. съ пер. 25 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л. Величко“. Цѣна 10 к. съ пер. 15 коп.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности“. Цѣна 20 коп съ пер. 25 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица“. Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Ф. В. „Мечты русскаго патріота“. Цѣна 20 коп.

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла жертвуется **на военныя нужды.**

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія въ редакціи продается книжка: **Таубе М. Ф. баронъ.** „Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы“. Цѣна 20 коп. **Чистый доходъ предназначается на усиленіе русскаго флота.**

Въ редакціи журнала Мирный Трудъ (Харьковъ. Дѣвичья, № 14-й) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" продаются слѣдующія изданія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

Альбицкій В. И. проф. „Объ устройствѣ судоходства на Днѣпровскихъ порогахъ". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. Памяти В. Л. Величко (о его поэзіи). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Бородкинъ М. М. „О поэзіи Ѳ. И. Тютчева". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Предпріимчивость русскаго человѣка". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Буцинскій П. Н. проф. „Восточные вопросы". Цѣна 10 коп.

Вицинскій В. П. „Санитарныя нужды нашей арміи на Маньчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій". Цѣна 25 к. съ пер. 30 к.

Завитневичъ В. З. проф. „Мѣсто Алексѣя Степановича Хомякова въ исторіи русскаго самосознанія". Цѣна 25 коп. съ пер. 30 коп.

Праздникъ русскаго самосознанія (открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія). Цѣна 20 к. съ пер. 25 к.

Савиновъ. „О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими". Цѣна 20 к. съ пер. 25 коп.

Стефанъ, епископъ Сумскій. „Памяти В. Л. Величко". Цѣна 10 к. съ пер. 15 коп.

Страховъ. „Кантъ, какъ учитель нравственности". Цѣна 20 коп съ пер. 25 коп.

Шаховской М. Л. князь. „Мелкая земская единица". Цѣна 20 коп. съ пер. 25 коп.

Ф. В. „Мечты русскаго патріота". Цѣна 20 коп.

Выручка отъ продажи изданій Отдѣла жертвуется **на военныя нужды.**

Кромѣ вышеупомянутыхъ изданій Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія въ редакціи продается книжка: **Таубе М. Ф. баронъ.** „Всеславянское значеніе Руслана и Людмилы". Цѣна 20 коп. **Чистый доходъ предназначается на усиленіе русскаго флота.**

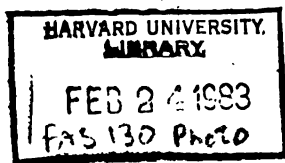
ГОДЪ ВТОРОЙ.

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 8.

(Октябрь).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., домъ № 17-й.
1904.

Дозволено цензурою. г. Харьковъ, 8 Октября 1904 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

октябрской книжки журнала „Мирный Трудъ".

Стр.

НА РУСИ.

XVI. *)

Константинъ Николаевичъ Клинцовъ обрадовался, когда вошелъ къ нему князь Алексѣй Павловичъ. Онъ даже прослезился и, торопливо заморгавъ, старческимъ голосомъ воскликнулъ:

— Вотъ это для меня великое удовольствіе... Спасибо за память, за посѣщеніе.

Худощавый, сгорбленный, простеревъ впередъ трясущіяся руки, онъ пошелъ на встрѣчу Вратынцеву, поздоровался съ нимъ.

Князь былъ тронутъ.

— Я очень радъ, что засталъ васъ...

— Да гдѣ же мнѣ, батенька, бывать по вечерамъ, какъ не дома! Старъ я сталъ. Силъ не хватаетъ утаскивать кости далеко отъ кровати... Да теперь и не противно сидѣть дома.

Онъ описалъ рукой полукругъ, какъ бы указывая на окружающіе его предметы и прося ими любоваться.

Алексѣй Павловичъ окинулъ взглядомъ комнату. Дѣйствительно, произошли большія перемѣны. Вмѣсто прежней походной обстановки, уцѣлѣвшей отъ переѣздовъ изъ города въ городъ, въ связи съ служебными перемѣщеніями, явилась хорошая, дорогая мебель, громадные книжные шкапы, превосходный письменный столъ, ковры, дорогія гравюры.

Старикъ пояснилъ:

— Я остался въ прежней квартирѣ, не раздвинулъ рамки своей жизни, но въ прежней рамкѣ устроился хорошо... О! Мнѣ теперь очень хорошо...

---

*) Окончаніе. См. Мирный Трудъ № 5, 6 и 7.

Въ его словахъ звучалъ голосокъ дѣтской радости.

„Подарки Вандвурма!"—подумалъ князь и почувствовалъ, что ему это очень непріятно.

— Ну, садитесь, садитесь... Сигарочку? У меня—отличныя... Могу предложить стаканчикъ рѣдкостнаго лафита... О! Много перемѣнъ...

— Да, много перемѣнъ,—согласился Вратынцевъ, съ едва уловимымъ выраженіемъ насмѣшки,—хорошія сигары, рѣдкостный лафитъ и цѣнныя вещи появились въ вашей квартирѣ, а дочери вашей въ ней не стало.

Онъ сидѣлъ противъ Константина Николаевича, всматриваясь въ него. Перемѣнился старикъ. Вмѣсто прежняго, постоянно немного скорбнаго выраженія лица какая-то спокойная, сытая пошлость во взглядѣ. Зачѣмъ Надя хотѣла, чтобы я его видѣлъ? Чтобы я понялъ, что Вандвурмъ ему дорогъ, купилъ его?

Клинцовъ радостно кивнулъ.

— Да, да, все благодаря этой свадьбѣ... Весь вѣкъ страдалъ, а теперь дождался покоя на старость... Все у меня есть. Понимаете, отъ прежнихъ заботъ избавился... Произведенъ въ чинъ счастливца... Ну, а вы? А вы? Хорошо ли вамъ живется?

— Чего же лучше!—съ невольной рѣзкостью сказалъ князь,—и сигары, и лафитъ, и дорогая мебель—все это у меня тоже имѣется...

Мысленно онъ прибавилъ: „а дочери твоей нѣтъ".

— И хорошо!—улыбнулся старикъ.—Что бы тамъ ни твердили, такія мелочи помогаютъ жить... Надо быть эпикурейцемъ.

Взявъ сигару, онъ посмотрѣлъ на нее съ невольнымъ уваженіемъ и священнодѣйственно закурилъ.

Да, Алексѣй Павловичъ, дорогой другъ, я сегодня о васъ вспоминалъ. Это ваши статьи въ „Русскомъ Починѣ"?..

— Мои. Читали?

— Читалъ... то есть, вѣрнѣе, ознакомился съ выдержками... „Русскаго Почина" я не получаю, но въ другихъ изданіяхъ были отзывы... Вы мнѣ позволите бесѣдовать съ вами откровенно?

Князь пожалъ плечами.

— Пожалуйста.

Онъ подумалъ: „навѣрно скажетъ какую-нибудь гадость".

Его охватила сразу раздражительность. По поводу своихъ статей наслышался онъ такого количества пошлостей, что мысль о нихъ становилась его больнымъ мѣстомъ.

Клинцовъ, съ наслажденіемъ затягиваясь сигарнымъ дымомъ, началъ:

— Видите ли... Вы хотите отстоять принципъ „Россія для русскихъ"... Въ теоріи это очень хорошо, чрезвычайно патріотично... но на практикѣ...

— На практикѣ хороши вандвурмовскія сигары,— со смѣхомъ перебилъ Алексѣй Павловичъ,—впрочемъ, я нахожу, что вы очень милостиво относитесь къ моему писанію. Такъ какъ вы о немъ судите по отзывамъ, въ которыхъ извращается моя мысль, то вы могли бы просто считать меня сумасшедшимъ... Но, позвольте, будемте говорить о другомъ... Я видѣлъ вашу дочь.

— Надюшу видѣли? А! Какъ хорошо устроилась дѣвочка! Вотъ ужъ неожиданное счастье...

Раздражительность Вратынцева росла.

— Счастье?--насмѣшливо повторилъ онъ.— Вы такъ находите?

Старикъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ

Какой вопросъ! Э! Да вы не въ курсѣ дѣла... надо вамъ все разсказать...

На лицѣ Константина Николаевича явно выразилось удовольствіе, вызванное тѣмъ, что онъ будетъ говорить о предметѣ, доставляющемъ ему радость. Онъ затянулся сигарой, поглубже засѣлъ въ кресло и началъ:

— Надо вамъ сказать, что вскорѣ послѣ того, какъ вы уѣхали за границу, намъ стало совсѣмъ плохо. И прежде-то было положеніе не блестящее, потому что на пенсію и эмеритуру можно отнести только самое необходимое, а тутъ еще случилось несчастье: выплылъ долгъ, о которомъ я совершенно забылъ. Года четыре тому назадъ, передъ самой отставкой, я занялъ двѣ тысячи рублей у одного знакомаго, выдалъ вексель и какъ-то невольно забылъ объ этомъ... Вдругъ требуютъ уплаты... Я просто не зналъ, какъ быть... Надя говоритъ: „продадимъ мебель, переберемся хоть на чердакъ", а развѣ это возможно?

— Меня тутъ не было!—со злостью воскликнулъ князь,—а деньги вы заняли не у меня!

— Да вотъ, такъ случилось... Но вы не волнуйтесь. Все вѣдь окончилось благополучно. Признаться, я хотѣлъ разузнать вашъ адресъ и вамъ телеграфировать, но не хотѣла Надя... Послѣ вашего отъѣзда она вообще стала какая то странная.

Слова эти удручающе подѣйствовали на Алексѣя Павловича. „Имѣю ли я право сердиться, когда самъ во всемъ виноватъ?"—подумалъ онъ.

— Да, послѣ вашего отъѣзда съ ней что-то сдѣлалось... Грустная была она, задумчивая, нервная... Я даже, признаться, сталъ воображать, не влюбилась ли дѣвочка въ васъ... Знаете, часто случается, что дружба переходитъ въ другое чувство.

— Дальше, разсказывайте дальше,—съ мучительной тоской попросилъ Вратынцевъ и едва не промолвилъ: не терзайте меня.

— Ну, вотъ.. Положеніе было самое отчаянное. Обратиться не къ кому. А тутъ какъ разъ зачастилъ Вандвурмъ. Вы его давно знаете, сами его съ нами познакомили. Не правда ли, превосходный человѣкъ?

Князь промолчалъ, словно не слышалъ.

— Зачастилъ онъ... Оказывается, онъ въ это время разбогатѣлъ... Мы этого не знали... Совершенно случайно я ему какъ-то разсказывалъ, что со дня на день ожидаю появланія судебнаго пристава... И вдругъ, представьте себѣ, онъ вынимаетъ изъ кармана двѣ тысячи. А? Можете вообразить впечатлѣніе! Отдадите говоритъ, когда дѣла ваши поправятся... Это было такое счастье! Даже на Надю это подѣйствовало... Надо вамъ сказать, что тутъ Исаакъ Рафаиловичъ вообще показался другомъ, оказалъ мнѣ еще нѣсколько услугъ, многимъ меня обязалъ... Думаю я себѣ: съ какой стати? Сталъ соображать и присматриваться... вижу—отвѣтъ простой: онъ любитъ Надю... Сперва, что и говорить, я нѣсколько смутился, а потомъ подумалъ: ну, что же въ томъ, что онъ еврей? Вѣдь онъ крещеный. И развѣ для меня не важнѣе всего, что онъ человѣкъ съ добрымъ сердцемъ... Я и говорю Надѣ: смотри, вотъ гдѣ твое счастье... Съ перваго слова она отшатнулась.

Не хочу, говорить, я его не люблю... Но вѣдь вы знаете, какая у нея глубокая душа... Она поняла, что мнѣ хочется этого брака .. Очень скоро послѣ нашего разговора о Вандвурмѣ, я замѣтилъ, что ея отношеніе къ нему измѣнилось... Ничего удивительнаго. Во-первыхъ, онъ красивъ. Во-вторыхъ, уменъ,—этого отнять нельзя. Умѣетъ себя держать, благовоспитанъ, энергиченъ, дѣловитъ... Наконецъ, она видѣла, что онъ безумно ее любитъ. И вотъ, случилось разъ такъ, что Надя ко мнѣ входитъ и говоритъ: „папа, я выйду замужъ за Исаака Рафаиловича"... А! Можете вы себѣ представить мою радость? Но я тутъ же подумалъ, нѣтъ ли здѣсь нравственнаго принужденія съ моей стороны. Спросилъ ее. А она, вы знаете, всегда говоритъ правду. Она мнѣ отвѣтила: „папа, какъ же мнѣ не любить человѣка, который такъ меня любитъ?... Меня больше никто не любитъ"...

Вратынцевъ всталъ, взволнованный. Разсказъ старика подѣйствовалъ на него угнетающе. Для него это было трагическое повѣствованіе, изложенное душевно-безграмотнымъ языкомъ. Онъ видѣлъ и слышалъ все то, о чемъ сообщалъ ему старикъ, понималъ то, чего Константинъ Николаевичъ не уловилъ.

Тотъ продолжалъ:

— И вотъ, очень скоро послѣ того мы отпраздновали свадьбу. Съ тѣхъ поръ я счастливый человѣкъ... Живу богатымъ холостякомъ, эгоистичнымъ рантьеромъ. Господь Богъ послалъ мнѣ хорошую старость послѣ всѣхъ перенесенныхъ испытаній.

— А еслибы ваша дочь оказалась въ бракѣ несчастлива?—спросилъ Алексѣй Павловичъ, остановившись передъ нимъ.

Клинцовъ засмѣялся.

— Очень, очень счастлива! Я знаю... Мы часто видимся...

— Я ее видѣлъ всего два раза и пришелъ совсѣмъ къ другому заключенію.

Старикъ посмотрѣлъ на князя съ непріязненнымъ видомъ, который явно говорилъ: ну, какая тебѣ охота меня безпокоить.

— Мало ли что могло показаться! Я знаю, что она счастлива. Она должна быть счастлива...

— Потому что вамъ это угодно? Господи, да неужели вы ничего не видите! Ея горе бросается въ глаза.

— Да въ чемъ заключается ея горе?

— Она не любитъ своего мужа...

Константинъ Николаевичъ замеръ, пристально глядя на Алексѣя Павловича, потомъ постепенно все лицо его сморщилось въ широкую улыбку; глаза онъ прищурилъ, принялъ лукавый видъ и проговорилъ со смѣхомъ:

— Теперь я все понимаю. Вамъ досадно, что не вы женились на Надѣ. Что же дѣлать, это было бы очень хорошо, но зачѣмъ толковать о прошлогоднемъ снѣгѣ?! И Надю вы не смущайте. Ужъ если она вышла замужъ за человѣка, то будетъ ему женой до смерти. Она его любитъ.

— Ненавидитъ она его,—горячо сказалъ Вратынцевъ,—ради васъ она вышла замужъ и ради васъ не уходитъ отъ этого противнаго еврея...

— Я очень радъ тому, что ради меня дочь моя не дѣлаетъ скандала,—отвѣчалъ Клинцовъ.

Онъ начиналъ злиться, бросилъ сигару въ пепельницу.

— Скандаломъ было то, что она пошла за Вандвурма.

„Господи, что за споръ! Зачѣмъ! Уродливо и безполезно!“ — думалъ Алексѣй Павловичъ, сознавая, что унижается.

Старикъ закричалъ:

— Почему? Потому что онъ еврейскаго происхожденія? Нѣтъ, ужъ своихъ руссофильскихъ идей, вы, пожалуйста, такимъ образомъ въ жизнь не проводите. Я устроилъ счастье своей дочери, устроилъ свое, а вы хотите все разрушить.

— Погодите,—попросилъ Вратынцевъ,—такъ нельзя... Вы меня не поняли... Не разрушать счастье, а вернуть его я хочу... Да вы угадали, я люблю вашу дочь, любилъ ее еще тогда, когда не сознавалъ этого, и она меня любитъ...

— Она вамъ это сказала?— ужаснулся Клинцовъ, схватившись за голову, съ неподдѣльнымъ выраженіемъ скорби.

— Я вамъ говорю, что она меня любитъ... Она ненавидитъ господина Вандвурма, который всей своей сущностью ее оскорбляетъ...

Константинъ Николаевичъ вздохнулъ...

— Господи, такъ безъ васъ было хорошо... А вы теперь пріѣхали и напутали... Вы что думаете, я былъ бы очень радъ, если бы вы, а не Вандвурмъ, просили ея руки!.. Но вѣдь вы не просили... Теперь оставьте въ покоѣ...

— Оставить вашу дочь съ нелюбимымъ мужемъ? Да? Чтобы все осталось безъ перемѣнъ, даже ваши сигары.

— Оскорблять человѣка легко! - дрожащимъ голосомъ произнесъ старикъ —Смѣшно толковать о сигарахъ. Вы любите другъ друга—это несчастье!

Взволновавшись, заходилъ онъ по комнатѣ дробными, мелкими шажками.

— А кто сдѣлалъ изъ этого несчастье?.. Вы... И васъ оно, конечно, меньше удручаетъ, нежели насъ, по вашей винѣ страдающихъ.

— Что же теперь будетъ! Что же теперь будетъ!— шепталъ Константинъ Николаевичъ.—Я понимаю, что вы не даромъ затѣяли разговоръ... Вы уговорились съ Надей?

— Не уговорились, а поняли другъ друга. Она меня послала къ вамъ, очевидно заранѣе готовая къ тому, что ваши возраженія меня смутятъ. Ей, конечно, извѣстно ваше настроеніе. Для меня оно оказалось неожиданностью. Но я не смущаюсь...

Теперь князю было легко. Онъ не сомнѣвался ни въ своей любви, ни въ любви Надежды Константиновны. Ему было легко, потому что мысль, высказанная вслухъ, стала для него вполнѣ опредѣленной, отстранила душевныя противорѣчія и робость.

— Что же теперь будетъ? - съ мучительнымъ безпокойствомъ повторилъ Клинцовъ, остановившись передъ Алексѣемъ Павловичемъ.

Тотъ отвѣтилъ:

— Не знаю. Я вамъ говорю, что у меня не было уговора съ вашей дочерью. Свершится только то, на что будетъ ея согласіе. Свою волю навязывать я не буду. Но я думаю, что ей слѣдуетъ развестись съ Вандвурмомъ и выйти замужъ за меня.

— А развѣ это легко! Сколько исторій! По дорогѣ отъ одного брака къ другому—сколько осложненій. Страшно подумать!

Князь всталъ.

— Если она не побоится, то нечего бояться и вамъ. На васъ это ничѣмъ не отразится.

Эти слова подѣйствовали на старика успокоительно.

— Да, да, конечно,—проговорилъ онъ,—но я пока ничего не знаю... Понимаете, я ничего отъ васъ не слышалъ. . Не путайте меня во всѣ эти исторіи... Избавьте меня отъ объясненій съ Вандвурмомъ...

Еще трясущейся отъ недавняго волненія рукой онъ взялъ новую сигару, закурилъ. „Въ сущности, все не такъ страшно,—думалъ онъ —Моя дочь будетъ еще богаче и будетъ княгиней".

— Будьте здоровы, - сказалъ Вратынцевъ,—я радъ, что открыто переговорилъ.

Вышедши на улицу, онъ пошелъ пѣшкомъ, восторженный, счастливый. Ему казалось, что отнынѣ у него есть будущее, имѣются свои опредѣленныя стремленія. Свое, личное счастье дастъ энергію для общественной дѣятельности. Обозначается дорога, по которой такъ хорошо будетъ идти вдвоемъ

А въ это время Константинъ Николаевичъ докуривалъ сигару и старался ни о чемъ не думать, чтобы не вызывать въ себѣ волненій.

XVII.

Крохъ былъ не въ духѣ. Завтракъ прошелъ въ угнетающемъ молчаніи. Марья Ивановна съ испугомъ смотрѣла на мужа, моля Бога о томъ, чтобы гнѣвъ Степана Николаевича не прорвался до тѣхъ поръ, пока лакей не подастъ кофе и не выйдетъ изъ столовой. Болѣе всего боялась она того, что мужъ начнетъ ее бранить въ присутствіи прислуги. Въ томъ, что онъ ее будетъ бранить, она не сомнѣвалась.

Вѣра тоже взглядывала на отца выжидательно. Она была не такая, какъ обыкновенно, не веселая, а сосредоточенная, почти злая, чувствовала себя въ вызывающемъ настроеніи.

Такъ какъ трусость развиваетъ большую чуткость, то Марья Ивановна угадала, что взрывъ можетъ послѣ-

довать по винѣ дочери. Почему это Степанъ Николаевичъ сердитъ? Всѣ ей говорятъ, что его дѣла идутъ отлично. Господи, хоть бы при прислугѣ онъ не бранился.

Но, какъ только лакей, подавъ кофе, удалился, Марья Ивановна почувствовала себя совсѣмъ несчастной. Для нея не было сомнѣнія въ томъ, что страшная минута наступаетъ. И за что?

Но заговорила Вѣра, а не онъ.

— Папа, у тебя постоянныя дѣла съ Ушкуевымъ?

Поднявъ голову, Крохъ посмотрѣлъ на дочь съ удивленіемъ.

— Что тебѣ за дѣло? Что за вопросъ? Почему это тебя интересуетъ?

— Я хочу знать, я тебѣ потомъ объясню,—настаивала Вѣра.

Въ голосѣ отца она разобрала нотки раздраженія, обращеннаго къ ней. Ясно, что онъ сердитъ на нее, а не на мать. Пусть.

— Да, у меня съ нимъ постоянныя дѣла.

— Ты ему даешь деньги, а онъ пишетъ то, что ты ему приказываешь?

Степанъ Николаевичъ забарабанилъ пальцами по столу. Марья Ивановна усмотрѣла въ этомъ признакъ крайняго гнѣва и умоляюще посмотрѣла на дочь. Но та имѣла видъ совсѣмъ рѣшительный. Сдвинувъ брови, она уставилась горящими глазами въ лицо отца.

— Не твоего ума дѣло,—сказалъ Крохъ.

— Нѣтъ моего. Заплати ему, сколько надо, чтобы онъ пересталъ писать возмутительныя статьи про князя Вратынцева.

Повернувшись къ женѣ, Степанъ Николаевичъ закричалъ:

— Объясни своей дочери, что она говоритъ глупости... Твое дѣло смотрѣть за тѣмъ, чтобы у нея не было глупыхъ мыслей...

Марья Ивановна замерла, блѣдная.

— А ты не смѣй больше думать о Вратынцевѣ... Этотъ господинъ позволилъ себѣ сегодня въ своей статьѣ выходку противъ меня... Не назвалъ, но ясно. Не нравится

ему, что деньги въ рукахъ тѣхъ, кого онъ называетъ инородцами... Воззваніе къ общественному мнѣнію!

„А, вотъ причина гнѣва! — сообразила Вѣра. — Некстати! Все равно".

— Я бы о немъ и не думала, но ты приказалъ мнѣ думать о немъ, какъ о женихѣ. Разумѣется, онъ вовсе не желаетъ на мнѣ жениться, но такъ какъ твоему распоряженію до сихъ поръ отмѣны нѣтъ, я не могу считать его чужимъ. тѣмъ болѣе, что моя прабабушка была княжною Вратынцевой.

Ея голосъ звенѣлъ вызывающе, глаза сверкали.

-Ты съ ума сошла!—воскликнулъ Крохъ.—Вратынцеву не до тебя.

Вѣра на мигъ притихла, точно ее ошеломили слова отца. Сердце ея сжалось... Отецъ намекаетъ на что-то, чего она не знаетъ.

Съ большимъ усиліемъ она заставила себя улыбнуться.

— Полно, папа, я не о томъ... Ты воображаешь нивѣсть что. Я просто нахожу, что Ушкуевъ клевещетъ на Вратынцева и что это нечестно. Вратынцевъ правъ: русскимъ больше прохода нѣтъ у себя дома...

Улыбка дочери повліяла на Кроха. Онъ довольно спокойно произнесъ:

— Ты опять сказала глупость... Какое тебѣ дѣло до русскихъ?..

— Моя мать Артемьева. а прабабушка была Вратынцева,—пояснила Вѣра, все еще улыбаясь.

Ей казалось, что, пока она улыбается, никто не угадаетъ, какъ ей хочется плакать.

Возвратившись къ началу разговора, она попросила:

— Прикажи Ушкуеву замолчать. За деньги онъ все сдѣлаетъ.

— Напротивъ. Пусть продолжаетъ. Я одобряю,— сказалъ Крохъ, такимъ тономъ, что Вѣра гнѣвно подумала: „ну, хорошо, устрою сама".

Степанъ Николаевичъ продолжалъ:

— Ты намекаешь на еврейское происхожденіе Ушкуева. Его мать—сестра твоей бабушки, моей матери.

— А я не еврейка!—вскрикнула дѣвушка,—я русская, я Артемьева... Я чувствую, что я Артемьева.

Тутъ она дала волю слезамъ, поняла, что можетъ заплакать, не выдавая себя. Шумно отодвинула она стулъ, встала и вышла изъ столовой.

— Недурно! — дрожащимъ голосомъ проговорилъ Степанъ Николаевичъ,—я начинаю, въ самомъ дѣлѣ, думать, что моя дочь Артемьева, потому что она дура. Чтобы я отъ нея больше не слышалъ подобныхъ глупостей! Слышишь! Я тебѣ приказываю внушить ей, что ничего подобнаго я больше не допущу. Этого еще не хватало, чтобы ты была причиной раздора.

Послѣднія слова онъ прокричалъ съ угрожающимъ лицомъ. На жену онъ смотрѣлъ съ ненавистью.

Марья Ивановна растерянно пролепетала:

— Я больше не буду.. не буду... я не виновата...

— Дура.

Очевидно находя, что этимъ словомъ надлежаще завершается его разговоръ съ женою, Степанъ Николаевичъ всталъ и направился въ банкъ. Послѣ его ухода, Марья Ивановна посидѣла еще минуты двѣ, окончательно удрученная, потомъ поспѣшила къ дочери. Дверь Вѣриной комнаты оказалась заперта.

— Это я, Вѣруня, отопри..

— Ахъ, мама, оставь... Я, мама, потомъ къ тебѣ выйду...

Марья Ивановна вздохнула и отошла.

Вѣра прислушалась къ шагамъ матери, а потомъ продолжала плакать, не долго. Энергичный и живой характеръ взялъ верхъ надъ огорченіемъ. Плачетъ она потому, что ей стало ясно, насколько далекъ отъ нея Вратынцевъ... Какъ все случилось, она сама не понимаетъ. Въ тотъ день, когда онъ у нихъ обѣдалъ, князь ей понравился, какъ будущій другъ, какъ хорошій и симпатичный человѣкъ. Ей казалось, что она подружилась съ нимъ и тогда она рѣшила: дня черезъ три онъ будетъ съ визитомъ, и я тогда еще къ нему присмотрюсь. Но случилось такъ, что она Алексѣя Павловича больше не видѣла. Онъ забросилъ карточки и оторвался отъ ихъ дома. Прежде всего, ей это показалось обиднымъ. „Онъ считаетъ меня еврейкой,—подумала она.—Я не еврейка. Во мнѣ больше всего русской крови, я себя чувствую русской. Онъ презираетъ всѣхъ насъ"...

И мысль ея постоянно возвращалась къ Вратынцеву. Она вспоминала его слова, взгляды, движенія. Эти слова, взгляды и движенія повторялись передъ нею, какъ-то роднились съ ея чувствомъ. Понемногу въ ней создалось такое впечатлѣніе, будто Алексѣй Павловичъ совсѣмъ близкій человѣкъ, съ которымъ ей мѣшаютъ договориться. Да, навѣрно такъ. Они, несомнѣнно, оба одинаково чувствуютъ, одно и то же не любятъ.. Ей представлялись продолжительные разговоры съ нимъ, и въ теченіе этихъ разговоровъ они становились другъ другу ясны... Когда она узнала, что въ „Русскомъ Починѣ“ появились его статьи, она достала ихъ и принялась читать. „Такъ такъ!“ — повторяла она, радостно видя, что соглашается съ каждымъ его словомъ.

Вдругъ ей пришло на умъ: „Онъ не знаетъ, что я съ нимъ согласна. Онъ думаетъ, что я съ тѣми, которыхъ онъ считаетъ врагами“.

Эта мысль стала ее мучить. Статьи Ушкуева и нѣкоторыхъ другихъ еврейскихъ публицистовъ вызвали въ ней злобу. Какъ смѣютъ они! Что за низость! Вмѣсто спора, гнусныя оскорбленія.

Тутъ только пришло ей въ голову: „да, я въ него влюблена“.

Засмѣялась она, словно обрадованная этимъ открытіемъ. Наконецъ-то, въ первый разъ въ жизни. она влюблена. Подруги ея, когда влюблялись, всегда гордились этимъ и спѣшили подѣлиться довѣрительно своей гордостью съ возможно бо́льшимъ числомъ лицъ. А ей не хотѣлось никому говорить. Засмѣялась она, потому что ей пріятно сознавать, что она любитъ такого человѣка, который достоинъ любви. Но потомъ сдѣлалась еще грустнѣй... Вѣдь она его больше не увидитъ... Онъ, поди, и не вспоминаетъ о ней... Отецъ говоритъ, что сегодня появилась его очень рѣзкая статья, очевидно противъ еврейскихъ банковъ... Когда Вратынцевъ ее писалъ, ему было все равно, что онъ задѣнетъ банкира Кроха, а косвеннымъ образомъ и его дочь. Изъ словъ отца она поняла, что, можетъ быть, Вратынцевъ женится на другой...

— Все равно,—проговорила она,—я должна сдѣлать то, что я считаю нужнымъ и необходимымъ.

Она вымыла лицо, посмотрѣлась въ зеркало.

— Oui, mademoiselle, vous êt es jolie... Très jolie... Вы имѣете полное право мечтать о томъ, что будете княгиней...

Улыбнулась она и почувствовала, что на душѣ стало легче. Главнымъ образомъ потому стало легче, что предстоитъ дѣйствовать. Она поѣдетъ къ Ушкуеву и поласковѣе ему скажетъ, что Вратынцевъ хорошій человѣкъ, бываетъ у нихъ въ домѣ...

Въ сущности, не такъ-то легко все это сказать. Мало. Надо еще что-нибудь прибавить, чтобы Ушкуевъ не угадалъ настоящей причины. Ну, авось вдохновеніе научитъ.

Позвонивъ, она приказала горничной:

— Скорѣй, пожалуйста, барашковую кофточку. . Если спросятъ, скажите, что у меня голова болитъ и что я вышла подышать воздухомъ.

— Слушаю-съ, барышня...

Теперь только бы проскочить незамѣченной, а то мама заведетъ разговоръ.

„Проскочить" удалось. Черезъ пять минутъ Вѣра ѣхала въ извозчичьихъ саняхъ въ редакцію „Столичнаго Вѣстника".

„Можетъ быть, я дѣлаю глупость?"—задала она себѣ вопросъ, или вѣрнѣе, ясно представила себѣ, что другая на ея мѣстѣ этотъ вопросъ себѣ задала бы.—„Полно. Если всего бояться, то никогда ничего не сдѣлаешь. Дрянные люди всегда расчитываютъ на робость порядочныхъ. Въ этомъ ихъ сила. Наконецъ, я Ушкуева такъ давно знаю, что сумѣю съ нимъ столковаться, и во всякомъ случаѣ, дѣла не испорчу.

Она была рѣшительно настроена. Въ душѣ ея не было даже воспоминанія о недавнихъ слезахъ. По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ цѣли, она становилась все болѣе и болѣе спокойной. Наконецъ, она увидѣла вывѣску „Столичный Вѣстникъ".

— Направо, къ подъѣзду.

— Дома Сергѣй Θеодоровичъ Ушкуевъ?—спросила она швейцара.

Тотъ довольно грубо отвѣтилъ:

— Дома, но просителей не принимаетъ... Не тѣ часы...

— Такъ ты, милый, пожалуйста, не пускай просителей, а я пока потолкую съ нимъ.

И она со смѣхомъ вбѣжала на лѣстницу.

Лакей, отпиравшій дверь квартиры Ушкуева, угрюмо произнесъ, не ожидая вопроса:

— Редакція напротивъ.. Здѣсь квартира..

Вѣра засмѣялась опять.

— Вотъ и отлично. Мнѣ надо видѣть Сергѣя Өедоровича. Скажите ему.

— Не время. Постороннихъ не принимаетъ.

— Это тоже отлично. Я не посторонняя. Скажите ему, что пришла родственница...

И вдругъ, откинувъ шутливый тонъ, какъ нѣчто надоѣвшее, она приказала:

— Ну, скорѣй!

Ея окрикъ подѣйствовалъ на лакея Онъ ее пропустилъ въ прихожую, проговоривъ:

— Я сейчасъ доложу.

Оставшись одна въ передней, Вѣра посмотрѣла вокругъ себя съ тѣмъ ощущеніемъ, какъ будто она впервые отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ своемъ поступкѣ. Чувство начатой ошибки обозначалось въ ея душѣ. „Не слѣдовало, безцѣльно,—подумала она.– Можно еще поправить дѣло и говорить не о томъ, что сюда меня привело".

Но тутъ же упрекнула она себя въ малодушіи.

Вернулся лакей, еще болѣе угрюмый.

— Они спрашиваютъ, какая родственница.. У нихъ родственницъ нѣтъ.

— Ну, довольно,—рѣзко сказала Вѣра и разсерженная, быстро вошла въ комнату.

— Сергѣй Федоровичъ, неужели внучка Сарры Фейерверкъ не родственница сыну Ревекки?

Эту фразу она насмѣшливо и вызывающе прокричала, входя въ кабинетъ.

Ушкуевъ всталъ изъ-за письменнаго стола, пошелъ къ ней на встрѣчу, очевидно недовольный.

— Я не зналъ, что это вы, Вѣра Степановна... Ваше появленіе столь же для меня неожиданно, какъ и ваше странное привѣтствіе.

„Зачѣмъ же его сердить!" – осудила себя Вѣра.

Она съ улыбкой проговорила:

— А почему вы посылаете мнѣ объявлять, что у васъ нѣтъ родственницъ?

— Очевидно не съ тѣмъ, чтобы услышать такой отвѣтъ...

Ушкуевъ былъ очень золъ, но, вспомнивъ, что передъ нимъ дочь Кроха, рѣшилъ сдержаться

— Садитесь, пожалуйста... Я очень удивленъ тѣмъ, что вы пожаловали, да еще однѣ... Что-нибудь случилось?

— У меня, Сергѣй Федоровичъ, давно уже нѣтъ гувернантки, и меня пускаютъ одну на улицу... Ничего особеннаго не случилось. Мнѣ надо съ вами переговорить.

Сергѣй Федоровичъ оглянулся на свой письменный столъ, какъ бы намекая на то, что онъ очень занятъ.

— Знаю, знаю,—сказала Вѣра,—я постараюсь не отнять у васъ много времени.

„Однако, трудно!"—подумала она и, внезапно набравшись рѣшительности, быстро произнесла:

— Я пріѣхала просить васъ о томъ, чтобы вы положили конецъ своимъ нападкамъ на князя Вратынцева.

— Что?—удивленно спросилъ Ушкуевъ.

— Ну, вотъ, ни за что не повторю!—возмутилась она.

Помолчавъ, Сергѣй Федоровичъ переспросилъ:

— Чтобы я не нападалъ на Вратынцева?

— Вотъ именно.

Вѣрѣ самой было непонятно, почему она волнуется такъ сильно, что скрывать своего волненія не можетъ.

Съ кривой усмѣшкой Ушкуевъ проговорилъ притворно-небрежнымъ тономъ:

— Я не совсѣмъ понимаю, почему вы обращаетесь ко мнѣ съ подобной просьбой.. Тутъ, надо полагать, недоразумѣніе... Я не ожидалъ, что въ вашемъ домѣ Вратынцевъ найдетъ заступниковъ...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на Вѣру. Она молчала, стараясь придать своему лицу холодное выраженіе.

— Да .. Все это очень непонятно... Я скорѣе думаю, что Степанъ Николаевичъ попроситъ меня сегодня удвоить нападки, послѣ послѣдней статьи Вратынцева, направленной противъ нѣкоторыхъ финансовыхъ предпріятій...

„И ты совершенно правъ!"—мысленно отвѣтила Вѣра.

— Позвольте!—вскрикнулъ Сергѣй Федоровичъ.—

Вы ко мнѣ пріѣхали по порученію Степана Николаевича или по собственному побужденію?

Вѣра поняла, что отъ ея отвѣта зависитъ весь успѣхъ дѣла. Но она не захотѣла лгать.

— Я сама такъ рѣшила. Отецъ и не знаетъ, что я у васъ. Я прошу, потому что вы несправедливы.

Не только выраженіе лица, но вся наружность Ушкуева внезапно измѣнилась. Онъ выпрямился, сталъ какъ-то выше и шире, принялъ нагло-насмѣшливый видъ.

— Вотъ какъ!—протянулъ онъ,—напрасно изволили безпокоиться. Я не склоненъ передать вамъ свои редакторскія права.

— А моему отцу передали бы? Вы потому и спросили, не отъ имени ли отца я пріѣхала...

Она задыхалась отъ стыда и злости.

Сергѣй Федоровичъ утвердительно кивнулъ.

— Мое уваженіе къ вашему отцу,—началъ онъ...

— Къ его деньгамъ!—воскликнула Вѣра.—Вы настоящій еврей!

Ушкуева словно хлестнуло бичемъ. Онъ вздрогнулъ, покраснѣлъ и дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Вы стараетесь меня оскорбить, потому что вы влюблены въ князя... Постарайтесь лучше избавиться отъ этого чувства. Вратынцевъ о васъ и не думаетъ. Онъ влюбленъ въ жену Вандвурма.

Вѣра притихла. Ощущеніе стыда приняло для нея мучительные размѣры. Она почувствовала себя какъ-бы оторванной отъ пониманія того, что ее окружало. Холодно было ей, смутно на душѣ, смутно и темно.

Этого еще не хватало! Обморокъ! брезгливо и сердито проговорилъ Сергѣй Θедоровичъ, увидѣвъ что она, блѣдная, съ помутившимися глазами, откидывается на спинку кресла.

Онъ бросился къ графину, налилъ стаканъ воды. Ему было очень непріятно, что онъ сказалъ ей именно то, чего, въ сущности, говорить не слѣдовало. Эта невыносимая дѣвчонка такъ разстроилась, что Крохъ замѣтитъ ея волненіе, узнаетъ все... А онъ такъ любитъ свою дочь, что отношеніе его къ „Столичному Вѣстнику“ станетъ другимъ.

— Выпейте воды,—почти ласково произнесъ Ушкуевъ.

Но Вѣра уже пришла въ себя.

— Не надо мнѣ воды. Оставьте меня въ покоѣ. Я пойду.

Она хотѣла встать, но Сергѣй Федоровичъ ее взялъ за локоть, удержалъ на мѣстѣ, съ дружелюбнымъ видомъ.

— Постойте, постойте... Такъ нельзя. У насъ обоихъ очень скверный характеръ, и мы совершенно напрасно повздорили.. Ну, да, я, дѣйствительно, погорячился... Коль скоро вамъ такъ надо, я перестану изводить Вратынцева...

Вѣра посмотрѣла на него съ удивленіемъ. О чемъ онъ говоритъ? Развѣ это ее интересуетъ? Развѣ это ее теперь волнуетъ? Алексѣй Павловичъ любитъ жену Вандвурма.

Въ первый разъ въ жизни она чувствовала себя оскорбленной безжалостно

„Но это могутъ замѣтить всѣ!"—съ ужасомъ подумала она. Эта мысль ее встряхнула. Мгновенно справилась она съ собой и твердымъ голосомъ проговорила:

— Очень хорошо. Я рада, что вы исполняете мою просьбу. Надо было сразу согласится, а не сердить меня. Я такая избалованная, что мнѣ дѣлается дурно, когда меня сердятъ... И зачѣмъ вы говорите глупости? Я не хочу нападокъ на Вратынцева потому, что онъ могъ бы толковать ихъ очень обиднымъ для меня образомъ. Вы, вѣроятно, не знаете, что бабушка и отецъ хотѣли, чтобы я вышла за него замужъ. Ничего изъ этого не вышло, потому что ни онъ, ни я этого не захотѣли. И вотъ, зная, въ какой степени отецъ близокъ къ вашей газетѣ, Вратынцевъ могъ бы вообразить, что ему мстятъ за то, что я не стала княгиней..

Все это она проговорила быстро, ровнымъ тономъ, съ неподвижнымъ взглядомъ. Она чувствовала, какъ на эти слова уходятъ ея послѣднія силы.

Ушкуевъ подумалъ: „вретъ дѣвчонка, а все-таки молодецъ. Еврейская кровь не выдастъ".

— Конечно, конечно.—согласился онъ,—вы совершенно правы... Мы прекратимъ, понемногу, не сразу...

И подумалъ: „еще повертится у меня Вратынцевъ. Такъ я его и отпустилъ! Узнаетъ онъ меня"...

Вѣра улыбнулась.

— Вотъ и отлично... Уладили дѣло. Могу я не говорить отцу, что была у васъ?

— О! Разумѣется.

Они простились. Онъ проводилъ ее до двери. Слыша за собою его шаги, Вѣра старалась идти скорѣй. Она сознавала себя побѣжденной, несчастной, такою, какой она еще никогда не была.

Облегченно вздохнула она, когда дверь за нею захлопнулась. Словно этотъ стукъ заключилъ сцену, поставилъ точку, обратилъ часть тягости въ прошлое. Съ Ушкуевымъ покончено. О немъ—забыть. Думать только о томъ, что Вратынцевъ любитъ другую. Жену Вандвурма. Жену еврея!

„А я люблю его? задала она себѣ вопросъ—Мнѣ очень больно. Слѣдовательно, я его люблю"...

Медленно стала она спускаться по лѣстницѣ. Она услышала быстрые шаги. Кто-то спѣшилъ по лѣстницѣ вверхъ. На поворотѣ, она увидѣла передъ собой Колю Ушкуева.

— Здравствуй, милый,—сказала она,—откуда?

Онъ поклонился, тихо отвѣтилъ:

— Отпустили изъ школы на праздники... Здравствуйте.

— Ахъ, да, скоро Рождество,—съ грустью, произнесла Вѣра.

Она поцѣловала мальчика.

— Ты радъ?

Коля промолчалъ. Глаза у него были печальны. Вѣра знала, что мальчикъ дома страдаетъ. Ей сдѣлалось жаль его, и эта жалость на мигъ прикрыла ея горе.

— Какъ ты похожъ на свою покойную мать...

Онъ оживился.

— Никто не можетъ сказать, что я еврей... Я не еврей... Я русскій... Мама была Кускина... Вы тоже не еврейка, вы тоже не похожи на свою бабушку...

У Вѣры на глазахъ показались слезы.

— Полно, милый, всегда найдутся люди, которые будутъ считать насъ евреями.

Мальчикъ повторилъ, рѣзко, озлобленно:

— Я русскій. Пусть меня убьютъ, я останусь русскимъ...

Она поцѣловала его еще разъ, пошла внизъ.

„Еврейка! Дочь Кроха! Правнучка Фейерверка",—мысленно твердила она.

XVIII.

Часы пробили одиннадцать. Въ тишинѣ кабинета, мѣдный звонъ послѣдняго удара медленно замиралъ, какъ-будто старался возможно дальше нарушить тягостное безмолвіе. Вандвурмъ, сидя за письменнымъ столомъ, быстро выводилъ ряды цифръ на разграфленномъ листѣ бумаги, перечеркивалъ, поправлялъ, считалъ. Онъ выяснялъ, какъ велико его состояніе, и это занятіе его увлекало. Вполнѣ опредѣленно и твердо обозначается милліонъ, и къ этому милліону неустанно примыкаютъ новые десятки тысячъ. Онъ богатъ.

— Богатъ! богатъ!—проговорилъ Исаакъ Рафаиловичъ, испытывая глубокое наслажденіе отъ произнесенія этого слова.

Онъ откинулся на спинку кресла, посмотрѣлъ вокругъ себя, и каждый предметъ, вырисовываясь при электрическомъ свѣтѣ, отвѣчалъ ему всей своей стоимостью: да, ты человѣкъ богатый.

Въ какихъ-нибудь два года произошла перемѣна. Еще два съ половиной года тому назадъ онъ бѣгалъ по урокамъ, преподавалъ математику за рубли и полтинники, въ постоянной погонѣ за возможностью обезпечить себѣ завтрашній обѣдъ. Иногда, съ чувствомъ недостаточнаго отмщенья, онъ вспоминаетъ это время, когда между нимъ и счастьемъ лежала, громаднымъ валомъ, зависть ко всѣмъ. Онъ всѣмъ тогда завидовалъ, потому что всѣ были сытѣе и обезпеченнѣе его. Онъ былъ тогда несчастенъ, потому что нуждался въ тѣхъ, которымъ завидовалъ. И вдругъ рядъ удачъ перекинулъ его по другую сторону зависти. Теперь завидуютъ ему. Его боятся, ему вѣжливо кланяются. Въ немъ нуждаются. Постепенно сила его будетъ увеличиваться. Милліоны пріумножатся въ его рукахъ, власть его станетъ необъятной. Онъ будетъ повелѣвать и мстить. Заплачутъ, заплачутъ многіе. А вся окружающая презрѣнная толпа создастъ ему славу, подлостью своей удесятеритъ его силу...

— Богатъ! Богатъ!—съ возрастающимъ опьяненіемъ шепталъ Вандвурмъ.

Ему хотѣлось прокричать это слово, оскорбить имъ всѣхъ, явно почувствовать чужую зависть, окунуться въ нее, какъ въ блаженство. Для него было бы наслажденіемъ увидѣть сразу всѣхъ тѣхъ, у кого онъ отнялъ деньги, тѣхъ, на чей счетъ онъ разбогатѣлъ. Онъ представлялъ себѣ поле сраженія, покрытое тѣлами побѣжденныхъ, и себя, побѣдителя, злорадно взирающаго на это поле.

— Богатъ! Богатъ!

Но онъ не знаетъ, кого онъ разорилъ, кто обратилъ въ его пользу разницу въ цѣпѣ акцій. И они не знаютъ. Въ этой борьбѣ противники не видятъ другъ друга. Въ концѣ концовъ выдѣляется одинъ побѣдитель, олицетвореніемъ безъименной удачи, а побѣжденные стыдливо скрываются Вотъ она, правда. Стыдно быть побѣжденнымъ. Кто слабъ и бѣденъ, тотъ презрѣненъ и самъ понимаетъ, что достоинъ презрѣнья.

Въ сосѣдней комнатѣ Надежда Константиновна кашлянула.

Исаакъ Рафаиловичъ вздрогнулъ.

Сразу опьяненіе его прошло. Настроеніе было нарушено. Словно его грубымъ толчкомъ разбудили отъ радостнаго сна.

„Есть же въ мірѣ что-то проклятое, чего не купишь деньгами!—съ озлобленіемъ подумалъ онъ.—Не все купишь. И то, чего купить нельзя, всегда называется счастьемъ.. Но сила не лжетъ Деньги—несомнѣнная сила... Почему же...

Жена его не любитъ. Въ послѣднее время, она даетъ ему это чувствовать на каждомъ шагу.

— Все богатство я отдалъ бы за ея любовь,—пробормоталъ Исаакъ Рафаиловичъ, и тутъ же самъ испугался своихъ словъ. Имъ овладѣло мучительное состояніе. Тамъ, въ другой комнатѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, сидитъ та, которую онъ любитъ и ненавидитъ, не можетъ себѣ подчинить Сидитъ она, читаетъ, или только держитъ книгу въ рукахъ и думаетъ о томъ, чего, при всей своей оскорбительной прямотѣ, никогда ему не выскажетъ. Онъ чувствуетъ, что онъ становится для нея

совсѣмъ чужимъ Любитъ она другого? Кого? Нѣтъ, она никого не любитъ..

Вандвурмъ всталъ, подошелъ къ окну. На широкой улицѣ, при свѣтѣ электрическихъ фонарей, стлалась бѣлизна недавно выпавшаго глубокаго снѣга. Ѣзды было мало, прохожіе изрѣдка мелькали, торопились Но въ домахъ почти всѣ окна были ярко освѣщены, праздникомъ вѣяло отъ нихъ, угадывался шумъ и смѣхъ въ квартирахъ.

„Сегодня у христіанъ Рождество",—подумалъ Исаакъ Рафаиловичъ. Онъ такъ именно и выразился „у христіанъ". Обрядъ крещенія не затронулъ его духовной сущности, безслѣдно стекъ съ него водою. Въ немъ остался нетронутымъ весь еврейскій укладъ мысли. Такъ же, какъ для всѣхъ его предковъ, христіане были для него гоями, врагами... И теперь вся ихъ вражда сосредоточивалась, въ его глазахъ, въ ненависти къ нему жены.

„Веселитесь, гои, шумите около того самаго дерева, вѣтками котораго вы усыпаете путь своихъ похоронныхъ колесницъ. Забавляйте своихъ дѣтей, забавляйтесь сами, а мы, предназначенные къ побѣдѣ, будемъ дѣлать свое дѣло!"

— Я богатъ,—почти вслухъ сказалъ Вандвурмъ.

Вдругъ безо всякой понятной причины, имъ овладѣлъ страхъ Ему показалось, что онъ можетъ сдѣлаться бѣднымъ, разориться, лишиться всего Словно около него зазіяла пропасть, втягивающая въ себя... Ужасъ объялъ всесильный, терзающій Захватила его нервность, какой-то припадокъ еврейскаго вырожденія. Вѣдь можетъ случиться несчастье. Непредвидѣнное зрѣетъ всюду. Сейчасъ, здѣсь, въ Америкѣ, въ Австраліи можетъ произойти неожиданность, нарушающая всѣ расчеты. Всѣ акціи, какія у него есть, могутъ превратиться въ бумагу... Одного мига достаточно.

Исаака Рафаиловича обуялъ ужасъ. Мысль о томъ, что вся его сила можетъ быть вырвана у него изъ рукъ, приняла видъ надвигающейся и неизбѣжной бѣды.

Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ пережилъ всѣ страхи разоренія. Ясно представилось ему, какъ стачка рабочихъ внезапно роняетъ цѣну корытовскихъ акцій, какъ крахъ бостонской фирмы создаетъ Вексельному банку

непосильный пассивъ, какъ землетрясеніе на Кавказѣ заваливаетъ рядъ нефтяныхъ фонтановъ... И тамъ, гдѣ сейчасъ былъ милліонъ „превышенія“, останется лишь нѣсколько сотъ тысячъ долга. Вернулась бѣдность, хуже прежней, повторная, неизлѣчимая. Явились враги, которыхъ раньше не было, не прощающіе неудачники, торжествующіе завистники...

Холодный потъ выступилъ у него на лбу.

— Но вѣдь всего этого нѣтъ,—прошепталъ онъ, продолжая глядѣть на улицу, которая ему теперь казалась особымъ проѣздомъ, созданнымъ только для его враговъ. Кругомъ, вездѣ, ему мерещатся враги .. Во всѣхъ этихъ домахъ они живутъ, ждутъ его гибели, разсказываютъ о немъ дѣтямъ дурное, собираются хохотать надъ его несчастьемъ. О, онъ имъ за это отомститъ! Чувство злобы стало отгонять страхъ.

Ванцвурмъ встряхнулся, словно сбрасывая съ себя бредъ.

„Реализировать?—задалъ онъ себѣ вопросъ.—Очистить свой милліонъ, выйти изъ дѣлъ? Тогда я буду неуязвимъ“.

Эта мысль ему понравилась. Съ ней подошелъ онъ къ письменному столу, намѣреваясь еще разъ провѣрить свои подсчеты.

Снова въ сосѣдней комнатѣ кашлянула Надежда Константиновна... О, этотъ едва слышный кашель, раздающійся какъ бы исключительно для того, чтобы сказать: „не забудь, что ты рабъ“...

Онъ отбросилъ перо. Нѣтъ реализировать невозможно. Надо продолжать борьбу. Ради жены необходимо громадное состояніе. Она презираетъ деньги, но когда милліоновъ будетъ много, когда богатство будетъ такъ велико, что само будетъ кричать: „я власть“,—тогда ее охватитъ опьяненіе, она поддастся.

„Пойти къ ней? Поговорить? Вѣдь мы сегодня не въ ссорѣ“...

Онъ всталъ, тихо пошелъ къ двери, посмотрѣлъ.

Надежда Константиновна читала, сидя въ креслѣ, неподвижная.

„Она слышала, какъ я подошелъ, она чувствуетъ,

что я на нее смотрю,— съ ощущеніемъ глубокой обиды подумалъ Исаакъ Рафаиловичъ.—Она притворяется, что не замѣчаетъ меня“.

Несчастный, готовый заплакать, онъ вернулся къ письменному столу, туда, гдѣ лежали его чековыя книжки и разсчетные листы.

XIX.

„Вы сегодня получите приглашеніе отъ мужа. Не отказывайтесь. Придите. Можетъ быть, я виновата въ томъ, что вы не хотите меня видѣть, можетъ быть, виноваты вы передо мной. Я не знаю. Но такъ жить нельзя“.

Прочитавъ эту записку, Вратынцевъ почувствовалъ сильное волненіе. Нѣсколько строкъ, написанныхъ нервнымъ почеркомъ Надежды Константиновны, были для него рядомъ заслуженныхъ укоровъ.

Да, два мѣсяца онъ ея не видалъ. Почему? Пересталъ онъ ее любить? О, нѣтъ. Она ему дорога, дорога, какъ святыня. Но настроеніе, съ которымъ онъ покинулъ Клинцова и въ которомъ сказывалась болѣе всего влюбленность въ дочь Константина Николаевича, скоро смѣнилось другимъ. Явилась какъ бы боязнь осквернить свою собственную мечту о Надѣ. Даже разводъ, и тотъ дастъ поводъ самымъ гнуснымъ обстоятельствамъ, вызоветъ клевету, подниметъ цѣлую бурю грязныхъ сплетенъ. Что же дѣлать? Ждать... Что-нибудь случится... Что-нибудь само придетъ.

И Алексѣй Павловичъ пересталъ бывать у Вандвурмовъ. Сперва ему это было тяжело, а потомъ онъ свыкся съ той болью, которая ужилась въ его душѣ. О Надѣ онъ думалъ постоянно. Иногда такъ рѣзко обозначалась его мысль, что казалось, будто Надя стоитъ передъ нимъ. Она была съ нимъ безотлучно, переживала всѣ его волненія. Такъ казалось ему, какъ-то безсознательно. А волненій было достаточно. Его статьи въ „Русскомъ Починѣ“ создали ему столько враговъ, словно онъ въ военное время сталъ писать въ пользу своей родины во враждебной странѣ. Именно такъ. Въ большинствѣ газетъ его поднимали на смѣхъ, оскорбляли гнусными выходками, старательно переиначивали его слова. Въ обществѣ соз-

далось къ нему такое отношеніе, точно въ немъ видѣли безпокойнаго человѣка, безъ котораго жилось бы гораздо легче.

Что враждебно къ нему относятся лица, по происхожденію своему чуждыя русскимъ завѣтамъ, въ томъ не могло быть для Вратынцева ничего удивительнаго. На это онъ и шелъ, хотя его цѣлью было только содѣйствовать пробужденію русскаго самосознанія, а никакъ не причиненіе какого бы то ни было вреда инородцамъ. Но поразило его, что столько чисто русскихъ людей противъ него ополчилось. Иные, меньшинство, искренно вознегодовали, потому что выросли въ томъ убѣжденіи, будто отдавать предпочтеніе всему русскому передъ нерусскимъ означаетъ отсталость и отсутствіе просвѣщенности. Большинство же оказалось зависящимъ, такъ или иначе, отъ инородцевъ. Въ общемъ, разладъ обрисовался гораздо болѣе глубокій, нежели тотъ, который имѣлся Алексѣемъ Павловичемъ въ виду, когда онъ взялся за дѣло.

Въ возникшей борьбѣ, въ сутолокѣ крупныхъ разочарованій и мелкихъ досадъ, Вратынцевъ почти совсѣмъ пересталъ жить личною жизнью. О своемъ личномъ будущемъ онъ меньше всего думалъ. И вдругъ пришла записка отъ Надежды Константиновны. Стыдно стало ему, словно онъ почувствовалъ себя передъ нею виноватымъ. Конечно онъ виноватъ. Послѣднее свиданіе должно было ее смутить. Она ждала дальнѣйшаго. Она надѣялась, что онъ положитъ конецъ той отвратительной жизни, которую ей приходится вести. И онъ пересталъ показываться. Развѣ не могла она подумать, что онъ о ней забылъ. Если онъ рѣшилъ отказаться отъ личнаго счастья, развѣ онъ не обязанъ былъ ей это сказать, коль скоро у нихъ обоихъ счастье можетъ быть только общее.

Заволновался Вратынцевъ и едва не собрался немедленно къ Надеждѣ Константиновнѣ. Но она пишетъ, что будетъ приглашеніе отъ ея мужа. Гдѣ-жъ оно? На какой день? Долго ли ждать?

Мучительная нервность овладѣла Алексѣемъ Павловичемъ. Онъ страдалъ при мысли о томъ, что каждый часъ, отдѣляющій его отъ свиданія съ Надей, полонъ опасностей. Можетъ быть, тамъ, въ квартирѣ Вандвурма,

созрѣло какое-нибудь рѣшеніе, ему неизвѣстное? Пожалуй, все измѣнилось, а онъ, ничего не знаетъ.

Наконецъ, пришло отъ Исаака Рафаиловича письмо. „Дорогой князь, если ты свободенъ, приди къ намъ завтра къ 7 час. обѣдать. Давно мы не видѣлись, и я хочу сблизить тебя съ интересными типами. Не откажи“.

Завтра. Ну, слава Богу, не долго ждать.

Князь уже больше не могъ приняться за работу; не былъ въ состояніи сосредоточить мысль на очередной статьѣ. Онъ думалъ о Надеждѣ Константиновнѣ, старался разгадать то будущее, которое должно было для него открыться на слѣдующій день. Ни на мигъ онъ не сомнѣвался въ томъ. что завтра наступитъ перемѣна. Разводъ? Очевидно. Другого исхода нѣтъ. Онъ обязанъ настаивать на разводѣ. Придется пережить рядъ тяжелыхъ дней. Какъ заставить Вандвурма принять вину на себя?

Весь день прошелъ въ тоскѣ и волненіяхъ.

XX.

— Пробило половину седьмого, а я уже у васъ. На полчаса раньше назначеннаго срока,—сказалъ Вратынцевъ, входя въ гостиную.

Надежда Константиновна была одна. Она встала, пошла къ нему на встрѣчу, радостная, съ такимъ выраженіемъ лица, которое кричало „наконецъ-то“.

Она все мнѣ скажетъ, и я все узнаю!—подумалъ Алексѣй Павловичъ и, счастливый при мысли о томъ, что онъ находится у конца своихъ сомнѣній, онъ безмолвно поцѣловалъ у нея руку.

Когда затѣмъ онъ поднялъ голову, то увидѣлъ передъ собой совершенно другое лицо. Надежда Константиновна стояла, словно безжизненная, съ потухшимъ взглядомъ.

— Что съ вами? Что случилось?—едва не вскрикнулъ князь, но тутъ же все понялъ, потому что услышалъ за собою голосъ Вандвурма.

— Это очень мило съ твоей стороны, что ты забрался пораньше. Потолкуемъ по-пріятельски.

Алексѣй Павловичъ неохотно къ нему повернулся и вяло поздоровался. Ему казалось, что если онъ выкажетъ

малѣйшее дружелюбіе по отношенію къ Исааку Рафаиловичу, Надежда Константиновна сочтетъ это лицемѣріемъ.

Вандвурмъ былъ оживленъ. Видно было, что имъ овладѣло радостное настроеніе и что онъ готовъ всѣмъ навязывать свою радость. „Выигралъ на биржѣ“—подумалъ князь.

— Садись, старина,—сказалъ Исаакъ Рафаиловичъ, хлопнувъ Алексѣя Павловича по плечу,—поведемъ мы дружескую бесѣду до прихода чужихъ... Вѣдь ты для насъ не чужой. Неправда ли, Надя?

— Конечно, вы для насъ не чужой,—протяжно, будто вторя словамъ болѣе яснымъ, произнесла она.

„Она говоритъ мнѣ „вы“, а онъ „ты“,—мелькнуло въ умѣ Вратынцева,—а должно было бы быть наоборотъ“.

Всѣ они сѣли. Для того, который видѣлъ бы ихъ души, картина получилась бы отвратительная. Алексѣю Павловичу было очень тяжело. Ему хотѣлось быть невѣжливымъ, создать непріятность.

— Народъ безмолствуетъ!—съ нервнымъ хохотомъ замѣтилъ Исаакъ Рафаиловичъ,—а неужели мы такъ и будемъ молчать? Что-жъ, поговорю я и разскажу слѣдующее: когда я рѣшилъ, что мы сегодня позовемъ знакомыхъ на обѣдъ, жена спросила, по какому случаю я это затѣялъ, такъ какъ она знаетъ, что вообще званые обѣды, хотя бы и въ маленькомъ кругу, мнѣ вовсе не по душѣ. Случая дѣйствительно не было, а теперь онъ подвернулся. Удалась мнѣ блестящая афера, которая въ нѣсколько часовъ почти удвоила мое состояніе.

Князь посмотрѣлъ на Надежду Константиновну. Ея лицо приняло страдальческое выраженіе.

Онъ замѣтилъ:

— И ты хочешь, чтобы мы отпраздновали это событіе?

Вандвурмъ кивнулъ.

— Да, хочу. Моя удача должна радовать моихъ друзей

Въ его голосѣ прозвучало нѣчто вызывающее, словно онъ усмотрѣлъ, что сообщеніе его непріятно Вратынцеву, и захотѣлъ усилить это впечатлѣніе. Его жена молчала, но Алексѣй Павловичъ видѣлъ все то, что происходило

въ ея душѣ, какъ будто она открыто говорила мужу: „я тебя ненавижу, тебѣ мало того, что ты мѣшаешь мнѣ высказать свое горе любимому человѣку, ты еще рѣшилъ оскорбить меня при немъ, подчеркивая свою собственную низость".

— Нисколько она меня не радуетъ,—старательно-спокойнымъ госомъ отвѣтилъ Вратынцевъ,—т..ая нажива не имѣетъ ничего общаго съ заработкомъ. Думать о ней—для меня значитъ охватывать мыслью все то горе, которое она породила. Если у тебя былъ милліонъ и если ты удвоилъ свое состояніе, это означаетъ, что кругомъ тебя люди на милліонъ обѣднѣли.

— Сантиментальность! Своего состоянія ты тоже не заработалъ. Какой я разсѣянный... забылъ, что передо мною сидитъ врагъ биржевой дѣятельности. Ну, ну, не будемъ ссориться... Оставимъ всякія отвлеченныя соображенія о тѣхъ моихъ жертвахъ, изъ которыхъ никто изъ насъ ни одну не можетъ назвать по имени. Что дѣлать? всякой удачѣ сопутствуетъ чье-либо несчастье! Если ты мнѣ скажешь, что такая то красавица тебя любитъ я не стану тебя упрекать: „помилуй, подумай о всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которые въ нее влюблены и страдаютъ потому, что она тебя предпочла". . Будемъ смотрѣть на вещи прямо. Въ ваше время деньги составляютъ главную силу. Отнынѣ я силенъ, а были годы, когда меня можно было больно ударить полтинникомъ.

Надежда Константиновна вздохнула. Князь замѣтилъ, что она поблѣднѣла. Сердце его сжалось.

— А теперь пусть попробуютъ!—продолжалъ Вандвурмъ.—Наступила моя очередь. Но ты не бойся, я мстить не буду. Я никому не сдѣлаю зла. Какое мнѣ дѣло до другихъ! И не воображай, пожалуйста, что я буду скупъ. Нѣтъ, деньги даны для того, чтобы ими пользоваться. Женѣ я могу подарить все, чего ей захочется, и любая роскошь мнѣ доступна. Въ этомъ счастье. И несомнѣнно я правъ, потому что иначе бы мнѣ не завидовали. А ты ни во что не считаешь слѣдующее: мои милліоны ставятъ меня на крѣпкую почву въ русскомъ обществѣ? Они дѣлаютъ изъ мѣня выдающагося человѣка, да! они даютъ мнѣ уваженіе, снабжаютъ мое слово вѣсомъ.

— Кто-то пришелъ, встрѣчай!—рѣзко окликнула мужа Надежда Константиновна.

Вандвурмъ вздрогнулъ, оскорбленный, но тотчасъ же справился съ собою, улыбнулся и сказалъ:

— Какъ жаль, что помѣшали нашей дружеской бесѣдѣ.

Быстро вышелъ онъ изъ комнаты, на встрѣчу гостю.

— Господи, какъ это невыносимо!—простонала она.

Алексѣй Павловичъ схватилъ ее за руку.

— Скажите, какъ вы разрѣшаете мнѣ вамъ помочь? Я все сдѣлаю.

Торопясь, отрывочно, она отвѣтила:

— Не знаю... хотѣла съ вами переговорить... Такъ продолжаться не можетъ... Я убѣгу отъ него, я ненавижу его деньги... около нихъ я какая-то купленная.

— Все свои!—снова раздался голосъ Исаака Рафаиловича.—Надя, мы сближаемъ родственниковъ.

И Вандвурмъ ввелъ въ гостинную князя Антона Александровича Вратынцева. Появленіе дяди крайне удивило Алексѣя Павловича. Впрочемъ, развѣ склонность дяди къ инородческой политикѣ не должна была сблизить его съ биржевымъ міромъ?

Поцѣловавъ руку хозяйкѣ и сказавъ ей очень красиво составленную, любезную фразу, Антонъ Александровичъ обратился къ племяннику.

— И ты тутъ?

Тотъ насмѣшливо отвѣтилъ.

— Исаакъ Рафаиловичъ мнѣ товарищъ по гимназіи. Относительно меня этимъ все объясняется.

Ему показался пріятнымъ явно оскорбительный смыслъ его словъ

— Да, да, мы товарищи!—подхватилъ Вандвурмъ, поспѣшно и неуклюже хлопнувъ молодого Вратынцева по плечу, потомъ пожалъ ему локоть, хихикнулъ и сталъ потирать руки. Видно было, что онъ мучительно волнуется.

„Онъ узналъ, что его жена меня любитъ,—подумалъ Алексѣй Павловичъ.—Такъ-то лучше. Но надо скорѣе на что-нибудь рѣшиться“.

Вслѣдъ за княземъ Антономъ Александровичемъ появились: старикъ Клинцовъ, Крохъ съ Вѣрой Степановной

и Ушкуевъ. Увидѣвъ Сергѣя Федоровича, Вратынцевъ вздрогнулъ отъ негодованія. „Какъ, смѣютъ приглашать такого проходимца въ одинъ день со мною!“

Онъ взглянулъ на Надежду Константиновну, уловилъ выраженіе удивленія на ея лицѣ, понялъ, что тутъ кроется выходка Вандвурма. Еще не вполнѣ овладѣлъ онъ охватившимъ его чувствомъ возмущенія, какъ подошелъ къ нему Сергѣй Федоровичъ.

— Князь, я не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить.

— Я тоже, но я еще менѣе того ожидалъ, что вы рѣшитесь со мною заговорить,—отвѣтилъ Алексѣй Павловичъ, достаточно громко, чтобы его слова были услышаны Надеждой Константиновной. Онъ ожидалъ, что она встрепенется. Нѣтъ, она никакого безпокойства не проявила.

Ушкуевъ нагло улыбнулся.

— Помилуйте, князь, надо отличать общественныя отношенія отъ частныхъ.

— Совершенно вѣрно. Коль скоро я выступилъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля, не отъ меня зависитъ выборъ тѣхъ лицъ, съ которыми я прихожу въ соприкосновеніе, но въ частной жизни я имѣю полное право ограждать себя отъ сношеній съ людьми, неудобными для знакомства.

Понизивъ голосъ, Сергѣй Федоровичъ насмѣшливымъ голосомъ произнесъ:

— Ужъ не прикажете ли вы мнѣ уйти?

— Нѣтъ, я себѣ самому это приказываю,- сказалъ Вратынцевъ.

И, поверхъ Ушкуева, онъ посмотрѣлъ на собравшихся. Дядя Антонъ углубился въ разговоръ съ Крохомъ, старикъ Клинцовъ состоитъ въ блаженномъ ожиданіи вкуснаго обѣда, Вѣра Степановна что-то разсказываетъ Надеждѣ Константиновнѣ... Та не слушаетъ, очевидно, не отстаетъ отъ своихъ тяжелыхъ мыслей, а дочь Кроха, можетъ быть, тоже не о томъ думаетъ, что говоритъ, чуткая, взволнованная присутствіемъ, того въ котораго недавно была влюблена.

Ушкуевъ повернулся къ Вандвурму.

Поздравляю съ успѣхомъ, я слышалъ.

Подъ шумъ разговоровъ, Алексѣй Повловичъ подошелъ къ Надеждѣ Константиновнѣ.

— Я ухожу,—сказалъ онъ.

Вѣрочка быстро отошла отъ хозяйки, будто побоялась, что услышитъ слова, о которыхъ непріятно будетъ вспоминать. Князь удивился, но подумалъ: такъ лучше.

Блѣдная, Надежда Константиновна проговорила.

— Я понимаю... Но когда мы сговоримся?

— Считайте, что мы сговорились. Я согласенъ на все. Рѣшайте. Располагайте мной. Зачѣмъ сговариваться? Я—вашъ.

Она взглянула на него съ такимъ выраженіемъ страданія и преданности, что Вѣрочка, уловивъ этотъ взглядъ, рѣшила: да, Ушкуевъ не солгалъ.

— Когда вамъ будетъ угодно—я у васъ,—дрожащимъ голосомъ произнесъ Вратынцевъ.

А она отвѣтила:

— Или я у васъ... Теперь уходите.

Медленно, стараясь не обращать на себя вниманія, Алексѣй Павловичъ вышелъ. Одна только Вѣра замѣтила его удаленіе.

Съ уходомъ князя, Надежда Константиновна почувствовала, что ея мучительное душевное состояніе постепенно замѣняется опредѣленною рѣшимостью. Во что бы то ни стало она положитъ конецъ тому, что ее терзаетъ. Такъ жить нельзя. Довольно. Онъ ушелъ... развѣ не все равно? Онъ ушелъ, но она его видѣла. Для ея истомленной души это краткое свиданіе сильнѣе многихъ продолжительныхъ переговоровъ. Она теперь знаетъ, что будетъ ей во всемъ поддержка. Сегодня же, когда гости уйдутъ, она скажетъ мужу, что покидаетъ его. Не удержать ее силой. Предстоитъ тяжелое объясненіе, которое дастъ счастье.

Разсѣянно отвѣчала она на праздные вопросы отца, на холодныя любезности Кроха и на шуточныя замѣчанія князя Антона Александровича. Ей почему-то дѣлалось жутко, когда ея глаза встрѣчались со взглядомъ Вѣры Степановны. Та смотрѣла на нее упорно, думая „если бы не ты, онъ любилъ бы меня, ты помѣшала... ты помѣшала и мнѣ продолжать его любить, я теперь никого не люблю“.

Раскрылись двери въ столовую. Всѣ встали. Вандвурмъ поспѣшно подошелъ къ женѣ.

— Алексѣй Павловичъ ушелъ?

— Да.

— Почему?

— Очевидно изъ-за Ушкуева...

— Какъ глупо!

— Не нахожу. Я бы сама ушла.

Никто не слышалъ обмѣна этихъ короткихъ фразъ, произнесенныхъ почти шопотомъ. Надежда Константиновна смотрѣла на мужа спокойно, такимъ взглядомъ, который яснѣе словъ говорилъ: мы чужіе.

Онъ поблѣднѣлъ, охваченный приступомъ злости, но тотчасъ же улыбнулся и громко сказалъ:

— Какъ жаль, князь Антонъ Александровичъ, что намъ не удалось задержать у себя вашего племянника. Нашему приглашенію предшествовало другое, и онъ зашелъ сюда только съ тѣмъ, чтобы откланяться.

— Намъ, старикамъ, выгоднѣе, чтобы молодежи было поменьше,—весело отвѣтилъ князь и, по праву старшаго, повелъ хозяйку въ столовую.

„Что это значитъ?—мысленно удивился Клинцовъ.— Значитъ, онъ рѣшилъ оставить Надю въ покоѣ? Тѣмъ лучше. А впрочемъ, лишь бы меня не тревожили“.

Его порадовала роскошная сервировка стола, предвѣщавшая, что обѣдъ будетъ изысканный.

Сосѣдями хозяйки были старикъ Вратынцевъ и Крохъ. Надеждѣ Константиновнѣ удалось установить между ними разговоръ, въ которомъ она принимала участіе отрывочными фразами, почти безсознательно. Господи, что это былъ за обѣдъ! Нѣчто уродливо-мучительное, безсмысленное, какъ ненужная пытка. И она не знала, сможетъ ли она дождаться ухода гостей, не закричитъ ли она раньше на мужа при всѣхъ.

Еще за супомъ Ушкуевъ началъ ее терзать.

— Я не понимаю, какъ руссофиламъ не совѣстно расписываться въ собственномъ безсиліи. На ихъ мѣстѣ я бы молчалъ, чтобы скрыть свой позоръ. Несмотря на всѣ свои старанія, они теряютъ съ каждымъ днемъ почву. Общество не примыкаетъ къ ихъ крайнимъ воззрѣніямъ.

Оно не знаетъ ни эллинновъ, ни іудеевъ,—ему нужны дѣятели, и совершенно ему безразлично, къ какой національности эти дѣятели принадлежатъ. Понятіе объ отечествѣ—чисто географическое. Всѣ отвлеченныя понятія не допускаютъ того, чтобы ихъ стѣсняли заставами.

Крохъ подхватилъ:

— Бранятъ инородцевъ за то, что у нихъ деньги. Тутъ сказывается зависть. Инородецъ никого не бранитъ, а дѣлаетъ свое дѣло.

— Надо жить и давать жить другимъ,—подтвердилъ Антонъ Александровичъ.

— Жаль, что нѣтъ здѣсь Алексѣя Павловича,—сказалъ Вандвурмъ,—мы бы услышали отъ него много забавнаго.

— Кто изъ васъ знаетъ, когда пріѣдетъ Дузе?—звонкимъ голосомъ спросила Вѣра Степановна. Она надѣялась, что измѣнитъ направленіе разговора. Ей это удалось не надолго. Еще рыба не была убрана, какъ Ушкуевъ снова началъ:

— Съ точки зрѣнія этихъ господъ, даже Элеонора Дузе невыносимое явленіе. Помилуйте, развѣ можно чествовать итальянцевъ! Это оскорбительно для русскаго чувства...

— Ну, этого они никогда не заявляли и не воображали,—съ раздраженіемъ проговорила Вѣра Степановна.

— Потому, что они даже не логичны. Всякая мысль въ особенности нелѣпая, должна быть доведена до конца.

И такъ все время... Надежда Константиновна видѣла, что эти разговоры доставляютъ удовольствіе Исааку Рафаиловичу. Онъ угадываетъ, что она любитъ Алексѣя Павловича. Ему пріятно, что всѣ помогаютъ ему ее терзать.

Взглянувъ на отца, она едва не заплакала: будь онъ другой, нашла бы она въ немъ поддержку. Ради него пожертвовала она собой, но жертвы своей должна стыдится.

Обѣдъ тянулся, тянулся. Столовая для нея превращалась въ застѣнокъ. Какъ въ бреду, отвѣчала она на вопросы своихъ сосѣдей и насильственно улыбалась. На другомъ концѣ стола она видѣла передъ собой ненавистное лицо мужа. Въ немъ она угадывала злость, желаніе ей мстить. Да, онъ во всемъ разобрался. Подумаешь,

ему стало легче, съ тѣхъ поръ, какъ онъ понялъ, что ее связываетъ съ Алексѣемъ Павловичемъ.

Опять нападки на Вратынцева за его статьи, колкія замѣчанія, насмѣшки и клеветническіе намеки. О! Еслибы тутъ не было Вѣры, она бы крикнула: „молчите, я его люблю, а вы всѣ мнѣ гадки".

— Деньги все,—заявилъ Вандвурмъ, послѣ того какъ Ушкуевъ пожалѣлъ о томъ, что Алексѣй Павловичъ располагаетъ большими средствами,—но онѣ должны быть въ умѣлыхъ рукахъ. Я берусь обставить и повести за собою на веревочкѣ даже богатаго человѣка, потому что буду платить деньги не ему, а его друзьямъ.

— Вы придаете слишкомъ большое значеніе моему племяннику,- замѣтилъ князь Антонъ Александровичъ,— на мой взглядъ это только непокорный мальчишка.

Надежда Константиновна поблѣднѣла.

— Такихъ и надо покорять! вскрикнулъ Исаакъ Рафаиловичъ съ какимъ-то радостнымъ вдохновеніемъ,—и мы покоримъ. Я берусь. Сегодня у меня два милліона, черезъ годъ будетъ шесть милліоновъ, и я цѣлаго милліона не пожалѣю. Съ деньгами я берусь любого раздавить.

Непривычный къ вину, онъ выпилъ лишнюю рюмку и становился откровеннымъ.

Вандвурмъ продолжалъ:

— Надо говорить правду. Да, хорошо быть богатымъ. Только богатый и можетъ быть счастливымъ.

— Ты думаешь, что все можно купить?—раздался дрожащій голосъ Надежды Константиновны.

Усмѣхнулся Исаакъ Рафаиловичъ:

— Я говорю, что все можно получить, все забрать. Я не могу купить чужую волю, но могу ее себѣ подчинить.

Смыслъ его отвѣта былъ для нея ясенъ. Не любишь, а все-таки моя.

Вѣра Степановна захотѣла еще разъ отклонить разговоръ отъ опасной темы

— Папа,—вскрикнула она,—посмотри, какіе хорошенькіе золотые ножи. Заведемъ такіе...

Надежда Константиновна точно ждала этихъ словъ. Она взглянула на золотой ножъ, которымъ безсознательно

собиралась очистить яблоко, отбросила его и вызывающимъ голосомъ произнесла:

— Какъ противна эта жидовская роскошь! Я не могу, меня жидовскія деньги душатъ! Довольно! Обѣду конецъ!

Она встала, круто повернулась, пошла къ себѣ, съ сознаніемъ того, что позади себя оставила всѣхъ въ злобѣ и смущеніи. Скандалъ, такъ скандалъ! Пусть всѣ знаютъ! Такъ больше продолжаться не могло. Теперь поневолѣ мужу придется все выслушать

Словно въ туманѣ, дошла она до своей комнаты и тамъ остановилась, какъ пригвожденная къ мѣсту. Что дальше дѣлать,—она не знала. Все сдѣлано, остальное совершится само собой. Событія сами придутъ. О, какъ они тамъ волнуются и возмущены! Все равно. Черезъ часъ ея уже не будетъ въ этомъ домѣ.

— Надя,—услышала она за собою голосъ отца.

Какъ, мужъ не посмѣлъ придти самъ! Онъ прислалъ другого... боится объясненія...

— Что?

У старика были слезы на глазахъ.

— Зачѣмъ ты такъ, милая? Иди скорѣе назадъ, въ тѣ комнаты... Мы скажемъ, что у тебя была истерика. Все можно поправить... ну, идемъ.

Онъ протянулъ руку по направленію къ дочери. Она отвела его руку съ рѣзкимъ хохотомъ.

— Вернуться? О томъ ли вы думаете? Вернитесь къ господину Вандвурму и скажите ему, что я ухожу изъ его дома. Да, я ухожу къ Вратынцеву. Я его люблю. Онъ меня любитъ. Довольно!

Клинцовъ пожалъ плечами.

— Полно, перестань говорить глупости. Мнѣ, если хочешь знать, все равно, и я пожалуй, буду радъ, если ты разведешься и выйдешь за князя, но зачѣмъ же скандалъ?! Вернись... Понемножку мы все устроимъ, а тогда...

— Позовите г. Вандвурма?—вскрикнула она такимъ повелительнымъ голосомъ, что Константинъ Николаевичъ вышелъ, точно выброшенный за дверь.

Надежда Константиновна не могла бы сказать, долго ли заставилъ себя ждать Исаакъ Рафаиловичъ. Она не

чувствовала времени. Ни скорби, ни страха, ни радости въ ней не было, а одно необъятное и неопредѣленное волненіе.

Вошелъ Вандвурмъ, со злобою въ глазахъ, блѣдный до бѣлизны.

— Что это значитъ?—крикливо началъ онъ.

Она рѣзко перебила;

— Молчите! Слово за мной! Довольно! Вы понимаете довольно! Я больше не могу! Я васъ ненавижу! Я васъ считаю низкимъ и пошлымъ человѣкомъ! Я васъ презираю и я вамъ больше не жена! Все кончено! Я люблю другого! Я къ нему иду! Силой вы меня не удержите! Я не бѣгу тайно, а честно говорю, что ухожу отъ васъ!

Ей казалось. что слова ея неотразимы, звучатъ, съ несокрушимой силой и спора не можетъ быть

Исаакъ Рафаиловичъ засмѣялся. Отъ его смѣха ей внезапно сдѣлалось страшно, потому что она поняла, что смѣется онъ непритворно.

— Говорить открыто о гнусностяхъ еще не значитъ говорить честно,—отчеканилъ Вандвурмъ.—Я даже думаю, что честнѣе заводить любовниковъ исподтишка, чѣмъ гордиться своимъ позоромъ! Вы совершенно правы, силою я васъ не удержу! Идите! Но развода я вамъ не дамъ! Вы моя жена навсегда. Для Вратынцева вы будете только любовницей! Ваши дѣти будутъ носить фамилію Вандвурмъ. Вашъ отецъ будетъ отцомъ бѣглянки Вандвурмъ! Я дамъ вамъ уйти, но черезъ недѣлю вы будете силою ко мнѣ водворены. Опять уйдете,—опять верну! Это будетъ очень забавно, но далеко отъ той поэзіи, о которой вы мечтаете! Не я начинаю скандалъ, а вы! Я не остановлюсь передъ боязнью насмѣшекъ! Можете идти!

Онъ подошелъ къ двери, ведущей изъ спальни жены въ корридоръ, отперъ ее.

— Можете идти,—повторилъ онъ,—никто васъ не удерживаетъ! Но поймите, что отъ меня уйти нельзя!

И онъ вышелъ.

— Уйти можно. Смерть спасетъ,—крикнула она ему вслѣдъ.

XXI.

Блѣдный съ чувствомъ боли въ сердцѣ, съ ощущеніемъ отвращенія къ жизни, князь Алексѣй Павловичъ дочитывалъ письмо Надежды Константиновны: „И я все-таки осталась жива. Я не могу рѣшиться на самоубійство. Конечно, это трусость, но такая, которая сильнѣе меня. Я боюсь того, что будетъ черезъ минуту. Я боюсь смерти и ненавижу жизнь. Ненавижу жизнь, потому, что уже не могу быть счастливой. Онъ правъ, я жена Вандвурма, навѣки! Зачѣмъ себя обманывать: мы оба ошиблись! Я отъ своей ошибки медленно умираю и могла бы васъ только заразить смертью. Вы можете еще быть счастливы, но не со мной. Я жена Вандвурма. Для меня ясно, что я уже непоправимо опозоренная и оскверненная. Знаете что, я, вѣроятно, васъ вовсе и не люблю! Меня, право, болѣе всего толкало къ вамъ желаніе спастись. Но теперь я вижу, что спасенія нѣтъ. Тогда—зачѣмъ же? И я теперь вспоминаю, что до вашего пріѣзда я была спокойна. Можетъ быть все зло въ томъ, что мы встрѣтились теперь. Перестанемъ встрѣчаться! Уѣзжайте... Я на нѣсколько минутъ отошла отъ этого письма, думала. Да, это такъ, я васъ не люблю. И тогда я вспоминаю о томъ, что вы во-время не замѣтили моего прежняго чувства,—я ощущаю въ себѣ злобу. Что же это была бы за жизнь? Черезъ мѣсяцъ мы бы другъ друга ненавидѣли. Каждый изъ насъ видѣлъ бы и ненавидѣлъ бы въ другомъ Вандвурма. Теперь я понимаю: я оттого и не рѣшилась на самоубійство, что, потерявъ васъ, не стала отъ того несчастнѣе".

— Она права. Мнѣ потому и тяжело,—прошепталъ Вратынцевъ,—а съ моей стороны была не любовь, даже не вспышка страсти, а что-то разсудочное, придуманное.

Отвращеніе къ тому, что его до сихъ поръ волновало, охватило князя. Пусто стало въ душѣ. Желаній нѣтъ. Нѣтъ будущаго, потому что будущее состоитъ изъ желаній. Нѣтъ энергіи, потому что душа работы лежитъ въ сочувствіи окружающихъ. Отъ прошлаго ничего не осталось, коль скоро настоящее пусто. Прежде онъ думалъ, что много счастья дастъ возможность высказываться.

Онъ высказывается. На каждое его слово ему возразили страницами клеветы и лжи. Противно. Какой это звѣрь, видя, что его преслѣдуютъ, спасается тѣмъ, что выпускаетъ изъ себя отвратительную жидкость, отъ удушливаго запаха которой преслѣдующій убѣгаетъ? Такъ поступаютъ они, враги творческаго дѣла, явные и переодѣтые недоброжелатели, подкупные дѣятели. Едва ихъ тронешь,—отъ нихъ идетъ гадость! Они сильнѣй, потому что *не брезгуютъ никакими средствами.* Они понимаютъ, что наглость—такое оружіе, отъ котораго порядочный человѣкъ сторонится.

„Не зналъ я этого раньше?"—задалъ самъ себѣ вопросъ Вратынцевъ.—Очевидно зналъ, но забывалъ, увлекался. А теперь и отступлю? Нѣтъ. Не уѣду. Буду работать, буду дѣлать свое дѣло упорно, во что бы то ни стало, по числу враговъ судя о своемъ успѣхѣ. Нѣтъ той любви, о которой я мечталъ... Но развѣ только счастливые люди несутъ обязанности передъ обществомъ?!

Ему вспомнился Айзикъ Фейерверкъ, продающій русскія деньги въ Границѣ, и его родственники: Крохъ, выжимающій милліоны изъ русской оплошности, и Ушкуевъ, продающій русскаго читателя инородцамъ. Вотъ на разныхъ ступеняхъ олицетворители враждебныхъ настроеній. А среди нихъ ютятся такіе, какъ князь Антонъ Александровичъ и Василій Васильевичъ Прилуновъ, толпа подкупленныхъ или недомысленныхъ людей. Не съ Крохами и Ушкуевыми слѣдуетъ бороться, а съ Прилуновыми! Прилуновыхъ надо превратить въ порядочныхъ людей!..

Князь Д. Голицынъ.
(Муравлинъ).

О замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими[1].

Статья вторая[2]).

Ровно шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Θедоръ Ивановичъ Буслаевъ, теперь извѣстный каждому образованному человѣку, какъ замѣчательный ученый славистъ, написалъ книгу: „О преподаваніи отечественнаго языка“. Это сочиненіе не утратило значенія и въ настоящее время: оно полезно и поучительно во многихъ отношеніяхъ. Для насъ, напримѣръ, любопытны въ книгѣ Буслаева приложенія, подъ скромнымъ заглавіемъ: „Матеріалы для русской стилистики“. Здѣсь мы между прочимъ читаемъ: „языкъ есть выраженіе не только мыслительности народной, но и всего быта, нравовъ и повѣрій страны и исторіи народа. Единство языка съ индивидуальностью человѣка составляетъ народность. Искреннія, глубочайшія ощущенія внутренняго бытія своего человѣкъ можетъ выразить только на родномъ языкѣ. Внутренняя нераздѣльность языка и характера народа особенно явствуетъ изъ отношенія языка къ народной образованности, которая есть не иное что, какъ непрестанное развитіе духовной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка. Если образованность вышла не изъ внутренней потребности народа, а привита извнѣ: то и въ языкъ вмѣстѣ съ понятіями входитъ множество словъ чуждыхъ, невразумительныхъ для народа, отягощающихъ рѣчь, какъ лишній наростъ. Простой народъ никогда не понимаетъ этихъ иностранныхъ, или же на иностранный образецъ сработанныхъ словъ, и употребляетъ ихъ некстати и невпопадъ. Сличите новые техническіе термины съ простонародными названіями ремесленными или земледѣльческими: въ первыхъ натяжка, условное значеніе, неясность, вялость; въ послѣднихъ легкость, простота, глубина и жизнь. Все, что развивается въ языкѣ органически само изъ

---

[1]) Докладъ, прочитанный въ Харьковскомъ Отдѣлѣ Русскаго Собранія.

[2]) Статья первая—см. „Мирный Трудъ“ 1904 г. Февраль.

себя, есть выраженіе народнаго ума и быта, и потому удобопонятно само по себѣ: занесенное же и насильственно изобрѣтенное умствующимъ разсудкомъ содержитъ въ себѣ, подобно монетѣ, только условное значеніе. Слова заимствованныя, какъ поддѣльные цвѣты, не коренятся въ языкѣ, ибо народъ не знаетъ ни роду ихъ, ни племени, не сочувствуетъ корню, отъ котораго они происходятъ; стоятъ они, какъ сироты, не будучи окружены производными отъ себя или сродными по корню. Впрочемъ наука запрещаетъ пристрастно нападать на варваризмы и упрямо изгонять ихъ изъ всеобщаго употребленія, замѣняя ихъ своими словами, вовсе обветшалыми, и слѣдовательно непонятными, или же словами родственныхъ намъ племенъ: напр., у чеховъ есть прекрасныя слова для *элемента, эпохи—живелъ, доба*: но кто же ихъ пойметъ по-русски, кромѣ занимающагося филологіею? Какъ приторны въ новѣйшемъ слогѣ мужицкія поговорки, такъ же несносны и педантскіе варваризмы, которые противны читателю наровнѣ съ непонятными архаизмами и провинціализмами. Только геніи и великіе писатели даютъ иностраннымъ словамъ право гражданства смѣлымъ нововведеніемъ".

Мы привели эту обширную выдержку изъ книги замѣчательнаго ученаго, во первыхъ, потому, что въ ней много неоспоримыхъ истинъ, напримѣръ: „языкъ есть основа національности; народная образованность есть непрестанное развитіе духовной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка; искреннія глубочайшія ощущенія внутренняго бытія своего человѣкъ можетъ выразить только на родномъ языкѣ", и т. п.—Во-вторыхъ, мы привели это мѣсто изъ книги Буслаева потому, что онъ, какъ и Даль, никогда не запрещаетъ употреблять чужесловы, даже самъ ими пользуется въ научныхъ своихъ работахъ; но онъ отлично понимаетъ, какъ они неумѣстны въ обыкновенной рѣчи; онъ, подобно Далю и другимъ знатокамъ русскаго языка, подчеркиваетъ нелюбовь простого народа къ иностраннымъ словамъ, которыя, какъ поддѣльные цвѣты, какъ сироты безъ роду и племени, гибнутъ въ борьбѣ за существованіе. Отмѣчая это обстоятельство, Буслаевъ предостерегаетъ отъ излишняго увлеченія чуждыми словами и совѣтуетъ исправляться отъ дурной привычки кстати и невпопадъ испещрять свою рѣчь несносными „педантскими варваризмами".—Въ-третьихъ, вышеприведенныя строки изъ книги Буслаева знаменательны еще потому, что указываютъ на два источника, изъ которыхъ можно почерпнуть большой запасъ родныхъ намъ выраженій вмѣсто непрошенныхъ чужихъ: первый источникъ—слова язы-

ковъ славянскихъ, второй—реченія обветшалыя; при этомъ Буслаевъ не безъ насмѣшливости говоритъ о наукѣ, которая возстаетъ противъ того и другого источника.

Во всякомъ случаѣ какъ Даль, такъ и Буслаевъ правы во всѣхъ своихъ сужденіяхъ объ иностранныхъ словахъ, которыя наводняютъ нашу словесность и разговорную рѣчь.

За примѣрами на этотъ разъ не пришлось ходить далеко. Вотъ замѣчательное стихотвореніе, посвященное представительницѣ прекраснаго пола:

Ты—восторгъ, очарованье,
Ангелъ, геній красоты!
Ты—конкретныя желанья,
Ты—абстрактныя мечты!
Ты, какъ чувство, позитивна,
Абсолютна, какъ душа,
Идеально-субъективна,
Объективно-хороша!
Ахъ, найдется ль гипотеза—
Твое я чтобъ объяснить:
Вѣдь анализа, синтеза
Здѣсь никакъ не примѣнить!
Аналогій, силлогизмовъ,
Транс-психическихъ наукъ,
Разныхъ *олій*, разныхъ *измовъ*
Для тебя не хватитъ, другъ:
Идеалъ ли силлогизмомъ
Объяснитъ (хоть самъ рѣчистъ
Высшимъ спиритуализмомъ)
Низшій матеріалистъ?
Бокля, Милля, Конта, Канта
Сто разъ легче прочитать
И дойти до ихъ субстанта,
Чѣмъ тебя, мой другъ, понять!
Нѣтъ дедукцій, нѣтъ индукцій,
Модуляцій et cetera,
Этикъ, факцій, фикцій, функцій,
Діалектики пера,
Чтобъ вполнѣ раціонально
Всѣмъ тебя обрисовать,
Экспримептъ трансцендентально
Сенсуально бы понять!
Замѣни-жъ,—мое сердечко,—
Мозгъ мой даромъ не волнуй,

Ты абстрактное словечко
На конкретный поцѣлуй!

Чьи эти стихи, мы не знаемъ, такъ какъ потеряли ссылку, но они въ своемъ родѣ хороши и, если хотите, даже остроумно составлены: они текутъ свободнѣе, чѣмъ приводимые нами въ предыдущей статьѣ стишки Апухтина въ такомъ же духѣ.

А вотъ и новый образчикъ ученой прозы: „Яснаго сознанія, что учрежденія и гарантіи политической свободы въ духѣ Западной Европы, въ духѣ либерально-буржуазномъ, а также утилитарно-матеріалистическая мораль строго соотвѣтствуютъ капиталистической экономикѣ общества, у народниковъ не было. Не было и яснаго сознанія, что ратуя за общинно-земскіе, тысячелѣтніе экономическіе устои Руси, народники тѣмъ самымъ фактически являются поборниками и тѣхъ государственныхъ формъ. и того чисто идеалистическаго духа общественной морали, которые одни только и могутъ развиваться на этихъ устояхъ. Въ силу этого до самыхъ послѣднихъ дней мы видимъ, что наши демократы-либералы, принимая и защищая экономическіе идеалы народничества, въ области этики и политики, выставляютъ себя сторонниками буржуазно-либеральныхъ учрежденій и утилитарнаго матеріализма, съ земскимъ строемъ несовмѣстимыхъ. Такъ же и наши консерваторы-аграріи, въ области государственныхъ и духовныхъ идеаловъ заявляя себя спиритуалистами и приверженцами нашихъ древнихъ политическихъ формъ, въ экономической области желаютъ насажденія капитализма, мечтаютъ о созданіи для своихъ экономій безземельнаго кнехта...“.

Такъ написано черным по бѣлому на стр. 505 книги Николая Энгельгардта: „Исторія русской литературы XIX столѣтія“. Впрочемъ откройте любую страницу этого сочиненія и вы убѣдитесь, что хорошо и, пожалуй, необходимо имѣть подъ руками пособіе: „Сто тысячъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ во всеобщее употребленіе“.

Въ предыдущей статьѣ мы говорили о знаменитомъ ревнителѣ чистоты русскаго языка Шишковѣ и объ одномъ изъ его пламенныхъ послѣдователей, харьковскомъ университетскомъ врачѣ Рейпольскомъ. Въ дополненіе къ сказанному объ этомъ чудакѣ приводимъ слова г. Любарскаго, когда-то писавшаго воспоминанія о нѣкоторыхъ профессорахъ нашего университета: „Рейпольскій не терпѣлъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ и въ своемъ обиходѣ безпощадно переводилъ ихъ, часто съ нарушеніемъ присущаго имъ значенія. Отъ

буквальнаго перевода словъ рѣчь его выходила прекурьезною. Спрашиваетъ онъ студента:

— Господинъ *ревнитель*, вы на какой *способности*?

Тотъ сначала оторопѣлъ, а потомъ сообразившись отвѣтилъ, что способности у него посредственныя.

— Вотъ до чего мы дожили! Русскому человѣку, коли не проговорить иностраннымъ словомъ, то онъ и понять не можетъ.—Да вы какихъ преподавателей слушаете?

Студентъ перечислилъ.

— Значитъ вы на *числительной* способности..

Рейпольскій даже переводилъ иностранныя фамиліи и называлъ профессора Эйнбродта—*Однохлѣбовымъ*, а харьковскихъ домовладѣльцевъ Беккера и Шумахера—*Пекарскимъ* и *Башмачниковымъ* и т. д.

Поборники чистоты языка, подобные Шишкову и Рейпольскому, не могли имѣть успѣха и не имѣли его, потому что или предлагали только одни славянскіе слова и обороты рѣчи, или переводили съ иностранныхъ языковъ, искажая смыслъ и значеніе словъ, или придумывали свои, въ большинствѣ случаевъ, сложныя неудобопроизносимыя выраженія.

Каждое изъ этихъ средствъ, исключительно взятое и будто бы исцѣляющее отъ болѣзни „чужебѣсія", т. е. увлеченія всѣмъ иностраннымъ и, конечно, чужими словами,—доведенное до крайности,—не принесетъ никакой пользы; но если эти средства и имъ подобныя взять въ совокупности, употреблять ихъ старательно и осторожно, не отдавая ни одному изъ нихъ предпочтенія, то едва-ли обманетъ насъ надежда, что нѣкоторая доля иностранныхъ реченій замѣнится съ теченіемъ времени родными и близкими духу русскаго человѣка словами.

Прежде всего обратимъ наше вниманіе на богатый источникъ словъ древнихъ, многими забытыхъ; заглянемъ въ лѣтописи, поученія, проповѣди, житія святыхъ, изборники, повѣствованія, повѣданія, сказанія, азбуковники и т. п. Въ этихъ сочиненіяхъ найдемъ не мало прекрасныхъ примѣровъ.

Наши предки не знали *фундамента*, а говорили *основаніе*: Почата бысть церкви Печерьская надъ основаньемъ Стефаномъ игуменомъ, изъ основанья бо Феодосій почалъ, а на основаніи Стефанъ поча. (Лѣт. подъ 1075 г.). Въ се же лѣто бысть буря силна въ Ростовѣ—церква 4 изъ основанія изверже (1301 г.).

Если русскимъ людямъ приходилось *вести траншеи*, то они выражались—*копать борозды*: Начаша къ городу копати великія борозды (пов. Пск. ос.).—*Гранаты* у воиновъ назы-

вались *кувшинами съ зельемъ*.—Если нашихъ предковъ постигало горе, напр., смерть близкихъ людей, то русскіе надѣвали *смиренное* платье, по-нынѣшнему *трауръ*; а въ радостные дни, въ свѣтлые праздники они облекались не въ *порфиру* и *виссонъ*, а въ *багряницу* и *червленицу* (Еванг. 1307 г.); если они дарили женамъ и дочерямъ *браслеты*, то это были *обручи* золотые и серебряные: На шіяхъ жемчюгъ, много яхонтовъ да на рукахъ обручи да перстни златы. (Аѳанасій Никитинъ). У предковъ былъ свой *церемоніалъ*, только онъ назывался *образецъ* и *чинъ*; любили они *иллюминацію* и *фейерверки*, но то и другое именовали *потѣшными* и *радостными огнями*.—Наши предки дѣтей отдавали на воспитаніе сперва *дядькамъ* и *кормильцамъ*, а не *гувернерамъ*, а потомъ *пѣстунамъ*, а не *педагогамъ*: Вольга же бяше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормильць его Асмудъ... Володимера же не пусти кормилець его, зане младъ бѣ въ то время (Лѣтоп.).—*Профановъ* умные люди избѣгали и называли ихъ прекраснымъ словомъ *невѣголоси*: Прозваша Олега вѣщій, бяху бо людие погани и невѣголоси. (Ипат. л.); были извѣстны и *эксперты* подъ именемъ *знатецъ*: Да тотъ же Арапъ многои *знатецъ* (Никон. лѣт.). Дядьки, кормильцы и пѣстуны заботились о выработкѣ въ дѣтяхъ и юношахъ *принциповъ*, которые назывались по старинному *начатки*; предостерегали молодежь отъ *индеферентизма* въ жизни и дѣятельности, но наназывали это *равнодушіемъ* и *безавидіемъ*: Трѣбуемъ же въ оученье безавидья (Панд. Ан. XI в. гл. 102). Боролись воспитатели и противъ *апатіи*, т. е. *безстрастія*: Бестрастіе длъготрьпѣливое (Изб. 1073 г.); скорѣе они возбуждали *экстазъ*, кототорый отлично передавали словомъ *восторгъ*: Въ вътързѣ бывъ—ἐν ἐκστάσει γενόμενος (Патер. Син.). Юношей предохраняли отъ крайней *фантазіи*, называя проявленія ея не *воздушными замками*, а *безтѣлесными призорами*. Наши предки любили писать *мемуары*, но только именовали ихъ *памяти*; въ этихъ памятяхъ встрѣчаются *предисловія* и *послѣсловія*, по-нынѣшнему *прологи* и *эпилоги*; съ этихъ памятей и другихъ сочиненій снимались *копіи*, которыя назывались—*отписи*: И се отпись епистоліи—ἀντίγραφον τῶν ἐπιστολῶν, rescriptum epistolarum (Мак. 1. XII, 19). *Редакція* у предковъ называлась *изводомъ*, *оригиналъ*—*подлинникомъ*. Предки любили побесѣдовать *приватно* и *публично*, но у нихъ эти чужесловы замѣнялись русскими словами: *Особь* и *общиною*—ἰδίᾳ καὶ δημοσίᾳ privatim publicique (Гр. Наз. XI в. 20). Они очень часто говорили *символически*, т. е. *образно*: Видѣ Исаия образьно

на престолѣ превысоцѣ Бога—συμβολικῶς (Ирм. ок. 1250 г
не пренебрегали *речитативомъ*, т. е. *говоркомъ*. Кромѣ то
у предковъ были слова: *наузъ* вм. *амулетъ*, *поприще* вм. *мил*
ристалище вм. *иподромъ*, *Божій дворянинъ* вм. *рыцарь*, *озе*
горящее вм. *геенна*, *дверникъ* и *привратникъ* вм. *швейцаръ*
множество другихъ.

Кажется трудно по красотѣ звуковой и изобразительн
сти найти для *порта* и *гавани* другое слово, какъ *отиш*
„Радуется купецъ, прикупъ сотворивъ, и кормчій въ отиш
приставъ, и странникъ въ отечество пришедъ (Лавр. лѣт. 137

Просимъ вѣрить, что подобныхъ примѣровъ въ наши
лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ, проповѣдяхъ и т. д. не мал
количество, и изъ нихъ слѣдовало бы составить научный сл
варь, но мы не преслѣдуемъ этой задачи; мы только хотѣ
указать и на этотъ богатый родникъ, а изъ него желающ
могутъ почерпать много выраженій, которыя ничуть не ху
иностранныхъ словъ

Теперь посмотримъ на слова, *удачно переведенныя* в
шими писателями.

Тредьяковскій, который большинству изъ насъ извѣсте
какъ бездарный стихоплетъ, надѣленный шутовскимъ титуло
„профессора элоквенціи, а паипаче хитростей піитическихъ
этотъ замѣчательный труженикъ, оцѣненный по достоинст
очень немногими, въ томъ числѣ Пушкинымъ,—далъ мно
переводныхъ словъ. Судите сами. Въ своемъ сочиненіи „О м
дрости, благоразуміи и добродѣтели" Тредьяковскій сопро
ждаетъ философскіе термины на поляхъ выставленными л
тинскими и греческими: *бытность*—existentia, *естественнос*
—essentia, *разумность*—intelligentia, *чистый разумъ*—pu
intellectus, *чувственность*—sensatio, *разсужденіе*—judiciu
самозрительное—intuitivum, *умствовательное*—discursivu
сочетаніе мыслей—combinatio idearum, *умозрительныя*—th
retica, *дѣятельныя*—practica, *достовѣрныя*—certa, *вѣроятныя*
probabilis. Философія *умственная*—rationalis, *нравственная*
moralis, *естественная*—naturalis, *ученіе о повсемственных*
universalia, *сущее*—ens, *подлежащее*—subjectum, *присвояе*
—attributum, *предлежащее*—objectum, постигаемъ свойст
и совершенства Божія—*самостоятельныя*—absoluta и *воз*
сительныя—relativa, *естественное натеченіе*—influxus p
sicus, *рыбы живородныя*—vivipari и *яйцеродныя*—ovip
обоюдужительныя—amphibia, *черепокожныя*—testacea, *пр*
естественное—jus naturae, *безстрастіе*—ἀπάθεια, *обществ*
societas, *провидѣніе*—providentia, *искусство*—experientia

проч. Доказательствомъ тому, какъ боялся Тредьяковскій, что его русскихъ терминовъ не поймутъ, служитъ еще приложенный на концѣ разсужденія латино-французскій словарь тѣхъ же терминовъ (Буслаевъ). Напрасно боялся честный труженикъ и поборникъ чистоты русскаго языка: и до сихъ поръ нашъ отвлеченный научный языкъ употребляетъ эти слова, только, къ сожалѣнію, очень немногіе знаютъ, кѣмъ они были удачно переведены съ латинскаго и греческаго. Честь и слава Тредьяковскому, о которомъ лучше бы было вспоминать, какъ объ очень образованномъ человѣкѣ, преданномъ до самоотверженія наукѣ, чѣмъ о бездарномъ поэтѣ!

Ломоносовъ ввелъ новое выраженіе *сѣверное сіяніе*, представляющее переводъ нѣмецкаго Nordlicht; слово *паразиты* передано у Ломоносова черезъ выраженіе *прихлебальщики*. Сумароковъ желалъ бы истребить слѣд. чужесловы, рядомъ съ которыми онъ ставитъ свои переводныя слова: фрукты—*плоды*, сюртукъ—*верхнее платье*, супъ—*похлебка*, гувернантка—*мамка*, тоалетъ—*уборный столъ*, деликатно—*нѣжно*, пассія—*страсть*, манификъ—*великолѣпно* и проч. Н. М. Карамзинъ, самъ введшій много иноземныхъ словъ, даетъ прекрасный примѣръ уваженія къ народному языку, стараясь въ своемъ великомъ произведеніи—„Исторія Государства Россійскаго"—объяснить, при каждомъ удобномъ случаѣ, иностранное слово своимъ, напр. *полиція* или *исправа*, *феодальный* или *помѣстный* (Филоновъ).—Кромѣ этихъ словъ, Карамзинъ очень удачно перевелъ слѣдующія: dévellopement—*развитіе*, revolution—*переворотъ*, raffiné—*утонченный*, concentrer—*сосредоточивать*, beaux esprits—*остроумцы*, porte-faix—*носильщикъ*, en relief—*выпуклый*.

Разные писатели обогатили нашъ языкъ очень вѣрно передающими содержаніе иностранныхъ словъ русскими выраженіями, иногда описательными; напримѣръ: дебаты—*споры*, инниціатива—*починъ*, регрессивное движеніе—*обратное*, *отсталое*, фрагменты—*отрывки*, эмансипація—*освобожденіе*, норма—*образецъ*, эрудиція—*ученость*, пассивный—*страдательный*, аборигены—*первобытные жители*, абрисъ—*очеркъ*, *очертаніе*, идіотъ—*слабоумный*, симпатизирую—*сочувствую*, ансамбль—*стройное цѣлое*, реставрація—*возобновленіе*, экспрессія—*выразительность*, концепція—*творческая мысль*, рискованный—*сомнительный*, руины—*развалины*. Эти примѣры взяты изъ „Учебника по словесности"—Андрея Филонова. Но

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

поэтому забываемъ и азбучныя указанія, а можетъ быть, мы чураемся своихъ рѣченій, предпочитая иностранныя, по другимъ побужденіямъ; одно изъ такихъ побужденій отмѣчено въ книгѣ Михельсона: „Ходячія и мѣткія слова“.—Михельсонъ говоритъ въ предисловіи къ первому изданію своей книги слѣдующее: „Имѣя въ виду замѣчательную способность русскаго человѣка къ усвоенію иностранныхъ языковъ, болѣе или менѣе близкое знакомство русскаго образованнаго человѣка съ произведеніями иностранныхъ литературъ, а также склонность его блеснуть при случаѣ—для украшенія рѣчи или большей убѣдительности ея—и иностраннымъ мѣткимъ словомъ, я къ русскимъ мѣткимъ и ходячимъ словамъ прибавилъ тѣ соотвѣтствующія имъ иностранныя мѣткія или ходячія слова, которыя нерѣдко встрѣчаются въ твореніяхъ русскихъ писателей, а также и такія, которыя вообще въ ходу у насъ“. Итакъ, кто пожелаетъ блеснуть краснымъ словцомъ иноземнаго происхожденія, того на ряду съ другими задачами удовлетворитъ вышеупомянутое пособіе, а мы держимся мнѣнія, что такое легкомысленное отношеніе къ родному языку не достойно именно образованнаго человѣка. Къ утѣшенію немногихъ, ратующихъ за чистоту родного слова, простые люди не понимаютъ рѣчи, уснащаемой чужесловами. Здѣсь умѣстно сдѣлать выписку изъ словаря Даля: *Апропо́* нар. франц. *кстати*, къ дѣлу; да бишь, чтобъ не забыть. *Я не апропо́, а я 35 лѣтъ своему государю служу!*—сказалъ выслужившійся изъ рядовыхъ капитанъ, услышавшій слово это впервые и принявшій его за бранное.

Наконецъ, обратимъ наше вниманіе на слова, составленныя вновь. О нихъ Филоновъ пишетъ слѣдующее: „Всякій живой народъ, развиваясь и совершенствуясь въ духовномъ отношеніи (просвѣщеніи своемъ), пріобрѣтаетъ новыя познанія и понятія, а въ языкѣ своемъ не имѣетъ словъ для выраженія ихъ; слѣдовательно потребность въ новыхъ словахъ—потребность существенная и необходимая. Всегда будетъ нужда въ изобрѣтеніи новыхъ словъ отъ корней родного языка, или въ заимствованіи ихъ (словъ) у другихъ народовъ. Весьма хорошо дѣлаютъ писатели, когда для новыхъ понятій, явившихся въ народѣ, придумываютъ слова изъ корней отечественнаго языка. Дѣйствительно, многіе писатели образовали новыя слова весьма удачно. Такъ Кантемиръ ввелъ слово *начало* въ смыслѣ *элемента,*—*средоточіе* вм. *центръ,* слово *идея* онъ замѣнилъ словомъ *понятіе;* Тредьяковскій ввелъ еще такія слова: *впечатлѣніе, стихія, вниманіе* и проч. Карамзинъ при-

думалъ слова: *предметъ*, *намосты* (тротуары), *усовершенствовать*, *общеполезный*, *человѣчный*, *тонкости*, *трогательный*, *промышленность*, *лавины* или кучи снѣгу, *грызеніе сердца*, *неудобность*, *утонченіе разума*, *благодѣтельность*, *водоводы*, *водоемъ*, *ваятельное искусство*, *безтѣлесность души*, *цвѣтить*, луга *пушатся* травкою, *общежитіе*, *странническое сиротство*, *мірскія ничтожности*, *вещественность*, *плески* (рукоплесканія), *сокровенности жилища*, *безразсудность* и проч.— Гречъ изобрѣлъ удачное слово—*пароходъ*; Пушкинъ придумалъ хорошее слово—*временщикъ*. Въ замѣчательномъ сочиненіи А. Печерскаго „Въ лѣсахъ" встрѣчается удачное слово—*соковая пора*, т. е. когда деревья бываютъ въ соку (весною и лѣтомъ). Недавно вошли въ литературу два новыя слова: отчизновѣдѣніе и отечествовѣдѣніе.—Открытіе желѣзныхъ дорогъ на Руси внесло въ народъ новое слово *чугунка*. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости породило слово *воля*, съ особеннымъ значеніемъ; новые суды были причиною появленія въ народѣ слова *мировой* съ новымъ значеніемъ. Въ послѣднее время явилось новое слово *добровольцы* вм. волонтеры. Какъ добавленіе къ этимъ, напомнимъ, что трамвай, будь онъ даже электрическимъ, все будетъ называться *конкой*; велосипедъ во многихъ мѣстахъ именуется *самокатомъ*, carte postale—*открыткой* и т. п.

Въ настоящей статьѣ мы только указали еще на одинъ источникъ замѣны иностранныхъ словъ—родными, близкими: это заимствованіе реченій изъ славянскихъ родственныхъ намъ языковъ; но этотъ источникъ намъ знакомъ въ малой мѣрѣ, а чтобы освѣтить его, какъ слѣдуетъ и показать на примѣрахъ преимущество словъ болгарскихъ, сербскихъ, чешскихъ и польскихъ передъ нѣмецкими, французскими, англійскими и т. п.—потребно прежде всего время, которымъ мы не располагаемъ въ достаточной степени.

Въ предыдущемъ докладѣ нами было отмѣчено одно прекрасное средство, благодаря которому можно избавиться отъ многихъ иностранныхъ словъ; какъ намъ кажется, мы доказали, что необходимо тщательное ознакомленіе каждаго изъ русскихъ съ богатымъ запасомъ народныхъ словъ, съ той сокровищницей языка, въ которую входятъ живые говоры, сказки, былины, пѣсни, пословицы, заговоры, загадки и т. п.

Подводя итогъ всему сказанному до сихъ поръ о замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими, мы знаемъ, что въ нашемъ распоряженіи слѣдующіе источники: 1) народныя слова, 2) слова народной этимологіи, 3) слова старинныя, почерпаемыя

изъ памятниковъ древней словесности, 4) слова, удачно переведенныя и переводимыя писателями, 5) слова, удачно составленныя и составляемыя вновь, 6) слова языковъ славянскихъ.

Кромѣ того мы надѣемся, что никто насъ не обвинитъ въ навязываніи словъ того или иного источника вмѣсто иностранныхъ: кто хочетъ, пусть употребляетъ послѣднія. Если мы и бесѣдовали по этому вопросу, то лишь изъ любви къ родному—великому, могучему правдивому и свободному языку, памятуя просьбу Тургенева: „Берегите нашъ языкъ, нашъ прекрасный русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, преданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ Пушкинъ. Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ; въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса!“

М. Савиновъ.

Изъ забытаго альбома.

ДВѢ ПѢСНИ.

I

Загорѣлась зорька алой полосою;
Жаворонокъ взвился въ полѣ надъ травою.
Вотъ онъ-выше,-выше, въ точку обратился,
Пѣснью беззаботной, звонкою залился;
И не слышно въ пѣснѣ, льющейся изъ дали,
Нашихъ вѣчныхъ жалобъ, нотъ людской печали,
Словно нѣтъ ни горя, ни утратъ на свѣтѣ...
Такъ поютъ на волѣ птички, Божьи дѣти.

II.

Жаворонка пѣнье въ полѣ заглушая,
Раздалася пѣсня грустная такая;
Раздалась, но скоро, словно въ бурю колосъ,
Задрожалъ поющій эту пѣсню голосъ;
И умолкла пѣсня, дочь земной печали:
Видно кончить пѣсню слезы помѣшали.

Ф. Пестряковъ.

Изъ записной книжки русскаго монархиста.

(Продолженіе).

LXXXVII.

Объ одномъ восклицаніи Герцена.

Обращаясь къ Императору Александру II, Герценъ въ одной изъ своихъ наиболѣе прогремѣвшихъ статей восклицалъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

Въ чемъ заключался смыслъ этого признанія, выраженнаго словами Юліана Отступника?

Остановимся на этомъ вопросѣ.

Юліанъ назвалъ Іисуса Христа галилеяниномъ потому, что Спаситель прожилъ до 30 лѣтъ въ Галилеѣ. А почему Герценъ иносказательно назвалъ Императора Александра II галилеяниномъ?

Ему, очевидно, вспомнилось предубѣжденіе іудеевъ противъ Галилеи, изъ которой, по ихъ мнѣнію, не могло произойти ничего хорошаго.

Русское Самодержавіе, Династія Романовыхъ, потомство ненавистнаго Герцену Императора Николая Павловича и Зимній Дворецъ были для издателя „Колокола“ своего рода Галилеею.

Императоръ Александръ II одержалъ нравственную побѣду надъ Герценомъ, разсѣялъ его политическія предубѣжденія, доказалъ ему во-очію, что царская власть вела Россію къ общему благу и просвѣщенію. Вотъ почему звонкая фраза автора „Былого и Думъ“, облетѣвшая въ свое время всю Россію, имѣетъ важное значеніе, какъ историческій документъ. Она была симптомомъ отрезвленія Герцена отъ его миражей.

LXXXVIII.

Первыя требованія конституціи при Императорѣ Александрѣ II.

Требованія конституціи начались при Императорѣ Александрѣ II съ 1859 года, когда въ Петербургъ съѣхались депутаты отъ губернскихъ комитетовъ для представленія высшему правительству разъясненій по поводу выработанныхъ комитетами положеній объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, и были выдвинуты противниками Ростовцова и Редакціонныхъ Коммиссій.

Адресы дворянскихъ депутатовъ совпали съ запискою помѣщика Пермской губ., сенатора и камергера М. А. Безобразова, не принадлежавшаго къ ихъ числу[1]). Записка Безобразова носила названіе: „Матеріалы для доставленія адреса дворянства Государю". „Матеріалы" ходили по рукамъ во множествѣ списковъ. Безобразовъ обвинялъ бюрократію во враждебномъ отношеніи къ дворянству и въ затаенномъ намѣреніи ввести въ Россіи конституцію по западно-европейскому образцу[2]). Выставляя себя сторонникомъ Самодержавія, онъ предлагалъ созвать выборныхъ дворянъ отъ губерній и, придавъ къ нимъ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, составить всероссійское совѣщательное дворянское собраніе для обсужденія разныхъ государственныхъ вопросовъ и—прежде всего—крестьянскаго. По мысли Безобразова въ это собраніе должны были

---

[1]) М. А. Безобразова не надо смѣшивать съ его братомъ, Н. А. Безобразовымъ, магистромъ с.-петербургскаго университета, бывшимъ 12 лѣтъ предводителемъ дворянства Петербургскаго уѣзда и написавшимъ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ рядъ статей и брошюръ публицистическаго содержанія (преимущественно о крестьянскомъ вопросѣ и о помѣстномъ дворянствѣ).

[2]) Записка Безобразова отличалась очень рѣзкимъ тономъ. О немъ можно судить хотя бы по слѣдующей тирадѣ о бюрократахъ, подъ которой разумѣлись главнымъ образомъ Ростовцевъ, Ланской и ихъ ближайшіе сотрудники:

„На стражѣ вокругъ престола стоитъ бюрократія въ сообщничествѣ,—сознательно и безсознательно—съ такъ называемыми красными и поражаетъ всѣхъ улавливаемыми Высочайшими повелѣніями. Попытки разныхъ возмутителей не удались у насъ въ свое время, потому что у нихъ не было достаточныхъ связей въ правленіи. Послѣдователи ихъ воспользовались уроками опыта: постепенно, тайно подвигая другъ друга, они овладѣли нѣкоторыми отраслями управленія, заняли сперва невидныя, но самыя нужныя должности, взобрались выше и теперь

перейти для провѣрки и обсужденія положенія, заготовленныя редакціонными коммиссіями. Безобразовъ просилъ Государя:

„Собранію этому предоставить изъ числа сановниковъ, окружающихъ престолъ, избрать предсѣдателя, коему открыть доступъ прямо къ Вашему Величеству. Разсмотрѣнное и обсужденное положеніе предоставить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества черезъ Государственный Совѣтъ. Собранію назначить мѣсто въ одной изъ залъ Дворца и всѣмъ вѣдомствамъ повелѣть доставлять немедленно свѣдѣнія, какія, для полноты разсмотрѣнія, окажутся нужными; разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ возложить на трехъ опытныхъ сенаторовъ и министра юстиціи, коимъ поручить разъясненіе недоумѣній, какія въ собраніи возникнуть могутъ“.

„Государь испещрилъ поля записки Безобразова своими замѣчаніями и возраженіями. Противъ обвиненій „бюрократіи“ въ искаженіи Высочайшей воли, а также въ конституціонныхъ стремленіяхъ, онъ нѣсколько разъ написалъ слово: „вздоръ“! На предложеніе отдать на судъ выборныхъ рѣшеніе крестьянскаго дѣла, дабы, по выраженію автора, „обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя коммиссіи“, Императоръ замѣтилъ: „Надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать“. Признавая тонъ записки „непомѣрно наглымъ“, Государь находилъ, что предложеніе Безобразова созвать выборное собраніе „произведетъ еще большій хаосъ“, а на утвержденіе его, что на этомъ пути нельзя будетъ проявляться партіямъ и интригамъ, возразилъ: „Лучшимъ примѣромъ противнаго служатъ самые губернскіе комитеты“. „Хороши софизмы!“ начер-

---

силою управленія дѣлаютъ то, чего хотѣли, но не смогли сдѣлать ихъ предшественники. Отнявъ у дворянъ возможность дать труду, на нихъ возложенному, правильное развитіе, стиснувъ этотъ трудъ въ форму совершенно непрактической програмы, спеленавъ губернскіе комитеты вліяніемъ членовъ отъ правительства и вмѣшательствомъ власти административной, всемудрые преобразователи порицаютъ теперь трудъ дворянства, обвиняютъ его въ недобросовѣстности и въ намѣреніи уклониться отъ исполненія желаній Государя и клеймятъ людей, противопоставляющихъ какую-либо препону революціоннымъ направленіямъ, пошлыми прозвищами крѣпостниковъ и плантаторовъ, себя величаютъ именемъ передовыхъ, постигнувшихъ потребности вѣка, тогда какъ они волочатся по колеѣ, прорытой сумазбродами, приговоренными предъ судомъ разума міра просвѣщеннаго. Въ личныхъ проявленіяхъ царской воли блистаетъ яркій, согрѣвающій лучъ высокихъ чувствъ; ко всякому его проблеску жадно обращаются взоры русскихъ, исполненныхъ надежды и упованія. Но тучи бюрократическія скоро его заволакиваютъ, подобно тучамъ саранчи, затмѣвающимъ солнце“.

талъ Государь противъ словъ: „собраніе выборныхъ есть природный элементъ Самодержавія", а противъ утвержденія, что дворянство горячо сочувствуетъ Государю и доказало готовность свою исполнять его волю: „Хорошо доказало!" Общее заключеніе Императора о запискѣ Безобразова: „Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе" [1]).

Въ томъ же, враждебномъ Ростовцеву и Редакціоннымъ коммиссіямъ, духѣ, какимъ отличалась записка Безобразова, была проникнута и брошюра графа Орлова-Давыдова.

„Разсказывали, что въ одномъ изъ засѣданій Главнаго Комитета Государь обратился къ Ростовцеву съ вопросомъ: читалъ ли онъ письмо къ нему графа Орлова-Давыдова? Ростовцевъ отвѣчалъ, что такого письма не знаетъ, а читалъ какое-то, написанное на французскомъ языкѣ, котораго самъ не получалъ, но видѣлъ у другихъ.—Ну, да, сказалъ Государь: это оно-то и есть, про которое я вамъ говорю.—„Да развѣ это письмо графа Орлова-Давыдова?"—Отчего же быть не можетъ? —„Оттого, что графъ Орловъ аристократъ, воспитанный и просвѣщенный человѣкъ, а это письмо писано какимъ-то невѣждою". (Матер. для ист. упразд. крѣпост. сост., Т. II, стр. 115).

Депутатъ отъ большинства Симбирскаго Губернскаго Комитета Шидловскій прислалъ Государю всеподданнѣйшее письмо, тоже примыкавшее по своему содержанію къ запискѣ Безобразова. Онъ осуждалъ вызовъ депутатовъ отъ меньшинства комитетовъ, такъ какъ они не выражали желаній и мнѣній дворянства. Онъ обвинялъ Редакціонныя коммиссіи въ уклоненіи отъ проектовъ, составленныхъ губернскими комитетами, и намекалъ, что, Ростовцевъ и его сотрудники хотятъ уничтожить значеніе дворянства, которое всегда было оплотомъ порядка и опорой Престола. Шидловскій писалъ: „Въ виду такой опасности и очевиднаго наплыва западныхъ идей, стремящихся къ потрясенію порядка въ государствѣ, сліяніе Самодержавія съ дворянствомъ, какъ первымъ и самымъ естественнымъ охраненіемъ Престола и Отечества—необходимо, Государь!.. Удостой призвать, Государь, къ поднятію Престола Твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ дворянства и кончи, подъ личнымъ Твоимъ, Государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу Царствованія Твоего". Это письмо было передано Государемъ министру внутреннихъ дѣлъ съ надписью: „вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ".

---

[1]) С. С. Татищевъ: *Императоръ Александръ II*, Т. I, 363 -364.

Съ конца 50-хъ годовъ въ томъ лагерѣ, къ которому принадлежали Шидловскій и графъ Орловъ-Давыдовъ, стала укореняться мысль, что дворянство должно быть вознаграждено за потерю власти надъ крестьянами пріобрѣтеніемъ политическихъ правъ. Эта мысль проглядываетъ, между прочимъ въ анонимномъ „письмѣ депутата перваго призыва къ депутатамъ второго приглашенія", разосланномъ депутатамъ въ 1859 г. изъ Москвы и напечатанномъ во второмъ томѣ „Матер. для исторіи упраздн. крѣп. сост. въ Россіи". Въ этомъ письмѣ есть такое мѣсто:

„Чѣмъ мы будемъ? Неужели мы всѣ кинемся въ колесницу бюрократіи, захотимъ туда вскарабкиваться и въ ней прогуливаться по головамъ отставшаго населенія? Но такая мостовая ненадежна и слишкомъ легко перекувыркнуться не намъ однимъ, а и всему государственному устройству. Одно спасеніе для насъ, для народа и для государства есть принятіе нами благого рѣшенія присоединиться къ народу, слиться съ нимъ и стать во главѣ его. Этого требуютъ выгоды народа, нуждающагося въ предводительствѣ, выгоды собственныя наши, ибо одни мы слишкомъ много или малочисленны, а потому немощны; наконецъ, выгоды государства, самого Самодержавія, могущаго быть сильнымъ только при единствѣ его съ совокупностью народа русскаго . . . .

. . . .

„Предоставленіе права самоуправленія мѣстностямъ, представляемымъ, не однимъ, а всѣми состояніями, въ нихъ живущими; отвѣтственность должностныхъ лицъ не предъ однимъ отдаленнымъ правительствомъ, а и предъ окружающимъ ихъ населеніемъ, вотъ наши кровныя нужды. . . . .
. . . . . На этомъ стойте пуще всего и если достигните этого, то *все остальное придетъ само собою*".

LXXXIX.

Неудавшійся адресъ московскаго дворянства въ 1865 году.

Съ какого времени началась при Императорѣ Александрѣ II громкая общественная агитація въ пользу ограниченія Самодержавной власти?—Съ 1865 года, на московскомъ дворянскомъ собраніи, какъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ теченій, которыя проявились въ единичныхъ заявленіяхъ въ эпоху рѣшенія крестьянскаго вопроса. Сословно-дворянская партія заговорила о конституціи въ январѣ и осенью 1865 г., четыре

года спустя послѣ манифеста 19 февраля и вскорѣ послѣ манифестовъ о судебной и земской реформахъ.

11 января 1865 года московское дворянство утвердило большинствомъ 272 противъ 36 голосовъ адресъ на Высочайшее имя, въ которомъ, между прочимъ, заключалась просьба „довершить государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству“, а также „второго собранія изъ представителей одного дворянскаго сословія“. Адресъ былъ кассированъ Сенатомъ и осужденъ, хотя и въ мягкой формѣ, въ Высочайшемъ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ. Москвичъ-современникъ (проф. Любимовъ) дворянскаго собранія 1865 года такъ писалъ 24 года спустя о преніяхъ, предшествовавшихъ утвержденію редакціи адреса:

„М. А. Безобразовъ выступилъ съ предложеніемъ ходатайствовать передъ верховной властью о призваніи выборныхъ изъ дворянъ къ участію въ законодательныхъ работахъ. Идея исключительно дворянскаго представительства вызвала сильное противодѣйствіе въ средѣ самихъ дворянъ. Но идея о представительствѣ встрѣчена съ сочувствіемъ. Начались замѣчательныя пренія. Многіе изъ говорившихъ обнаружили блестящіе ораторскіе таланты, между прочимъ, молодой предводитель Звенигородскаго уѣзда, Д. Д. Голохвастовъ. Рѣчи Безобразова, графа Орлова-Давыдова, проникнутаго благоговѣніемъ къ англійскимъ учрежденіямъ и съ виду походившаго на англійскаго лорда, и Голохвастова выслушивались съ жаднымъ вниманіемъ. Московская публика толпилась на хорахъ громадной залы Благороднаго Собранія. Засѣданіе имѣло необычайно оживленный видъ. Нападки на бюрократію и министерство внутреннихъ дѣлъ вызывали нерѣдко шумныя одобренія. Между ораторскими эффектами было презрительное произношеніе словъ: министръ или министерство внутреннихъ дѣлъ (припоминаю, какъ очевидецъ, такъ какъ былъ въ числѣ публики на одномъ изъ засѣданій). „Предоставляется предоставить министру внутреннихъ дѣлъ“, произносили съ особою интонаціею ораторы, вызывая смѣхъ. Не мало эффекта произвело также слово: опричина, приложенное молодымъ ораторомъ къ высшей бюрократіи“.

Въ нашей литературѣ есть интересная брошюра Л. А. Тихомирова: „Конституціоналисты 1881 года“, а книги, которая излагала бы конституціонное движеніе въ Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX ст., нѣтъ. Жаль. Эта книга доказала бы, что наши конституціоналисты временъ Александра II только

тормозили благія начинанія и дѣятельность Александра II. Матеріалы для такой книги не трудно было бы найти. Укажемъ, въ видѣ примѣра, на источники и пособія, по которымъ можно было бы написать исторію дворянскаго адреса 11 января 1865 года.

Вотъ они:

1) Н. А. Любимовъ: *„Михаилъ Никифоровичъ Катковъ и его историческая заслуга“* (по документамъ и личнымъ воспоминаніямъ). С.П.Б. 1889 г., стр. 288—302). Любимовъ разсказываетъ не только исторію ходатайства, но и приводитъ толки, вызванные имъ въ заграничной и въ нашей печати (въ „Indépendance Belge“, „Revue des deux Mondes“, „Днѣ“, и „Московскихъ Вѣдомостяхъ“). Приведенный нами отрывокъ изъ воспоминаній Любимова взятъ изъ названной книги.

2) Газета Скарятина *„Вѣсть“*, 1865 годъ, № 4 (14 января). Въ этомъ номерѣ напечатанъ какъ текстъ адреса, такъ и нѣкоторыя изъ произнесенныхъ по его поводу рѣчей, за что „Вѣсть“ была пріостановлена на 8 мѣсяцевъ.

3) Протестъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, найденный въ его бумагахъ и его письмо къ одной знакомой дамѣ по поводу статьи, написанной имъ на другой день „послѣ появленія статьи, помѣщенной въ № 4 газеты *Вѣсть*“. Князь Одоевскій рѣзко высказывался противъ „феодальности“, „верховничества“, „и прочихъ, тому подобныхъ, вещей“. Автору не удалось огласить и напечатать свою статью, но онъ былъ крайне возмущенъ предположеніями московскаго дворянства, касавшимися всего нашего государственнаго устройства.

4) Стихотворенія С. А. Соболевскаго по поводу адреса.

И бумаги князя Одоевскаго, и стихотворенія С. А. Соболевскаго напечатаны во второй книгѣ „Русскаго Архива“ за 1881 г. (стр. 473—494).

Стихотворенія Соболевскаго, бывшаго нѣкогда пріятелемъ Пушкина и Мериме, любопытны, какъ выраженіе политическихъ взглядовъ московскаго юмориста на конституціонную манифестацію, надѣлавшую въ свое время столько шума. Первое стихотвореніе влагалось авторомъ, очевидно, въ уста одного изъ ораторовъ Дворянскаго Собранія, а другое въ уста министра внутреннихъ дѣлъ (Валуева).

I.

Скажи опричникамъ своимъ,
Что мы, по манію народа,

Сюда, подъ сѣнь гнилого свода,[1])
Сошлись, и твердо здѣсь сидимъ.

Или попретъ *одинъ* хожалый
Дворянской Грамоты права?!
Нѣтъ, одного на это мало!
Но, вотъ, является ихъ два...

(Быстро расходятся и даже не заходятъ въ буфетъ).

II.

Наѣвшись щей, напившись квасу,
Ихъ разобралъ патріотизмъ.
Хоть въ двѣсти семьдесятъ два гласа,
Но безопасенъ сей цивизмъ.

Монархъ, исполни ихъ желанье!
Пусть въ два кружка ихъ соберутъ:
Повретъ Дворянское Собранье,
Поперевретъ и лучшій людъ.

Съ Боярской Думою мы сладимъ
Легко, безъ грознаго: „молчи"!
Коль ихъ надеждою поманимъ
На камергерскіе ключи.

Потомъ, лишь будь уха стерляжья,
Икрой зернистой лишь корми,
Шампанскимъ глотки лишь увлажь я,—
И слажу съ лучшими людьми!

С. А. Соболевскій былъ образованный и даровитый человѣкъ съ сатирическимъ складомъ ума. Къ числу его друзей, кромѣ Пушкина, принадлежали: Жуковскій, Глинка, князь Вяземскій, князь Одоевскій, Баратынскій, Дельвигъ, Плетневъ, братъ А. С Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, и сестра поэта, Ольга Сергѣевна. Поэтому мнѣнія Соболевскаго чего-нибудь да стоятъ. О Соболевскомъ не разъ упоминается въ книгѣ Л. Павлищева: „Изъ семейной хроники—воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ" (стр. 174—191 и мног. друг.).

Зло смѣялся надъ конституціоналистами той категоріи, которая проявила себя на московскомъ дворянскомъ собраніи 1865 года, и М. Е. Салтыковъ (Щедринъ) (см. особенно его полупублицистическій, полубеллитристическій очеркъ „Куль-

[1]) Въ домѣ Дворянскаго Собранія хоры въ то время были ветхи, замѣчаетъ редакція „Русскаго Архива".

турная тоска", составляющій первую главу „Культурныхъ людей"). Въ этомъ очеркѣ повѣствуется объ „утробистыхъ" и „чистопсовыхъ" конституціоналистахъ, попадающихъ въ сѣти Солитера. О тонѣ, въ какомъ писалъ о нихъ Салтыковъ, можно судить по слѣдующему отрывку.

„Говорятъ, будто утробистые люди частью въ Москву перебрались, частью у себя, по своимъ губернскимъ клубамъ, засѣли. Тамъ будто бы они не только ѣдятъ и пьютъ, но и разговариваютъ. Только о губернаторахъ говорить не смѣютъ, потому что губернаторы строго за этимъ слѣдятъ. А о прочихъ предметахъ, какъ то: объ икрѣ, севрюжкѣ и даже о Наполеонѣ III—говори, сколько угодно. Говорятъ, былъ даже такой случай: одинъ утробистый взялъ да вдругъ ни съ того, ни съ сего, и ляпнулъ: „конституціи, говоритъ, желаю"! Туда, сюда—къ счастью, губернаторъ зналъ, что старикъ-то выпить любитъ, стало-быть, человѣкъ благонамѣренный.

— Пьянъ, старикъ, былъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство, заставьте Бога за себя молить!

— Ну, Богъ проститъ—ступай! Только впередъ, коли чувствуешь, что пьянъ, сейчасъ бѣги домой и спать ложись.

— Радъ стараться, ваше превосходительство!"

XC.

Первая демонстрація въ пользу созванія центральнаго земскаго собранія.

Петербургское земское собраніе въ первую же свою сессію, въ декабрѣ 1865 г., высказалось въ пользу расширенія дарованныхъ земству правъ и созыва центральнаго земскаго собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству. Въ слѣдующемъ году, когда земскія учрежденія уже были введены въ 33 губерніяхъ, управляемыхъ на общихъ основаніяхъ, петербургскія земскія собранія ознаменовались бурными преніями, пререканіями съ губернаторами и рѣзкими выходками противъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ это самое время нѣкоторыя земства были непріятно поражены Высочайшимъ повелѣніемъ 21 ноября 1866 года, ограничившимъ, въ виду жалобъ на чрезмѣрное обложеніе земскими сборами промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, пользованье этимъ правомъ. По распоряженію Государя въ январѣ 1867 г. петербургское земское собраніе было распущено, губернскія и

уѣздныя управы петербургской губерніи были закрыты, дѣйствіе Положенія о земскихъ учрежденіяхъ было пріостановлено. Эта мѣра была черезъ полгода отмѣнена, вслѣдъ за изданіемъ закона 13 іюня 1867 года, расширившаго права предсѣдателей какъ земскихъ и городскихъ, такъ и всѣхъ сословныхъ собраній. Въ силу этого закона на предсѣдателя возлагалась отвѣтственность за несоблюденіе порядка, ограничивалась гласность совѣщанія и рѣшенія и признавались недѣйствительными, а слѣдовательно, и не подлежащими ни исполненію, ни дальнѣйшему производству, постановленія собраній, противныя закону (Татищевъ, II, 19—20).

Законъ 13 іюня 1867 года, очевидно, былъ изданъ для предупрежденія возможности на будущее время такихъ демонстрацій, постановленій и преній, какими ознаменовались сессіи петербургскаго земскаго собранія и московскаго дворянскаго собранія 1865 года.

XCI.

Почему Императоръ Александръ II не далъ конституціи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать словами благодушнаго Монарха, записанными однимъ изъ главныхъ ораторовъ московскаго дворянскаго собранія 1865 г., Д. Д. Голохвастовымъ.

Въ первомъ томѣ сочиненій С. С. Татищева: „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе" (стр. 533—534), на основаніи записокъ Голохвастова, разсказывается слѣдующій эпизодъ, относящійся къ сентябрю 1865 года, проведенномъ Императоромъ Александромъ II и Императрицею Маріею Александровною въ новопріобрѣтенномъ для Государыни подмосковномъ имѣніи—Ильинскомъ:

„Въ числѣ немногихъ лицъ, принятыхъ Государемъ въ Ильинскомъ, былъ мѣстный звенигородскій уѣздный предводитель дворянства Голохвастовъ, одинъ изъ запальчивѣйшихъ ораторовъ московскаго дворянскаго собранія, говорившихъ въ пользу адреса, представленнаго московскимъ дворянствомъ на Высочайшее имя за годъ передъ тѣмъ. „Я вызвалъ тебя, какъ здѣшняго предводителя"—сказалъ ему Императоръ,—„хотя я долженъ былъ бы на тебя сердиться; но я не сержусь и хочу, чтобы ты самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ. Подумай и скажи, каково мнѣ было знать, что ты публично, при всей залѣ, позоришь именемъ „опричниковъ" тѣхъ людей, которыхъ я удостоилъ довѣрія"... Голохвастовъ просилъ позволенія объяснить

употребленное имъ выраженіе. „Говори правду, я всегда охотно ее слышу",—отвѣтилъ Императоръ. Голохвастовъ увѣрялъ, что подъ словомъ „опричники" онъ разумѣлъ не дружину Іоанна Грознаго, а все, что, по своимъ цѣлямъ, понятіямъ, стремленіямъ, стоитъ опричь земщины, то-есть внѣ, или въ сторонѣ отъ народа. „Важно не слово, а дѣло",—замѣтилъ государь.—„Чего вы хотѣли? Конституціоннаго образа правленія?" Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Голохвастова, Императоръ продолжалъ: „И теперь вы, конечно, увѣрены, что я изъ мелочного тщеславія не хочу поступиться своими правами! Я даю тебѣ слово, что сейчасъ, на этомъ столѣ, я готовъ былъ бы подписать какую угодно конституцію, если бы я былъ убѣжденъ, что это полезно для Россіи. Но я знаю, что сдѣлай я это сегодня, и завтра Россія распадется на куски. А вѣдь этого и вы не хотите. Еще въ прошломъ году вы сами и прежде всѣхъ мнѣ это сказали". Слова эти относились къ адресу московскаго дворянства по поводу польскаго возстанія".

Очевидно, что Императоръ Александръ II прекрасно сознавалъ благодѣтельное для Россіи значеніе Самодержавія, какъ вѣрнѣйшаго залога единства Имперіи, столь необходимаго ей въ виду ея громадности, религіозной, племенной, бытовой и всякой иной розни.

Слова, сказанныя императоромъ Александромъ II Д. Д. Голохвастову дышатъ искренностью, мудростью и беззавѣтною любовью къ родинѣ и могутъ быть названы его политическимъ откровеніемъ и политическимъ завѣщаніемъ потомству.

XCII.

Изъ воспоминаній современника о концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія.

Какое впечатлѣніе производило на Императора Александра II и безвременно скончавшагося Цесаревича Николая Александровича конституціонное броженіе, совпавшее съ подготовленіемъ реформы 19 февраля, съ введеніемъ судебныхъ уставовъ и земства?

Князь В. П. Мещерскій, имѣвшій возможность близко наблюдать придворную жизнь первой половины 60-хъ годовъ и состоявшій въ числѣ приближенныхъ Цесаревича Николая Александровича, разсказываетъ много интереснаго о петербургскомъ настроеніи того времени, о политическихъ вопросахъ, которые тогда усердно обсуждались въ частныхъ круж-

кахъ, о широкомъ вліяніи Герцена, о тяжеломъ впечатлѣніи, которое производило на Царя-Освободителя противодѣйствіе, встрѣченное имъ съ разныхъ сторонъ, порицаніе его благихъ начинаній и антимонархическія теченія. . . . . . .

„Герценъ основалъ эпоху обличенія... . . . .

„Это обличеніе стало болѣзнью времени, и оно-то испортило нравственно и духовно ту среду, изъ которой должна была исходить серьезная и строго провѣренная реформаторская дѣятельность. А такъ какъ въ основу Герценскаго обличенія легла его мелочная, личная, а потому антипатріотическая ненависть къ Николаю I, то этимъ и объясняется, почему эпоха Герценскаго террора соединилось съ эпохою безсмысленнаго развѣнчиванія великой нравственной фигуры Николая I.

„Помню я, какъ одинъ почтенный другъ нашей семьи, старый служака николаевскихъ временъ, разсказывалъ съ меланхоличнымъ юморомъ, какъ *теперь* у нихъ во всѣхъ министерствахъ забили тревогу; вездѣ явились корреспонденты Герцена изъ министерства; то были и столоначальники, и начальники отдѣленій, вслѣдствіе этого всѣ начальства до министра включительно—съ одной стороны—трепетно и злобно доискивались: кто ихъ Іуда, а съ другой стороны—жили въ нервномъ страхѣ Герцена, ибо знали, что Герценъ имѣетъ читателей въ Зимнемъ дворцѣ.

„О томъ, какъ велика была сила этого легкомысленнаго, этого глупаго страха герценовскихъ обличеній, свидѣтельствовалъ всего краснорѣчивѣе тотъ фактъ, о которомъ, именно тогда говорили,—что никто и помыслить не смѣлъ принять мѣры къ прекращенію этой дѣятельности Герцена, бравшаго свою силу не въ Лондонѣ, гдѣ онъ жилъ, а въ Россіи, въ тѣхъ департаментахъ и учрежденіяхъ, которые поставляли Герцену обличительный матеріалъ.

„Западно-европейскія конституціи крайне интересовали въ то время русское общество. . . . . . .

„Я говорилъ, замѣчаетъ князь Мещерскій, о томъ, насколько, въ смыслѣ политическаго образованія, мы, правовѣды, выходили изъ нашей alma mater круглыми невѣждами. Мы понятія не получали о государственномъ правѣ въ европейскихъ государствахъ. Вотъ почему, когда въ эту зиму (1863 г.) воспитатель герцога Н. М. Лейхтенбергскаго, К. Г. Ребиндеръ, предложилъ мнѣ слушать лекціи М. И. Куторги о европейскихъ конституціяхъ, я съ благодарностью вступилъ въ число аккуратныхъ слушателей. . . . .

„Лекціи эти читались весьма оживленно и, слѣдовательно-

интересно. На нихъ Куторга познакомилъ насъ въ образцами всѣхъ конституцій европейскихъ, отъ англійскаго парламентаризма начиная. Послѣ одной изъ лекцій, кто-то изъ слушателей обратился къ Куторгѣ съ вопросомъ, очень для него щекотливымъ: что лучше, по его мнѣнію: конституціонное или Самодержавное управленіе? Куторга очень умно отвѣтилъ, что то государство сильно, гдѣ управленіе есть исторически сложившійся порядокъ: Англія не потому крѣпка, что у нея конституція, а потому, что ея управленіе, есть исторически сложившійся порядокъ; про Россію можно сказать тоже самое; неизвѣстно—будетъ ли Россія сильнѣе отъ конституціи; но несомнѣнно—ея сила заключается въ томъ, что ея управленіе есть исторически развившійся въ ней порядокъ".

Толки о преимуществахъ конституціоннаго режима доходили до Цесаревича, и онъ однажды сказалъ по поводу ихъ:

„Нѣкоторые говорятъ, что людей создаетъ конституціонный образъ правленія. Я объ этомъ не разъ думалъ и кое съ кѣмъ разговаривалъ. По моему врядъ ли это вѣрно.. Посмотрите вѣкъ Екатерины... Вѣдь это былъ вѣкъ богатѣйшій людьми—не только у насъ, но сравнительно во всей Европѣ. Возьмите николаевскую эпоху... Сколько людей замѣчательныхъ онъ вокругъ себя создалъ... Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ, что форма правленія тутъ не при чемъ. Это мое твердое убѣжденіе, и я надѣюсь, что никто меня въ этомъ отношеніи не разубѣдитъ. Мнѣ представляется, что неограниченный монархъ можетъ гораздо болѣе сдѣлать блага для своего народа, чѣмъ ограниченный, потому что въ каждой палатѣ гораздо болѣе интересовъ личныхъ и партійныхъ, чѣмъ можетъ ихъ быть въ самодержавномъ государѣ..."

Въ 1865 году Императоръ Александръ II былъ настроенъ уже весьма пессимистически.

Тотъ же авторъ, говоря о переломѣ въ настроеніи Императора Александра II, ясно обозначившемся въ половинѣ 60-хъ годовъ, замѣчаетъ:

„Подъ веселые звуки вальса и мазурки устраивались по обычаю браки большого свѣта, но подъ тѣ же веселые звуки велись разговоры о земствѣ и о конституціи, о выкупныхъ свидѣтельствахъ, о желѣзнодорожныхъ обществахъ и, вообще, о всѣхъ злобахъ дня...

„Я помню одного губернатора, который говорилъ мнѣ самымъ серьезнымъ образомъ: здѣсь такъ веселятся, что некогда найти время говорить о серьезныхъ вопросахъ... Два

бала, или три вечера въ одинъ вечеръ—были не рѣдкимъ для насъ явленіемъ въ эту зиму..

„Этотъ губернаторъ разсказывалъ мнѣ свое представленіе Государю... Оно врѣзалось мнѣ въ память потому, что имѣло особенно интересный характеръ... Губернаторъ ожидалъ, представляясь Государю, обычнаго пріема или общаго, или особеннаго, но по обыкновенной программѣ вопросовъ.. Вмѣсто этого съ нимъ случилось нѣчто неожиданное. Государь его принялъ въ своемъ кабинетѣ и, послѣ нѣсколькихъ словъ, говоритъ ему: ну, садись и разсказывай мнѣ все, что у тебя въ губерніи дѣлается... А самъ Государь сталъ ходить по кабинету. Пріемъ обратился въ экзаменъ. Онъ началъ говорить по порядку: съ дворянства...

— Что, дворянство очень на меня сердится за освобожденіе крестьянъ?—спросилъ, полушутя, Государь.

„Губернаторъ отвѣтилъ, что этого чувства онъ никогда не замѣчалъ въ дворянствѣ.

— Ils font bonne mine à mauvais jeu,—сказалъ Государь,—ils veulent se rattraper sur le земство... А у тебя оно спокойно?—спросилъ серьезно Государь.

„Губернаторъ отвѣтилъ, что спокойно.

— Столичныя земства,—сказалъ Государь,—даютъ дурной примѣръ, къ сожалѣнію. Они вздумали было меня учить, что дѣлать... Я надѣюсь, что губернаторы сумѣютъ сдерживать нетерпѣливые и слишкомъ увлекающіеся умы въ губерніи—съ тактомъ и съ энергіею...

„Я спросилъ губернатора, какъ говорилъ Государь эти слова: съ гнѣвомъ, или спокойно?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—безъ всякаго гнѣва, а скорѣе добрымъ голосомъ и совсѣмъ спокойно.

„Вспоминаю, что когда губернаторъ заговорилъ о народѣ и о его благодарности,—Государь сразу его прервалъ.

— Ну, насчетъ народной благодарности ты можешь мнѣ не говорить: я ни въ чью благодарность не вѣрю.

„Это было въ январѣ 1865 года. Я запомнилъ эти грустныя слова потому, что какъ разъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ я слышалъ изъ устъ Государя тѣ же мысли, обращенныя лѣтомъ къ графинѣ Блудовой въ китайской гостиной за чайнымъ столомъ".

Въ другомъ мѣстѣ кн. В. П. Мещерскій, говоря о переломѣ въ настроеніи Императора Александра II, ясно обозначившемся въ половинѣ 60-хъ годовъ, замѣчаетъ:

„Да, уже это время далеко, далеко—мы всѣ это чувство-

вали,—было отъ той прекрасной весны въ душѣ Государя, когда въ 1861 году въ Святыхъ горахъ, и потомъ въ Крыму Государь такъ наслаждался своею Царскою дѣятельностью, такъ любилъ свое великое дѣло и такъ вѣрилъ въ свое призваніе и въ чоловѣка.

„Въ три года онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Даже въ домашнемъ кругу его мы знали о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ обычаяхъ, которые были въ связи съ этою перемѣною въ настроеніи и во взглядахъ Государя. Такъ, напримѣръ, гостиная Императрицы была уже не та. Прежде, съ начала царствованія, въ Петербургѣ говорили объ этой гостиной, потому что въ ней разъ или два раза въ недѣлю бывали небольшіе вечера, гдѣ велась оживленная бесѣда о вопросахъ русской жизни, и на которые приглашались люди, называвшіеся въ обществѣ умными или достойными вниманія. Вечера эти имѣли живой смыслъ и благотворное вліяніе, внося въ придворную атмосферу много правдивыхъ отголосковъ жизни. Тогда же говорилось много о благомъ вліяніи Императрицы на многія дѣла и на многіе государственные взгляды. Но въ 1864 году уже этихъ вечеровъ исчезли и слѣды. И всѣ знали съ грустью, что Императрица старалась отстраняться отъ всякаго прямого вмѣшательства въ дѣла. Почему? Увы, отвѣтъ былъ очень простъ: потому, что стали находиться люди, которые этому умному, умѣряющему и спокойному вліянію Императрицы признавали нужнымъ мѣшать, дабы другія, менѣе умѣренныя и спокойныя вліянія не могли ея вліяніемъ парализоваться. Вечера бывали, но они имѣли характеръ свѣтскій и абсолютно не политическій, или же заключались въ чтеніи какой-нибудь беллетристической вещи. Только по средамъ, когда Государь уѣзжалъ на охоту, Императрица собирала у себя за обѣдомъ иногда людей для политическихъ бесѣдъ...

„Тогда мы задавали себѣ вопросъ: какъ объяснить это столь скоро наступившее разочарованіе въ Государѣ?.. Увы, причинъ этому было много... Десять лѣтъ прошло съ начала Его царствованія... Сколько людей наговорили Ему въ эти десять лѣтъ худого о худомъ и хорошемъ, и какъ мало, напротивъ, людей говорили ему хорошее о хорошемъ и въ извиненіе худого. Печать на 1/10 говорила о благодарности и на 9/10 говорила во имя отрицанія, обличенія и осужденія. Подпольная и заграничная русская публицистика была полна доносами, обвиненіями и злобою. Каждый день подавались Государю въ разныхъ видахъ всѣ людскіе злые отзывы и злыя сплетни... Это одна сторона. А другая еще понятнѣе. Въ пер-

вые дни своего царствованія Государь только жилъ для мечтанія и желаній добра. Онъ могъ, слѣдовательно, ожидать отъ людей довѣрія и терпѣнія къ своимъ прекраснымъ и благолюбивымъ стремленіямъ. Но нѣтъ; едва онъ дѣлалъ благое дѣло, никто не успѣвалъ еще сказать: спасибо, какъ начиналось нетерпѣливое требованіе другого, еще и еще; нервная похоть къ новому и къ реформѣ была главнымъ двигателемъ всѣхъ, и чтобы ни дѣлалъ Государь, всѣ дѣла встрѣчала критика однихъ и нетерпѣливыя требованія другого отъ другихъ... Ему не давали услыхать и увидать благодарность на дѣлѣ... Трудно-ли было при этихъ условіяхъ, окружавшихъ Царя не разочароваться“ [1]).

XCIII.

С. В. Барсовъ объ Императорѣ Александрѣ III.

Вотъ какъ оплакивалъ 21-го октября 1894 года талантливый московскій писатель и ученый Е. В. Барсовъ безвременную кончину Императора Александра III:

„О, Боже, что сдѣлалось, что совершилось надъ нами!

Царь Александръ III уже навсегда оставилъ Русскую Землю, и Духъ Его уже навсегда покинулъ дѣла человѣческія. Кто не содрогнется и не восплачетъ при этомъ страшномъ зрѣлищѣ меча Божія, покаравшаго Святую Русь?

Не стало Царя, носившаго въ Собственной душѣ всю душу крестоноснаго Русскаго народа!

Не стало Царя, дышавшаго завѣтами исторіи и самоотверженно, до послѣдняго издыханія, вѣрно и неизмѣнно служившаго своему небесному призванію.

Не стало Царя, Поборника вѣры и ревнителя Церкви Православной, озарившаго лучами истиннаго благочестія Царскій тронъ въ поученіе и разумъ Своему народу.

Не стало Печальника Русской земли, облегчившаго народныя страды и денно-нощнымъ трудомъ устранявшаго нестроенія и водворявшаго всюду порядокъ и благоденствіе.

Не стало Царя, торжественно возвѣстившаго, среди смутъ и колебаній, истину Самодержавія и поднявшаго знамя его такъ высоко, что предъ нимъ стали благоговѣть западные народы.

Не стало Самодержца, вершителя судебъ всего міра, облагодѣтельствовавшаго и югъ, и западъ, и востокъ благами мира.

[1]) „Мои воспоминанія“ князя В. П. Мещерскаго, I, стр. 68, 70, 289—290, 406, 433—434, 435—437.

Слезы льются, сердце рвется, давитъ тоска великая, неугасимая...

Но не будемъ унывать и падать духомъ, какъ народы, не имущіе упованія. Царь, въ Бозѣ почившій, научилъ насъ вѣровать въ Провидѣніе.

Перекрестись, православный русскій человѣкъ, и помяни душу почившаго возлюбленнаго Царя нашего Александра III!..

XCIV.

Императоръ Александръ III въ характеристикахъ К. П. Побѣдоносцева и графа А. А. Голенищева-Кутузова.

Книга для народнаго чтенія Радонежскаго „Родина" заканчивается двумя прекрасными характеристиками Императора Александра III, написанными подъ впечатлѣніемъ безвременной кончины „носителя идеаловъ" [1]). Первая принадлежитъ К. П. Побѣдоносцеву, а вторая графу А. А. Голенищеву-Кутузову. Вотъ обѣ эти характеристики:

1) „Съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ тоской и рыданіемъ ждала Москва Царя своего. И вотъ, наконецъ, *взяшася врата плачевная*: Онъ здѣсь, посреди насъ, бездыханный, безмолвный, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ являлся намъ вѣнчанный и превознесенный, во всей красѣ своей, и душа умилялась, на Него глядя, и мы плакали отъ умиленія радостными слезами. Нынѣ на томъ же мѣстѣ плачемъ и рыдаемъ, помышляя смерть!

„Страшно было вступленіе Его на царство. Онъ возсѣлъ на престолъ Отцовъ Своихъ, орошенный слезами, поникнувъ главою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихій свѣтъ, горѣвшій въ душѣ Его, со смиреніемъ, съ покорностью волѣ Промысла и долгу, разсѣялъ скопившіеся туманы, и Онъ воспрянулъ оживить надежды народа. Когда являлся Онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь Его, но взоры Его были краснорѣчивѣе рѣчей, ибо привлекали къ себѣ душу народную: въ нихъ сказывалась сама тихая и глубокая, и ласковая народная душа, и въ голосѣ Его звучали сладостныя и одобряющія сочувствія. Не видѣли Его господственнаго величія въ дѣлахъ побѣды и военной славы, но видѣли и чувствовали, какъ отзывается въ душѣ Его всякое горе человѣческое и всякая нужда, и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды, лжи и насилія. Таковъ, самъ собою, вы-

[1]) Такъ называлъ Императора Александра Александровича извѣстный публицистъ Л. А. Тихомировъ.

росъ образъ Его предъ народомъ, предо всею Европой и предъ цѣлымъ свѣтомъ, привлекая къ Нему сердца и безмолвно проповѣдуя всюду благословеніе мира и правды.

„Не забудетъ Москва лучезарный день Его Коронаціи, свѣтлый, тихій, точно день пасхальный. Тутъ, казалось, Онъ и Его Россія глядѣли другъ другу въ очи, лобзая другъ друга. Благочестивый Царь, облеченный всѣмъ величіемъ сана и священія церковнаго, являлъ своему народу *въ церкви* и все величіе своего царственнаго *смиренія*. Не забыть той минуты, когда сіялъ на челѣ Его царскій вѣнецъ, и предъ Нимъ, колѣнопреклоненная, принимала отъ Него вѣнецъ Царица—Она, обреченная Ему, какъ залогъ любви, на одрѣ смертномъ, умирающимъ Братомъ. Съ того самаго дня полюбилъ Ее народъ, увѣровавъ въ святость благословеннаго Богомъ союза и, когда они являлись народу, неразлучные, вмѣстѣ, въ Его и въ Ея взорахъ чуялъ одну и ту-же ласку любящей русской души.

„И вотъ, явился гробъ Его въ сердцѣ Россіи, въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ, подъ коими почіютъ начальные вожди земли русской. Кого изъ всѣхъ уподобить Ему! Всѣхъ ихъ оплакалъ въ свое время сиротствующій народъ, оплакалъ и тишайшаго царя Алексѣя... Но надъ кѣмъ были такія слезы! Надъ кѣмъ такъ скорбѣла и жалилась душа народная!

„Проводила Его Москва, проводила на вѣкѣ, и желѣзный конь унесъ Его далеко въ новую усыпальницу царей русскихъ. Прощай, возлюбленный Царь нашъ! Прощай, Благочестивый, милый народу, *тишайшій* Царь Александръ Александровичъ!.. Господь даровалъ намъ Твое тринадцатилѣтнее царствованіе... И Господь отъялъ! Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка.

Побѣдоносцевъ.

* * *

2) Съ душой, проникнутой любовью и смиреньемъ,
Съ печатью благости и мира на челѣ,
Онъ былъ ниспосланнымъ отъ Бога воплощеньемъ
Величія, добра и правды на землѣ.
Въ дни смуты, въ темное, безрадостное время
Мятежныхъ замысловъ, безвѣрья и угрозъ,
Подъялъ на рамена Онъ Царской власти бремя
И съ вѣрой до конца то бремя Божье несъ.
Но не гордынею и силой грозной власти,
Не блескомъ суетнымъ, не кровью и мечемъ,—

Онъ ложь, и непріязнь, и лесть, и злыя страсти
Смирилъ и побѣдилъ лишь правдой и добромъ.
Онъ возвеличилъ Русь, Свой подвигъ ни единой
Не омрачивъ враждой, не требуя похвалъ;
И—тихій Праведникъ—предъ праведной кончиной,
Какъ солнце въ небесахъ, надъ міромъ просіялъ!
Людская слава—дымъ, и жизнь земная бренна;
Величье, шумъ и блескъ—все смолкнетъ, все пройдетъ!
Но слава Божія безсмертна и не тлѣнна;
Царь-Праведникъ въ родныхъ преданьяхъ не умретъ.
Онъ живъ—и будетъ жить!—И въ горнюю обитель
Съ престола вознесенъ передъ Царемъ-Царей,
Онъ молится—нашъ Царь, нашъ свѣтлый Покровитель—
За Сына, за Семью, за Русь... за всѣхъ людей!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

XCV.

Архіепископъ Никаноръ о семейной жизни Императора Александра III.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ проповѣдниковъ временъ Императора Александра III, архіепископъ одесскій и херсонскій Никаноръ, такъ обрисовалъ въ одномъ изъ своихъ Словъ идеально-чистую семейную жизнь Александра III:

„Кто изъ насъ не видитъ идеалъ христіанской, семейной супружеской любви въ самой благородной четѣ, поставленной на самый высокій свѣщникъ, чтобы свѣтить чистѣйшимъ свѣтомъ во всѣ концы Святой Руси? Кто не видитъ тамъ Супругу, Которая во время продолжительной, тяжкой, даже заразительной болѣзни Мужа не отошла отъ Него ни на шагъ, и отходила Его не только пламенною молитвой беззавѣтно любящаго сердца, но и самоотверженнымъ трудомъ Собственныхъ рукъ! Кто не видитъ тамъ Отца, Который среди безчисленныхъ, самыхъ тяжкихъ думъ и заботъ отдыхаетъ, принимая радостное участіе въ играхъ Собственныхъ малыхъ дѣтей? Кто не видитъ тамъ цѣлое семейство, которое произнесло Богу обѣтъ всегда неразлучно окружать Отца среди постоянно угрожающихъ его жизни опасностей, окружать въ видѣ сонма ангеловъ хранителей, не взирая на собственную опасность вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать? И спасаютъ, спасаютъ своею преданностію, своею молитвою, однимъ словомъ присутствіемъ. У коварнаго злодѣя не поднимется рука на нихъ, на всѣхъ... И Богъ спасаетъ; спасаетъ даже явно чудодѣйственно, спа-

саетъ всѣхъ ихъ, идеально прекрасное, христіанское, святое семейство для счастія и поученія Россіи“ [1]).

XCVI.

Думы у гроба Императора Александра III.

Кончина Царя-Миротворца вызвала и въ русской, и въ заграничной печати множество статей объ историческомъ значеніи Императора Александра III и объ его нравственномъ обликѣ. Она произвела потрясающее впечатлѣніе какъ въ Россіи, такъ и за ея предѣлами, при чемъ обнаружилось, что и иностранцы хорошо понимали кого лишился міръ въ монархѣ, олицетворявшемъ собою высокія начала Русскаго Самодержавія. Не только французскія, но и германскія и англійскія газеты почтительно преклонялись передъ заслугами, дѣяніями и характеромъ Царя-Миротворца. Но, конечно, только въ Россіи чувствовалась вся боль понесенной утраты. Вотъ, напримѣръ, какъ она отразилась въ „Думахъ“ [2]) у гроба почившаго Монарха:

Думы.

Въ своемъ гробѣ слышишь-ли Ты, что плачъ стоитъ надъ необъятнымъ просторомъ Твоей Россіи, потому что солнце ея закатилось; по Тебѣ Русская земля стонетъ. Ей говорятъ, что Тебя ужъ нѣтъ болѣе съ нами...

Спи тихо, нашъ Царь!

Ты усталъ отъ работы. Съ тѣхъ поръ какъ ты лилъ чистыя слезы передъ Богомъ, надѣвая Царскій вѣнецъ, Ты вытерпѣлъ много—Ты ковалъ нашу славу и счастье; теперь руки ослабѣли и пали.

Спи, отдыхай, Богатырь земли Русской!

Спи безмятежно, Кроткій Работникъ! Твоя правдивая жизнь запала намъ въ душу, и Царскій завѣтъ Твой будетъ нерушимъ, завѣтъ вѣровать въ нашу Русь и служить ей, какъ Ты послужилъ ей всей Твоей мыслью и силой до смерти.

Бодро мы станемъ, вдохновясь Твоимъ именемъ и будемъ

---

[1]) Поученія т. III, стр. 460.

[2]) Далѣе приводимые отрывки изъ „Думъ“ заимствованы изъ сборника „*Императоръ Александръ III*“. С.П.Б. 1894 г. Въ этой объемистой и интересной книгѣ собрано множество отзывовъ объ Императорѣ Александрѣ III, появившихся въ русскихъ и заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ впечатлѣніемъ Его кончины, цѣлый рядъ воспоминаній о Немъ, Его портреты, автографы и т. д.

мы думать: Ты съ нами и, когда мы увидимъ Тебя, Ты спросишь отвѣтъ съ насъ. А пока надеженъ покой Твой: вокругъ Тебя миръ, который хранилъ Ты, и вѣрная Россія, и на родномъ небѣ горитъ Твоимъ свѣтомъ древнее слово: „Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ".

Для Тебя у Россіи нѣтъ смерти.

Спи тихо, нашъ праведный Царь!

XCVII.

Объ идеализаціи Стеньки Разина и о памяти, оставленной имъ въ народѣ.

Къ какимъ дикимъ и нелѣпымъ выводамъ можетъ приводить сплошная идеализація всѣхъ историческихъ явленій старинной Руси можетъ служить стихотвореніе г-на Навроцкаго „Утесъ на Волгѣ", ставящее на пьедесталъ . . . . . . Стеньку Разина! Это стихотвореніе шероховато, нескладно по формѣ и, вообще, лишено всякихъ художественныхъ достоинствъ. Несмотря на то, оно сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ и печатается во всѣхъ сборникахъ, добивающихся распространенія среди большой публики, особенно среди учащейся молодежи.

И чего только нѣтъ въ этомъ стихотвореніи!

Бугоръ здѣсь называется утесомъ, при чемъ патетически замѣчается, что утесъ, осчастливленный пребываніемъ на немъ почтеннаго атамана Степана Тимоѳеевича,

Ни нужды, ни заботы не знаетъ.

Точно будто другіе приволжскіе „утесы" не имѣютъ покоя отъ нужды и заботъ.

Разбойничьи замыслы Стеньки Разина именуются великимъ дѣломъ.

Его пребываніе на утесѣ воспѣвается такимъ тономъ, какъ будто рѣчь идетъ о Моисеѣ и Синаѣ.

Народныя пѣсни прилагаютъ эпитетъ: буйная къ слову *голова*, а у г-на Навроцкаго Стенька Разинъ надѣляется даже буйными костями.

Звѣрскія, кровавыя выходки Стеньки Разина величаются у г-на Навроцкаго „удалымъ" житьемъ.

Поэтъ, очевидно, принялъ за чистую монету калмыцкую сказку, вложенную Пушкинымъ въ „Капитанской дочкѣ" въ уста Пугачева.

Верхомъ безсмыслицы и лубочной декламаціи являются двѣ послѣднія строфы „Утеса":

Но за то, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую любилъ
И во имя ея подвизался,

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ.
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Итакъ, воспоминанья о бунтѣ залитаго кровью Стеньки Разина, воспоминанья объ его гнусныхъ насиліяхъ и разнузданности имѣютъ чудодѣйственную способность воспламенять умы и сердца лучшихъ русскихъ людей, поддерживать ихъ въ борьбѣ съ корыстью и неправдой!...

Что сказать по поводу приглашенія русскихъ общественныхъ дѣятелей предпринимать поѣздки на Волгу въ видахъ поклоненія утесу Стеньки Разина? Можно сказать только одно: бумага все терпитъ.

Горе поколѣнію, которое воспитывается на идеализаціи такихъ людей, какъ Стенька Разинъ и Емелька Пугачевъ!..

Вѣдь и Разинъ и Пугачевъ внесли въ русскую исторію самыя печальныя и мрачныя страницы, ибо они увѣровали въ злодѣйство и поклонились ему.

И г-нъ Навроцкій, и другіе панегеристы Стеньки Разина (г-нъ Скиталецъ, напр., въ разсказѣ „Сквозь строй“), ссылаются обыкновенно на мнимое уваженіе, питаемое народомъ къ ихъ памяти. Послѣдняя глава извѣстнаго изслѣдованія покойнаго Костомарова „Бунтъ Стеньки Разина“ показываетъ, что это за „уваженіе“. Народъ помнитъ Стеньку, какъ воплощеніе страшной и злой силы. Въ народныхъ преданіяхъ Стенька Разинъ представляется не только душегубцемъ и сущимъ звѣремъ, но и врагомъ Христовой Церкви, какимъ-то предтечею антихриста, проклятымъ „семью соборами“.

Вотъ нѣкоторыя изъ преданій и разсужденій приволжскаго люда о Стенькѣ Разинѣ, записанныя Костомаровымъ, относившимся къ Разину безъ всякаго предубѣжденія и видѣвшимъ въ немъ порожденіе козачества, ратовавшаго во имя отжившаго свой вѣкъ удѣльно-вѣчевого уклада, по своему существу враждебнаго началамъ Самодержавія и Единодержавія.

„Стенька дотронулся до кандаловъ разрывомъ-травою— кандалы спали; потомъ Стенька нашелъ уголекъ, нарисовалъ на стѣнѣ лодку, и весла, и воду, все какъ есть, да, какъ из-

вѣстно, былъ колдунъ, сѣлъ въ эту лодку и очутился на Волгѣ. Только ужъ не пришлось ему больше гулять: ни Волга матушка, ни мать-сыра земля не приняли его. Нѣтъ ему смерти. Онъ и до сихъ поръ живъ. Одни говорятъ, что онъ бродитъ по городамъ и лѣсамъ и помогаетъ иногда бѣглымъ и безпаспортнымъ. Но больше говорятъ, что онъ сидитъ гдѣ то въ горѣ и мучится".

А вотъ легендарный разсказъ какихъ-то русскихъ матросовъ о томъ, что съ ними произошло на берегу Каспійскаго моря, на пути въ Россію изъ тюркменскаго плѣна:

„Мы подъ гору сѣли, говоримъ между собою по-русски, какъ вдругъ позади насъ кто-то отозвался: „здравствуйте, русскіе люди"! Мы оглянулись: анъ изъ щели, изъ горы, вылазитъ старикъ—сѣдой-сѣдой, старый, древній—ажно мохомъ поросъ. „А что?"—спрашиваетъ насъ,—„вы ходите по русской землѣ: не зажигаютъ тамъ сальныхъ свѣчей вмѣсто восковыхъ?" Мы ему говоримъ:—„Давно, дѣдушка, были на Руси; шесть лѣтъ въ неволѣ пробыли; а какъ живали еще на Руси. такъ этого не видали и не слыхали!"—„Ну, а бывали вы въ Божіей церкви, въ обѣднѣ, на первое воскресенье великаго поста?"—„Какъ же, дѣдушка, бывали!"—„А слыхали, какъ проклинаютъ Стеньку Разина?"—„Слыхали".—„Такъ знайте-жъ, я Стенька Разинъ. Меня земля не приняла за мои грѣхи: за нихъ я проклятъ. Суждено мнѣ страшно мучиться. Два змѣя сосали меня—одинъ змѣй со полуночи до полудня, другой со полудня до полуночи; сто лѣтъ прошло—одинъ змѣй отлетѣлъ, другой остался, прилетаетъ ко мнѣ въ полночь и сосетъ меня за сердце; я мучусь, къ полудню умираю и лежу совсѣмъ мертвый, а послѣ полудня оживаю, и вотъ, какъ видите, живъ и выхожу изъ горы; только далеко нельзя мнѣ идти: змѣй не пускаетъ, а какъ пройдетъ сто лѣтъ, на Руси грѣхи умножатся да люди Бога станутъ забывать и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ передъ образами, тогда я пойду опять по свѣту и стану бушевать пуще прежняго. Разскажите объ этомъ всѣмъ на святой Руси!"

Весьма вразумительны и слова одного 110-лѣтняго старика, жившаго близъ города Царицына и собственными глазами видѣвшаго Пугачева:

„Тогда (говорилъ онъ) иные думали, что Пугачевъ-то и есть Стенька Разинъ; сто лѣтъ кончилось, онъ и вышелъ изъ своей горы". Впрочемъ, самъ старикъ не вѣритъ этому: зато вѣритъ вполнѣ, что Стенька живъ и придетъ снова. „Стенька (говоритъ онъ) это мука мірская! это кара Божія! Онъ при-

деть, непремѣнно придетъ, и станетъ по рукамъ разбирать... Онъ придетъ, непремѣнно придетъ... Ему нельзя не придти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ, тяжкія настанутъ времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!"

Очевидно, что почетъ поволжскаго люда къ памяти Стеньки Разина, воспѣтый г-номъ Навроцкимъ и раздутый г-номъ Скитальцемъ, весьма двусмысленный почетъ, котораго, не пожелаетъ для себя никакой руководитель политическими движеніями народа. Такой „почетъ" мало чѣмъ отличается отъ безславія и проклятія. А все-таки слѣдовало бы снять печать таинственности со Стеньки Разина и ознакомить приволжскій людъ въ цѣломъ рядѣ общедоступныхъ, какъ по цѣнѣ, такъ и по изложенію, изданій со Стенькою Разинымъ и его сподвижниками...

XCVIII.

О томъ, какъ эксплоатировалъ Стенька Разинъ въ своихъ интересахъ преданность народа Царю и Династіи.

„Бунтъ Стеньки Разина" Костомарова подтверждаетъ, что Стенька прекрасно понималъ значеніе русскаго монархическаго чувства и старался пользоваться имъ въ своихъ интересахъ, т. е. морочить народъ своею мнимою преданностью Царю:

„Стенька говорилъ, что козаки подклоняютъ его царскому величеству острова, которые завоевали саблею у персидскаго шаха".

Бесѣдуя подъ Астраханью съ нѣмцами, состоявшими на царской службѣ, Стенька Разинъ пилъ за здоровье Царя Алексѣя Михайловича.

„Стенька далъ знакъ, чтобы они сѣли, и при нихъ же налилъ водки и выпилъ, сказавъ:

— Пью за здоровье его царскаго величества, великаго государя!

„О, какими лживыми устами, о, съ какимъ коварнымъ сердцемъ произнесъ онъ эти слова!"—говоритъ свидѣтель.

Когда царицынскіе стрѣльцы сокрушались о томъ, что измѣнили государю, Стенька сказалъ имъ:

— Вы бьетесь за измѣнниковъ бояръ, а я со своими козаками сражаюсь за великаго государя.

Взявъ Астрахань, Стенька привелъ астраханцевъ, обращенныхъ въ козаки, къ крестному цѣлованію. Онъ велѣлъ

имъ присягать *стоять за великаго государя* и за своего атамана Степана Тимоѳеевича, войску служить и измѣнниковъ выводить.

Какъ ни неистовствовалъ Стенька въ Астрахани, но онъ съ толпою козаковъ, какъ будто ради торжества, приходилъ къ митрополиту въ гости въ день тезоименитства царевича Ѳеодора. Вообще, Стенька, хотя и говорилъ, что онъ сожжетъ у государя наверху всѣ дѣла (Стенька съ ненавистью относился къ писанной бумагѣ), но притязаній на верховную власть не заявлялъ. „Я не хочу быть царемъ, говорилъ онъ козакамъ, хочу жить съ вами, какъ братъ“.

„Легко было возмутить народъ ненавистью къ боярамъ и чиновнымъ людямъ; легко было поднять и рабовъ противъ господъ; но было трудно поколебать въ массѣ русскаго народа уваженіе къ царской особѣ. Стенька, поправшій и Церковь, и верховную власть, зналъ, что уваженіе къ нимъ въ русскомъ народѣ очень крѣпко, и рѣшился прикрыться самъ личиною этого уваженія. Онъ изготовилъ два судна: одно было покрыто краснымъ, другое чернымъ бархатомъ. О первомъ онъ распространилъ слухъ, будто въ немъ находится сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, умершій въ томъ же году 17 января. Какой-то черкесскій князекъ, взятый казаками въ плѣнъ, принужденъ былъ поневолѣ играть роль царевича. Стенькины прелестники толковали народу, что царевичъ не умеръ, а убѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и что теперь Стефанъ Тимоѳеевичъ идетъ возводить его на престолъ. Царевичъ, говорили они, приказываетъ всѣхъ бояръ, думныхъ людей дворянъ и всѣхъ владѣльцевъ помѣщиковъ, и вотчинниковъ, и воеводъ, и приказныхъ людей искоренить, потому что они всѣ измѣнники и народные мучители, а какъ онъ воцарится, то будетъ всѣмъ воля и равность. Повсюду эмиссары разносили эти вѣсти, и въ отдаленномъ отъ Волги Смоленскѣ одинъ изъ нихъ увѣрялъ народъ, что собственными глазами видѣлъ царевича и говорилъ съ нимъ: съ тѣмъ и на висѣлицу пошелъ. Въ другомъ суднѣ, покрытомъ чернымъ бархатомъ, находился, какъ говорили прелестники, низверженный царемъ патріархъ Никонъ. Такимъ образомъ, Стенька этими двумя путями хотѣлъ поселить въ народѣ неудовольствіе къ царю Алексѣю Михайловичу“.

Бунтовщики усвоили себѣ тактику своего предводителя и внушали новымъ товарищамъ, что бунтъ поднятъ въ защиту царевича Алексѣя Алексѣевича.

— Вотъ какъ Нижній возьмемъ, говорили они, хвастаясь

и завлекая товарищей, тогда вы, крестьяне, увидите царевича; а мы идемъ за царевича Алексѣя Алексѣевича и за батюшку нашего, Стефана Тимоѳеевича (*Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова*, кн. I, стр. 442, 446, 454, 465, 466, 468, 475).

XCIX.

Тургеневъ о бунтѣ Стеньки Разина.

Русская художественная литература имѣетъ геніальное воспроизведеніе Пугачева и пугачевскаго бунта въ „Капитанской Дочкѣ" Пушкина. Онъ дополняется и разъясняется романомъ графа Саліаса „Пугачевцы", „Исторіей пугаческаго бунта" великаго русскаго поэта, трехтомной монографіей академика Дубровина и множествомъ матеріаловъ, статей и замѣтокъ, относящихся къ пугачевщинѣ.

Бунту Стеньки Разина посчастливилось гораздо меньше. Въ ученой литературѣ, напримѣръ, вѣскія слова о немъ сказаны только Костомаровымъ и Соловьевымъ, справедливо считавшимъ Разина и его „работничковъ" не сторонниками того или другого „уклада", а врагами государственности вообще, не защитниками униженныхъ и оскорбленныхъ, а гонителями всякаго права и порядка, представителями грубой силы, произвола, хищническихъ и самыхъ низменныхъ инстинктовъ, не знавшихъ, вдобавокъ, никакого удержа. Въ художественной литературѣ бунтъ Разина еще не имѣетъ вѣрнаго отраженія. Драма графа П. И. Капниста (см. Собраніе его сочиненій) весьма счастливо задуманная, судя по напечатаннымъ сценамъ и наброскамъ,—осталась неоконченной. Психологія Стеньки Разина до сихъ поръ не разъяснена. Костомаровъ, по своему обыкновенію, далъ вмѣсто живого лица эффектно освѣщенную, крупную фигуру, но не обнажилъ всѣхъ изгибовъ души Стеньки Разина.

Тѣмъ не менѣе въ нашей художественной литературѣ есть прекрасно написанная страница, дающая отчетливое представленіе объ общемъ характерѣ бунта Стеньки Разина. Эта страница находится въ XV—XVI главахъ „Призраковъ" Тургенева.

Повѣствуя о своемъ воздушно-волшебномъ появленіи надъ Волгою съ таинственной феею Эллисъ, Тургеневъ наглядно показалъ, чѣмъ былъ бунтъ Стеньки Разина въ дѣйствительности, безъ прикрасъ.

— Крикни: Сарынь на кичку!—шепнула мнѣ Эллисъ. Губы мои раскрылись противъ воли, и я закричалъ, тоже

противъ воли, слабымъ напряженнымъ голосомъ: „Сарынь на кичку!"

„Сперва все осталось безмолвнымъ—но вдругъ возлѣ самаго моего уха раздался грубый бурлацкій смѣхъ—и что-то со стономъ упало въ воду и стало захлебываться... Я оглянулся: никого нигдѣ не было видно,—но съ берега отпрянуло эхо—и разомъ и отовсюду поднялся оглушительный гамъ. Чего только не было въ этомъ хаосѣ звуковъ: крики и визги, яростная ругань и хохотъ, хохотъ пуще всего, удары веселъ и топоровъ, трескъ какъ отъ взлома дверей и сундуковъ, скрипъ снастей и колесъ и лошадиное скаканіе, звонъ набата и лязгъ цѣпей, гулъ и ревъ пожара, пьяныя пѣсни и скрежещущая скороговорка, неутѣшный плачъ, моленіе жалобное, отчаянное,—и повелительныя восклицанья, предсмертное хрипѣнье и удалой посвистъ, гарканье и топотъ пляски... „Бей! вѣшай! топи! рѣжь! любо! любо! такъ! не жалѣй!"—слышалось явственно,—слышалось даже прерывистое дыханіе запыхавшихся людей,—а между тѣмъ, кругомъ, насколько глазъ доставалъ, ничего не показывалось, ничего не измѣнялось: рѣка катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берегъ казался пустыннѣй и одичалѣй—и только.

— Степанъ Тимофѣичъ! Степанъ Тимофѣичъ идетъ!—зашумѣло вокругъ—идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ!—Я по прежнему ничего не видѣлъ, но мнѣ внезапно почудилось, какъ-будто громадное тѣло надвигается прямо на меня... Фролка! гдѣ ты, песъ?—загремѣлъ страшный голосъ.—Зажигай со всѣхъ концовъ,—да въ топоры ихъ, бѣлоручекъ!

„На меня пахнуло жаромъ близкаго пламени, горькой гарью дыма—и въ то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мнѣ въ лицо и на руки... Дикій хохотъ грянулъ кругомъ..."

Вотъ то, чего хотятъ наши анархисты, составляющіе крайнюю лѣвую лагеря враговъ Самодержавія.

C.

Русское Самодержавіе и безопасность Россіи.

Осенью 1903 года, когда въ Японіи стали раздаваться голоса въ пользу войны съ Россіей, въ „Новомъ Времени" (№ 9911) была помѣщена передовая статья, начинавшаяся слѣдующими мѣткими словами:

„Телеграмма изъ Портъ-Артура сообщаетъ, что Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ ген.-адъют. Алексѣевъ на парадѣ 28-го сентября выразилъ увѣренность, что „если обстоятельства потребуютъ, по зову Верховнаго Вождя бравые молодцы славной русской рати станутъ какъ одинъ на защиту русскаго дѣла". Эти слова—святая истина. Генералъ Алексѣевъ, какъ русскій человѣкъ, вполнѣ вѣрно оцѣнилъ чувства нашего воинства. Защита русскаго дѣла, по волѣ Державнаго Вождя, всегда была, есть и будетъ священнымъ долгомъ, да и не только русскаго солдата, но и всякаго русскаго гражданина. *Мы привыкли безотчетно повиноваться волѣ своего Царя, не разсуждая даже о причинахъ войны. Въ этомъ безотчетномъ повиновеніи сила Россіи и гроза врагамъ*".

Курсивъ нашъ.

CI.

Съ какимъ чувствомъ русскій солдатъ принимаетъ Царскія награды.

Въ „Запискахъ" И. А. Никитина, между прочимъ, разсказывается, какъ во время Польскаго возстанія, въ 1863 г., онъ посѣтилъ однажды въ Вильнѣ лазаретъ, гдѣ его поразили два раненые необыкновеннымъ спокойствіемъ духа: фельдфебель и ефрейторъ, оба лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.

„Первый былъ раненъ двумя пулями—въ лицо и грудь на-вылетъ; другой—пулею въ ногу, около колѣна. Я вошелъ въ лазаретъ съ виленскимъ комендантомъ А. С. Вяткинымъ, бывшимъ въ прежнее время командиромъ Финляндскаго полка, который привезъ фельдфебелю, по порученію В. И. Назимова, георгіевскій крестъ. Надобно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ осѣнилъ раненую грудь свою православнымъ крестомъ честный страдалецъ, принимая изъ рукъ генерала заслуженный имъ высшій знакъ военнаго отличія; онъ поднесъ его къ обвязанному своему лицу, но не могъ поцѣловать его, такъ какъ повязка мѣшала... Слезы потекли изъ выразительныхъ глазъ его. Эта сцена брала прямо за душу; всѣ присутствовавшіе тамъ прослезились. Такъ какъ волненіе было вредно больному, то комендантъ, поцѣловавши его въ лобъ, просилъ его успокоиться и, взявши у него изъ рукъ Георгіевскій крестъ, повѣсилъ его на стѣнку подлѣ висѣвшей у его кровати иконы, къ которой и обратились съ мольбою увлаженные глаза бѣднаго страдальца. Находившійся тутъ дежурный военный врачъ порадовалъ насъ заявленіемъ, что, судя по признакамъ, онъ

надѣется на благополучный исходъ его ранъ. Фельдфебель при этихъ словахъ перекрестился снова. Да, могуча ты, дорогая моя родина, чистымъ чувствомъ вѣры твоихъ православныхъ сыновъ! Пока будетъ теплиться въ нихъ хоть искра святой твоей вѣры, тебѣ не будутъ страшны никакія политическія невзгоды, никакіе коварные замыслы твоихъ враговъ и ненавистниковъ. Въ тяжелую годину испытаній эта искра разовьется въ большой пожаръ и снесетъ, смететъ все нечистое, замышляюще на твой покой и на твое величіе" („Русская Старина", 1902 г., ноябрь).

CII.

Кесарь.

Не слѣдуетъ ли дополнить титулъ Императора и Самодержца Всероссійскаго титуломъ: Кесарь? Кесарями (цезарями) назывались на Востокѣ Римскіе Императоры, а также византійскіе василевсы, а у насъ и императоры Священной Римской имперіи германскаго народа. Теперь въ Европѣ два кесаря (kaiser): германскій и австрійскій.

Слово *кесарь* хорошо извѣстно всему православному славянскому міру по евангельскому повѣствованію объ искушеніи Іисуса Христа саддукеями по вопросу: слѣдуетъ ли платить дань кесарю, и, вообще, изъ Евангелія.

Краткій титулъ Его Величества сдѣлался бы яснѣе и доступнѣе народному пониманію, если-бы принялъ такую форму: *Императоръ, Кесарь, Царь и Самодержецъ.*

CIII.

Монархія и республика съ точки зрѣнія человѣколюбія.

Антимонархисты, иначе сказать монархомахи нашихъ дней, упрекаютъ монархическій строй въ склонности къ суровымъ, жестокимъ мѣрамъ. Напрасно. Аѳинянинъ Драконъ жилъ въ VII вѣкѣ до Р. Х., а всякій жестокій законъ донынѣ называютъ драконовскимъ. Законы Дракона были изданы и утверждены по волѣ аѳинскихъ эвпатридовъ въ то время, когда Аттика была республикой. Скажутъ: „Но вѣдь Аттика была тогда аристократической республикой". Но развѣ эпоха господства во Франціи якобинцевъ, эпоха Comité de salut public, Comité de sûreté générale, Tribunal révolutionnaire; эпоха Робеспьера, Марата, Дантона, Фукье Тенвилля, Кутона, Сенъ Жюста; эпоха „Закона противъ подозрительныхъ" и сентябрь-

скія убійства 1793 года; эпоха массовыхъ убійствъ въ Нантѣ, Ліонѣ, Марселѣ и Тулонѣ; эпоха террора и террористовъ,—развѣ она не превзошла въ жестокости Дракона съ его законами и венеціанскій Совѣтъ Десяти?

CIV.

Изреченіе Біанта.

Одинъ изъ такъ называемыхъ семи греческихъ мудрецовъ, Біантъ, сказалъ: „Когда многіе берутся за одно дѣло, то дѣлаютъ его худо".

Та же мысль выражена нашею пословицею: „у семи нянекъ дитя безъ глаза".

Само собою разумѣется, что Біантъ говорилъ не о совмѣстной дѣятельности многихъ, проникнутой одною цѣлью и основанной на повиновеніи общему руководителю, а о желаніи каждаго изъ многихъ взять верхъ надъ всѣми другими.

Изреченіе Біанта представляетъ вѣскую критику современнаго парламентаризма, основаннаго на борьбѣ не партій даже, т. е. не большихъ политическихъ группъ, а цѣлаго ряда фракцій и нѣсколькихъ сотъ честолюбцевъ и демагоговъ, грызущихся за обладаніе властью.

CV.

Чего стоитъ приговоръ большинства?

Толпа іудеевъ, наэлектризованная изувѣрами—фарисеями и книжниками, потребовала распять Спасителя и предпочла Варавву Богочеловѣку.

Два аѳинскіе патріота V вѣка—великій полководецъ Ѳемистоклъ и честный Аристидъ—были изгнаны изъ отечества по приговору народа, посредствомъ „остракизма", послѣ чего Ѳемистоклъ былъ принятъ съ честью персидскимъ царемъ и получилъ для своего содержанія три города въ Малой Азіи.

Очевидно, персидскій царь былъ дальновиднѣе и благороднѣе аѳинскаго Демоса и аѳинскихъ демагоговъ.

А доблестный Мильтіадъ, одержавшій блестящую побѣду надъ персами, развѣ не былъ брошенъ по приговору аѳинскаго народа въ тюрьму, гдѣ и умеръ отъ ранъ, полученныхъ на войнѣ за отечество?

Всѣ эти и многіе другіе общеизвѣстные историческіе факты показываютъ, что *его величество большинство голосовъ* далеко не непогрѣшимо, отличается изумительной слѣпотой и

сплошь и рядомъ служитъ послушнымъ орудіемъ людей тупыхъ, злобныхъ и ничтожныхъ.

Вспомнимъ замѣчаніе Пушкина: „Вы хотите имѣть на своей сторонѣ большинство? Не оскорбляйте же глупцовъ".

Мѣтко выразился и Грибоѣдовъ, вложивъ въ уста Чацкаго стихи:

Одни повѣрили, другимъ передаютъ,
Старухи вмигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье.

CVI.

Названіе Государственнаго Совѣта.

„Almanach de Gotha именуетъ нашъ Государственный Совѣтъ Conseil de l'Empire. Почему названное изданіе не сдѣлало буквальнаго перевода? Вѣроятно, въ виду того, что Conseil de l'état напоминалъ бы французскія учрежденія Первой и Второй Имперіи, рѣзко отличавшіяся по своей организаціи отъ нашего Государственнаго Совѣта. Но онъ, строго говоря не можетъ быть называемъ ни Имперскимъ, ни Государственнымъ. Германскій Reichstag и австрійскій Reichrath называются такъ потому, что имѣютъ извѣстную долю законодательной власти и составляетъ представительныя учрежденія. Нашъ Государственный Совѣтъ не имѣетъ законодательной власти, а члены его назначаются отъ короны, поэтому у насъ немыслима фикція, что Государственный Совѣтъ служитъ голосомъ всего населенія Имперіи. Названіе Государственнаго Совѣта не оправдывается и характоромъ дѣлъ, вносимыхъ на его воззрѣніе. Онъ обсуждаетъ далеко не всѣ государственные вопросы. Многіе изъ нихъ рѣшаются Государемъ Императоромъ по докладу министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, многіе проходятъ лишь Комитетъ министровъ. Кругъ дѣлъ нашего Государственнаго Совѣта далеко не такъ обширенъ, какъ кругъ дѣлъ, обсуждавшихся въ Боярской Думѣ до-петровской эпохи. Неправильно поэтому приравнивать его значеніе къ значенію Тайнаго Совѣта (Conseil privé) Императора Всероссійскаго. Поэтому нельзя считать нашъ Государственный Совѣтъ не только Имперскимъ, но и единственнымъ Императорскимъ совѣтомъ: у Всероссійскаго Императора есть и могутъ быть и другіе совѣты—постоянные, имѣющіе опредѣленное названіе и опредѣленную организацію, и временные, организуемые по усмо-

трѣнію Монарха и упраздняемые безъ огласки и законодательныхъ актовъ.

Чтобы понять названіе нашего Государственнаго Совѣта, нужно вспомнить, что онъ былъ учрежденъ какъ первое звено обширнаго общаго плана коренного преобразованія всѣхъ частей русскаго государственнаго строя—плана, написаннаго Сперанскимъ и одобреннаго, но, къ счастью, не осуществленнаго, Императоромъ Александромъ I.

Нашъ Государственный Совѣтъ, по существу своему, есть Императорскій Законовѣщательный Совѣтъ. Это названіе вполнѣ опредѣляло бы его значеніе и назначеніе.

CVII.

Объ аѳинскомъ царѣ Кодрѣ.

Преданіе объ аѳинскомъ царѣ Кодрѣ принадлежитъ къ числу сказаній, наглядно показывающихъ, какимъ обаяніемъ пользовались издревле монархическія начала. Пусть это преданіе будетъ легендою. Но вѣдь и легенды имѣютъ свое значеніе да еще какое! Легенда и обычай есть не что иное, какъ обломокъ правды древней.

Доряне вторгнулись въ Аттику и угрожали аѳинамъ. По предсказанію оракула побѣда должна была достаться тѣмъ, чей царь будетъ убитъ. Въ виду этого доряне строго-настрого запретили покушаться на жизнь Кодра. Но Кодръ рѣшился спасти родину цѣною жизни и осуществилъ свое намѣреніе посредствомъ хитрости. Онъ переодѣлся въ одежду пастуха, неузнаннымъ пробрался въ непріятельскій станъ, завелъ здѣсь ссору и нашелъ въ ней желанную и прекрасную смерть (1868 г. до Р. Х.). Доряне, узнавъ о томъ, немедленно отступили отъ Аѳинъ. Какъ же воспользовались самопожертвованіемъ царя-героя аѳинскіе эвпатриды? Съ цѣлью замѣнить монархію республикой они надѣли на себя личину поклонниковъ Кодра, провозгласили, что послѣ него никто не достоинъ носить корону и уничтожили царское достоинство въ родномъ городѣ.

Преданіе о Кодрѣ даетъ обильный матеріалъ для выводовъ и обобщеній, развивающихъ и утверждающихъ монархизмъ, какъ чувство и убѣжденіе.

Подвигъ Кодра и коварство эвпатридовъ-аристократовъ, такъ ловко одурачившихъ народъ, наводятъ, между прочимъ, на слѣдующія четыре мысли:

1) Царскій санъ располагаетъ его носителей къ безза-

вѣтному самопожертвованію за отечество, къ пламенному и высокому патріотизму;

2) врагамъ монархіи иногда бываетъ выгодно подкапываться подъ нее посредствомъ ссылокъ на подвиги монарховъ;

3) аѳинская монархія пала не вслѣдствіи нравственнаго банкротства, а потому, что послѣдній представитель ея казался современникамъ непревзойденнымъ образцомъ доблести;

4) опаснѣйшіе изъ антимонархистовъ—тѣ, которые лицемѣрно преклоняются на словахъ передъ монархическими началами.—*Всего страшнѣе монархіямъ волки въ овечьихъ шкурахъ.*

CVIII.

Революція въ Россіи.

Въ началѣ царствованія Императора Александра III, если вѣрить автору статьи: „Агитація *Times'ъ* противъ Россіи", напечатанной въ „Новомъ Времени" въ №№ отъ 25 февраля 1904 года, произошелъ слѣдующій анекдотъ съ однимъ заатлантическимъ издателемъ, предполагавшимъ, что Россія должна неминуемо сдѣлаться жертвою революціи:

„Лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ извѣстный владѣлецъ „New-York-Herald"'а Гордонъ Бенеттъ прислалъ въ Петербургъ корреспондента Ивана де-Вестина, чтобы тотъ описывалъ русскую революцію. Иванъ де-Вестинъ выполнилъ данное ему порученіе очень просто: цѣлыми днями и вечерами онъ просиживалъ у Бореля, пилъ шампанское съ кокотками и регулярно разъ въ сутки посылалъ телеграммы о русской революціи. Въ телеграммахъ этихъ сообщалось, что революція еще не началась, но что она должна разразиться черезъ мѣсяцъ, черезъ двѣ недѣли, недѣлю, черезъ нѣсколько дней и т. д. Такъ длилось около года. Подъ конецъ Бенеттъ рѣшилъ, что русская революція затягивается и отозвалъ своего корреспондента, истративъ на его содержаніе и на телеграммы около 100,000 рублей".

Н. И. Черняевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О литературныхъ заслугахъ гр. Ал. Конст. Толстого.

Трудно назвать другого русскаго писателя, о которомъ можно было бы встрѣтить столько разнообразныхъ и самыхъ рѣзко-противоположныхъ мнѣній, какъ о гр. А. К. Толстомъ. Чего только о немъ не было наговорено!

Н. Языковъ, напр., державшій перо критика журнала „Дѣло", въ 1876 г. призналъ Толстого поэтомъ-космополитомъ. На пространствѣ 40 страницъ Языковъ силился обосновать свое положеніе, увѣряя читателя, что „истинной народной жизни нѣтъ ни въ одномъ произведеніи графа, да и явиться ей было не откуда", такъ какъ поэтъ „связанъ чувствомъ поэтическаго космополитизма"; онъ „какъ будто" не имѣетъ родины, принадлежитъ къ поколѣнію людей сороковыхъ годовъ, для души которыхъ Россія представлялась „прекраснымъ далекимъ". „Его драматическія произведенія . . . не представляютъ никакого интереса, кромѣ интереса формы и не подвигаютъ насъ дальше мыслей Карамзина". „Іоаннъ Грозный является чѣмъ то слабымъ и безцвѣтнымъ; Іоаннъ и всѣ его приближенные точно снимки или копіи съ героевъ Островскаго изъ московскаго купеческаго быта". „Князь Серебряный" похожъ на ярко расписанную куклу" („Дѣло" № 1).

Вл. Соловьевъ, напротивъ, усмотрѣлъ („Вѣстн. Европы" 1895, май), что Толстой особенно задумывался надъ національнымъ вопросомъ и высказалъ о немъ совершенно своеобразный взглядъ. Соловьевъ подчеркиваетъ патріотизмъ Толстого, признавая его исходныя точки весьма правильными.

А. Скабичевскій нашелъ, что поэзія гр. А. Толстого является „типомъ чужеяднаго творчества". Чтобы отстоять свое положеніе, критикъ сдѣлалъ продолжительную экскурсію въ область философіи и западной литературы, потревоживъ тѣни Шекспира, Сервантеса, Мольера, Байрона, Гейне, Шиллера, Гёте и Виктора Гюго. Толстой, по увѣренію Скабичевскаго, былъ совершенно отрѣшенъ отъ дѣйствительности, стихотво-

ренія его тенденціозны, вымыслы курьезны; въ былинахъ его много эфемерной галантерейности; поэтическія его силёнки настолько ничтожны, что простого ландшафтика не могли воспроизвести, а драмы его лишены „драматическаго паѳоса". Въ заключеніе всего, какъ говоритъ тотъ же Скабичевскій, Толстой нечаянно обмолвился страшною „возмутительностію" о томъ, что ни славянофилы, ни западники ни позаботились купить его и тѣмъ расположить его въ пользу своего лагеря!! Иронія судьбы ко всему этому „не дала ему (Толстому) никакой собственной поэтической физіономіи и не внушила ему не одного вполнѣ самобытнаго произведенія" (Отеч. Записки т. CCXXX).

Ив. С. Тургеневъ былъ совершенно иного мнѣнія по этому вопросу и заявилъ, что А. Толстой „обладалъ въ значительной степени тѣмъ, что одно даетъ жизнь и смыслъ художественнымъ произведеніямъ,—а именно: собственной, оригинальной и въ то же время очень разнообразной физіономіей („Вѣстн. Евр." 1875 г., ноябрь).

Въ томъ же смыслѣ высказался и А. С. Хомяковъ („Вѣстн. Евр." 1897, май, стр. 266). „Ваши стихи („Спѣсь" и „Колоколъ"), такіе самородные, въ нихъ такое отсутствіе всякаго подражанія и такая сила и правда, что если бы вы не подписали ихъ, мы бы приняли ихъ за старинные народные".

Критикъ „Современника" 1866 (февр.) посвятилъ разбору драмы Толстого „Смерть Іоанна Грознаго" большую статью. Критикъ мылъ поэта во всевозможныхъ ученыхъ водахъ, проявлялъ его на разныхъ литературныхъ пластинкахъ, мѣрялъ его мѣркою Шекспира, Гуцкова, Чаева, Аверкіева и др. и, наконецъ, категорически изрекъ, что драма графа „не можетъ быть отнесена къ художественнымъ произведеніямъ".

Кн. Д. Н. Цертелевъ („Рус. Вѣстн." 1899, окт.), разобравъ ту-же драму исключительно съ точки зрѣнія художественной правды, пришелъ къ выводу, что „всѣ характеры въ трилогіи являются вполнѣ выдержанными".

Пл. Красновъ („Кн. Недѣля" 1899, апр.) съ своей стороны приходитъ къ тому заключенію, что Толстой далъ яркій портретъ Грознаго и подробный драматическій анализъ, по силѣ не уступающій анализу лучшихъ Шекспировыхъ хроникъ. Не даромъ извѣстный трагикъ Росси включилъ въ свой репертуаръ, наряду съ трагедіями Шекспира, „Смерть Іоанна Грознаго". Во всей русской литературѣ не найдется такого цѣльнаго, такого выдержаннаго, такого сильнаго произведенія, какъ эта первая часть трилогіи".

Ор. Миллеръ и Н. М. Соколовъ, разсматривали гр. А. Толстого какъ лирическаго поэта и пришли къ почти діаметрально противоположнымъ выводамъ. Миллеръ говоритъ („Вѣстн. Евр." 1875, XII), что Толстой одинъ изъ „лучшихъ сочленовъ" семьи русскихъ поэтовъ и что произведенія его „вылились непосредственно изъ души, какъ совершенно свободный актъ его поэтическаго творчества".—Соколовъ же нашелъ, что стихъ гр. Толстого „иногда, хотя и не часто, пѣвучъ, своеобразно пѣвучъ", „но его стихи—не поэзія; это только подделка подъ поэзію и ея искаженіе".—Критическое изслѣдованіе Н. Соколова объ „Эпосѣ и лирикѣ гр. Толстого" (С.П.Б. 1890 г.) занимаетъ цѣлую книгу (въ 299 стр.), которая, кстати сказать, является единственнымъ отдѣльнымъ изданіемъ, посвященнымъ поэтическому творчеству гр. Ал. Константиновича.

А. Никитинъ (въ „Рус. Вѣстн." 1894 г., февр.), критикъ въ журналѣ „Колосья" (1884, IX), Ч. Вѣтринскій въ „Образованіи" (1900, сент.), Сѣверовъ въ „Новостяхъ" (1900, № 262), фельетонистъ „Сѣвернаго Курьера" (1900, № 312), А. Сакмаровъ въ „Новостяхъ и Биржевой Газетѣ" (1900, № 269), г. М. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (1900, № 266), Вл. Боцяновскій въ „Нов. Времени" (прилож., отъ 23 сент. 1900 г., № 8827) и мног. др. отнеслись къ гр. Ал. Толстому одни снисходительно, а другіе даже съ большими похвалами.

Извѣстный ученый и критикъ Н. Н. Страховъ, по выходѣ въ 1867 г. перваго полнаго собранія стихотвореній гр. А. Толстого, также сказалъ свое слово („Отеч. Зап.", іюнь) о поэтѣ, котораго до того времени не замѣчали и „не принимали въ разсчетъ, когда говорили о современныхъ русскихъ поэтахъ". Страховъ оцѣнилъ „безъискуственность" сочиненій Толстого, находя, что эта черта вообще чрезвычайно выгодно отличаетъ поэзію графа (см. Н. Страховъ, „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ", Кіевъ, 1897, изд. 2, стр 215).

Ив. С. Аксаковъ-же дружески корилъ Толстого за отсутствіе простоты въ его стихотвореніяхъ.

„Судя меня довольно строго,
Въ моихъ стихахъ находишь ты,
Что въ нихъ торжественности много
И слишкомъ мало простоты".

М. О. Меньшиковъ назвалъ гр. А. Толстого сперва „поэтомъ возрожденія" („Кн. Недѣли" 1895, I), а затѣмъ (въ полномъ изданіи своихъ „Критическихъ очерковъ", 1899 г) „поэтомъ-богатыремъ", находя, что онъ, кромѣ честности души, отличался „совершенно своеобразнымъ историческимъ міросо-

зерцаніемъ и своими особенными общественными вкусами", являясь, кромѣ того, по своему таланту въ высшей степени народнымъ и „романтикомъ удѣльнаго періода нашей исторіи".

П. Щебальскій (въ „Рус. Вѣстн." 1883, мартъ) преклоняется передъ гр. А. Толстымъ особенно за то, что тотъ искренно служилъ искусству, проникался духомъ нашей до-монгольской Руси, и за то, что въ немъ былъ особенно чувствителенъ „нервъ народности" и сильное желаніе воплотить широкую, всеобъемлющую любовь.

Въ 1882 году журналъ „Дѣло" (№ 10) еще разъ высказался о гр. А. Толстомъ, признавъ его представителемъ, „заоблачной поэзіи, эстетической нравственности и индиферентной философіи", а его поэзію—„поэтическимъ разгильдяйствомъ". „Большаго презрѣнія къ дѣйствительнымъ интересамъ жизни, худшаго непониманія истинно прекраснаго и высокаго невозможно, кажется, и представить себѣ. Два тома поэтическихъ произведеній гр. А. Толстого—это сильная, язвительная и горькая насмѣшка надъ всѣми нашими идеалами и нашими надеждами".—Гр. А. Толстой не сказалъ намъ ничего новаго, такъ какъ „поэзія конфектныхъ билетиковъ давно уже научила насъ, что „для любви одной природа насъ на свѣтъ произвела". „Любовь и природа—вотъ все, чѣмъ можетъ вдохновляться нашъ поэтъ. О человѣкѣ у него не спрашивайте"... Талантъ графа былъ значителенъ, но не оригиналенъ". Таковъ былъ новый изумительный приговоръ „Дѣла".

Всѣхъ своеобразныхъ и разнорѣчивыхъ мнѣній о гр. А. Толстомъ мы, конечно, не въ состояніи привести здѣсь; но въ заключеніе не можемъ не указать на два характерныхъ отзыва, высказанныхъ на столбцахъ одной и той же газеты „Голосъ" въ 1875 (№ 279) и въ 1876 г. (№№ 131 и 132). Первый критикъ изданія Краевскаго утверждалъ, что у А. Толстого и слѣда нѣтъ того, что принято называть „гражданскими мотивами"; второй-же хвалилъ поэта за „способность чутко отзываться на требованія времени". Со вторымъ критикомъ случилась кромѣ того маленькая неловкость, вслѣдствіе его излишней развязности. Онъ далъ похвальный отзывъ о поэмѣ „Драконъ", но при этомъ попалъ въ ловушку гр. А. Толстого. Извѣстно, что Толстой совершенно самостоятельно разработалъ сюжетъ поэмы, но тѣмъ не менѣе подъ заглавіемъ подписалъ: „Съ итальянскаго", пусть Анджело де-Губернатисъ (извѣстный флорентинскій профессоръ итальянской литературы) поломаетъ себѣ голову и пороется въ старыхъ изданіяхъ, отыскивая оригиналъ!" Критикъ же „Голоса" нашелъ, что „рус-

скій поэтъ сумѣлъ выдержать торжественно-страстный тонъ *подлинника*". Получился такимъ образомъ маленькій литературный курьезъ, разоблачившій самозваннаго судью-критика.

По поводу нѣкоторыхъ указанныхъ критическихъ отзывовъ и оцѣнокъ, гр. А. Толстой писалъ въ 1871 г.: „Я попалъ между двухъ огней, обвиняемый Л. и Т. . . . въ революціонныхъ мысляхъ, а сапожниками-фельетонистами въ ретроградныхъ" („Вѣстн. Евр." 1895, ноябрь, 184). Въ автобіографіи своей графъ отмѣтилъ подобнаго же рода обстоятельства: „между тѣмъ, какъ одни считаютъ меня ретроградомъ, административныя власти видятъ во мнѣ чуть не революціонера". Положеніе А. Толстого было дѣйствительно весьма оригинальное.—Въ извѣстной мѣрѣ оно было создано имъ самимъ, такъ какъ онъ опредѣленно заявилъ, что желаетъ стоять независимо, внѣ нашихъ литературныхъ партій. И вотъ этотъ „двухъ становъ не боецъ, но только гость случайный" сегодня посылаетъ одно свое произведеніе въ „Современникъ" или „Вѣстникъ Европы", а завтра въ „Русскій Вѣстникъ" или „Русскую Бесѣду" [1]). Онъ одинаково вращался, какъ въ кружкѣ Некрасова и Панаева, такъ и Хомякова и Аксаковыхъ. То онъ изливаетъ свой гнѣвъ на славянофиловъ за ихъ предпочтеніе общиннаго начала принципу индивидуальности, то вышучиваетъ (въ поэмѣ „Потокъ-Богатырь") западническія увлеченія. Критики-же разныхъ лагерей подходили къ нему со своими готовыми литературными мѣрками и политическими заповѣдями и каждый разъ оказывалось, что одну заповѣдь поэтъ соблюлъ, а другую переступилъ, то онъ западникъ, то онъ славянофилъ... „Я Катковецъ съ ногъ до головы, когда дѣло касается классицизма, но я дѣлаюсь непріятелемъ Каткова,... когда онъ подымаетъ знамя крестоваго похода противъ балтійскихъ провинцій" („Вѣстн. Евр." 1895 г., ноябрь, 166).

Не забудемъ затѣмъ, что А. Толстой писалъ преимущественно въ шестидесятыхъ годахъ (первое его стихотвореніе было напечатано въ „Современникѣ" 1854 г.; „Василій Шибановъ" появился въ 1859 г., „Донъ-Жуанъ" и „Кн. Серебряный"—1862 г., „Смерть Іоанна Грознаго"—1866 г. и т. д.). Направленіе тѣхъ годовъ требовало „поэтическаго реализма" и „гражданской скорби". Напомнимъ, что Пушкина называли тогда очень развязно легкомысленнымъ версификаторомъ, Лермонтова—вреднымъ мечтателемъ, Гейне—блистательнымъ урод-

---

[1]) Для „Рус. Бесѣды", по собственному признанію поэта, онъ „бралъ вещи болѣе спеціально національныя" („Вѣстн. Евр." 1867 г., май, 279).

ствомъ, а Салтыкову-Щедрину Писаревъ совѣтовалъ заняться естественными науками и бросить перо сатирика.—А. Толстой никакого яркаго современнаго или моднаго имени на знамени своемъ не написалъ, злобами дня онъ увлекался въ скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ его муза, подобно Пегасу Виктора Гюго, нѣсколько боялась „кипящихъ потоковъ современности“, и она охотнѣе ходила къ тому источнику, гдѣ „дневной свѣтъ отражался въ ясныхъ волнахъ“ т. е. его муза удалялась въ область чистаго искусства и дерзнула даже зло осмѣять псевдо-либерализмъ. Мало того, А. Толстой громко заявилъ: „Я презираю всякую тенденціозность въ литературномъ трудѣ“ („Вѣстн. Евр.“ 1895, окт., 646). А, въ такомъ случаѣ,—отвѣтили ему вліятельнѣйшіе критики того времени,—мы исключаемъ васъ изъ числа нашихъ поэтовъ [1]).

Итакъ, передъ нами вороха критическихъ отзывовъ о гр А. Толстомъ.—Подъ нѣкоторыми изъ нихъ видны весьма почтенныя имена. Мы помнимъ тѣ обстоятельства, которыя значительно повліяли на расколъ во мнѣніяхъ о поэтѣ. Надо же рѣшить кто изъ нихъ правъ? Кто изъ критиковъ является озлобленнымъ зоиломъ, или литературнымъ геростратомъ, покушавшимся на созданіе творческаго таланта А. Толстого, кто добросовѣстнымъ судьей? Одни, вмѣстѣ съ Хомяковымъ, говорятъ, что у А. Толстого „не только русская форма, но и русскій ходъ мыслей“ („Вѣстн. Евр.“ 1897, май, 268); другіе, примыкая къ Языкову и Скабичевскому, настаиваютъ на томъ, что поэзія А. Толстого „политическое разгильдяйство“, что А. Толстой—поэтъ „чужеядный“, сильный только въ воспроизведеніи темъ, заимствованныхъ изъ жизни западныхъ народовъ. Между этими далекими полюсами размѣщаются мнѣнія спорящихъ.

Насъ лично удивляетъ, что могла возникнуть такая полемика по поводу произведеній, въ которыхъ на-лицо всѣ элементы истинно-русской поэзіи, какъ могли критики такъ радикально разойтись во мнѣніяхъ по поводу писателя, литературный портретъ котораго такъ легко отличить и замѣтить въ галлереѣ нашихъ писателей по его весьма опредѣленнымъ и характернымъ чертамъ.

А. Толстой рожденъ поэтомъ; онъ былъ „поэтъ Божіею милостію“, какъ выразился одинъ изъ его критиковъ. Отвер-

[1]) „Созданія духа непреходящи, а критика преходяща: она рождается изъ воззрѣній времени, только для него имѣетъ свое значеніе и съ нимъ уходитъ въ могилу“ (Генр. Гейне). Критики А. Толстого скоро забудутся, тогда какъ имя поэта останется.

гать поэтическій талантъ графа—это, конечно, крайность. „Рѣшительное дарованіе“ Толстого было сразу отмѣчено Бѣлинскимъ (въ 1841 г.), по ознакомленіи съ разсказомъ „Упырь“. Знаменитый критикъ усмотрѣлъ въ авторѣ и мастерское изложеніе, и способность схватывать духъ страны и времени, и прекрасный языкъ. Произведенія Толстого вліяютъ на читателя, нерѣдко захватываютъ его, настраиваютъ на тотъ или иной ладъ, и, конечно, достигаютъ этого не однимъ голымъ содержаніемъ, а особой жизненной силой, которая и есть поэзія.—Мы согласны, что Ал. Толстой не „литературный король“, не геній, который ударяетъ по сердцамъ съ невѣдомою силой; но тѣмъ не менѣе обаяніе его весьма значительно.—Особой теплоты чувствъ въ его произведеніяхъ, правда, не замѣчается; однако, вашему воображенію всегда рисуются полныя картины и опредѣленные образы, а чувства и мысли приводятся ими въ движеніе.

Кромѣ того въ его произведеніяхъ не мало наблюдательности и,—какъ, напр., въ историческихъ сказаніяхъ и драмахъ,—много серьезнаго и вдумчиваго изученія описываемой эпохи или лица.—Это теперь сознается, кажется, всѣми критиками. Реабилитація А. Толстого началась почти со дня его смерти и въ наши дни можно уже считать его возстановленнымъ въ своихъ литературныхъ правахъ, особенно послѣ огромныхъ и заслуженныхъ успѣховъ, которые имѣла повсюду драма „Ѳеодоръ Іоанновичъ“.

......„На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею“...

предсказалъ авторъ и онъ не обманулся въ своихъ предчувствіяхъ. Въ день 25-лѣтія со дня его смерти (истекшій 28 сентября 1900 г.) вся образованная Россія, безъ различія партій, почтила память своего поэта-богатыря добрымъ словомъ. А это (особенно у насъ) не мало! За истекшую четверть вѣка сила дарованія А. Толстого сказалась весьма опредѣленно. Тогда какъ время замело слѣды за многими писателями, оно, напротивъ, расчистило А. Толстому путь къ храму славы, къ школѣ, сценѣ, хрестоматіи.

А. Толстой творилъ, а не вымучивалъ свои стихотворенія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говорилъ: „вы мнѣ предлагаете радикальныя измѣненія въ общей экономіи моей драмы... Это, дорогой другъ, внѣ моихъ силъ... и если я не сдѣлалъ лучше, то потому, что не могъ лучше сдѣлать“... Въ другомъ письмѣ А. К. Толстого читаемъ: ...„Что же касается до передѣлки всего,—это невозможно... Дѣло уже сдѣлано, я

не могу его передѣлать, я лишь могу поправить нѣкоторыя подробности тамъ и сямъ"...."Я въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ сжился съ моими дѣйствующими лицами (въ "Донъ-Жуанѣ"), и мнѣ невозможно ихъ себѣ представить иначе, чѣмъ какъ они мнѣ явились" ("Вѣстн. Евр." 1895, окт. 637, 629, 640).

"Во мнѣ звучалъ немолчный гласъ,
Въ неодолимой сердца мукѣ
Невольно вырвалися звуки,
Невольно пѣсня полилась". ("Іоаннъ Дамаскинъ").

Все это достойные отвѣты истиннаго художника-поэта, а не писателя-ремесленника, поддѣлывающаго свои стихи подъ "настоящую поэзію".

Прочтите его стихотворенія—

"Когда природа вся трепещетъ и сіяетъ,
Когда ея цвѣта ярки и горячи,
Душа бездѣйственно въ пространствѣ утопаетъ
И въ нѣгѣ врозь ея расходятся лучи... (I, 225).

Или:

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель... (I, 248).

Возьмите еще для примѣра:

"Земля цвѣла. Въ лугу, весной одѣтомъ,
Ручей межъ травъ катился, молчаливъ;
Былъ тихій часъ межъ сумракомъ и свѣтомъ,
Былъ легкій сонъ лѣсовъ, полей и нивъ;
Не оглашалъ ихъ соловей привѣтомъ;
Природу всю широко осѣнивъ,
Царилъ покой; . . . .

Такъ ремесленники не пишутъ!.. Неудивительно поэтому, что А. К. Толстому доставалось отъ "разрушителей эстетики" шестидесятыхъ годовъ.

"Не даромъ свой мнѣ посвящала свистъ
Ужъ не одна реальная газета".

Тонъ его поэзіи—"мажорный", какъ онъ самъ опредѣлилъ ("Вѣстн. Евр." 1895, окт., 661), а темы весьма разнообразныя, свидѣтельствующія и объ образованности автора и его широкомъ кругозорѣ. Онъ пробовалъ свои силы въ лирикѣ и въ эпосѣ, въ романѣ и въ драмѣ, въ переводахъ и юмористикѣ— и вездѣ удачно. Онъ очень богатъ остроуміемъ. Не забудемъ, что онъ одинъ изъ сотрудниковъ, укрывшихся за общеизвѣстнымъ псевдонимомъ Косьма Прутковъ. Его языкъ выразителенъ, богатъ и разнообразенъ. О силѣ поэтическаго таланта А. Толстого говорятъ также и его переводы (изъ Гейне, Гете,

Шенье, Байрона и др.) и прекрасная обработка сюжетовъ, заимствованныхъ изъ иностранной жизни [1]). „Донъ-Жуанъ" напр. заслуживаетъ вниманія по „огромной простотѣ начертаннаго плана и малому числу дѣйствующихъ лицъ", а „Драконъ" настолько выдержанъ въ средне-вѣковомъ итальянскомъ духѣ и стилѣ, по содержанію и передачѣ, что „мы невольно,—какъ признается Ор. Миллеръ,—повѣрили нашему поэту, что это переводъ съ итальянскаго, тогда какъ оказывается, что поэма эта вполнѣ оригинальна („Вѣстн. Евр." 1875. XII, 561). Тутъ, слѣдовательно, выгодно сказалось „самобытное присвоеніе чужихъ формъ". А эта способность и способность перевоплощаться—признакъ большого дарованія.—„Подобно Пушкину, А. Толстой чувствовалъ себя свободно среди чуждыхъ намъ странъ, временъ и народовъ" (Ч. Вѣтринскій).

Не скроемъ, что у А. Толстого замѣчается иногда и увлеченіе формой. „Для меня, по временамъ, настоящее наслажденіе,—писалъ онъ,—переводить Шенье,—наслажденіе матеріальное, пластическое—наслажденіе образовъ, которое позволяетъ отдаться совершенно музыкѣ стиха" („Вѣстн. Евр." 1895, окт., 633). Формой поэтическаго творчества онъ владѣлъ отлично: стихъ его разнообразенъ, созвученъ, колоритенъ и почти всегда съ хорошей отдѣлкой. Онъ мастерски владѣлъ самыми разнообразными размѣрами. Между содержаніемъ и размѣромъ постоянно наблюдается гармоническое соотношеніе, что очень важно.

Критика отыскала въ трудахъ А. Толстого и историческія неточности и отступленія отъ подлиннаго текста былинъ, и хромые стихи и пр. Много вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній сдѣлано, между прочимъ Н. М. Соколовымъ относительно „Грѣшницы", „Василія Шибанова" и нѣкоторыхъ другихъ стихотвореній, но тѣмъ не менѣе всѣ эти недочеты въ подробностяхъ не мѣшаютъ общему вѣрному впечатлѣнію, получаемому отъ ихъ чтенія. А. Толстой зналъ это и въ одномъ письмѣ самъ указываетъ на допущенный имъ анахронизмъ.—„Какъ бы то ни было, романъ написанъ и думаю, что я былъ въ этомъ дѣлѣ совершенно добросовѣстенъ, хотя и дозволилъ себѣ одинъ анахронизмъ: я казню Вяземскаго пять лѣтъ ранѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности.—Неправда-ли, тутъ ничего нѣтъ дурного? Гете же отрубилъ голову Эгмонту двадцать лѣтъ прежде времени" („Вѣстн. Евр." 1895, окт., 632). Безъ нѣко-

[1]) „Я перечелъ Гейне и нахожу, что онъ истинный поэтъ и поэтъ замѣчательный и чрезвычайно оригинальный".—писалъ гр. А. Толстой своему другу („Вѣстн. Евр." 1895, окт., 277).

торыхъ отступленій въ ту или другую сторону, врядъ-ли возможно созданіе яркихъ типовъ, могущихъ запечатлѣться въ нашей памяти. Едва-ли „настоящій Гамлетъ былъ такой тонкій психологъ и резонеръ, какъ Гамлетъ Шекспира“ (Шебальскій, стр. 362). Кромѣ того, надо помнить, что поэтъ не историкъ и детальная точность лѣтописи для него не обязательна.

Гр. А. Толстому извѣстны были также тѣ упреки, которые дѣлались ему за небрежность въ стихѣ и вольность въ риѳмахъ. „Я иногда пишу дурныя риѳмы, но недурные стихи“,— читаемъ въ его письмѣ. „Дурныя риѳмы я пишу сознательно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ считаю себя въ правѣ быть неряшливымъ, но только по отношенію къ риѳмѣ... Насчетъ риѳмы я сдѣлаю вамъ сравненіе, вмѣсто диссертаціи. Есть нѣкая живопись, которая требуетъ неуклонной точности линій—это въ историческихъ картинахъ. Есть другой родъ живописи, гдѣ краски—главная вещь, а съ линіями не церемонятся. Это Рубенсъ, Рембрантъ, Рюздаль и другіе фламанцы или голландцы. И вотъ, horribile dictu, эти послѣднія картины потеряли бы, если-бы линія въ нихъ была неумолимо правильною. Такъ, если я пишу картину большихъ размѣровъ и съ претензіей на серьезность, я съ вами согласенъ, что долженъ строго относиться къ риѳмѣ; но если я пишу балладу или другое стихотвореніе, въ которомъ впечатлѣніе, т. е. цвѣтъ, краска—главное, то я могу небрежно отнестись къ риѳмѣ... Въ языкахъ нѣмецкомъ и англійскомъ дозволяется неправильность риѳмы, какъ и стиха; въ русскомъ же языкѣ дозволяется только неправильность риѳмы. Это его единственная возможность въ поэзіи показаться въ négligé.. Я думаю поступить въ духѣ русскаго языка, остановясь непоколебимымъ относительно стиха и позволяя себѣ иногда нѣкоторыя свободныя отношенія къ риѳмѣ („В. Евр.“ 1895 г., ноябрь, 185—186). Надѣемся, что указанныхъ обстоятельствъ достаточно, чтобы оправдать поэта, въ возводимыхъ на него обвиненіяхъ.

Главное содержаніе произведеній А. Толстого составляютъ искусство, религія и народность; имъ онъ чтилъ, имъ служилъ и поклонялся; они являются основными мотивами его пѣснопѣній. „Художественность, согрѣтая религіею и патріотизмомъ“, вотъ краткая и едва ли не лучшая характеристика поэзіи А. Толстого, сдѣланная П. Щебальскимъ (въ 1883 г. въ „Рус. Вѣстн.“). Это положеніе легко отстоять многочисленными доказательствами.

Несомнѣнно, напр., что религіозное воодушевленіе и мистическая струя весьма замѣтны и сильны у А. Толстого.

„Простымъ рожденъ я былъ пѣвцомъ
Глаголомъ вольнымъ Бога славить“...
. . . .
„Дѣйствительность напротивъ мнѣ была
Отъ малыхъ лѣтъ несносна и противна“...
. . . .
„Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа“...

„... Молитва—говорилъ А. К. Толстой—производитъ прямое и сильное дѣйствіе на душу человѣка, о которомъ молишься, такъ какъ чѣмъ ближе вы приближаетесь къ Богу, тѣмъ болѣе вы становитесь въ независимость отъ вашего тѣла, и потому ваша душа не стѣснена пространствомъ и матеріей, которыя отдѣляютъ ее отъ той души, за которую она молится“. „Я вѣрю—писалъ онъ женѣ,—больше тому, что я чувствую, чѣмъ тому, что я понимаю, такъ какъ Богъ намъ далъ чувства, чтобы идти дальше, чѣмъ разумъ“. Таково одно изъ воззрѣній А. Толстого. Въ другой разъ онъ очень опредѣленно высказался по поводу извѣстнаго сочиненія Ренана: „Я читаю съ большимъ любопытствомъ Ernest Renan, но онъ очень узенькій и говоритъ про Христа съ снисхожденіемъ, извиняя Его временемъ и средой, что Онъ, бѣдный, вѣрилъ чудесамъ... Я читаю Renan и очень его презираю... И даже языкъ его гадкій!“ („В. Евр.“ 1897, апрѣль, 597, май, 295).—Очевидно, что удовлетворяя своей внутренней потребности А. Толстой черпалъ изъ религіознаго источника тѣ струи своего вдохновенія, которыя иногда такъ кристально-чисто шумятъ и переливаются въ его „Іоаннѣ Дамаскинѣ“, „Грѣшницѣ“, въ нѣкоторыхъ строфахъ „Донъ-Жуана“ и другихъ произведеніяхъ. Поэзія у него нераздѣльна съ религіей и, обратно, религія его проникнута поэзіей (П. Шабельскій). Зная воззрѣнія А. Толстого на религію, легко объяснить его проповѣдь широкой любви, его мягкое и доброжелательное отношеніе къ природѣ, людямъ и животнымъ

„Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса...
. . . .
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону...
. . . .

О, если-бы могъ всю жизнь смѣшать я
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, если-бъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!.

Отношеніе А. К. Толстого къ народности оцѣнивается нашими критиками довольно различно. Н. Котляревскій („Міръ Божій" февраль, 1904 г.) находитъ, что „для Алексѣя Толстого наше прошлое было вовсе не объектомъ безпристрастнаго изученія или родникомъ поэзіи: онъ искалъ въ немъ внѣшней формы и готоваго убранства для заранѣе сложившихся взглядовъ и для поэтическаго настроенія, возникшаго независимо отъ этой старины". А. Толстой вставлялъ лишь свои современныя думы въ „старинную оправу", свои современныя мысли пояснялъ „символически". Съ этимъ мнѣніемъ можно согласиться лишь отчасти и съ существенными оговорками. Иногда, вышучивая какое-либо уродливое явленіе времени, А. Толстой одѣвалъ свою насмѣшку въ оболочку старины. Критикуя реалистовъ шестидесятыхъ годовъ, онъ (въ стихотвореніи „Два Лада") придерживается древне-русскаго стиля. Тоже самое можно сказать о стихотвореніи „Пантелей Цѣлитель" и поэмѣ „Потокъ-богатырь". Но широкое обобщеніе, сдѣланное Н. Котляревскимъ, едва-ли вѣрно. У А. Толстого такая неизсякаемая горячая любовь къ родной старинѣ, которая никакъ не можетъ быть объяснена тѣмъ, что поэту нужны были только внѣшнія формы, только прикрытія и „символы" для своихъ разсужденій о злободневныхъ вопросахъ. А. Толстой не только укрывался за стариной, но какъ истинный художникъ

„И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ"...

Онъ, очевидно, искренно послѣдовалъ дивному завѣту Пушкина:

„Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы".

Отъ большей половины произведеній Алексѣя Константиновича „Русью пахнетъ". Вся поэтическая дѣятельность Толстого носитъ на себѣ „глубоко-русскій характеръ". Историко-патріотическія темы занимаютъ едва-ли не двѣ трети полнаго собранія его сочиненій. Его произведенія не только написаны въ чисто русскомъ духѣ, а во многихъ изъ нихъ онъ слишкомъ близко подошелъ къ „самобытнымъ жемчужинамъ народнаго творчества", какъ выразился Евгеній Марковъ.—Былины А. К. Толстого замѣчательны по общему соотвѣтствію ихъ съ народ-

ными произведеніями, а его историческія стихотворенія—съ народной исторіей.

Алексѣй Толстой „былъ русскій человѣкъ до мозга костей" или „живая русская душа" (какъ выразился В. Величко). Онъ любилъ русскую исторію, русскую природу, русскую пѣсню, былину, пословицу, русскую старину; онъ стремился понять народную душу, народную мудрость, изучить подвиги народныхъ героевъ, народный нравственный идеалъ. Онъ высоко ставилъ самобытныя черты русскаго духа и уважалъ святыню русскаго народа. Короче—Алексѣй Толстой „былъ страстно влюбленъ въ народность" и былъ „народенъ въ высшей, доступной его таланту степени" (Евг. Марковъ—„Нов. Вр." 1901 г., № 9016 и М. Меньшиковъ—„Критич. очерки. стр. 306).

Любя русскую природу и желая отдаться своему влеченію—литературѣ, А. Толстой покинулъ Петербургъ и промѣнялъ блескъ придворной жизни на степи родной ему Украйны [1]). Ему хотѣлось „дышать и пѣть на волѣ". Его тянуло въ тотъ край

„. . . . . . гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора".

. . . .

„Богатствомъ своимъ ты меня не держи,—
говоритъ устами Садко А. Толстой—
Всѣ роскоши эти и нѣги—
Я-бъ отдалъ за крикъ перепелки во ржи,
За скрипъ новгородской телѣги".

Читая Толстого, вы чувствуете, какъ онъ любилъ „и рѣкъ безбережный разливъ... и видъ волнующихъ нивъ... и свистъ саней на всемъ бѣгу и золоченую дугу... и зиму... и Волгу... и бурлаковъ...

А. К. Толстой признается, что русская природа всегда имѣла на него чарующее вліяніе. „Воздухъ и зрѣлище нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь и сохраняемое мною до сей поры".

А. Толстой изучилъ народную поэзію и глубоко проникся

---

[1]) Священникъ, лично знавшій гр. А. Толстого свидѣтельствуетъ, что во дни неволи крестьянамъ жилось хорошо у графа. Земли пахотной имъ давалось столько, сколько могли обработывать; лѣсъ получали даромъ; службой барской не были обременены; а въ нуждѣ пользовались всѣ отъ своего барина („Нов. Вр." 5 октября 1900 г.).

той народностью, которая теперь дѣлаетъ столь цѣнными для насъ его произведенія. И посмотрите, какого совершенства онъ достигъ въ этой области художественнаго творчества.

Ахъ ты гой еси, правда—матушка,
Велика ты правда, широко стоишь.
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями, государыня, раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лѣсами дремучими.
Не объѣхать кругомъ тебя во сто лѣтъ,
Посмотрѣть на тебя шапка валится.

. . . .

„Ужъ ты, мать тоска, горе-гореваньице,
Ты скажи, скажи, ты повѣдай мнѣ:..

Или

„Ходитъ Спѣсь, надуваючись,
Съ боку на бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень, и т. д.

Въ его художественные стихи,—по опредѣленію О. Ѳ. Миллера,—„вторгались живьемъ народныя думы". И замѣчательно, что лучшими эпическими и лирическими произведеніями А. Толстого являются тѣ, которыя написаны народнымъ складомъ. Народность гр. А. Толстого сказалась при этомъ не только въ выборѣ темъ изъ отечественной исторіи, не только въ употребленіи русскихъ выраженій, простонародныхъ оборотовъ рѣчи, а „въ самомъ характерѣ и тонѣ его произведеній, въ общемъ его міросозерцаніи, и чувствахъ", въ ясномъ пониманіи сути народныхъ пѣсенъ и въ художественной обработкѣ народныхъ легендъ. Въ его поэзіи отразились особенности всего народнаго облика. Русскія темы онъ обработалъ съ художественной правдой, почему въ его произведеніяхъ видны не только внѣшніе признаки народности, но и чувствуется самый живой ея духъ.

Зная все это, нельзя не удивляться строгому отношенію къ А. Толстому верховныхъ жрецовъ критики шестидесятыхъ годовъ. А. Толстой не лилъ „гражданскихъ слезъ", но въ тоже время онъ не провинился враждой къ наукѣ или прогрессу, онъ,—какъ показываетъ его сатира,—не устранилъ себя совершенно отъ злобы дня[1]) и не ограничился пѣснями о „красѣ

[1]) Юморъ, какъ плющъ, вьется вокругъ дерева. Безъ ствола онъ не годенъ". (Генр. Гейне).

долинъ, небесъ и моря". Онъ не услаждался одними сладкими звуками; о, нѣтъ! Онъ былъ разумнымъ патріотомъ и истиннымъ гражданиномъ Россіи. Онъ воспѣлъ

„Родимыя поля, простые нравы селъ
И прадѣдовскихъ лѣтъ дѣла и небылицы".
(Н. М. Языковъ).

Онъ любилъ златыя были давнихъ лѣтъ" и „геній русской старины торжественный и величавый".

Что же касается интереса А. Толстого къ русской исторіи, то въ этомъ также ярко сказалась одна изъ отличительныхъ его чертъ. Рѣдко кто изъ нашихъ поэтовъ тяготѣлъ такъ страстно къ нашей старинѣ и волновался роковою загадкою о судьбѣ родины, какъ А. Толстой. (М. Меньшиковъ, стр. 318). „Дѣла стародавнихъ далекихъ временъ,

Преданья невянущей славы"

были особенно любы этому русскому баяну и онъ часто настраивалъ свои гусли и пѣвалъ на старинный ладъ. Въ поэтическихъ произведеніяхъ его передъ нами проходятъ легендарные богатыри—Алеша Поповичъ, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ,—легендарные морскіе цари и купцы („Садко"), затѣмъ Владиміръ Красное Солнышко, Грозный Іоаннъ, „благоюродивый" царь Ѳеодоръ, хитрый и умный Борисъ, измѣнникъ Курбскій, Репнинъ правдивый князь, несчастный воевода Старицкій и др. Всѣ произведенія А. Толстого свидѣтельствуютъ, что онъ внимательно изучилъ исторію, вѣрно подмѣтилъ форму и духъ народной лирики, хорошо усвоилъ складъ народной рѣчи. Онъ иногда точно говорилъ съ голоса народа. Историческое міросозерцаніе А. Толстого было также очень своеобразно и совершенно выдѣляетъ его изъ ряда другихъ нашихъ писателей.

А. К. Толстой любилъ Кіевъ, а еще болѣе народное вѣче и не любилъ Москвы. . . . „Когда я думаю о красотѣ нашей исторіи до проклятыхъ монголовъ и отвратительной Москвы, которая болѣе позорна, чѣмъ они, мнѣ хочется броситься и кататься по землѣ отъ отчаянія.. " „Я не человѣкъ съ тенденціей, вы это знаете,—писалъ А. Толстой своему знакомому въ 1869 г.,—но есть иныя невольныя (тенденціи), и я намѣренъ написать еще нѣсколько балладъ изъ нашей европейской эпохи—такъ туда сердце и тянетъ. Я буду ихъ писать между актами „Царя Бориса". Моя ненависть къ московскому періоду есть идіосинкразія, и я не подвинчиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что говорю. Это не тенденція—это я самъ. Откуда взяли, что мы антиподы Европы? Туча прошла надъ на-

облако монгольское, но это была лишь туча, и чортъ долженъ поскорѣе убрать ее.... Нашли-ли вы это сомнительнымъ: русскіе—европейцы, а не монголы." („Вѣстн. Евр." 1895, окт., 653). И вотъ Толстой ищетъ свои историческіе идеалы въ Россіи до-московской, до-монгольской. „Татарской намъ Руси не надо". Нерасположеніе къ татарщинѣ—одна изъ „самыхъ глубокихъ нотъ" въ поэзіи Ал. Толстого. Вл. Соловьевъ замѣтилъ по этому поводу, что „Кіевская Русь далеко не была идеальнымъ царствомъ свѣта и татарско-московскій періодъ вовсе не былъ такою безсмысленною напастью, такою невѣдомо зачѣмъ, надвинувшеюся тучей, какою представлялся онъ Толстому. . . . . . . Недостатокъ прочной государственной организаціи, отсутствіе единовластія дѣлало Кіевскую Русь беззащитною противъ окружающихъ дикихъ ордъ, отнимало у нея историческую жизнеспособность." Толстого привлекало вѣче, внесеніе въ нашу жизнь „закона милосердія", проблескъ мысли о томъ, что „дни правды дороже воинственныхъ дней". И вотъ почему онъ вложилъ въ уста князя слѣдующія слова: „За русскій обычай, до дна ее (большую чару) пью, за древнее русское вѣче. За вольный, за честный славянскій народъ, за колоколъ пью Новаграда"... На рѣчь князя Владиміра народъ отвѣчаетъ: „За князя мы пьемъ.—Да правитъ по-русски онъ русскій народъ". „Народное вѣче, говоритъ Соловьевъ, можетъ казаться красивымъ издали, но на самомъ дѣлѣ это было лишь разновидностью междоусобной войны, и поэтическій колоколъ Новгорода призывалъ обыкновенно не къ гражданскимъ подвигамъ, а просто къ рукопашному бою". . . . . . „Великая историческая нація не можетъ обойтись безъ крѣпкаго объединеннаго государственнаго строя. Созданіе этого строя было дѣломъ московскаго періода, дѣломъ совершенно необходимымъ даже независимо отъ татаръ". Оправдывая съ исторической точки зрѣнія московскій періодъ, Вл. Соловьевъ находитъ, однако, что идеализировать его и стремиться увѣковѣчить его духъ не имѣется достаточныхъ основаній. Нравственныя начала жизни,—въ осуществленіи которыхъ—окончательный смыслъ исторіи,—Кіевская Русь получила при ея крещеніи; московская-же Русь въ XVI и XVII ст. совершенно исказила духовный образъ человѣка. А потому Толстой правъ,—по мнѣнію Вл. Соловьева,—когда онъ сходитъ съ исторической почвы и становится на пророческую точку зрѣнія, предлагая для нашего исцѣленія имѣть въ виду нравственныя потребности настоящаго и упованія будущаго. Тутъ пригодными средствами могутъ быть,—по словамъ Вл. Соловьева,—только

„развитіе тѣхъ христіанскихъ истинно-національныхъ началъ, что какъ-бы было обѣщано и предсказано свѣтлыми явленіями кіевской Руси“ (Вѣстн. Евр. 1895, май, стр. 255—257).

Воззрѣнія гр. А. Толстого по національному вопросу устанавливаются въ настоящее время вполнѣ точно не только по художественнымъ произведеніямъ, но и по его перепискѣ, являющейся „исторіей его души“. Въ виду того, что личность поэта являлась до сихъ поръ спорной, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (за 1895 и 1897 г.г.)... „Не хотѣть уничтожить нѣмцевъ и поляковъ, какъ альбигойцевъ,—не значитъ сдѣлаться нѣмцемъ или полякомъ“.

„. . . . . Я-жъ—другъ властей и вѣчный врагъ
Такъ называемыхъ „вопросовъ“.—

. . . . . „Какой русскій не желалъ-бы сліянія польскаго элемента съ русскимъ?! Но не запрещеніемъ говорить по-польски на улицахъ, въ кофейняхъ и въ аптекахъ этого достигаютъ... Вы имѣете грустную храбрость порицать мой тостъ *за всѣхъ подданныхъ Государя Императора,* какая-бы ни была ихъ нація. Но знаете-ли, что это вы и ваши . . . . тѣмъ самымъ утверждаете польскую національность гораздо болѣе меня, ставя ее внѣ закона. Вы говорите: „нѣтъ болѣе поляковъ“, и нападаете съ кулаками на все польское. Вы называете себя русскими, а ваши упреки за мой тостъ—это однѣ нѣмецкія придирки“. Вы вмѣстѣ съ бѣднымъ Щербиной говорите, что нельзя допустить разныя національности въ могущественномъ государствѣ. Милыя дѣти, посмотрите въ лексиконъ! что̀ такое національность? Вы смѣшиваеете государство съ національностями. Нельзя допустить разныя государства; но не отъ васъ зависитъ, допустить или не допустить національности? Армяне, подвластные Россіи, будутъ армянами; татары-татарами; нѣмцы-нѣмцами; поляки-поляками. . . . . .

. . . . . Никого не вгонишь въ рай дубиной;

Начните съ того, что удовлетворяйтесь податями, которыя вамъ платятъ, а потомъ постарайтесь—я буду очень радъ—рядомъ искусныхъ мѣръ, обрусить различныя національности вашего государства. Но главное—будьте искусны и не будьте глупы и грубы... Если вы достигнете того, что поляки и балтійскіе помѣщики сдѣлались русскими—тѣмъ лучше! . . . .

„Вы желаете единства Россіи—я тоже. Вамъ было-бы пріятно, что-бы разныя національности, которыя вы отрицаете, но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и которыя составляютъ русское государство, всѣ-бы слились въ русскую націю—я

тоже. Но вы хотите дойти до этого принудительными мѣрами и даже одобряете систему М. . . и Ч. Вотъ здѣсь наши пути раздѣляются и даже расходятся въ совершенно противоположныя стороны . . . . . Итогъ: мы того-же мнѣнія по отношенію къ цѣли, но мы не сходимся на счетъ способовъ.

„Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, что-бы эта національность была желательна. Вы говорите: уравняемъ все, понижая уровень чужихъ народностей. Я-же говорю: уравняемъ все, возвышая русскій уровень..."

Славянофиломъ А. Толстой не былъ, но взгляды его несомнѣнно состоятъ въ большемъ родствѣ со взглядами московскихъ народниковъ. Критики лагеря западниковъ очень озабочены тѣмъ, что-бы А. Толстого не сопричислили къ славянофиламъ и потому, вѣроятно, измышляютъ теорію о томъ, что русской стариной онъ интересовался лишь настолько насколько ему она являлась полезной для символовъ и внѣшней обстановки, что его богатыри въ сущности переодѣтые трубадуры, что битвы его Ярославича и Гакона напоминаютъ страницы изъ пѣсни о „Роландѣ", что его Ростиславъ на днѣ рѣки въ объятіяхъ русалокъ передѣлка баллады о Лорелеяхъ и т. п. А. Толстой самъ поставилъ себя внѣ нашихъ литературныхъ лагерей и пусть онъ остается незанесеннымъ въ ихъ списки. Намъ важно только, что Русь онъ любилъ. Любилъ ея своеобразные нравы, воспѣвалъ ея князей и богатырей, пытался даже возстановить старые обороты русской рѣчи. За это и мы его любимъ. Картины русской природы, вышедшія изъ подъ его кисти, восхищаютъ насъ. Его идеалъ—князь Владиміръ—Красное Солнышко, который является любимымъ представителемъ всего уклада русской жизни. Этого намъ достаточно, чтобы носить дорогой образъ А. Толстого въ нашемъ сердцѣ.

Не забудемъ еще, что драмы А. Толстого по ихъ народному духу заняли видное мѣсто среди однородныхъ имъ произведеній нашей литературы. А. Толстой одинъ изъ родоначальниковъ нашей національной трагедіи.

Обращая вниманіе на взгляды гр. А. Толстого на народность, мы обязаны указать также на то, что у него патріотизмъ прекрасно уживался съ уваженіемъ къ европейской культурѣ. „Я могу быть патріотомъ, не ненавидя другихъ народовъ", сказалъ А. С. Пушкинъ. Воспѣвая Владиміра Красное Солнышко, Садко и нашихъ богатырей, гр. Алексѣй Константиновичъ въ то же время вдохновлялся глубокими вопросами чело-

вѣческаго духа, изучалъ Италію, написалъ „Донъ-Жуана" и пр. Цѣня въ Европѣ все истинно высокое, культурное, благородное, гуманное, онъ

. . . . . . „не презиралъ земли родной,
Онъ зналъ ея предназначенье"...

Онъ уважалъ чужое, но отечество было всегда ближе всего его сердцу.

Это также одна изъ заповѣдей, которыми руководятся члены „Русскаго Собранія". Узость и исключительность, переходящая въ дурной націонализмъ, никогда не войдутъ въ программу этого собранія.—Намъ нужна наша „живая старина" и русская правда, но намъ также нужно доброе, справедливое и разумное отношеніе къ чужимъ народамъ.

Краткій итогъ сказанному подведемъ словами самого А. Толстого: „Ты мнѣ никогда не вѣришь,—писалъ онъ очевидно, своей женѣ,—а Гончаровъ говоритъ, что я стою совершенно особнякомъ въ русской литературѣ и внесъ въ нее новый элементъ, и ни въ чемъ на другихъ не похожъ, а всѣ, дескать, другіе, и онъ самъ, столпились, дескать, въ одну кучу, и это, дескать, нехорошо („В. Евр". 1897, іюнь, 607). Гр. Алексѣй Константиновичъ „былъ—по справедливому заявленію Ив. С. Тургенева,—создателемъ новаго у насъ литературнаго рода исторической баллады, легенды; на этомъ поприщѣ онъ не имѣетъ соперниковъ" („Вѣстн. Евр". 1875, ноябрь, 432—433). Но помимо того, А. Толстой оставилъ намъ въ наслѣдство „прекрасные образцы драмъ, романовъ и лирическихъ стихотвореній". Слѣдовательно, не даромъ „жизнь и лира" были ввѣрены ему судьбой. Въ его стихахъ

. . . . ожила
Святая Русь—и величава,
И православна, какъ была:
Въ нихъ самобытна, родная
Заговорила старина" *(М. Н. Языковъ)*

М. Бородкинъ.

Уваровскій Университетъ.

(Продолженіе).

III.

Въ с.-петербургскомъ округѣ съ 1832 по 1842 г. постъ попечителя занималъ кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, любимый студентами за мягкое отношеніе къ нимъ и снисходительность къ мелкимъ проступкамъ, какъ несоблюденіе формы, или неотданіе чести. Не менѣе любимъ былъ и помощникъ его кн. Г. П. Волконскій, занявшій затѣмъ постъ попечителя; человѣкъ просвѣщенный и благородный, онъ не разъ отвращалъ отъ университета бѣду своимъ вліяніемъ [1]). Доброта и снисходительность Волконскаго вызвали, однако, неудовольствіе Государя, который при посѣщеніи университета обратилъ вниманіе на уклоненія отъ формы и, быть можетъ, вслѣдствіе этого въ 1845 г. переведенъ былъ въ С.-Петербургъ изъ Казани суровый, грубый М. Н. Мусинъ-Пушкинъ [2]). Первое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ въ университетѣ, было, повидимому, не особенно благопріятнымъ: представлявшихся ему учителей онъ обозвалъ „болванами и дураками"; „таковъ онъ со всѣми, кромѣ профессоровъ", сообщаетъ о немъ Никитенко. Но и съ профессорами онъ не особенно церемонился: при студентахъ онъ дѣлаетъ имъ замѣчанія, а однажды, присутствуя на диспутѣ Ведрова, который позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкое замѣчаніе по адресу своего оппонента,—онъ громко крикнулъ бѣдному диспутанту, что за дерзость прогонитъ его съ каѳедры. Хотѣлъ онъ такъ же обращаться и со студентами, но тѣ пригрозили ему, что сначала освищутъ его, а затѣмъ и поколотятъ, и онъ притихъ; впрочемъ, рѣдкое

---

[1]) Никитенко. Дневникъ I, 472.

[2]) *А. Ч.* „С.-Петербургскій университетъ полвѣка назадъ" (Рус. Арх. 1868. IX стр. 124—125. О Волконскомъ см. также статью *Б—а* „Университетъ и корпорація" Ист. В. 1880, IV

посѣщеніе имъ университета обходилось безъ того, чтобы онъ кого-нибудь не разбранилъ и не посадилъ подъ арестъ. Нѣсколько времени спустя, въ мартѣ 1846 г., Никитенко сообщаетъ о томъ, что онъ рѣшилъ перемѣнить свое обращеніе съ подчиненными [1]). Грубый по внѣшности, вспыльчивый и раздражительный, онъ былъ, однако, добрымъ человѣкомъ: помогалъ молодымъ, начинающимъ учителямъ, а иногда и студенты шли прямо къ нему, чтобы объяснить свои нужды или откровенно признаться въ своихъ проказахъ и всегда находили помощь и защиту [2]). Его испортило провинціальное раболѣпство и угодничество; это былъ типичный русскій баринъ стараго времени, который и на посту попечителя не оставилъ своихъ барскихъ замашекъ; ко всѣмъ онъ обращается на *ты*, но это „*ты* у него выражало благосклонность, *вы*—предвѣщало что-то зловѣщее...“ „Подъ грубой оболочкой онъ имѣлъ душу, способную къ добру, и минутами у него являлись непроизвольно проблески сердечной теплоты; но какъ сынъ своего вѣка, тогдашней аракчеевщины, онъ внутренно боролся съ дилеммой быть и казаться и по укоренившемуся обычаю тѣхъ дней, онъ слѣдовалъ второй... Какъ человѣкъ отъ природы горячій, безъ выдержанности, и какъ психическій и физическій страдалецъ отъ жестокой подагры, угнетавшей его хронически, Мусинъ-Пушкинъ временами бывалъ безгранично раздражителенъ, безгранично вспыльчивъ и, впадая отъ этого въ случайныя опрометчивости, былъ бюрократически произволенъ“ [3]). Возмущаясь самодовольствомъ и грубостью Мусина-Пушкина, Венюковъ врядъ-ли правильно выражается про него, что это былъ кураторъ, или, вѣрнѣе, обскураторъ“ [4]); правда, это былъ человѣкъ, невысокаго ума, малообразованный; онъ не любилъ литературы, но имѣлъ, по отзыву Никитенко, три достоинства. 1) не подкапывался подъ науку, не стѣснялъ свободы преподаванія; 2) умѣлъ цѣнить заслуги и горой стоялъ за сослуживцевъ; въ 1849 г. онъ смѣло отстаивалъ петербургскій университетъ отъ взводимыхъ на университеты обвиненій въ зловредномъ направленіи и 3) онъ былъ всегда вѣренъ данному слову [5]).

Современникомъ Дондукова-Корсакова, Волконскаго и

---

[1]) Никитенко, I, 478—79.

[2]) Назарьевъ, „Жизнь и люди былого времени“ (Ист. В. 1890, XII, стр. 715—716).

[3]) *Шевляковъ*. „Къ характеристикѣ Мусина-Пушкина“. (Ист. Вѣстн. 1892, III, стр. 814).

[4]) „Воспоминанія“ (Рус. Стар. 1891 г., I, стр. 180).

[5]) *Никитенко*, Дневникъ, ч. II, стр. 39—40.

отчасти Мусина-Пушкина былъ высоко-образованный, гуманный меценатъ графъ С. Г. Строгановъ; происходя изъ бѣдной линіи Строгановыхъ, онъ получичъ поверхностное образованіе, но, по словамъ С. М. Соловьева, „благороднымъ инстинктомъ понялъ, что наука есть могущество; отсюда глубокое уваженіе къ наукѣ, интересъ ко всѣмъ явленіямъ науки литературы". Онъ „уважалъ науку, ставилъ выше всего честность, прямоту, благородство, таланты, трудолюбіе, святое исполненіе обязанностей". Скупой во всемъ другомъ, онъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе картины знаменитаго художника, рѣдкой монеты; студентамъ онъ давалъ деньги, бѣднымъ ученымъ помогалъ издать свои сочиненія; извѣстна Строгановская библіотека и училище живописи въ Москвѣ. Его назначеніе на постъ попечителя имѣло самое благотворное вліяніе на учебныя заведенія; для всѣхъ, кому дорого было просвѣщеніе"—говоритъ Соловьевъ, „управленіе Строганова московскимъ учебнымъ округомъ было золотымъ временемъ. Не могу безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить того освѣженія нравственной атмосферы, которое произошло, когда пріѣхалъ Строгановъ попечительствовать" [1]). Московскій университетъ достигъ при немъ цвѣтущаго состоянія: онъ подбиралъ прекрасныхъ профессоровъ и покровительствовалъ молодымъ людямъ, желавшимъ готовиться къ профессурѣ. При немъ явились въ Москвѣ такія силы какъ Грановскій, Соловьевъ, Катковъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ [2]). Къ Грановскому и ко всему кружку Станкевича Строгановъ былъ очень расположенъ; лишь благодаря его покровительству были разрѣшены Грановскому публичныя лекціи; но лекціи произвели такой шумъ, что Строгановъ поневолѣ долженъ былъ принять мѣры, чтобы успокоить этотъ шумъ; этимъ Скабичевскій объясняетъ тѣ стѣсненія, которымъ подвергался Грановскій [3]). Аѳанасьевъ называетъ время попечительства Строганова „едва-ли не самымъ счастливымъ временемъ московскаго университета, по отсутствію всякихъ стѣсненій и формализма" [4]).

Въ 1847 году Строгановъ долженъ былъ оставить свой постъ, вслѣдствіе столкновенія съ Уваровымъ; преемникомъ его былъ помощникъ его Д. П. Голохвастовъ (1847—1849). Насколько Строгановъ заслужилъ общую любовь и располо-

---

[1]) Сборникъ,—„Воспоминанія о студенч. жизни", стр. 112—119).

[2]) *Галаховъ*, „Сороковые годы" (Ист. В. 1892, I, стр. 129—130).

[3]) *Скабичевскій* Op. cit. стр. 331.

[4]) *Аѳанасьевъ*. „Московскій университетъ въ 1843—1849 гг." (Рус. Стар., 1886, VIII, стр. 358).

женіе студентовъ, настолько нелюбимъ былъ Голохвастовъ; уже первое появленіе его въ московскомъ университетѣ въ 1833—34 гг. произвело неблагопріятное впечатлѣніе: онъ посѣщалъ лекціи, слѣдилъ за профессорами, во все вмѣшивался: на экзаменѣ удалилъ изъ университета одного студента за неумѣлый или непозволительный отвѣтъ на его замѣчаніе [1]). Соловьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ такъ характеризуетъ Голохвастова: „Это былъ человѣкъ знающій, умный, честный и любившій честность въ другихъ, но умъ этого человѣка отличался особеннымъ складомъ, именно удивительною форменностію"; „у Голохвастова все вниманіе было обращено на формы мышленія; въ разговорѣ своемъ онъ хлопоталъ только объ одномъ, чтобы мысли являлись въ знакомой формѣ и чтобы эта форменность, какъ можно яснѣе обнаруживалась". По странному противорѣчію, занимая постъ попечителя, Голохвастовъ „ненавидѣлъ университетъ, считалъ его учрежденіемъ опаснымъ для существующаго порядка вещей" [2]).

Въ то время какъ Строгановъ попечительствовалъ въ Москвѣ, постъ попечителя въ кіевскомъ округѣ, занималъ Е. Ф. фонъ-Брадке (1832—1838); доброта и гуманность, соединенная съ отеческой строгостью и независимостью убѣжденій были отличительными чертами его характера; онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, соотвѣтствовалъ тому типу попечителя, во все проникающаго, ничего не упускающаго безъ вниманія, который изображаетъ намъ уставъ 1835 г; при открытіи университета, онъ далъ обѣтъ: „быть отцомъ студентовъ, но не слабымъ, потворствующимъ порыву страстей, а твердымъ, постоянно заботившимся о направленіи ихъ къ нравственному совершенству". Можно смѣло сказать, что во время всей своей службы Брадке оставался вѣренъ этому обѣту. Онъ вникалъ въ нужды каждаго, интересовался всѣми мелочами университетской жизни; слѣдилъ за преподаваніемъ и сначала ежедневно, а затѣмъ, когда здоровье его пошатнулось, два раза въ недѣлю посѣщалъ лекціи. Это не была власть посторонняя, внѣ интереса стоящая; онъ былъ тѣсно связанъ съ университетомъ. Студенты горячо любили его за отеческое отношеніе къ нимъ и нерѣдко прибѣгали къ нему въ своихъ личныхъ и семейныхъ дѣлахъ [3]). Но не легка была роль попечителя кіевскаго округа въ 30-хъ гг.: броженіе, поднятое въ юго-запад-

---

[1]) *Гончаровъ*. Сочин. (изданіе „Нивы"), т. XII, стр. 39—41.

[2]) „Воспом. о студ. жизни", стр. 119—121. См. также воспом Вистенгофа. (Ист. В. 1884, V).

[3]) *Владимірскій-Будановъ*. „Исторія Импер. универс. св. Владиміра", стр. 79—82; 159.

номъ краѣ польскимъ мятежемъ, долго не могла улечься, и національная вражда вспыхивала время отъ времени; открытіе въ юго-западномъ краѣ въ 1838 г. тайнаго общества съ революціонными цѣлями и участіе въ этомъ обществѣ нѣкоторыхъ студентовъ кіевскаго университета привели къ временному закрытію университа и удаленію фонъ-Брадке[1]). На его мѣсто былъ назначенъ князь С. И. Давыдовъ, сначала служившій въ арміи, а затѣмъ бывшій минскимъ губернаторомъ. Новый попечитель не былъ чуждъ просвѣщенію и впослѣдствіи былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ; но съ дѣятельностью попечителя онъ былъ совершенно не знакомъ, притомъ же лѣнивъ и безпеченъ; все управленіе округомъ было въ рукахъ подчиненныхъ ему чиновниковъ. „Ему было тягостно посѣщать университетъ", говоритъ о немъ современникъ; „если иной разъ приходилъ онъ въ университетъ во время экзаменовъ, то развѣ отъ скуки...; онъ садился на студенческой скамьѣ и рисовалъ карандашомъ головки; а рисовалъ онъ очень хорошо... Съ такимъ же небреженіемъ относился онъ и къ текущимъ дѣламъ по управленію округа; для него казалось достаточно подписать своею рукою то, что было написано рукою правителя его канцеляріи.. Канцелярское вліяніе стало давать себя чувствовать и въ университетскихъ дѣлахъ" [2]). Еще болѣе безполезнымъ для университета былъ преемникъ кн. Давыдова съ 1846 г. ген.-м. Траскинъ. Болѣе удачнымъ былъ выборъ помощниковъ попечителя: одновременно съ Давыдовымъ назначенъ былъ В. И. Карлгофъ; это былъ человѣкъ, близко стоявшій къ литературнымъ кругамъ, лично знавшій Пушкина, Жуковскаго, Крылова, пробовавшій и самъ свои силы на литературномъ поприщѣ. Назначенный по личному желанію Уварова, Карлгофъ явился въ Кіевъ, одушевленный самыми благими намѣреніями: онъ сдѣлалъ попытку сблизиться съ профессорами, приглашалъ ихъ къ себѣ. Но Карлгофъ оставался лишь годъ: онъ не ужился съ попечителемъ, который завидовалъ его популярности [3]). Преемникомъ Карлгофа былъ М. В. Юзефовичъ, подобно своему предшественнику, это былъ человѣкъ всесторонне-образованный; онъ былъ пріятелемъ Пушкина и близко стоялъ къ славянскому кружку Аксакова, Хомякова и Кирѣевскихъ. Лица самыхъ различныхъ направленій,—Никитенко, Кулишъ и Ромеръ—даютъ о немъ хорошіе отзывы; Ромеръ ссылается

[1]) Ib. 169—174.
[2]) Ib. стр. 175. См о немъ также у *Чалаю*, Кіев. Стар. 1889, XII стр. 496.
[3]) Ib 176

на кіевскихъ старожиловъ, которые сохранили о Юзефовичѣ добрую память. Стоя гораздо ближе къ университету, чѣмъ попечитель, Юзефовичъ имѣлъ на студентовъ самое благотворное вліяніе: строгій къ трактирнымъ буянамъ, врагъ всякой распущенности, онъ неукоснительно требовалъ соблюденія университетскихъ правилъ и въ одеждѣ и въ поведеніи; но, въ то же время, онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы сблизиться со студентами, узнать ихъ возможно лучше; множество студентовъ бывало у него, и Юзефовичъ у себя дома сбрасывалъ маску строгаго начальника, становился симпатичнѣйшимъ радушнымъ хозяиномъ, умнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ[1]).

Харьковскимъ попечителемъ въ 1834 г. назначенъ былъ 85-лѣтній старецъ, графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, остававшійся на этомъ посту до смерти своей, послѣдовавшей въ 1846 г. Врядъ-ли въ такомъ преклонномъ возрастѣ могъ онъ имѣть большое вліяніе на университетскія дѣла. Тѣмъ не менѣе, когда лица, пользовавшіеся его довѣріемъ, указывали на нужды университета или учебнаго округа, онъ всею силою своего авторитета настаивалъ на удовлетвореніи ихъ просьбы и никогда не встрѣчалъ отказа въ высшихъ сферахъ. Графъ любилъ студентовъ и всегда оказывалъ имъ поддержку и защиту; онъ старался сблизиться съ ними, приглашалъ ихъ къ обѣду и снабжалъ билетами въ театръ или концертъ. Самъ онъ былъ человѣкъ образованный, знакомый съ классической литературой: очевидецъ вспоминаетъ, какъ графъ въ разговорѣ съ проф. Валицкимъ восхищался Пиндаромъ и Горацiемъ, а одну изъ одъ послѣдняго продекламировалъ наизусть. Однажды ему донесли о зловредномъ направленіи двухъ профессоровъ; Головкинъ посѣтилъ неожиданно ихъ лекціи и рѣшилъ, что дошедшіе до него слухи несправедливы. Попечитель отвѣчалъ за университетъ и своимъ авторитетомъ охранялъ его существованіе[2]). По смерти Головкина, въ 1846 г. управленіе харьковскимъ учебнымъ округомъ возложено было на генер.-губернатора кн. Н. А. Долгорукова, которому предоставлены были права попечителя, а по смерти послѣдняго въ 1847 г. на новаго генералъ-губернатора С. А. Кокошкина[3]).

Въ Казани съ 1827 по 1845 г. попечительствовалъ уже извѣстный намъ М. Н. Мусинъ-Пушкинъ[4]), а затѣмъ суровый и мелочно-придирчивый ген.-лейт. В. П. Молоствовъ.

---

[1]) *Ромеръ*, „По поводу одной книги“ Ист В. 1894, V, стр. 470—471.

[2]) *Неслуховскій*, „Изъ моихъ воспом.“ (Ист. В. 1890, IV, 151—152. См. также Ист. В. 1884, VIII, 376).

[3]) Сборн. пост. по Мин. Нар. Пр. II₂, стр. 606 и 694.

[4]) О его пребываніи въ Казани см. восп. *Вистенгофа*, Ист В. 1884 V и *Назарьева*, Op. cit. Ист. В. 1890, XII.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ попечителями учебныхъ округовъ въ министерство Уварова (дерптскаго округа мы не касались, такъ какъ на дерптскій университетъ не распространялся уставъ 1835 г.; не касались мы также округовъ, совсѣмъ не имѣвшихъ въ то время университета),—мы можемъ замѣтить, что въ половинѣ 40-хъ гг. въ правящихъ сферахъ произошла какая-то перемѣна въ отношеніи къ университетамъ. Вторая половина 30-хъ и 1-я половина 40-хъ годовъ были временемъ попечительства Дондукова-Корсакова и Волконскаго, Строганова, фонъ-Брадке и Головкина; все это были люди образованные и покровительствовавшіе образованію, мягкіе въ отношеніяхъ къ студентамъ и подчиненнымъ и снисходительные къ мелкимъ проступкамъ студентовъ, какъ напр., нарушеніе формы или неотданіе чести. Исключеніе представлялъ, пожалуй, казанскій округъ подъ управленіемъ Мусина-Пушкина, хотя и послѣдній, какъ мы видѣли выше, при всей своей грубости и самодурствѣ, имѣлъ не мало и хорошихъ качествъ. Слѣдуетъ къ тому же замѣтить, что казанскій университетъ почему-то считался какъ бы мѣстомъ ссылки: туда напр. переводили студентовъ, исключенныхъ изъ какого-либо другого университета [1]).

Раньше всего произошла перемѣна въ кіевскомъ университетѣ, вслѣдствіе волненій, которыя произошли тамъ въ 1838—39 гг. Уходъ фонъ-Брадке, закрытіе университета и назначеніе кн. Давыдова, удаленіе изъ Кіева профессоровъ-поляковъ и, наконецъ, изданіе для университета Св. Владиміра устава 1842 г.—таковы были результаты этихъ волненій. Затѣмъ наступила очередь университетовъ с.-петербургскаго и харьковскаго, а въ 1847 г. Строгановъ, оскорбленный столкновеніемъ съ министромъ, подалъ въ отставку. На смѣну попечителямъ 1-й эпохи уваровскаго министерства явились суровые, требовательные службисты, нерѣдко военные генералы; на образованіе и педагогическія способности обращалось мало вниманія; къ концу описываемой нами эпохи входитъ въ обыкновеніе соединять въ однѣхъ рукахъ власть попечителя и генералъ-губернатора; это соединеніе было одной изъ отличительныхъ чертъ нашей школьной политики въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I.

IV.

Вліяніе просвѣщенныхъ и гуманныхъ попечителей было самое благотворное: университеты оживаютъ послѣ того пол-

---

1) *Владимірскій-Будановъ*, Op. cit., стр. 207.

наго умственнаго застоя и упадка, въ которомъ они находились въ концѣ 20-хъ и началѣ 30-хъ гг. Въ казанскомъ университетѣ за время попечительства Магницкаго (1819—1826) не было напечатано ни одного научнаго труда. Въ Харьковѣ вмѣсто положенныхъ по штату 28 профессоровъ оставалось на лицо лишь 8. Преподаваніе понизилось до такой степени, что нѣкоторые профессора руководствовались сочиненіями XVII в. „Многихъ тогдашнихъ профессоровъ",—говоритъ современникъ про московскій университетъ:—„не сдѣлали бы теперь учителями въ порядочныхъ гимназіяхъ. На 3—4 человѣка даровитыхъ и знающихъ приходилось 20—30 преподавателей, не имѣющихъ ни знанія, ни призванія къ профессурѣ. Самыя библіотеки университетовъ находились въ страшномъ запущеніи. Свѣдѣнія о Маккіавелли, Вико, Гердерѣ, Геренѣ, Нибурѣ и др. историкахъ любознательные могли почерпнуть развѣ въ „Московскомъ Телеграфѣ"... „Отъ студентовъ требовалось заучиванье тѣхъ учебниковъ и лекцій, которые были признаны руководяшими". Не лучше было и состояніе с.-петербургскаго университета [1]).

Еще до изданія устава 1835 г. въ дѣятельности министерства стало ясно обнаруживаться стремленіе поднять научное значеніе университетовъ. Въ 1828 г. образованъ былъ въ Дерптѣ профессорскій институтъ, въ который отправлено было 19 лучшихъ воспитанниковъ изъ другихъ русскихъ университетовъ для усовершенствованія въ наукахъ; по выслушаніи тамъ профессорскихъ курсовъ, они были отправлены заграницу и уже въ 1835 г. возвратились и читали пробныя лекціи; въ числѣ этихъ молодыхъ ученыхъ были такія крупныя силы, какъ братья Куторги, Рѣдкинъ, Пироговъ и др. [2]). Уставъ 1835 г. увеличивалъ число университетскихъ преподавателей почти вдвое, (съ 28 до 53), причемъ произошли также существенныя измѣненія въ распредѣленіи предметовъ

---

[1]) *Иконниковъ*. Op. cit. В. Евр. 1876 г. XI, стр. 78—85.—Джаншіевъ, характеризуя уставъ 1835 г., *ошибочно* сообщаетъ, будто въ харьковскомъ университетѣ каѳедру философіи занималъ частный приставъ. Фактъ, о которомъ упоминаетъ Джаншіевъ, имѣлъ мѣсто до изданія устава, въ 1831—1833 гг.; да и самый фактъ не вполнѣ правиленъ: надв. сов. Чановъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ 1806 г., по окончаніи Демидовскаго лицея, дѣйствительно назначенъ былъ *квартальнымъ надзирателемъ*, но уже черезъ 3 мѣсяца перемѣщенъ на должность преподавателя и съ 1806 по 1826 г. преподавалъ въ ярославскомъ пансіонѣ, а одно время читалъ римское право въ лицеѣ; въ 1830 г. ему было предложено преподавать философію (см. Иконниковъ, стр 85).

[2]) См. Журн. М. Н. П. 1835 г. IX, стр. 507—509.

по факультетамъ. Нравственно-политическій факультетъ получилъ названіе юридическаго; здѣсь было расширено преподаваніе собственно-юридическихъ наукъ; за-то предметы общеобразовательнаго характера—философія, исторія, политическая экономія и статистика—перенесены были на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (впослѣдствіи историко-филологическій факультетъ). На послѣднемъ учреждены были особыя каѳедры русской исторіи, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій (ст. 11-я и 12-я устава). Университетскій курсъ былъ увеличенъ съ 3 хъ лѣтъ до 4-хъ на философскомъ и юридическомъ факультетовъ,—до 5-ти на медицинскомъ (ст. 100). Университетамъ даны были различныя привилегіи: право имѣть свою собственную цензуру для сочиненій, издаваемыхъ профессорами (ст. 120), право свободно и безпошлинно получать изъ-заграницы всякаго рода книги и учебныя пособія безъ разсмотрѣнія цензурой (ст. 121 и 122); университетскія зданія освободились отъ постоя и квартирной повинности (ст. 122), равно какъ и дома или квартира профессоровъ (ст. 135). Всѣмъ служащимъ въ университетахъ предоставлены служебныя права и значительныя льготы передъ другими чиновниками по отношенію къ отпускамъ за границу, жалованью и пенсіи (ст. 127—149). Далѣе, отличительной чертой наступившаго періода было то, что профессорамъ предоставлена была возможность сосредоточиться на избранныхъ ими спеціальностяхъ; мы не видимъ уже соединенія въ однѣхъ рукахъ различныхъ предметовъ университетскаго преподаванія,—соединенія, столь часто встрѣчавшагося въ предшествующіе періоды [1]). Въ 1842 г. въ университетѣ св. Владиміра вводится уже институтъ приватъ-доцентовъ; совѣту университета предоставлено право ходатайствовать о допущеніи магистра или доктора къ чтенію лекцій со званіемъ доцента; желающій пріобрѣсти это званіе обязанъ кромѣ диссертаціи, за которую онъ получилъ ученую степень, представить и защищать еще новую „pro venia legendi". Доценты считаются на службѣ, но жалованья не получаютъ, при чемъ, однако, совѣту предоставляется ходатайствовать о выдачѣ имъ единовременнаго вознагражденія. Въ слѣдующемъ 1843 г. институтъ доцентовъ введенъ на тѣхъ же основаніяхъ въ университетахъ—с.-петербургскомъ, московскомъ, харьковскомъ и казанскомъ [2]).

Результатомъ всѣхъ этихъ правительственныхъ мѣропріятій, равно какъ и дѣятельности попечителей, поощрявшихъ

[1]) *Иконниковъ*. Op. cit. В. Евр. 1876, XI, стр. 92.
[2]) Сб. пост. II₂, стр. 234 и 289.

молодыхъ ученыхъ и старавшихся привлекать въ университеты лучшія силы, было поднятіе уровня университетскаго преподаванія. Вопіющей несправедливостью является та характеристика университетской жизни при уставѣ 1835 г., которую дѣлаетъ Джаншіевъ; врядъ-ли можно также согласиться съ замѣчаніемъ его, что Грановскіе были „исключеніемъ изъ исключеній“ и создавались якобы „не уставомъ 1835 г., а вопреки ему“ [1]). Наряду съ Грановскимъ блистало не мало славныхъ въ исторіи русскаго просвѣщенія именъ. Въ Москвѣ большой популярностью пользовались: Кудрядцевъ, Рѣдкинъ, Крылсвъ, Морошкинъ и Буслаевъ; въ 40-хъ гг. появляются на каѳедрѣ Кавелинъ и Соловьевъ, а въ 50-хъ Чичеринъ, Дмитріевъ и многіе другіе [2]). Въ Петербургѣ во второй половинѣ 30-хъ гг. возвратилась изъ-за границы цѣлая плеяда блестящихъ молодыхъ ученыхъ—братья Куторги, Калмыковъ, Ивановскій, Краннхфельдъ, Порошинъ и др. [3]). Состояніе провинціальныхъ университетовъ было не столь блестящимъ; умственная жизнь кипѣла въ столицахъ, и потому лучшія силы стремились въ столичные университеты, а на долю провинціальныхъ выпадали лишь посредственности; но и въ провинціи значительно поднялся уровень университетскихъ профессоровъ. Особенно хорошо было поставлено преподаваніе въ кіевскомъ университетѣ въ попечительство фонъ-Брадке; историкъ этого университета свидѣтельствуетъ, что „если судить по воспоминаніямъ студентовъ того времени, людей вполнѣ серьезныхъ и достойныхъ уваженія, изъ которыхъ нѣкоторые потомъ сами посвятили себя трудной педагогической службѣ, то гораздо сильнѣе проявлялась умственная дѣятельность въ университетѣ до 1838 г., чѣмъ долгое время послѣ 1838 г.“ [4]). Это было время, когда дѣйствовали въ университетѣ: Максимовичъ, Новицкій, Богородскій, Даниловичъ, Гофманъ, Траумфетеръ. Но и послѣ 1837 г. остались эти профессора; къ нимъ прибавлялись новыя силы: здѣсь начали свою профессорскую дѣятельность Костомаровъ и Шульгинъ; здѣсь подвизались Бунге, Павловъ, Иванишевъ, Вернадскій, Кесслеръ и др. [5]). Въ худшемъ состояніи находились университеты харьковскій и казанскій. Въ Харьковѣ, по словамъ современника, выдающихся профессоровъ было немного: на медицинскомъ факультетѣ

---

1) *Джаншіевъ* „Эпоха вел. реформъ“. М. 1896, стр. 229.
2) *Аѳанасьевъ*. „Воспом. о моск. ун.“ Р. Ст. 86, VIII, стр. 363—383.
3) Э—ъ. „Студенч. корпораціи въ с.-петерб. ун.“ Р. Стар. 1831, II, стр. 372.
4) *Владимірскій-Будановъ*. Op. cit., стр. 151.
5) Ib., стр. 674. См. также *Ромеръ*. Ист. В. 1884, V, стр. 478—477.

блисталъ, впрочемъ, профессоръ-хирургъ Винцети, „слава о которомъ, какъ объ ученомъ и искусномъ операторѣ, гремѣла по всей южной Россіи". Изъ другихъ профессоровъ этого факультета проф. Борисякъ читалъ, по отзыву того же современника, „вразумительно и толково", проф. физики Лапшинъ хорошо зналъ свой предметъ, но не обладалъ даромъ изложенія. То же можно было сказать про профессора неорганической химіи Эйнбродта, который былъ извѣстенъ своими учеными трудами; имя его „занимало въ химическихъ анналахъ почетное мѣсто, но пользы отъ его лекцій было мало": въ нихъ не было послѣдовательности и связности, и бывали лекціи, въ которыхъ слушатели, при всемъ напряженіи мысли, ничего не понимали. Полную противоположность Эйнбродту представлялъ Ходневъ, профессоръ органической химіи. „Ясность, строгая послѣдовательность, спокойствіе и какая то особенная красота рѣчи дѣйствовали на слушателей обаятельно и запечатлѣвали въ памяти каждое слово профессора. Все у него было въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, въ связности и порядкѣ..." „Во всю мою долгую жизнь я не встрѣчалъ такого яркаго оратора", говоритъ о немъ его бывшій слушатель. Довольно хорошіе отзывы встрѣчаемъ мы также о профессорахъ Демонси и Рындовскомъ [1]). Остальные профессора факультета представляли собою посредственность; но и перечисленныхъ именъ достаточно, чтобы заключить, что состояніе университета было не такое ужъ плохое, какъ было заявлено въ началѣ и, во всякомъ случаѣ, несравненно лучшее, чѣмъ до 1835 г., когда во всемъ университетѣ было лишь 8 штатныхъ профессоровъ. На филологическомъ факультетѣ хорошо читали русскую исторію Зернинъ и эстетику Костырь [2]). Слѣдуетъ припомнить также, что въ харьковскомъ университетѣ окончилъ курсъ и готовился къ ученой степени Костомаровъ.

Казанскаго университета также коснулось то умственное возрожденіе, которое произошло въ другихъ университетахъ, но коснулось нѣсколько позже, именно въ половинѣ 40 г.г. По свидѣтельству современника, этимъ оживленіемъ юридическій факультетъ университета обязанъ былъ двумъ молодымъ ученымъ, только что возвратившимся изъ-за границы,—Осокину и Мейеру. Они внесли жизнь въ университетъ, пробудили его отъ долгаго тяжелаго сна. „Съ первой же лекціи гражданскаго права мы всѣ почувствовали сильный толчекъ, измѣнившій, въ значительной степени, наше ребяческое отно-

[1]) *Любарскій*. „Воспом. о харьк. ун.". Ист. В. 1891, VIII, стр. 380—382.
[2]) Ib., стр. 389.

шеніе къ наукѣ, а въ самомъ непродолжительномъ времени Д. И. Мейеръ уже пользовался небывалымъ авторитетомъ между студентами" [1]). До того времени, юридическій факультетъ былъ въ самомъ жалкомъ состояніи: профессора были бездарностями, на лекціяхъ изображали шутовъ и служили мишенью для студенческихъ остротъ и насмѣшекъ, или сами бесѣдовали со студентами о постороннихъ предметахъ, или, наконецъ, читали такъ, что ихъ невозможно было слушать [2]). Лучшими по составу профессоровъ считались факультеты математическій и словесный [3]).

Такимъ образомъ, если и были въ нѣкоторыхъ университетахъ плохіе профессора, то появилось въ эту эпоху не мало выдающихся ученыхъ. Сравнивъ состояніе университетовъ уваровскаго времени съ ихъ жалкимъ состояніемъ въ предшествующій періодъ, врядъ-ли можно согласиться съ характеристикой Джаншіева; гораздо правильнѣе мнѣніе историка университетскихъ уставовъ Глинскаго, который утверждаетъ, что вліяніе устава 1835 г. было „безусловно просвѣтительное" [4]). Этотъ уставъ создалъ то поколѣніе, которое извѣстно подъ именемъ людей 40 годовъ; въ самые мрачные годы, годы упадка устава, сформировались тѣ дѣятели, которые были впослѣдствіи главными сотрудниками Царя-Освободителя, въ первые лучшіе годы его преобразовательной дѣятельности.

Объ усиленіи ученой дѣятельности университетовъ можно судить также по числу лицъ, удостоенныхъ ученыхъ степеней. Здѣсь вліяніе устава 1835 года могло сказаться лишь нѣсколько лѣтъ позднѣе, когда окончило курсъ поколѣніе студентовъ, учившихся при этомъ уставѣ, когда лучшія силы этого поколѣнія успѣли подготовиться къ экзамену на степень. Если полагать 4 года на прохожденіе университетскаго курса и 3—4 года на подготовку къ степени магистра, то можно опредѣлить, что вліяніе новаго устава на количество получающихъ ученыя степени могло сказаться лишь съ 1843—44 г.г. И мы видимъ, дѣйствительно, что въ десятилѣтіе 1832—1842 гг. въ шести университетахъ удостоено было степени доктора (кромѣ медицинскаго факультета) 28 чел. и степени магистра 55; въ періодъ же 1844—1859 г.г. въ шести университетахъ (по тѣмъ же факультетамъ) степень магистра получили 254 лица, а степень доктора 71 лицо [5]). Правда, и это число было

1) *Назарьевъ*. Op. cit. (Ист. В. 1890, XII, стр. 716).
2) Ib., 710—716.
3) Ib., 724.
4) *Глинскій*, Ист. В. 1900, 1, 844.
5) *Иконниковъ*, Op. cit., В. Евр. 1876, XI, 110.

недостаточно; по вычисленію Иконникова, для замѣщенія всѣхъ каѳедръ, министерству необходимо было ежегодно до 25 докторовъ и магистровъ; но причина этого явленія лежала отчасти внѣ университетовъ и, во всякомъ случаѣ, внѣ устава 1835 г. Одной изъ причинъ Иконниковъ считаетъ строгость испытаній; даже на степень доктора требовался экзаменъ изъ цѣлаго ряда предметовъ. Поэтому, многіе изъ лучшихъ университетскихъ дѣятелей не имѣли степени доктора и считались лишь исправляющими должность профессора. Но правила объ испытаніяхъ на ученыя степени опредѣлялись не уставомъ, а особымъ положеніемъ, которое было издано впервые въ 1819 г. и подвергалось нѣсколько разъ пересмотру (въ 1837, въ 1842—44, въ 1851 и 1862 г.г.),— не смотря на то, что уставъ оставался. Слѣдовательно, уставъ здѣсь не при чемъ. При томъ же нельзя утверждать, чтобы пониженіе требованій отъ ищущихъ степени должно было имѣть благотворные результаты: Иконниковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что въ то время, когда ученая дѣятельность страны проявлялась, главнымъ образомъ, въ оффиціальныхъ трудахъ, пониженіе требованій могло бы понизить уровень науки [1]). Другой причиной, оказавшей несомнѣнно гораздо большее вліяніе, были условія общественной жизни того времени; подготовка къ степени внѣ университетскихъ городовъ была совершенно невозможной по недостатку ученыхъ пособій; въ обществѣ царило полное равнодушіе къ интересамъ науки. Грановскій свидѣтельствуетъ о томъ, что „студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета, лучшіе изъ нихъ тѣ, которые подавали наиболѣе надеждъ, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что выходитъ изъ круга такъ называемыхъ *положительныхъ* интересовъ. Ихъ губитъ матеріализмъ и безнравственное равнодушіе нашего общества" [2]).

Если мы отъ профессоровъ перейдемъ къ студентамъ, то и среди многихъ изъ нихъ замѣчаемъ серьезное отношеніе къ занятіямъ; аудиторіи были полны слушателей. „Въ студенческихъ кружкахъ интересы науки и литературы стояли безусловно на первомъ планѣ" [3]). Мы имѣемъ свѣдѣнія о самостоятельныхъ трудахъ студентовъ: такъ, въ 1846 г. изданъ былъ студентами харьковскаго университета сборникъ ученыхъ статей подъ заглавіемъ „Опыты въ сочиненіяхъ студентовъ императорскаго харьковскаго университета" [1]). Интересно ознакомиться съ содержаніемъ сборника; здѣсь помѣщены статьи:

[1]) Ib., 111—112.
[2]) Ib., 101.
[3]) *Ромеръ*, Op. cit. (Ист. В. 1894, V, стр. 464—468).

Артемовскаго-Гулака „Историческій взглядъ на образъ и порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи отъ водворенія въ ней Рюрика до нашего времени“; *Ал. Михайлова*—„Какъ образовались сказанія объ энеадахъ и какъ они перешли въ сказанія римлянъ“; *Григорія Шведова*—„О матеріальныхъ средствахъ и пособіяхъ къ письменному сообщенію мыслей у римлянъ“; *Трофима Колесникова*—„Обозрѣніе извѣстій византійцевъ и бытъ языческихъ славянъ“; *А. Юдина*—„Поэтъ Кольцовъ и его стихотворенія“; *Грохольскаго*—„Обозрѣніе общественной благотворительности въ Европѣ“; *Реутовскаго*—„О промышленности въ Россіи вообще“ и *Ѳ. Карпова*—„Объ отношеніи законовъ Государственнаго Благоустройства и Благочинія къ законамъ Гражданскимъ“. Изъ этого перечня статей видно, что въ сборникѣ участвовали студенты-юристы и филологи; самые разнообразные вопросы—отъ письма у древнихъ римлянъ до современной постановки благотворительнаго дѣла въ Европѣ,—равно интересуютъ студентовъ. Знаемъ мы и о научныхъ трудахъ студентовъ другихъ университетовъ: студентами кіевскаго университета, подъ руководствомъ проф. Новицкаго, переведено сочиненіе Barchou de Penhoen—„Histoire de la philosophie allemande depuis Leibnitz jusqu'a Hegel“ [2]).

О состояніи московскаго университета можно судить по разсказу Погодина о посѣщеніи этого университета Уваровымъ въ сентябрѣ 1848 года. Посѣтивъ лекціи профессоровъ, министръ выразилъ желаніе, чтобы студенты изложили передъ нимъ публично свои знанія на ими же избранныя темы. „Весь университетъ пришелъ въ движеніе. Студенты наперерывъ одинъ передъ другимъ являлись къ деканамъ просить чести назначенія. Даже кончившіе курсъ ученія кандидаты объявили свою готовность подвергнуться этому испытанію новаго рода. Деканы не успѣвали записывать именъ, и въ продолженіе двухъ дней составились по всѣмъ отдѣленіямъ длинные списки. Трудно было дѣлать выборъ, чтобы никого не обидѣть, не охладить доброй воли, и потому должно было представить его по большей части случаю или счастію“. 20 сентября при большомъ стеченіи публики, открылись эти чтенія. Читали: Магницкій о Державинѣ, Безсоновъ—о современномъ состояніи психологіи, Свербеевъ—о Крыловѣ, Худяковъ—о междуцарствіи, Горловъ—о постепенномъ развитіи народнаго хозяйства. „Каждая лекція имѣла собственное достоинство“,—говоритъ Погодинъ: „Умное устройство разсужденія, сораз-

[1]) Издано въ Харьковѣ въ 1846 г.
[2]) *Владимірскій-Будановъ*, op. cit., 154.

мѣрность частей, порядокъ, полнота при всей краткости, примѣчательный даръ слова—вотъ достоинства г. Магницкаго. Ясностію, обдуманностью, внутреннимъ сильнымъ убѣжденіемъ въ своихъ мысляхъ, которое слышно было въ самомъ ихъ выраженіи, зрѣлостію—отличалось разсужденіе г. Безсонова. Слушая его, забывалось, что это студентъ, дающій отчетъ; онъ казался уже преподавателемъ. Прекрасный образъ изложенія, изящная простота, какое-то благородное спокойствіе, самоувѣренность при всей скромности, много литературноблестящихъ мыслей и выраженій,—вотъ, чѣмъ отличалось разсужденіе г. Свербеева. Разсужденіе г. Худякова состояло изъ частностей, болѣе или менѣе занимательныхъ. Разсужденіе г. Горлова имѣло другой характеръ: оно казалось нѣсколько импровизированнымъ и въ этомъ отношеніи служило, по моему мнѣнію, доказательствомъ силы молодого человѣка".

21 сентября читали студенты и кандидаты юридическаго факультета. Канд. Шубинъ читалъ „объ основныхъ началахъ семейнаго права римскаго и христіанскаго"; „въ живой свободной картинѣ представилъ онъ семейство древнее римское и новое христіанское во всѣхъ его юридическихъ отношеніяхъ, и еслибъ избѣжалъ нѣсколькихъ повтореній, то чтеніе его можно бы назвать отличнымъ вполнѣ". Аѳанасьевъ, тоже кандидатъ, въ своемъ разсужденіи—„объ общественной жизни русскихъ въ три послѣднія столѣтія до-петровскаго періода"—„явился представителемъ новыхъ воззрѣній на русскую исторію". Капустинъ читалъ объ исправительныхъ заведеніяхъ, Чечуринъ—о вліяніи физическаго состоянія на правоспособность. Послѣдній сначала до того оробѣлъ, что не могъ выговорить ни слова, но потомъ оправился и доказалъ свои познанія о данномъ предметѣ.

Третій день былъ посвященъ наукамъ физико-математическимъ. Канд. Перевощиковъ читалъ о теоріи тяготѣнія и приложеніи ея къ движенію планетъ. Канд. Малевскій-Малевичъ—о постепенномъ развитіи ископаемыхъ: растеній, и животныхъ. Михайловъ—о грозовыхъ облакахъ; Капобукъ—о географическомъ размѣщеніи животныхъ [1]).

---

[1]) Кромѣ того, изъявили желаніе читать еще слѣдующіе кандидаты и студенты: *Рогозинниковъ*: 1) о Ломоносовѣ, 2) о Карамзинѣ; *Гарусовъ*—о словахъ Кирилла Туровскаго; *Бартеневъ*—о языкѣ и слогѣ Несторовой лѣтописи; *Синявинъ*—о началахъ устнаго и письменнаго языка; *Возницынъ*—объ исторіи греческой риторики; канд. *Филипповъ*—о присоединеніи Малороссіи; *Георгіевскій*—о предшественникахъ реформаціи; *Рогозинниковъ*—объ Юліанѣ; *Ешевскій*—о поселеніи франковъ въ Галліи;

Конечно, наряду съ серьезными, занимающимися студентами встрѣчались и иные; бывали даже примѣры поразительной безграмотности [2]), въ чемъ вина, впрочемъ, падаетъ на среднія учебныя заведенія. Но приведенныхъ выше фактовъ все же достаточно, чтобы составить себѣ очень благопріятное мнѣніе объ уровнѣ студентовъ 40 г.г. „Съ полнымъ убѣжденіемъ утверждаю,—говоритъ бывшій студентъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что, не смотря на всѣ недостатки университетскаго образованія нашего времени, уровень духовнаго развитія питомцевъ с.-петербургскаго университета конца 30-хъ и начала 40-хъ г.г. былъ гораздо выше, нежели у студентовъ послѣднихъ выпусковъ"... „Тѣмъ, кому мой приговоръ надъ уровнемъ знаній послѣдующихъ студентовъ не только петербургскаго, но и другихъ университетовъ, покажется слишкомъ суровымъ или пристрастнымъ, совѣтую обратиться къ опытнымъ редакторамъ журналовъ и газетъ и спросить ихъ, почему они, приглашая себѣ сотрудниковъ, еще въ очень недавнее время предпочитали, а можетъ быть, и теперь предпочитаютъ людямъ съ образованіемъ 60-хъ и 70-хъ г.г. студентовъ выпусковъ 40-хъ и 50 г.г. [3]). Таковы же отзывы у другихъ лицъ [4]).

Кавелинъ и Спасовичъ упрекаютъ уставъ 1835 года въ томъ, что онъ совершенно устранялъ профессоровъ отъ вліянія на студентовъ, между тѣмъ какъ это вліяніе могло быть гораздо болѣе прочной нравственной уздой, чѣмъ вліяніе университетскаго начальства [5]). Уставъ, дѣйствительно, лишалъ профессоровъ участія въ университетскомъ судѣ и въ надзорѣ

Зедергольмъ—о Гораціи; *Соколовъ*—о сатирахъ Горація въ сравненіи съ Ювеналовыми; *Хлоповъ*—объ учрежденіи Калисоеновомъ; *Магницкій*—о чешской драмѣ Честмиръ; *Бѣляевъ*—о судѣ Любуши; *Базилевскій*—о миѳологическомъ періодѣ въ исторіи языка; канд. *Островскій*—о происхожденіи и юридическихъ достоинствахъ суда присяжныхъ; *Гладковъ*—о призрѣніи въ Россіи; *Лысогорскій*—о поединкахъ; *Лакіеръ*—о лицѣ, какъ субъектѣ права по римскимъ законамъ.—См *Барсуковъ*, „Жизнь и труды М. П. Погодина", книга X, стр. 137—143.

[2]) Владимірскій-Будановъ приводитъ слѣдующее прошеніе студента, извлеченное изъ архивовъ университета св. Владиміра: „Честь имѣю донесть Вашему Высокородію, что въ Следствіе одержимой мною болезни, своевременно не могу явится обратно въ Университетъ; какъ по совѣту Врачей я долженъ отправится для Поправленія здоровья въ Дрозгеники" (Op. cit., стр 498).

[3]) *А. Ч.* „С.-Петерб. универс. полвѣка назадъ". (Р. арх. 1888, IX, стр. 148—149).

[4]) См. напр. *Обнинскаго* въ сборн. „Восп. о студ. жизни", стр. 52—65

[5]) Соч. *Кавелина*, т. II, стр. 1191.

а студентами, лишалъ ихъ, слѣдовательно, *власти* надъ студентами. Но развѣ же вліяніе основывается на власти? Развѣ уваженіе къ профессорамъ основывалось на той власти, которая имъ была дана? Мы видимъ въ университетской жизни 30-хъ и 40-хъ годовъ какъ разъ обратное явленіе: инспекція имѣла власть, но, какъ утверждаетъ и Кавелинъ, не пользовалась вліяніемъ (за немногими, впрочемъ, исключеніями); профессора же, не имѣвшіе власти, пользовались несомнѣнно большимъ вліяніемъ и уваженіемъ. „Дорогіе тѣни моихъ незабвенныхъ учителей!",—восклицаетъ студентъ 50-хъ годовъ,—„чѣмъ, чѣмъ могу я отплатить за все, воспринятое отъ васъ? Мужественные проводники правды, свѣта и добра, *самодержавные властелины думъ и сердецъ*, горячо преданнаго студенчества! Благодаря вамъ.. оно зоветъ университетъ, въ которомъ такъ честно работали вы на пользу родины, зоветъ до сихъ поръ, зоветъ сознательно и любовно *своею alma mater*" [1]).

Нельзя сказать, чтобы „всѣ отношенія профессоровъ къ студентамъ прекращались за дверью аудиторіи". Во всякомъ случаѣ, не уставъ запрещалъ болѣе тѣсное сближеніе. Въ с.-петербургскомъ университетѣ Куторга (историкъ) у себя на дому руководилъ занятіями студентовъ по исторіи, и никто не мѣшалъ ему въ этомъ. По выходѣ съ лекціи любимые профессора, окруженные своими слушателями, провожались до квартиры студентами; они посѣщали студенческія вечеринки; студенты также посѣщали профессоровъ и брали у нихъ книги и пособія для дополненія слышанныхъ лекцій [2]). Въ Казани Мейеръ радушно принималъ у себя студентовъ, приходившихъ къ нему за разъясненіемъ или совѣтомъ, снабжалъ книгами, бесѣдовалъ съ ними, и современникъ свидѣтельствуетъ, какъ возросъ вслѣдствіе этого авторитетъ профессора [3]).

V.

Характеризуя уставъ 1835 г., Иконниковъ говоритъ, что уставъ „болѣе другихъ распространяется о нравственныхъ требованіяхъ и регламентируетъ ихъ" [4]). Это не совсѣмъ правильно: собственно въ уставѣ ничего почти не говорится о поведеніи студентовъ; ст. 71 поручаетъ лишь „особый и бли-

---

[1]) *Обнинскій*, въ вышеназв. сборникѣ, стр. 51.

[2]) Воспоминанія кн. Дондукова-Корсакова „Старина и Новизна", V стр. 170—171.

[3]) Э—ъ, op. cit. (Русск. Стар. 1881, II, 377) и *Назарьевъ*, op. cit. (Ист. Вѣст. 1890, XII, стр. 716).

[4]) Op. cit. (Вѣст. Евр. 1876, XI, стр 90).

жайшій надзоръ за нравственностью учащихся" инспектору, который по выбору попечителя утверждается министромъ и состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя. Для руководства инспектору, по ст. 75-й, должна быть составлена попечителемъ инструкція, которая утверждается министромъ (по уставу университета св. Владиміра 1833 года, инструкція составляется попечителемъ и совѣтомъ и лишь доводится до свѣдѣнія министра). Вотъ эту-то инструкцію, а также нѣкоторыя отдѣльныя распоряженія министерства (о форменной одеждѣ, о наружномъ видѣ студентовъ и т. п.) вѣроятно, и имѣлъ въ виду Иконниковъ, говоря о нравственной регламентаціи.

Въ высшей степени интересны эти инструкціи; онѣ гораздо лучше, чѣмъ уставъ, знакомятъ насъ съ духомъ той эпохи, съ положеніемъ студенчества; въ нихъ много мелочной регламентаціи, строгой придирчивости къ формѣ, но за то много также нѣжной, чисто отеческой заботливости о студентахъ, теплаго попеченія какъ о ихъ матеріальныхъ нуждахъ, такъ и о ихъ поведеніи и нравственности.

Внѣшняя исторія этихъ инструкцій такова: въ октябрѣ 1834 г., слѣдовательно, еще до изданія устава, Высочайше утверждена въ видѣ опыта на одинъ годъ инструкція для инспектора московскаго университета [1]); 12 іюня 1835 г. утверждена министромъ инструкція для харьковскаго университета, составленная по образцу московской, а 30 іюня—инструкція для казанскаго университета. Послѣ изданія устава, инструкціи эти, въ силу вышеприведенной 75 статьи, получили постоянное значеніе; наконецъ, въ ноябрѣ утверждена была инструкція для университета св. Владиміра, а въ августѣ 1836 г. для инспектора петербургскаго университета [2]). По содержанію эти инструкціи почти дословно сходны между собою, и можно думать, что образцомъ для всѣхъ послужила московская, которая, однако, подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ. Наиболѣе расширена власть инспектора, и въ то же время наиболѣе строгой регламентаціи подчинены студенты въ казанской инструкціи; здѣсь профессора обязаны увѣдомлять инспектора о студентахъ, не бывшихъ на лекціи (§ 16, п. 3), мало того, даже о профессорахъ, пропустившихъ лекцію, инспекторъ ежедневно докладываетъ попечителю (§ 16, п. 7). Напротивъ, менѣе всего регламентаціи въ инструкціяхъ университета св. Владиміра и въ петербургской. Здѣсь наряду

---

1) Сборникъ Постан. II_1, стр. 619.
2) Сборникъ распор. II, 39, 40, 76 и 121.

съ инспекторомъ нравственный надзоръ за студентами возлагается на ректора, который свои замѣчанія сообщаетъ инспектору, а въ случаѣ „недѣйствительности своихъ сношеній съ инспекторомъ", непосредственно докладываетъ попечителю (§ 3). Инспекторъ обязанъ увѣдомлять ректора о студентахъ, отпускаемыхъ и возвращающихся изъ отпуска (§ 17, п. 4).

Инспекторъ, въ силу всѣхъ этихъ инструкцій, есть одинъ изъ главныхъ чиновниковъ университета и состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ попечителя (§ 2) [2]); его завѣдыванію подлежатъ какъ студенты, такъ равно и вольнослушатели, кандидаты и дѣйствительные студенты, остающіеся при университетѣ; наконецъ, онъ вѣдаетъ дѣла, касающіяся студенческой библіотеки, больницы, столовой, спальной, кухни, бани и т. д. (§ 3). Управленіе инспектора и надзоръ надъ учащимися раздѣляются на части: a) нравственную, b) учебную, c) полицейскую и d) хозяйственную въ отношеніи къ учащимся на иждивеніи правительства (§ 5). „Добрая нравственность учащихся юношей"—гласитъ инструкція: „есть вѣрнѣйшій, единственный залогъ не только преуспѣянія ихъ въ наукахъ, но и достиженія цѣли правительства въ образованіи истинными сынами церкви, вѣрными служителями престолу и полезными отечеству гражданами (§ 6)". „Религія есть тотъ краеугольный камень, на которомъ незыблемо зиждется чистая добрая нравственность"; поэтому, инспектору вмѣняется въ обязанность слѣдить, чтобы студенты ходили къ обѣднѣ въ воскресенье и праздничные дни, ежегодно говѣли въ страстную недѣлю и пріобщались въ университетской церкви (казенокоштные студенты, жившіе тогда въ особыхъ общежитіяхъ, должны были сверхъ того ежедневно присутствовать на утренней и вечерней молитвѣ) (§ 7). Инспекторъ, далѣе, обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы учащіеся исполняли въ точности государственные законы, университетскія предписанія и приказанія начальства, а ко всѣмъ старшимъ относились съ почтеніемъ. Воспрещались всякія тайныя общества и сходбища, и узнавъ о существованіи таковыхъ, инспекторъ обязанъ немедленно довести до свѣдѣнія попечителя. Казанская инструкція предоставляетъ инспектору своей властью принимать мѣры къ прекращенію подобныхъ тайныхъ обществъ и сходбищъ, донося однакоже попечителю (§ 8).—Особенное вниманіе обращается на нравственность студентовъ. „Чистота

[2]) Параграфы цитируются по казанской инструкціи, какъ наиболѣе полной; отступленія въ другихъ инструкціяхъ будутъ указаны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

нравовъ и безпорочное поведеніе суть столь важное условіе при образованіи юношества, что инспектору вмѣняется въ непремѣнную обязанность—обратить на сію часть строжайшее вниманіе и не терпѣть порока и разврата между студентами, какъ казенными, такъ и своекоштными, даже при отличныхъ способностяхъ и успѣхахъ. Въ семъ отношеніи надзоръ инспектора долженъ быть тѣмъ бдительнѣе, что молодые люди, учащіеся въ университетѣ, большей частью въ тѣхъ лѣтахъ, когда воображеніе, страсти и самыя физическія силы достигаютъ высшаго періода развитія". Инспекторъ долженъ, для наиболѣе успѣшнаго наблюденія, узнать всѣхъ ихъ порознь, не только имя и наружность, но *способности и характеръ каждаго изъ нихъ.* Такое знаніе пріобрѣтается: „1) частымъ обращеніемъ между студентами; 2) полученіемъ отъ нихъ свѣдѣній о воспитаніи, родѣ жизни и занятіяхъ ихъ до вступленія въ университетъ; 3) свѣдѣніями относительно своекоштныхъ о томъ, съ кѣмъ они живутъ и обращаются, какіе имѣютъ способы существованія и въ чемъ упражняются внѣ лекцій".—Въ то время какъ по отношенію къ лицамъ, живущимъ у родителей или близкихъ родственниковъ „извѣстныхъ своей благонадежностью", можно ограничиться лишь поверхностнымъ надзоромъ, слѣдуетъ, напротивъ, обратить усиленное вниманіе на тѣхъ, которые живутъ на наемныхъ квартирахъ, „лишенные близкаго присмотра благоразумныхъ родителей". „Онъ (инспекторъ) наблюдаетъ, чтобы не избирали для жительства своего такихъ домовъ, гдѣ помѣщаются трактиры, рестораціи, постоялые дворы или гдѣ скопляются люди подозрительнаго поведенія и, если узнаетъ, что студентъ живетъ въ такомъ домѣ, гдѣ есть непристойное или опасное для него сосѣдство, то немедленно приказываетъ ему перемѣнить квартиру. Коль же скоро нравственность или поведеніе студента хотя мало сдѣлаются подозрительными, инспекторъ обязанъ взять его въ особое вниманіе и наблюдать посредствомъ помощниковъ своихъ не только за поведеніемъ его, но и за связями и знакомствомъ" (§ 9).

Инспекторъ долженъ преслѣдовать всякую роскошь, мотовство и даже „излишество, влекущее за собою вредныя послѣдствія" (§ 10); онъ наблюдаетъ, чтобы студенты не посѣщали трактировъ, кофеенъ и всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть продажа спиртныхъ напитковъ, билліардная игра и т. п. Городская полиція должна въ этомъ отношеніи оказывать содѣйствіе инспекціи (§ 11). Инспекторъ слѣдитъ, чтобы студенты не читали запрещенныхъ книгъ и, найдя таковыя, обязанъ

не только отобрать, но открыть, отъ кого онѣ получены, и донести попечителю, который „для надлежащаго преслѣдованія виновныхъ въ выпискѣ, продажѣ или распространеніи запрещенныхъ книгъ, сносится съ начальникомъ губерніи“ (§ 12). „Излишне было бы исчислять всѣ роды и виды порока, которые инспекторъ долженъ преслѣдовать въ учащихся подъ его надзоромъ. Одушевляемый сознаніемъ высокой обязанности своей и поддерживаемый довѣріемъ начальства, онъ будетъ ограждать ввѣренное ему юношество отъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ золъ, *коихъ не желалъ бы видѣть въ собственныхъ дѣтяхъ своихъ*. Опытъ и благоразуміе укажутъ ему практическій путь къ сему, укажутъ и черту разграниченія между проступками неопытной юности, требующими исправленія и взысканія *болѣе въ духѣ родительской любви, нежели начальнической строгости*,—и буйными порывами страстей, закоснѣлымъ порокомъ и развратомъ, нетерпимыми ни въ какомъ учебномъ заведеніи и всегда налагающими обязанность жертвовать однимъ спасенію многихъ“ (§ 13).

„Одна изъ отраслей нравственнаго надзора“—какъ гласитъ § 15: „есть наблюденіе за тѣмъ, чтобы студенты отличались скромностью, пристойностью и вѣжливостью. Инспекторъ обязанъ самъ и черезъ помощниковъ своихъ замѣчать учащимся всякую странность и неприличіе въ пріемахъ, походкѣ и тѣлодвиженіяхъ“. Для этой цѣли въ инструкціяхъ московской, харьковской и казанской въ непосредственное завѣдываніе инспектора поручается находящійся при университетѣ танцовальный залъ. Залъ этотъ должны посѣщать всѣ казеннокоштные и тѣ изъ своекоштныхъ, для которыхъ инспекторъ найдетъ это нужнымъ; обученіе танцамъ зависитъ отъ желанія, но всѣмъ посѣщающимъ залъ должно быть показано, „какъ входить и кланяться и держать себя въ обществѣ благовоспитанныхъ людей“. На умѣнье держать себя, на наружность, или такъ называемое „наружное образованіе“, обращалось вообще большое вниманіе; инспекторъ долженъ былъ наблюдать, не только за соблюденіемъ установленной формы въ одеждѣ, строго преслѣдуя ношеніе партикулярнаго платья, отступленія въ формѣ фуражекъ, галстуковъ и т. п.; онъ долженъ былъ слѣдить за чистотой обуви, одежды и бѣлья, за чистотой и опрятностью тѣла, „какъ необходимо нужною для *благоприличія и сохраненія здоровья*“ (§ 18 п. 7 и 8). Казеннокоштнымъ запрещалось куреніе, и казанская инструкція прибавляетъ, что „привычка курить въ молодыхъ людяхъ показываетъ дурную наклонность“ (§ 18, п. 11). Инспекторъ

долженъ также заботиться о сохраненіи добраго имени студентовъ; кіевская и петербургская инструкціи запрещаютъ студентамъ дѣлать долги; если же кого побудитъ къ тому крайняя необходимость, то инспекторъ долженъ принять мѣры къ своевременной ихъ уплатѣ (§ 20, п. 5). Казанская инструкція прибавляетъ, что тотъ, кто ссудилъ студента деньгами, или далъ что либо въ долгъ, лишается права взыскивать съ него, о чемъ должно быть объявлено черезъ полицію жителямъ Казани (§ 14).

Надзоръ инспектора по учебной части заключается въ наблюденіи, чтобы студенты и другія лица, имѣющія право слушать лекціи, исправно посѣщали университетъ, не опаздывая занимали назначенныя имъ мѣста и соблюдали на лекціяхъ тишину (§ 16, п.п. 1, 2 и 10). Въ случаѣ, если болѣзнь мѣшаетъ студенту быть на лекціи, инспекторъ обязанъ удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ боленъ, и если студентъ не имѣетъ средствъ лечиться, то отослать его въ студенческую больницу, гдѣ онъ лѣчится даромъ (§ 16, п. 6). Инспекторъ, далѣе, наблюдаетъ, чтобы казенные студенты, живущіе въ университетѣ, занимались внѣ лекцій учебными упражненіями, въ комнатахъ, особо отведенныхъ для занятій, гдѣ воспрещается шумъ и громкій разговоръ (§ 16, п. 8). Инструкціи московская, харьковская и казанская учреждаютъ должность старшихъ студентовъ, которые должны были слѣдить, чтобы всѣ являлись па лекціи въ установленной формѣ, вели себя прилично. Ежедневно старшіе подаютъ дежурному помощнику инспектора рапортички о неявившихся и доносятъ о проступкахъ ввѣренныхъ ихъ надзору студентовъ. Ослушаніе или грубость по отношенію къ старшему строго наказываются (§ 16, п.п. 3 и 4). Казанская инструкція даетъ инспектору еще одно преимущество: „Никто изъ посѣтителей не имѣетъ права входить въ аудиторію во время преподаванія лекцій безъ письменнаго дозволенія инспектора, основаннаго на согласіи ректора университета и профессора, на лекціи котораго посѣтитель быть желаетъ. Изъ сего правила исключаются случаи, когда самъ попечитель показываетъ кому либо университетъ“ (§ 16, п. 11).

Полицейскій надзоръ инспектора заключался въ наблюденіи какъ за студентами, казенокоштными и своекоштными, такъ и за помѣщеніемъ при университетѣ для студентовъ, за исправностью мебели, за освѣщеніемъ, отопленіемъ, наконецъ, за прислугою. Въ связи съ этимъ находятся хозяйственныя обязанности инспектора: онъ слѣдитъ за доброкачественнос-

пріобрѣтаемыхъ для стола припасовъ, за постройкой аммуниціи, бѣлья и обуви; въ его вѣдѣніи—расходы по содержанію больницы (§ 22). Надзоръ за студентами казеннокоштными былъ, конечно, болѣе строгій, чѣмъ за своекоштными, жившими на частныхъ квартирахъ. По отношенію къ первымъ инспекторъ строго слѣдилъ, чтобы съ точностью соблюдалось распредѣленіе времени, утвержденное имъ (въ кіевской и петербургской инструкціи попечителемъ), „чтобы студенты вставали, одѣвались, отправляли молитву, шли на лекціи, къ столу и ложились спать въ назначенные часы“ (§ 18, п. 1). Въ столовую студенты собирались по звонку, и въ порядкѣ, предписанномъ инспекторомъ, занимали мѣста; передъ началомъ и по окончаніи ѣды читались или пѣлись установленныя молитвы. Опоздавшій лишался обѣда или ужина (§ 18, п. 2; послѣдняго нѣтъ въ петербургской и кіевской инструкціяхъ). Инспекторъ разрѣшалъ студентамъ выходить изъ университетскаго дома; отъ него же зависѣли болѣе продолжительные отпуски во время лѣтнихъ вакацій (§ 18, п.п 3 и 5). Родственниковъ и знакомыхъ казенные студенты могли принимать лишь въ назначенные часы и съ дозволенія инспектора (§ 18, п. 7). Инспекторъ наблюдалъ за здоровьемъ студентовъ; заболѣвшій тотчасъ отправлялся въ студенческую больницу, которая тоже находилась въ вѣдѣніи инспектора; онъ посѣщалъ больныхъ, наблюдалъ за ихъ лѣченіемъ и содержаніемъ, а также за тѣмъ, чтобы выздоровѣвшіе „изъ празднолюбія и безъ нужды не оставались въ больницѣ“ (§ 18, п. 9). Инспекторъ, наконецъ, слѣдилъ за цѣлостью мебели, книгъ и вещей, находившихся у студентовъ, взыскивая за порчу (§ 18, п. 10).

Что касается своекоштныхъ, то инспекторъ, во-первыхъ, долженъ знать мѣстожительство каждаго; о перемѣнѣ квартиры студентъ долженъ заявить; утайка или подлогъ въ этомъ отношеніи подлежатъ строгому взысканію; какъ было сказано выше, онъ долженъ предохранять студентовъ отъ всякаго непристойнаго или опаснаго сосѣдства (§ 21, п. 1). Инструкціи петербургская и кіевская требуютъ, кромѣ того, чтобы студентъ, отлучаясь изъ дома, сказывалъ домашнимъ о мѣстѣ отлучки, и запрещаютъ безъ разрѣшенія инспектора отлучаться за городъ хотя бы на самое близкое разстояніе.—На своекоштныхъ распространяются вышеприведенныя правила объ отпускахъ и о форменной одеждѣ. Инспекторъ и помощники его посѣщаютъ гулянья, театры и другія мѣста общественныхъ увеселеній, чтобы убѣдиться, что студенты, бывающіе тамъ, прилично себя держатъ; въ противномъ случаѣ,

отправляетъ ихъ подъ арестъ. Городская полиція обязана немедленно увѣдомлять инспектора о всякомъ, дошедшемъ до ея свѣдѣнія, предосудительномъ поступкѣ студента (§ 21, п.п. 4 и 5).

Переходя затѣмъ къ вопросу о власти инспектора, инструкціи вмѣняютъ ему въ „священную обязанность: во-первыхъ: отличать обхожденіемъ своимъ и ходатайствомъ у начальства тѣхъ изъ учащихся, въ коихъ онъ замѣтитъ, при хорошихъ успѣхахъ, чистоту нравовъ, правильный образъ мыслей и благородное поведеніе; во-вторыхъ, имѣть всегда въ виду различіе проступка и вины. Проступокъ, происходящій отъ легкомыслія и незрѣлости ума, особенно, когда онъ сопровождается чистосердечнымъ раскаяніемъ, инспекторъ исправляетъ увѣщаніемъ, выговоромъ или простымъ арестомъ не долѣе семи дней (въ петербургской и кіевской инструкціяхъ не долѣе 2-хъ дней). Вина, имѣющая источникомъ злую волю или ложное направленіе разума, наказывается съ бо́льшею строгостью и подвергаетъ, по назначенію инспектора, строгому выговору или заключенію въ карцеръ отъ одного до семи дней (по инструкціямъ петербургской и кіевской лишь на 1 день)". Такимъ образомъ, различаются двѣ степени: проступокъ и вина. Инструкціи московскаго, харьковскаго и казанскаго университетовъ прибавляютъ, что повтореніе проступка есть уже вина; повтореніе вины влечетъ за собою для своекоштнаго исключеніе изъ университета, для казеннокоштнаго—отдачу въ военную службу (§ 24). Въ этихъ случаяхъ, превышающихъ уже власть инспектора, онъ представляетъ дѣло на разрѣшеніе попечителя, а объ отдачѣ въ солдаты попечитель представляетъ министру народнаго просвѣщенія (§ 25). Неповиновеніе противъ инспектора или его помощниковъ влечетъ за собою строжайшее наказаніе (§ 26).

Инспекторъ имѣетъ двѣ книги: одну о казенныхъ студентахъ, другую о своекоштныхъ; сюда заносятся свѣдѣнія о личности, успѣхахъ и поведеніи студентовъ. На основаніи этихъ книгъ составляются кондуитные списки, которые въ концѣ учебнаго года представляются попечителю, правленію и совѣту университета. Каждые полгода родителямъ студента сообщаются „табели" о его поведеніи; свѣдѣнія же объ успѣхахъ инспекторъ, по истеченіи каждой трети, получаетъ отъ факультета. Инспекторъ имѣетъ нѣсколькихъ помощниковъ, которые назначаются и увольняются попечителемъ (въ инструкціяхъ петербургской и кіевской по представленію инспектора; по ст. 70-й устава, помощники избираются инспек-

торомъ и утверждаются попечителемъ); отъ инспектора зависитъ распредѣленіе обязанностей между помощниками (§ 28).

Инструкціи заканчиваются изложеніемъ правъ инспектора и опредѣленіемъ отношеній его къ ректору и разнымъ инстанціямъ университетскаго управленія. Инспекторъ имѣетъ право присутствовать на экзаменахъ (§ 30); въ случаѣ неодобрительнаго отзыва инспектора о поведеніи и нравственности студента, совѣтъ, факультеты и правленіе могутъ не перевести на высшій курсъ, не удостоить ученой степени, не выдать медали, не помѣстить на казенное или благотворительное содержаніе; постороннихъ лицъ могутъ не допустить къ слушанію лекцій (§ 31). Поэтому инспекторъ долженъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о студентахъ (§ 32).

Таковы главныя положенія этихъ инструкцій, которыми опредѣлялись права и обязанности инспектора и положеніе студентовъ, при дѣйствіи устава 1835 г. Какъ мы видѣли, инструкціи создались совершенно независимо отъ устава, и три изъ нихъ появились даже раньше устава. Поэтому ни достоинствъ, ни недостатковъ этихъ инструкцій нельзя приписывать уставу, какъ это дѣлаетъ напр. Кавелинъ, упрекающій уставъ въ томъ, что онъ держалъ студентовъ на степени гимназистовъ [1]). Далѣе, даже изъ поверхностнаго ознакомленія съ инструкціей можно видѣть, что обязанности инспектора были настолько сложны и разносторонни, что не могло быть и рѣчи о назначеніи инспектора изъ среды профессоровъ. Слѣдить за поведеніемъ и образомъ жизни нѣсколькихъ сотъ студентовъ, разбросанныхъ по частнымъ квартирамъ, въ многолюдномъ городѣ было дѣломъ нелегкимъ. Правда во время изданія инструкцій число студентовъ было сравнительно очень невелико: въ 1836 г. числилось студентовъ въ с.-петербургскомъ университетѣ—299 чел., въ московскомъ—441, въ харьковскомъ—332, въ казанскомъ—191, въ кіевскомъ—203. Всего въ пяти университетахъ (кромѣ дерптскаго)—1466 чел. Но уже въ 1848 г. это число возрасло болѣе, чѣмъ вдвое: въ с.-петербургскомъ университетѣ было 731 студ., въ московскомъ—1168, въ харьковскомъ—525, въ казанскомъ—335, въ кіевскомъ—663, итого 3412 чел. [2]). Соотвѣтственно этому, увеличивался и штатъ инспекціи: по штатамъ 1835 г. въ Петербургѣ было 2 помощника инспектора, въ Москвѣ—5, въ Казани и Харьковѣ по 3, въ Кіевѣ по штатамъ 1833 г.—2 [3]). Между тѣмъ,

[1]) Собр. соч., т II, стр. 1. 191.
[2]) Владимірскій-Будановъ, стр. 102.
[3]) Сб. пост. II₁; штаты и прилож. къ ст. 282 и 868.

число помощниковъ возрасло въ С.-Петербургѣ до 4-хъ, въ Казани до 4-хъ, въ Харьковѣ до 5-ти; въ Кіевѣ по штатамъ, приложеннымъ къ уставу 1842 г., полагалось 5 помощниковъ инспектора и опредѣлялось, что впредь должно быть по одному помощнику инспектора и одному педелю на 60 студ. Вслѣдствіе этого въ 1848—9 уч. году было 11 помощниковъ инспектора и 11 педелей.

Можно думать, однако, что и это число врядъ-ли было достаточнымъ для близкаго знакомства не только съ бытомъ студентовъ, но даже съ характеромъ и способностями каждаго, какъ требовали инструкціи. Въ большинствѣ случаевъ, статьи инструкціи о нравственномъ надзорѣ и сердечномъ попеченіи оставались мертвой буквой, и дѣятельность инспекціи сводилась къ внѣшнему полицейскому надзору за соблюденіемъ формы, отданіемъ установленной чести и т. п.; сюда прибавились потомъ распоряженія о стрижкѣ волосъ и другихъ подобныхъ мелочахъ. „Большая часть студентовъ"—говоритъ историкъ кіевскаго университета—„разсѣевалась по разнымъ частнымъ квартирамъ, на огромныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга въ такомъ разбросанномъ городѣ, какъ Кіевъ. Почти всѣ они были въ возрастѣ довольно зрѣломъ. Инспекторъ и его помощники, не принадлежа къ высшему учебному сословію, а иногда и вовсе лишенные образованія, не могли пользоваться въ ихъ глазахъ такимъ внутреннимъ авторитетомъ, кромѣ авторитета власти и чина; внушенія, дѣлаемыя ими, принимались студентами не по силѣ ихъ моральнаго достоинства, а по тѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ, которыми могли сопровождаться" [1]).

О характерѣ дѣятельности инспекціи можно отчасти судить по перечню тѣхъ проступковъ, за которые студенты подвергались наказаніямъ. Въ архивѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія имѣется между прочимъ „Вѣдомость о взысканіяхъ, наложенныхъ на студентовъ С.-Петербургскаго Университета" съ 1-го іюля 1845 по 1-е марта 1848 г. Всего за означенный періодъ наложено было 268 взысканій, распредѣляющихся такимъ образомъ: 19 случаевъ исключенія, 21 случай заключенія въ карцеръ, 48 арестовъ по приказанію попечителя, 180 арестовъ по приказанію инспектора. Наказаны: за несоблюденіе формы 124 чел., за куреніе въ номерахъ для казеннокоштныхъ—33 чел., за игру въ карты—24 чел., за безпорядокъ въ театрѣ или на улицѣ—20 чел., за позднее вставаніе—19 чел., за непосѣщеніе лекцій или опозданіе—

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, стр. 159.

17 чел., за грубость—8 чел., за драку и намѣреніе драться на дуэли—5 чел., за ослушаніе—6 чел., за неотданіе чести—5 чел., за безпорядокъ на лекціи 2 чел., за неблагонадежное поведеніе (?)—2 чел., за несоблюденіе правилъ—2 чел., за самовольство (?)—1 чел. (исключенъ)[1]). Въ университетѣ св. Владиміра студенты приговаривались: за непосѣщеніе лекціи или уходъ съ лекціи—къ выговору; за небытіе въ церкви въ одно воскресенье—къ выговору, въ два воскресенья—къ аресту; за просрочку явки изъ отпуска—къ карцеру на двое сутокъ; за самовольную отлучку изъ Кіева въ село Борщаговку и произведенную тамъ драку—къ аресту на трое сутокъ и т. п.

Встрѣчаются случаи, когда студенты подвергались взысканію за проступки, болѣе серьезные не съ формальной только, а съ нравственной стороны: за причиненіе побоевъ институтскому лакею—строгій выговоръ; за дерзкій поступокъ съ хозяйкой—карцеръ на двое сутокъ, за обманъ матери своей—строгій выговоръ[2]). Но конечно, поступки эти вызывали наказаніе лишь тогда, когда они *случайно* становились извѣстными инспекціи, что бывало не часто. Какъ смотрѣли сами представители инспекціи на такіе поступки, можно судить по тому напр., что за обманъ матери и за нанесеніе побоевъ лакею полагался лишь выговоръ, тогда какъ за куреніе въ номерахъ для студентовъ арестъ на 6 час., а за нахожденіе въ дворцовомъ саду въ штатскомъ платьѣ—карцеръ на трое сутокъ съ угрозой исключенія.

Большое значеніе должна была имѣть, конечно, и личность инспектора или его помощника; выговоръ или увѣщаніе, сдѣланное лицомъ, любимымъ и уважаемымъ студентами, могли-бы повліять на молодого человѣка, заставить его образумиться. Но если лицо, не пользующееся уваженіемъ, внушаетъ себѣ повиновеніе лишь страхомъ наказанія, то вмѣшательство его въ частную жизнь студента, какъ напримѣръ, въ отношенія его къ матери, покажется лишь тягостной опекой и вызоветъ со стороны студентовъ озлобленіе, какъ это нерѣдко и случалось.

Къ сожалѣнію, надо сказать, что выборъ инспекторовъ и ихъ помощниковъ далеко не всегда оказывался удачнымъ. Нерѣдко на эту должность попадали малообразованные, строевые офицеры, совершенно неподготовленные къ воспитательскому дѣлу и сводившіе всю свою дѣятельность къ наблюденію за формой и за дисциплиной. Весьма часто мотивомъ назна-

[1]) Дѣло № 98004/3315.
[2]) *Владимирскій-Будановъ*, стр. 284—285.

ченія было лишь желаніе „пристроить" заслуженнаго воин
инспекторство было какъ бы добавочной пенсіею, чѣмъ-то в
родѣ древне-русскаго кормленія [1]). Эти лица уваженіемъ сту
дентовъ не пользовались и были въ ихъ глазахъ лишь нена
вистнымъ орудіемъ контроля надъ ихъ поведеніемъ, а нерѣдк
мишенью насмѣшекъ или остроумныхъ, но часто ребяческих
выходокъ, описаніемъ которыхъ изобилуютъ студенческія во
поминанія о томъ времени. Бывали добряки, слабостью кото
рыхъ пользовались студенты. Харьковскій инспекторъ Времен
напускалъ на себя строгость, горячился, металъ громы н
провинившихся; но студенты хорошо знали его слабую струнк
стоило сказать—„Господинъ инспекторъ, вы сами были сту
дентомъ („фактъ весьма сомнительный", добавляетъ авторъ
поставьте себя на мое мѣсто"—и строгій старикъ быстр
смягчался [2]). Такимъ же добродушнымъ былъ кіевскій инспе
торъ Сычуговъ (1839—1847 г.) [3]) или с.-петербургскій инспе
торъ Филипповъ, кутившій вмѣстѣ со студентами [4]). Эти ли
оставили по себѣ сравнительно хорошую память въ студе
тахъ, но того нравственнаго вліянія, о которомъ говори
инструкція, они имѣть не могли. Бывали и иныя личност
субъ-инспекторъ харьковскаго университета Тонаръ не пол
зовался уваженіемъ за свое двуличное поведеніе: студента
изъ вліятельныхъ или богатыхъ семействъ онъ предупред
тельно пожималъ руки въ университетскихъ коррндорах
держалъ компанію въ билліардныхъ состязаніяхъ, вообще, з
искивалъ передъ ними. По отношенію же къ остальной „с
рой" студенческой массѣ, онъ держалъ себя съ начальни
ской сухостью. Не любили харьковскіе студенты также и др
гого субъ-инспектора Засядко, и при пѣніи „Gaudeamus"
на своихъ частныхъ пирушкахъ, вмѣсто „pereat diabolu
выкрикивали „pereat Засядко" [5]). Постоянное опасеніе вы
вора или наказанія за уклоненіе отъ формы угнетающи
образомъ дѣйствовало на студентовъ. „Вездѣ и всюду,
улицѣ, въ стѣнахъ университета, даже въ театрѣ, студен
волей-неволей изображалъ какого-то напуганнаго зайца
прежде всего думалъ о томъ, чтобы какъ-нибудь не попасти
на глаза начальства..." „Попадешь въ театръ"—вспоминае
бывшій казанскій студентъ—„но не успѣешь еще осмотрѣти
и занять кресло, какъ возлѣ, точно изъ земли выростаетъ

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, стр. 156.
[2]) *Любарскій*. Ист. В. 1891, VIII, стр. 385.
[3]) *Владимірскій-Будановъ*, стр. 514.
[4]) *А. Ч.* Рус Арх. 1888, IX, стр. 125.
[5]) *Любарскій*. Ib. стр. 385.

навистная фигура инспектора или его помощника, и уже напоминаетъ, что во время антрактовъ студентамъ строго воспрещается оборачиваться спиной къ губернаторской ложѣ, а главнымъ образомъ, хлопать и вызывать актеровъ. Избѣгая такого неловкаго и стѣснительнаго положенія, студенты, перерядившись кучерами, или просто облекшись въ халаты, направлялись въ „рай" и зачастую поднимали такой шумъ, что требовалось вмѣшательство полиціи [1]). А въ то же время устраивались въ гостиницахъ и кабакахъ кутежи, которые становились извѣстными инспекціи лишь тогда, когда перепившаяся компанія учиняла буйство или драку.

Бывали, однако, среди инспекціи личности, пользовавшіеся глубокимъ уваженіемъ студентовъ и имѣвшія на нихъ благотворное вліяніе. Наиболѣе достойнымъ является Платонъ Степановичъ Нахимовъ, занимавшій постъ инспектора въ московскомъ университетѣ во все время попечительства Строганова, съ 1835 по 1847 г. Это была свѣтлая, гуманная личность и память о немъ „какъ святыня переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе". Онъ „жилъ среди университетской молодежи, какъ въ своей родной семьѣ" и любилъ студентовъ, какъ дѣтей своихъ. Изъ своихъ, далеко не широкихъ, средствъ Платонъ Степановичъ нерѣдко вносилъ деньги за бѣдныхъ студентовъ и дѣлалъ это такъ деликатно, что многіе изъ тѣхъ, которымъ онъ помогалъ, лишь по выходѣ изъ университета, и то случайно, узнавали имя своего благодѣтеля. Съ нѣсколько суровой простотой, онъ соединялъ доброе мягкое сердце и въ недоучившемся юношѣ недопускалъ неисправимой злой воли. Онъ „считалъ преступленіемъ лишить юношу возможности докончить образованіе, исключить изъ университета". И провинившіеся студенты довѣрчиво обращались прямо къ П. С., находя въ немъ заступника и друга. Студенты „такъ искренно любили и уважали П. С., что заслужить его выговоръ и вообще смотрѣть ему въ глаза послѣ какого-нибудь трескучаго скандала, учиненнаго гдѣ-нибудь, для нихъ было крайне тяжело". На форму и онъ обращалъ вниманіе—это требовалось свыше,—но, въ случаяхъ нарушенія правилъ, дѣло кончалось „наставленіемъ и угрозою въ другой разъ посадить въ карцеръ". Каждый праздникъ, особенно вечеромъ, Нахимовъ имѣлъ обыкновеніе ѣздить по улицамъ Москвы близъ заведеній, излюбленныхъ студентами. Цѣль этихъ экскурсій была та, чтобы посмотрѣть, не шляется-ли гдѣ пьяненькій студентикъ, да еще, пожалуй, безъ формы (т. е. безъ трехугольной

[1]) *Назарьевъ.* Ист. Вѣстн. 1890, XII, стр. 722.

шляпы и шпаги) и въ растерзанномъ видѣ. Помилуй Богъ, попадется на глаза генералъ-губернатору или кому-нибудь изъ изъ начальства, выгонятъ вонъ шалопая изъ университета, тогда пропалъ юноша на вѣки вѣковъ, загублена вся жизнь. Студенты отлично знали эти мотивы, побуждавшіе благороднаго П. С. разъѣзжать подъ вечерокъ по московскимъ улицамъ, и были ему очень благодарны, когда онъ ихъ подбиралъ и отвозилъ въ карцеръ въ университетъ. Всякаго рода проступки, даже буйство и скандалы, учиненные студентами въ разныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ Москвы, всегда оканчивались домашнимъ образомъ: тѣмъ же карцеромъ и головомойкой". За то и любили студенты своего инспектора; особенно трогательно было прощаніе его со студентами, когда онъ уходилъ, вмѣстѣ со Строгановымъ, изъ московскаго университета: „П. С. обходилъ всѣ аудиторіи",—разсказываетъ современникъ—„и прощался со студентами; пришелъ онъ и въ нашу аудиторію и, повидимому, хотѣлъ что-то сказать намъ на прощаніе, но на глазахъ его выступили слезы, и онъ только и промолвилъ слово: *прощайте*! съ просьбой не забывать его. У насъ у самихъ заблистали на глазахъ непритворныя слезы" [1]).

Другимъ человѣкомъ, который, занимая должность инспектора, пользовался любовью и уваженіемъ студентовъ, былъ инспекторъ с.-петербургскаго университета Фицтумъ-фонъ-Экстедтъ, занимавшій этотъ постъ съ 1839 по 1861 г. Онъ оставилъ по себѣ память, главнымъ образомъ, какъ любитель музыки и благодаря его стараніямъ устраивались въ с.-петербургскомъ университетѣ симфоническія утра, въ пользу недостаточныхъ студентовъ; составленъ былъ оркестръ изъ любителей, въ числѣ которыхъ были и студенты. Разыгрывались произведенія Бетховена, Моцарта, Мендельсона, Гайдна и Баха. Для истинныхъ любителей эти концерты доставляли высокое наслажденіе; публика полюбила эти концерты и не только зала, но и прилегающія къ ней галлереи были полны народомъ. Пѣвцы итальянской оперы принимали иногда участіе въ этихъ спектакляхъ, конечно, безвозмездно и удостаивались шумныхъ овацій [2]). „Встаетъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ",—пишетъ бывшій петербургскій студентъ—„добрѣйшій инспекторъ, о которомъ всѣ мы сохранили самую свѣтлую память; встаетъ онъ въ памяти при воспоминаніи о шканда-

[1]) *Аѳанасьевъ*. Рус Стар. 1886, VIII, 359—361. *Поповъ*. „Воспомин." Ист. В. 1881, XII. См. также *Буслаевъ* въ сборн. „Воспомин. о студенч. жизни", стр. 188

[2]) *Устряловъ*. „Университетскія воспомин" Ист. В. 1884, VI, с

іахъ и разныхъ нашихъ собраніяхъ, которыя такимъ тяжелымъ камнемъ ложились на его душу и отъ которыхъ онъ, конечно, долженъ былъ много страдать. За все отвѣчай, все предупреди, отвѣчай очень строго даже за нарушеніе студенческой формы, наприм. ношеніе фуражки. Только теперь, въ годы зрѣлые, мы оцѣнили вполнѣ все, что онъ для насъ дѣлалъ, насколько снисходилъ къ намъ, и насколько много мы доставляли ему горя. Да будетъ ему легка могила" [1]).

Резюмируя все то, что было нами сказано объ инспекціи, мы видимъ, что инструкція давала инспектору очень широкія права и за то возлагала на него весьма сложныя обязанности, настолько сложныя, что вполнѣ добросовѣстное выполненіе ихъ врядъ-ли было возможно. Проникнутые самыми благородными, идеальными намѣреніями, составители инструкцій не считались съ той жизненной обстановкой, при которой приходилось осуществлять эти благія наставленія, съ тѣми практическими препятствіями, благодаря которымъ исполненіе духа инструкцій становилось неосуществимой утопіей, а оставалась лишь мертвая буква, форма, на которую и обратилось главное вниманіе исполнителей. Не принявъ во вниманіе ни многочисленности студентовъ, ни трудности надзора за ними въ большомъ городѣ, составители инструкцій разсчитывали на идеальныхъ инспекторовъ, или, по крайней мѣрѣ, на такихъ, какимъ былъ Нахимовъ; для нихъ была составлена инструкція, а между тѣмъ личный составъ инспекціи далеко не всегда оказывался подходящимъ. Вслѣдствіе этого, инструкціи не достигли цѣли: инспекторъ, вмѣсто нравственнаго вліянія на студентовъ, являлся лишь орудіемъ полицейскаго надзора; студенты не питали къ инспекціи уваженія, а употребляли всѣ силы на то, чтобы ускользнуть отъ ея недремлющаго ока; обмануть, провести инспектора или „суба" дѣлается признакомъ молодечества. Съ усиленіемъ строгостей и формальныхъ отношеній, усиливается и сопротивленіе студетовъ; и мы увидимъ позже, какъ невинныя шалости или мелкія уклоненія смѣнялись дерзостями, а дерзости—горячимъ коллективнымъ протестомъ, и какъ мало по малу расло и накоплялось озлобленіе въ студенческой массѣ.

Н. Н. Родзевичъ.

Продолженіе слѣдуетъ.

[1]) *Б—ъ.* „Университетъ и корпорація". Ист. В. 1880. IV, стр. 795.

Письма съ Дальняго Востока.

Иркутскъ, 1-го Іюня 1904 г.

Вчера къ вечеру нашъ, уже изрядно запылившійся, поѣздъ подкатилъ къ станціи Иннокентіевской и мы снова очутились на свободѣ. Словомъ у насъ дневка и при томъ дневка въ теченіе полутора сутокъ. Узнавъ отъ коменданта, что почти въ трехъ шагахъ отъ поѣзда находится временное офицерское собраніе, я отправился туда. Черезъ минуту я уже попивалъ чай, сидя за большимъ столомъ, вокругъ котораго расположилась компанія офицеровъ различнаго рода оружія. Тутъ за бутылкой пива спорили артиллеристъ съ пѣхотицемъ. Дальше штабной полковникъ дружески бесѣдовалъ съ врачемъ и т. д.

Все это галдѣло, дымило сигарами и папиросами. Единственный лакей въ костюмѣ, который, надо думать, былъ когда-то черной парой, едва поспѣвалъ удовлетворять приказанія присутствующихъ. Въ углу комнаты стоялъ небольшой сундукъ, въ которомъ находилась корреспонденція, адресованная офицерамъ. Потолкавшись по собранію (съ сущности состоявшему изъ столовой да номеровъ для офицеровъ) я пошелъ на станцію Иннокентіевскую, откуда вскорѣ долженъ былъ отойти какой-то поѣздъ, съ которымъ я намѣревался пробраться въ городъ Иркутскъ. Пока я пробирался между сотнями вагоновъ, загромоздившихъ всѣ пути, собрались тучи и пошелъ ливень, измочившій меня рѣшительно какъ курицу. Однако эта маленькая непріятность скоро была съ избыткомъ вознаграждена: во первыхъ скоро отходилъ поѣздъ на Иркутскъ, а во вторыхъ весенніе лучи солнца быстро высушили промокшее пальто. Но вотъ и третій звонокъ... Поѣздъ, постукивая на стыкахъ направился къ Иркутску.

Этотъ многообѣщающій городъ широко и живописно раскинулся на берегахъ рѣкъ Ангары и отчасти р. Иркута. За исключеніемъ двухъ-трехъ рѣкъ я никогда не видывалъ такой величавой красавицы какъ Ангара. Въ узкомъ мѣстѣ

устроенъ мостъ отъ вокзала до города я насчиталъ приблизительно полверсты, измѣривъ шагами мостъ. Теченіе рѣки довольно быстрое но, что замѣчательно, такъ это—цвѣтъ воды, нѣжный, прозрачный, бирюзово-зеленоватый. Когда стоишь на мосту, то не смотря на большую глубину дно видно совершенно ясно. Видны разноцвѣтные камни, покрывающіе въ неисчислимомъ количествѣ русло Ангары. На вкусъ вода замѣчательно пріятна, свѣжа и не обременяетъ желудка.

Я долго не забуду того впечатлѣнія, какое произвела на меня Ангара, особенно при великолѣпномъ закатѣ солнца, выпавшемъ въ этотъ день.

При въѣздѣ на первыя улицы, кстати сказать довольно грязныя, Иркутска меня поразилъ ароматъ цвѣтущей черемухи, запахъ распустившейся вишни. Было нѣсколько непривычно видѣть въ концѣ мая въ цвѣту вишню и черемуху. Миновавъ первыя улицы, мы очутились вскорѣ на главной улицѣ Иркутска—Большой.

Признаюсь я совершенно не ожидалъ видѣть здѣсь такія постройки, такіе магазины, какіе рѣдко встрѣтишь въ нашихъ губернскихъ городахъ. Галантерея, мануфактура, предметы дамской роскоши, все нашло здѣсь отличныхъ представителей. Даже магазинъ дамскихъ шляпъ привелъ меня въ удивленіе: я не видѣлъ до сихъ поръ такой прекрасной выставки этого, плѣняющаго дамъ, товара. Право, можно думать, что какой-то волшебникъ перенесъ уголъ московскаго Кузнечнаго моста въ Сибирь. Удивительно то, что еще семь лѣтъ тому назадъ эта улица ровно ничего изъ себя не представляла! Улица освѣщена электричествомъ, достаточно широка и очень длинна, такъ что пересѣкаетъ весь городъ.

Отличная гостинница „Грандъ-Отель“ служитъ украшеніемъ Большой. Есть и еще большая гостинница съ зимнимъ садомъ, но она пользуется репутаціей извѣстнаго сорта. Проѣзжая мимо нея, я видѣлъ въ открытыя окна нѣсколько расфуфыренныхъ „дѣвицъ“, которыхъ жесты и „пріятныя“ улыбки достаточно ясно характеризовали назначеніе отеля „Russie“. Кстати сказать на улицѣ „эти дамы“ одѣты весьма прилично и, что замѣчательно, не пристаютъ къ публикѣ, какъ это водится въ Петербургѣ, Москвѣ и т. д.

Въ городѣ имѣется хорошій садъ, называемый Интендантскимъ и затѣмъ садъ-буфъ „Портъ-Артуръ“.

Проходя по улицѣ я встрѣтилъ нѣсколько китайцевъ, одѣтыхъ въ свой національный костюмъ, сѣрый балахонъ, поверхъ него черная куртка, на ногахъ извѣстныя туфли...

вотъ приблизительно весь нарядъ китайца, дополненіемъ къ нему является черная какъ смоль коса, болтающаяся изъ подъ плотно сидящей на головѣ шапочки.

Посмотрѣвши еще двѣ-три боковыя неинтересныя улицы, я отправился назадъ на станцію. Кстати сказать, замѣчательная здѣсь такса извощикамъ. Если ѣдешь съ вокзала до города, то платишь 75 коп. но перейдя только мостъ, отстоящій въ ста саженяхъ отъ станціи, платишь извощику двугривенный. Но кромѣ того, при переѣздѣ моста надо за право проѣзда платить 8 коп. въ конецъ. Теперь можно себѣ представить, какую сумму получитъ городъ, если въ среднемъ проѣзжаетъ не менѣе тысячи экипажей въ день! По моему подсчету мостъ даетъ рублей около двухсотъ въ сутки. Вечеромъ я вернулся къ себѣ въ поѣздъ.

На другой день я рѣшилъ осмотрѣть иркутскую достопримѣчательность соборъ, выстроенный въ честь Казанской Божіей Матери. Сказано—сдѣлано. Черезъ полчаса ретивый извозчикъ подвозилъ меня по обширной площади къ храму. По дорогѣ я замѣтилъ на этой площади два недурныхъ зданія, оказавшимися: одно торгово-промышленнымъ училищемъ, а другое горнымъ училищемъ. Итакъ я подкатилъ къ собору. Было еще сравнительно рано и соборъ не закрывался. Я вошелъ внутрь. Дѣйствительно, храмъ отличный: во первыхъ, весьма просторенъ, свѣтелъ и высокъ; колонны, поддерживающія своды весьма внушительны. Иконостасъ сдѣланъ изъ угля. Стиль его очень изященъ и вмѣстѣ солиденъ, хотя и не высокъ. Иконы очень недурной работы; особенно мнѣ понравились Тайная вечеря надъ царскими вратами и икона Нерукотворнаго Спаса. Здѣсь же находится большой образъ копія иконы Казанской Божіей Матери, а съ лѣвой стороны рака съ мощами св. Иннокентія. Еще два слова объ иконостасѣ. Онъ устроенъ полукругомъ, такъ что амвонъ большого предѣла совсѣмъ отдѣленъ отъ остальныхъ предѣловъ. Для пѣвчихъ устроены отличные хоры. Недалеко отъ собора возвышается готическая постройка—костелъ.—Сдѣлавъ кое-какія покупки я вечеромъ возвратился на станцію. Какъ разъ въ это время, подошелъ къ перрону поѣздъ съ отрядомъ Краснаго Креста, составленнымъ на средства нашего прибалтійскаго нѣмецкаго дворянства. Отрядъ состоитъ изъ санитаровъ, врачей, студентовъ и сестеръ милосердія. Всѣ нѣмцы, мужчины, одѣты въ типичныя куртки, шляпы съ козырьками. Сестры—въ обычныя формы; всѣ держатъ себя очень серьезно. Сестры не молодыя. Какъ пошутилъ одинъ изъ нашихъ врачей, навѣрно

средній уровень возраста нѣмецкихъ сестеръ лѣтъ 40. Кормятъ этотъ отрядъ отлично, а получаютъ жалованье такое, что мы прямо въ сравненіи съ ними чернорабочіе. А самое главное—они ѣдутъ на небольшой срокъ—на шесть мѣсяцевъ.

3-го іюня 1904 г. ст. Петровскій заводъ.

Часовъ около пяти нашъ поѣздъ, идя по чрезвычайно живописнымъ мѣстамъ, подошелъ къ станціи Байкалъ. Здѣсь намъ надлежало пересаживаться на ледоколъ „Байкалъ", чтобы переправиться черезъ озеро того-же имени Станція расположена на лѣвомъ берегу Ангары, но не у самой рѣки, а нѣсколько въ отдаленіи отъ нея. Почти рядомъ поднималась гряда высокихъ, покрытыхъ темнымъ лѣсомъ, горъ. Уходя мало по малу въ даль, эти горы изъ темно-синихъ дѣлаются нѣжно-голубыми и, наконецъ, чуть-чуть виднѣются, точно отдѣляемыя голубою завѣсою отъ любопытныхъ взоровъ. Но какъ ошибсябы тотъ, кто, глядя на зеркальную, зеленоватую поверхность озера, ограниченную дымчато-голубоватыми горами, подумалъбы, что эти горы близки! Самыя близкія изъ нихъ, лежащія на противоположномъ берегу озера, отстоятъ почти на 50 верстъ. Вотъ какъ обманываетъ глазъ эта водная равнина! Возвращаюсь, однако, къ станціи „Байкалъ". Около зданія вокзала начинается деревянная пристань-дамба, устроенная для перегрузки поѣздовъ на ледоколы „Байкалъ" и „Ангару". Кругомъ нея кипитъ всевозможная дѣятельность. Здѣсь маневрируютъ паровозы, составляя поѣзда, дальше войска тащутъ телѣги, линейки. Около самой пристани снуютъ пароходы. Словомъ жизнь бьетъ ключемъ.

Пока я занимался на станціи своимъ туалетомъ, показался въ серебристой дали сильно дымившій ледоколъ „Байкалъ". Черезъ какихъ-нибудь полчаса онъ уже былъ близко и подходилъ къ своей спеціально для него устроенной пристани.

Дамба оканчивается вилообразно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы ледоколъ могъ пристать, носомъ войдя въ эту громадную рогатку. Чтобы еще лучше понять устройство пристани, надо представить себѣ римскую цифру V (пять). Тогда верхнія расходящіеся подъ угломъ линіи будутъ изображать двѣ дамбы, между которыми становится ледоходъ, упираясь носомъ въ уголъ, образованный мѣстомъ соединенія дамбъ. Носъ „Байкала" такъ устроенъ, что онъ соединяется съ пристанью рельсовымъ путемъ, проложеннымъ какъ на самомъ ледоколѣ,

такъ и на пристани. Слѣдовательно, какъ только ледоколъ причаливаетъ и соединяется съ пристанью то вагоны при помощи паровоза вкатываются на нижнюю палубу и укрѣпляются посредствомъ особыхъ приспособленій такъ, чтобы были совершенно неподвижны. Что касается публики, то послѣдняя при помощи обходнаго моста, идущаго съ пристани, входитъ на ледоколъ прямо на верхнюю третью палубу. Количество вагоновъ, которые беретъ ледоколъ достигаетъ 29-ти. Таковое количество взялъ онъ и съ нами. Кромѣ того на палубѣ помѣстилось около 2-хъ тысячъ человѣкъ, т. е. три эшелона. Нагрузка производится чрезвычайно быстро, черезъ 20 минутъ по прибытіи „Байкалъ" давалъ уже 3-й свистокъ и немного спустя, слегка вздрагивая, онъ медленно тронулся въ путь. Отъ станціи Байкала круговая дорога еще не была готова, но все таки уже можно было переправить войска къ станціи Танхой, находившейся отъ Байкала въ 40 съ немногимъ верстахъ, а не въ ст. Мысовую, какъ это дѣлали раньше. Мысовая же отстоитъ отъ ст. Байкала въ 75 верстахъ. Слѣдовательно, ледоколъ можетъ совершать теперь четыре рейса ежедневно, чего прежде онъ дѣлать не могъ, такъ какъ каждый рейсъ былъ на 60 верстъ длиннѣе. Итакъ, мы тронулись въ путь. Предъ нами медленно двигались горы, промелькнуло мѣсто выпаденія Ангары и, наконецъ, все стушевываясь, осталось за нами. Было свѣжо. Свѣжій вѣтерокъ доносилъ къ намъ дыханіе снѣжныхъ вершинъ, окружающихъ озеро. Мы, т. е. я и другіе товарищи по пути, спустились въ помѣщеніе перваго класса. Въ послѣднемъ все устроено удобно и комфортабельно. Къ тому-же мы нашли здѣсь и прекрасный буфетъ. Многіе изъ насъ отправились брать горячія ванны, которыя также имѣются при первомъ классѣ. Удобства поражаютъ здѣсь на каждомъ шагу. Вотъ хотя-бы, напримѣръ, умывальники. У каждаго изъ нихъ имѣется два крана, одинъ съ горячей, другой съ холодной водой; самое устройство ихъ чрезвычайно просто и удачно.—Мы сѣли обѣдать. Среди другихъ блюдъ была между прочимъ рыба таймень и хайрузъ. Послѣдняя особенно нѣжна и напоминаетъ форель. Такъ за обѣдомъ и разговоромъ незамѣтно прошли тѣ два часа десять минутъ, которые употребляетъ ледоколъ на переходъ къ Танхою. Скоро свистокъ, отъ котораго трещитъ въ ушахъ, возвѣстилъ приближеніе къ пристани. Ледоколъ, сдѣлавъ поворотъ, медленно и плавно вошелъ въ свою пристань. Поднялась обычная суета. Спускали лазаретныя и госпитальныя линейки и фургоны. Пошла команда. Наконецъ, выбрались и мы. Стан-

„Танхой"—пристань—недавно выстроена, довольно просторна, есть приличный буфетъ. Насупротивъ вокзала, нѣсколько наискось, устроенъ маякъ, освѣщаемый электричествомъ. Назначеніе его здѣсь вполнѣ понятно, такъ какъ во время сильныхъ бурь и темныхъ ночей, наткнуться на берегъ—легкое дѣло. Съ цѣлью же предупрежденія судовъ отъ грозящей опасности на пристани въ Танхоѣ сдѣланъ паровой ревунъ.

На станціи устроенъ безпроволочный телеграфъ, дѣйствующій со станціей Байкаломъ. Но въ то время, когда я былъ тамъ, аппаратъ не работалъ, такъ какъ производили перемѣну накатовъ на мачтахъ и еще не хватало одной существенной части. Аппаратъ системы „Сименсъ и Гальске".

Мѣстность вокругъ Танхоя восхитительная. Горный величественный пейзажъ соединялся съ великолѣпіемъ морского вида. Ласкающій шумъ прибоя волнъ, полный ароматнаго запаха лѣсовъ воздухъ, стройныя сосны на серебристомъ фонѣ Байкала, все это было полно особой дикой красоты.

Но еще красивѣй, еще величественнѣе казался Байкалъ, когда мы ѣхали на станцію Мысовую. Дорога все время вилась около озера. Былъ вечеръ. Солнце, полузакрывшись облаками, осыпало ихъ золотомъ, серебромъ. Нѣжныя желто зеленыя краски небесъ около него переходили въ яркіе, ослѣпительные тоны. Точно гигантская кисть геніальнаго мастера набросала смѣлые мазки на этой поразительной картинѣ. Начинающій темнѣть Байкалъ ловилъ всѣ тоны небесъ и сыпалъ цѣлымъ столбомъ золотыхъ искръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ падали на него лучи солнца. Удивительное зрѣлище! А кругомъ, утопая въ синевѣ, покрытыя на вершинахъ искрившимся снѣгомъ, стояли великаны-горы...

Стемнѣло, когда мы пріѣхали въ Мысовую. Собрались тучи и скоро полилъ дождь.

Я отправился въ вагонъ, мысленно прощаясь съ Байкаломъ, давшимъ столько минутъ высокаго наслажденія красотами природы. Завтра мы уже не увидимъ его.

7-го іюня 1904 г. ст. Бухэду.

Рано утромъ было уже замѣтно, что мѣстность принимаетъ иной характеръ. Манчжурская степь начала переходить въ холмистую степь Хинъ-гана. Но вотъ поѣздъ подошелъ къ станціи Хинганъ. Намъ предстоялъ перевалъ черезъ эту горную цѣпь, загородившую стѣною нашъ путь. Вдали виднѣлось зіяющее отверстіе грандіознаго тоннеля, въ которое мы должны

были сейчас нырнуть. Въ вагонахъ зажгли свѣчи. Окна и двери заперли, послѣднія даже на замокъ, и мы тронулись. Достаточно сказать, чтобы представить себѣ грандіозность проходимаго нами тоннеля, что онъ имѣетъ 1400 саженъ длины и прорытъ среди гранитныхъ образованій. Въ теченіе 18-ти минутъ мы проходили эту подземную трубу, слабо освѣщенную электрическими лампами. Но насъ ожидало совершенно неожиданное зрѣлище послѣ того какъ мы вышли изъ тоннеля.

Пройдя съ полверсты поѣздъ очутился передъ громадной котловиной, имѣвшей выходъ къ Бухзду. Вслѣдствіе громадной крутизны спуска путь здѣсь устроенъ въ видѣ громаднѣйшей спирали, которая, описывая дважды края котловины, продолжается, пройдя предварительно особую трубу, идущую подъ полотномъ дороги, къ разъѣзду, а затѣмъ къ станціи Бухзду. Видъ этой громадной петли, сооруженіе которой является поистинѣ замѣчательнымъ подвигомъ, производитъ подавляющее впечатлѣніе на путника. Если принять во вниманіе, что все это сооружалось среди гранитныхъ скалъ, которыя надо было взрывать динамитомъ, если припомнить, что здѣсь работало болѣе 20 тысячъ рабочихъ и погибли сотни человѣческихъ жизней, то такое сооруженіе является дивнымъ памятникомъ человѣческаго ума, энергіи и трудолюбія.

Первымъ проѣхалъ черезъ тоннель Куропаткинъ въ февралѣ мѣсяцѣ и затѣмъ движеніе было открыто для всѣхъ поѣздовъ. Если и нынѣ ѣздить по этому мѣсту сравнительно опасно, то можно себѣ представить, какъ было трудно и опасно совершать перевалы черезъ Хинганъ до постройки тоннеля, когда приходилось взбираться при помощи тупиковъ.

Право, теперь даже смотрѣть жутко! Совершивъ перевалъ, мы очутились въ прелестнѣйшей долинѣ, идущей между двумя цѣпями горъ, а вскорѣ мы уже стояли на ст. Бухзду.

10 іюня 1904 г. ст. Чантуфу.

Сегодня ночью я воспринялъ боевое крещеніе и вотъ какъ это произошло. Часовъ около 2-хъ ночи мы подходили къ станціи Кунджулинъ. Въ вагонѣ у насъ сидѣли три офицера пограничной стражи и мы толковали о томъ, о семъ, а преимущественно о войнѣ. Разговоръ коснулся нападенія хунгузовъ на станціи и мосты.

Кстати сказать, мосты охраняются отрядами не менѣе сотни и 2 орудіями. Далѣе, черезъ каждую версту, начиная

отъ Харбина, стоитъ часовой. Итакъ, возвращаюсь къ своему разсказу, рѣчь зашла у насъ о нападеніи хунгузовъ. „Знаете-ли, сказалъ мнѣ мной собесѣдникъ подполковникъ N, я вѣдь ѣду съ полусотней козаковъ къ Кунджулину. Я получилъ извѣстіе, что на эту станцію готовится нападеніе 500 хунгузовъ; однако, не совсѣмъ довѣряю этому извѣстію. У насъ въ вагонѣ поднялось легкое движеніе послѣ словъ N, хотя, правду сказать, и намъ какъ-то не вѣрилось въ это нападеніе. Незамѣтно среди разговора мы пріѣхали въ Кунджулинъ. Офицеры попрощались съ нами и мы начали ложиться спать. Я уже чувствовалъ, что дремота начинаетъ смежать мнѣ глаза, какъ вдругъ въ вагонъ вошелъ одинъ изъ ѣхавшихъ съ нами офицеровъ и объяснилъ, что онъ получилъ телеграмму отъ охраны моста, находящагося въ 9-ти верстахъ отъ Кунджулина, что хунгузы подъ предводительствомъ японцевъ пытаются взорвать мостъ; идетъ перестрѣлка; просятъ подкрѣпленія. Проговоривъ все это залпомъ, офицеръ попросилъ у насъ два взвода и обратился къ намъ, врачамъ, не желаетъ ли кто нибудь изъ насъ отправиться съ ними, для поданія помощи въ случаѣ надобности. Я вызвался тотчасъ-же. Быстро одѣвшись, я взялъ шапку, револьверъ и занялъ мѣсто вмѣстѣ съ офицеромъ на паровозѣ. Прицѣпили три вагона съ людьми и мы помчались къ мосту. Свѣтало. Мы съ жадностью всматривались въ сѣрѣющую даль и съ нетерпѣніемъ ожидали моста. Скоро онъ показался. Слышались выстрѣлы. Мы прокатили на боковую вѣтку и остановились. Быстро построившись, мы пошли въ аттаку. Хунгузы, видя превосходство силъ, улепетнули. Мы пошли по ихъ стопамъ, упорно разыскивая ихъ во всѣхъ фанзахъ и кустахъ, но хунгузы скрылись. Мы обошли всю мѣстность верстъ на пятнадцать вокругъ и затѣмъ вернулись назадъ. На мѣстѣ стычки найдены нѣсколько сѣделъ, масса патроновъ японскаго образца. Я взялъ себѣ на память одинъ. Черезъ часъ мы уже ѣхали дальше.

13 іюня 1904 г. Хайченъ.

Вчера пріѣхали мы въ китайскій городъ Хайченъ, расположенный въ 56, или почти стольких, верстахъ отъ Ляояна. По распоряженію командующаго арміей 10 корпусъ долженъ располагаться на бивуакахъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ станціи по правую сторону отъ пути. Тамъ-же стали и мы. За нами протекала небольшая рѣка, а вдали, т. е. въ направленіи Инкоу, виднѣлись горы, за которыми наступаютъ наши враги,

„япошки", какъ ихъ здѣсь называютъ. Мы устроили себѣ примитивныя палатки такъ какъ наши еще не пришли. Ночь была лунная, картина бивуака въ высшей степени живописна. Мы попили чайку и чинъ чиномъ улеглись спать. Но представьте себѣ, каково было наше пробужденіе... Утромъ поднялся сильный вѣтеръ и цѣлыя тучи ѣдкой, желтой песчаной пыли нависли надъ нами. Скоро всѣ вещи, бѣлье было засыпано слоемъ этой пыли, которая забиралась въ носъ, ротъ и заставляла чихать, кашлять.

Благодаря только случаю намъ удалось устроиться въ каменномъ зданіи, гдѣ помѣщается почта, корпусный ревизоръ и многое множество всевозможнаго люда. Теперь каждый день встрѣчаюсь съ людьми, бывающими въ бою, и узнаю чрезвычайно много интереснаго. Всѣ офицеры, съ какими мнѣ приходилось говорить, единодушно отзываются одобрительно о высокомъ самоотверженіи и доблести нашихъ солдатъ.

Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія я узналъ о стычкахъ на Далинскомъ перевалѣ. Мнѣ разсказывали офицеры о тактическихъ пріемахъ, которые японцы употребляютъ при аттакахъ на нихъ русскихъ. Начать съ того, что японцы никогда не наступаютъ, разъ они не превосходятъ насъ численно по крайней мѣрѣ въ три раза. Затѣмъ, при аттакѣ на нихъ они употребляютъ такой пріемъ: первая колонна разрывается на двое и каждая половина быстро отбѣгаетъ въ сторону, благодаря чему противникъ подвергается обстрѣливанію съ трехъ сторонъ. Кавалерія по общему отзыву плоха, но сидитъ на отличныхъ коняхъ.

Замѣчательно у японцевъ ихъ отличное умѣнье лазить по горамъ. Въ этомъ отношеніи они прямо не знаютъ себѣ соперниковъ. Артиллерія у нихъ стрѣляетъ отлично, но пѣхота по стрѣльбѣ ниже нашей. Зато ружья у нихъ лучше.

Наши поражаютъ на 2 тысячи съ чѣмъ-то шаговъ, а ихъ на 3200. Это очень важно для сравнительно близкихъ разстояній. Напримѣръ на 600 шаговъ. На такомъ разстояніи ихъ пуля идетъ прямо, а наша уже перелетаетъ.

Кстати, у японцевъ есть еще отличнѣйшій пріемъ. Пѣхота у нихъ стрѣляетъ слѣдующимъ образомъ: первая колонна держитъ прицѣлъ на 250 шаговъ, вторая, положимъ, на 400, третья на 600 и т. д. Вслѣдствіе этого они сразу обстрѣливаютъ *площадь*, что, конечно, очень выгодно и важно. У насъ этого нѣтъ.

17 іюня 1904 г. Хайченъ.

Кое какъ мы перебрались въ весьма вонючую казарму, въ которой заняли двѣ кануры на 10 человѣкъ. Жара стояла страшная. У меня по временамъ стучало въ вискахъ и кружилась голова. Но вотъ собрался дождь и, перейдя въ ливень, испортилъ дороги. Кругомъ стоятъ лужи. Солдатскія палатки протекли и наша команда очутилась въ грязи. Этакая миленькая погодка продолжалась два дня. 14-го вечеромъ я пошелъ на вокзалъ: мы узнали, что долженъ пріѣхать Куропаткинъ. Дѣйствительно, часовъ въ 7 вечера къ станціи тихо подошелъ поѣздъ, весь сверкавшій электрическими огоньками. Въ одномъ изъ оконъ я увидѣлъ Куропаткина, сидѣвшаго съ какимъ-то иностраннымъ корреспондентомъ. Въ тотъ вечеръ командующій арміей не вышелъ изъ вагона. На другой день я отправился на вокзалъ часовъ въ 7 утра. Едва я взошелъ на платформу, какъ увидѣлъ Куропаткина, идущаго наискось отъ меня къ станціонному выходу. Командующій арміей—средняго роста, брюнетъ съ легкой сѣдиной. Лицо типичное русское, энергичное. Во всей фигурѣ и жестахъ его чувствуется спокойное самообладаніе. Отъ него вѣетъ могучей энергіей и волей. Выйдя на крыльцо станціи, Куропаткинъ поздоровался со своей казачьей сотней и легко вскочилъ на своего красавца-коня. Развернули стягъ командующаго арміей и отрядъ отправился въ Симученъ на позицію.

Вскорѣ полилъ дождь и я, шагая почти по колѣно въ грязи, едва добрался домой. Въ общемъ скука страшная. Нашъ госпиталь еще не открывали и вотъ мы живемъ по разнымъ берлогамъ, ѣдимъ всякую гадость. Цѣны на все здѣсь ужаснѣйшія.

19 іюня 1904 г. Хайченъ.

Попрежнему мы продолжаемъ быть достояніемъ проливного дождя и невылазной грязи. Лошади, люди, телѣги, арбы все это шлепается, переваливается съ боку на бокъ въ этомъ тѣстѣ изъ глины и песку. Солдаты поснимали обувь и босикомъ перебираются черезъ озера и пруды, образовавшіеся послѣ дождя. Во многихъ мѣстахъ посносило палатки, а залило почти всѣ ливнемъ, бывшимъ позавчера ночью. Наши войска, отправившіяся на Далинскій перевалъ около Симучена, вернулись вчера. Дѣло въ томъ, что японцы отступили отъ перевала, когда увидѣли, что къ намъ подошло подкрѣпленіе. Повидимому японцы хотятъ направить всѣ усилія на нашъ

лѣвый флангъ и отправились къ Лаояну. Однако, едвали ихъ дѣло будетъ выиграно; во первыхъ тамъ стянуты тоже значительныя силы, а, во-вторыхъ, Куропаткинъ не дремлетъ и японцамъ его не обмануть. Вчера около вокзала расположился Воронежскій полкъ, только что вернувшійся съ Долинскаго перевала. Несмотря на то, что Воронежцамъ пришлось три дня ничего не ѣсть, кромѣ сухарей, ночевать въ грязи и быть все время мокрыми, они имѣютъ бодрый и веселый видъ.

Воспользовавшись сегодняшнимъ солнечнымъ днемъ, я рѣшилъ осмотрѣть Хайченъ. Городишко этотъ не великъ и окруженъ, какъ почти всѣ китайскіе города, толстой, зубчатой стѣной, выстроенной изъ кирпича и камня. Въ стѣнѣ существуетъ нѣсколько желѣзныхъ воротъ, которыя запираются на случай какой-либо внѣшней опастности. Улицы чрезвычайно узки и извилисты. Черезъ городъ проходитъ отъ воротъ до воротъ главная улица, на которой расположены лавки, мастерскія, парикмахерскія и т. д. Магазины не велики и по преимуществу бакалейные. Здѣсь можно найти англійское сгущенное молоко, японское пиво, коньякъ, ромъ, консервы. Цѣны на продукты довольно велики и съ каждымъ днемъ поднимаются. Напримѣръ, мясо стоитъ 18 копѣекъ за фунтъ, яйца 20 коп. десятокъ. Небольшой круглый хлѣбецъ—20 к. Пучекъ небольшой рѣдьки 10 к. Здѣсь совершенно нѣтъ лавроваго листа, макаронъ, галетъ и т. д. Уксусъ здѣсь англійскій и стоитъ рубль бутылка. За то, напримѣръ ананасъ консервированный, большой стоитъ 30—40 коп. Вчера мы ѣли уже персики, стоящіе теперь по копѣйкѣ штука.

Возвращаюсь, однако, къ описанію Хайчена. Грязь на улицахъ невылазная, а вонь прямо таки отвратительная. Не знаю, какъ кого, а меня положительно разбираетъ морская болѣзнь, когда мнѣ приходится попадать въ закоулки китайскаго города. Въ нихъ царитъ какой-то специфическій запахъ, который бьетъ по носу точно дубиной.

По улицѣ, гдѣ сосредоточена торговля, висятъ красивые лоскуты съ надписью, какіе-то корзинообразныя подвѣски, все это китайскія вывѣски.

Магазины низкіе, товару немного. За прилавкомъ нерѣдко засѣдаетъ почтенный китаецъ, покуривающій чуть не полутороаршинную трубочку. Два, три прикащика, а чаще всего родственники, довольно расторопно отвѣшиваютъ, отмѣриваютъ товаръ. Вѣсы у нихъ устроены очень просто. На одинъ конецъ бамбуковой трости привѣшена чашка; недалеко отъ этого конца привязана веревочка, за которую китаецъ

держитъ вѣсы, а другой болѣе длинный конецъ трости, изображающій собою главное плечо коромысла вѣсовъ, размѣченъ черточками. На этотъ свободный конецъ надѣвается подвижная гирька и вотъ все устройство.

Движеніе по торговой улицѣ большое. Тамъ и сямъ снуютъ босоногіе китайцы, наши солдаты. Мелькаютъ ослы, мулы, русскія двуколки. Слышатся крики погонщиковъ муловъ и изрѣдка въ воздухѣ повиснетъ крѣпкое словцо русскаго солдата. Но въ общемъ весь этотъ городъ производитъ впечатлѣніе чего-то игрушечнаго, недодѣланнаго...

Встрѣтилъ китайскаго полковника съ его тѣлохранителями. У всѣхъ ихъ медали на георгіевской лентѣ за особыя услуги русскимъ Они сейчасъ пробрались изъ Кореи и привезли донесенія оттуда Куропаткину. Вооружены они русскими винтовками и имѣютъ довольно воинственный видъ.

Кстати сказать, вчера я видѣлъ японскую винтовку. Она тяжелѣй нашей. Устройство ея нѣсколько напоминаетъ нашу, но расходится въ частностяхъ. Штыкъ кинжалообразный и, по мнѣнію нашихъ офицеровъ, нѣсколько мѣшающій прицѣлу. Пуля меньше нашей: 2-хъ линейная. Въ общемъ ружье недурно сдѣлано, хотя нѣсколько аляповато.

Вчера видѣлъ санитарный поѣздъ Государыни Александры Θеодоровны. Онъ весь выкрашенъ въ бѣлую краску. Внутри все устроено роскошно Для каждаго раненаго отличная койка, прекраснѣйшее бѣлье, туфли. Въ поѣздѣ отличная операціонная и перевязочная Словомъ, каждая мелочь говоритъ здѣсь о глубокой продуманности, материнской заботливости. Видно, что этотъ поѣздъ создала щедрая рука, сумѣвшая соединить въ немъ все, что можетъ дать современная наука и искусство. Раненые долго не забудутъ этого поѣзда Царицы.

26 іюня 1904 г. Хайченъ.

Мнѣ удалось получить командировку въ Инкоу и я отправился посмотрѣть этотъ городокъ, о которомъ уже слышалъ много интереснаго.

Чтобы пробраться въ Инкоу, необходимо ѣхать до Дашичао, а оттуда по вѣткѣ до станціи. Я выѣхалъ изъ Хайчена въ 5 часовъ утра съ товарнымъ поѣздомъ. Въ виду того, что при огромномъ движеніи невозможно правильно ремонтировать дорогу, поѣзда ходятъ довольно медленно. Путь все время лежитъ среди цвѣтущей, зеленой долины, покрытой тщательно воздѣланными нивами.

Съ лѣвой, юго-западной стороны тянутся горы, посте пенно утопая въ синѣющей дали. Теплый, замѣчательно мяг кій вѣтерокъ все время набѣгаетъ со стороны Печилійскаг залива, который отстоитъ отъ дороги на разстояніи немногим более 20-ти верстъ.

Черезъ часъ я добрался до Дашичао. Сейчасъ же з довольно невзрачнымъ зданіемъ вокзала расположены обозы нѣсколько дальше по склонамъ круто подымающейся горі разбиты палатки стоящихъ здѣсь частей войскъ. Даже н самой горѣ видны маленькія бѣленькія пятнышки въ перемежк съ движущимися черными точечками, это также все—палатки пасущійся обозный скотъ и люди. Не доѣзжая станціи, н одномъ изъ запасныхъ путей стоитъ поѣздъ командующаг арміей, охраняемый особыми часовыми. Выпивъ въ буфет стаканчикъ, кстати сказать, довольно плохого чаю я спра вился о времени отхода поѣзда на Инкоу. Оказалось, что по ѣздъ идетъ только послѣ обѣда, а потому мнѣ предстоял просидѣть въ Дашичао добрыхъ 5—6 часовъ. Признаюсь, пер спектива эта меня не особенно соблазняла Къ моему сча стію минутъ черезъ 15 отходилъ на Инкоу паровозъ и я рѣ шилъ ѣхать на немъ. Правда, ѣхать такимъ образомъ нѣсколько жарковато, да и не особенно удобно, но, что дѣлать, сидѣт въ Дашичао тоже не особенно весело. Такъ или иначе, н черезъ четверть часа я, облеченный въ резиновую непромо кашку, трясся на американскомъ локомотивѣ, который, кряхт и охая, направился въ Инкоу. Мѣстность сдѣлалась еще ожи леннѣе, въ воздухѣ чувствовалось дыханіе моря. Тамъ и сям виднѣлись китайцы, одѣтые въ свой обычный костюмъ: синю блузу и такого же цвѣта панталоны. Они заботливо копоши лись на своихъ поляхъ, которыя, нужно отдать полную спра ведливость, выглядываютъ даже нарядно. Каждый клочек земли поражаетъ тщательностью своей обработки. Пока разсматривалъ окрестности и, опершись на паровозъ, слѣдил взоромъ за постепенно уходящими въ даль горами, вперед показались дымившія заводскія трубы и мачты судовъ. Про шло нѣсколько минутъ. Паровозъ, замедляя ходъ, подкатил къ платформѣ станціи. Едва я вылѣзъ изъ будки локомотив какъ меня окружила куча китайцевъ, предлагавшихъ, кто шлю ку, кто шаланду, чтобы довезти меня по рѣкѣ Ляохе до г рода. Не долго раздумывая, я послѣдовалъ за однимъ шир коплечимъ малымъ и онъ привелъ меня на берегъ, около к тораго стояли десятки одномачтовыхъ шаландъ. Пригласи меня сѣсть, китаецъ отчалилъ отъ берега. Шаланду подхв

тилъ легкій вѣтерокъ и мы тронулись. Въ это время другой китаецъ, сидѣвшій дотолѣ на рулѣ, сильными движеніями большого, привязаннаго весла, направилъ лодку противъ теченія и мы поплыли по Ляохе. Я осмотрѣлся. Передо мной разстилалась широкая, катившая мутныя волны, рѣка; сотни шаландъ подъ парусами и на веслахъ плыли вверхъ и внизъ по теченію. На лѣвомъ берегу, начиная отъ вокзала, тянулись ряды строеній; одни изъ нихъ принадлежали къ желѣзной дорогѣ, другія къ портовымъ учрежденіямъ. Тутъ-же сильно дымя своей трубой, виднѣлась водокачка. Рядомъ, на берегу были сложены какіе-то припасы, покрытые брезентомъ. Тутъ же виднѣлся небольшой пароходъ, повидимому принадлежащій русскимъ. Начиная съ этого мѣста Ляохе дѣлаетъ поворотъ въ восточномъ направленіи. Воспользовавшись этимъ поворотомъ, я разсмотрѣлъ хорошенько шаланду и китайцевъ, везшихъ меня. Шаланда—это большая четырехъугольная лодка, имѣющая одну мачту, на которой при надлежащемъ вѣтрѣ поднимается парусиновый четырехъугольный парусъ, прикрѣпленный къ бамбуковымъ перекладинамъ.

Въ общемъ это довольно неуклюжее сооруженіе китайскаго строительнаго искусства. Рядомъ со мной, стоя, съ силой работалъ весломъ китаецъ. Съ несчастнаго катилъ градомъ потъ. Видно было, какъ подъ его бронзовой кожей туго сокращались хорошо развитыя мышцы. Не смотря на тяжелую работу, онъ весело посмѣивался, показывая бѣлые зубы, и острилъ надъ неумѣлыми или слабыми гребцами тѣхъ шаландъ, которыя мы перегоняли.

Вскорѣ мы миновали поворотъ и передъ нами открылась живописная панорама Инкоу. Слѣва—набережная съ массой различныхъ зданій, справа Ляохе, покрытый тысячами разнаго рода китайскихъ судовъ съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Среди всѣхъ этихъ джонокъ, шаландъ, словно громадныя чудовища, стояло до 10 большихъ океанскихъ иностранныхъ пароходовъ. Мы обогнули одинъ изъ нихъ, на которомъ развѣвался французскій флагъ. Вокругъ каждаго изъ пароходовъ стояли большія и мелкія китайскія суда, принимавшія грузъ. Гремѣли цѣпи лебедокъ, слышались крики рабочихъ. Мимо насъ пробѣжалъ портовый катеръ-восемерка, гонимый дружными усиліями гребцовъ-китайцевъ, одѣтыхъ въ лѣтній русскій морской костюмъ и желтыя соломенныя шляпы. Пыхтя прошелъ и лихо остановился у набережной пароходикъ подъ русскимъ флагомъ. Тѣмъ не менѣе всѣ служащіе на этомъ пароходѣ, начиная отъ капитана все китайцы. Шаланда наша также подползла

къ набережной и я выпрыгнулъ на берегъ. Давъ рубль китайцу и взявъ свой пледъ, я пошелъ по довольно чистенькой набережной. Слѣва шли ряды европейскихъ домовъ, занятыхъ иностранными консулами, агентами и т. д. Въ воздухѣ рѣяли флаги различныхъ націй. Я прошелъ подъ деревянную арку, на которой висѣла вывѣска съ надписью по русски и англійски, гласившая, что ѣзда по набережной какъ на лошадяхъ, такъ и въ экипажахъ запрещается.

Я проголодался и инстинктивно вглядывался въ вывѣски, ища гостинницы. Вскорѣ до меня донесся запахъ жаренаго и я очутился около англійской гостинницы, одной изъ лучшихъ въ городѣ. Я поднялся на веранду и зашелъ въ ресторанъ. Чистота и сервировка безукоризненныя. Надъ длиннымъ столомъ устроены опахала, приводимыя въ движеніе со двора. Къ завтраку призываютъ звонкомъ, который вскорѣ и раздался. Однако просмотрѣвъ кушанья, обозначенныя на карточкѣ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занималъ краббъ, я нашелъ, что для моего русскаго желудка всѣ эти кушанья слишкомъ великолѣпны и потому по совѣту одного офицера, съ которымъ я только что познакомился, я отправился вмѣстѣ съ новымъ знакомымъ въ „Центральную гостинницу", находившуюся рядомъ. Здѣсь мы нашли малороссійскій борщъ, отличное жаркое и рюмку отличной смирновки. Мой сотрапезникъ оказался поручикомъ X., пріѣхавшимъ сюда добровольцемъ желая, какъ онъ выразился, получить „либо георгіевскій, либо деревянный крестъ".

Утоливъ нашъ голодъ, мы перешли къ доброй чашкѣ кофе и наблюдали за портовой жизнью, бившей ключемъ. Мимо нашихъ оконъ, проревѣвши во всю свою паровую глотку, прошелъ англійскій пароходъ, медленно вращая лопастями винта. Я подошелъ къ окну. Не вдалекѣ раскинулся зонтикомъ серебристый тополь. Подъ нимъ въ живописной группѣ сидѣли китайцы, слушая однообразно-монотонную мелодію, которой ихъ угощалъ, выдувая на тростниковой флейтѣ слѣпецъ. Мелодія эта однообразна до крайности и китаецъ повторялъ ее сотни разъ. Положительно можно было оглохнуть отъ досады, слушая это противное турлыканье. Но, наконецъ, сами китайцы не выдержали и проводили почтеннаго музыканта. „Цуба, цуба" голосили они, т. е. попросту, убирайся, и музыкантъ испарился. Въ это время изъ англійской гостинницы къ намъ долетѣли звуки марша „Подъ Двуглавымъ орломъ", очень недурно исполняемаго симфоніономъ. Однако, пора было собираться. Мнѣ предстояло еще сдѣлать много

покупокъ, которыя были поручены мнѣ товарищами по службѣ. Мой новый знакомый взялся быть моимъ „чичероне“ и повелъ меня черезъ проходной дворъ на сосѣднюю улицу. Здѣсь уже были китайскіе дома, но въ общемъ все-таки было довольно чисто. Впрочемъ, какъ мнѣ сказали, русскій полиціймейстеръ слѣдитъ за чистотой особенно строго. Мы прошли нѣсколько кабачковъ и зашли въ большой китайскій магазинъ. Положительно не вѣрилось, что я на театрѣ военныхъ дѣйствій. Здѣсь есть все, начиная отъ принадлежностей дамскаго туалета, граммофона, призматическаго бинокля и кончая всевозможными консервами. Цѣны на всѣ товары сравнительно не высоки, а на нѣкоторые прямо таки дешевы. Такъ, напр. я купилъ сѣтки, которыя одѣваются подъ рубашку. Можете себѣ представить, сѣтка вязаная, отлично сдѣлана и стоитъ только 30 к. Разумѣется я взялъ ихъ цѣлую дюжину и едва довезъ ихъ въ Хайченъ: почти всѣ ихъ у меня разобрали товарищи.

Было-бы долго перечислять цѣны на товары, но повторяю, на нѣкоторыя вещи цѣны баснословно дешевы. Купивъ все, что надо, я еще разъ прошелъ по улицамъ Инкоу. Наконецъ, сопровождаемый двумя китайцами-носильщиками, несшими мои покупки, я снова сѣлъ въ шаланду. Дулъ попутный вѣтеръ и почтеннѣйшій Лу-чан-фа не замедлилъ поднять парусъ.

Вѣтеръ поднялъ порядочное волненіе и шаланда то поднимаясь, то ныряя быстро пошла по направленію къ станціи. На обратный переходъ мы потратили не болѣе четверти часа и въ 8 часовъ вечера я уже сидѣлъ на вокзалѣ, вспоминая Инкоу, оставившій по себѣ самое пріятное впечатлѣніе. Вдругъ гдѣ-то сбоку загрѣмѣла военная музыка. Я вышелъ на звуки и увидѣлъ, что близъ станціи есть садикъ, въ которомъ игралъ военный оркестръ, стоявшаго въ Инкоу полка. Было какъ-то странно слушать „Трубадура“ на берегу Ляохе. Впрочемъ, чего не бываетъ на свѣтѣ?! Я зашелъ въ садикъ. На скамейкѣ сидѣлъ командиръ полка и слушалъ музыку. Мы познакомились. Это очень милый господинъ. Отъ него я узналъ очень интересную вещь. Такъ какъ онъ исполняетъ обязанности коменданта Инкоу, то онъ-же долженъ взимать плату съ приходящихъ въ Инкоу шаландъ. Оказывается, что каждый день наша пристань приноситъ 8000 рублей чистаго дохода. Вообще весь Инкоу это такой лакомый кусочекъ, изъ-за котораго не стыдно и повздорить съ китайцами.

Часовъ въ десять я улегся на свѣжее сѣно въ товарномъ

вагонѣ и не слышалъ, какъ пріѣхалъ въ Дашичао. Оттуда безъ особыхъ приключеній я добрался до Хайчена.

30-го іюня 1904 г. г. Лаоянъ.

Мы, можно сказать, только что пришли въ себя. Въ Хайченѣ мы получили приказъ отправляться въ Лаоянъ по желѣзной дорогѣ, какъ вдругъ передъ самымъ отправленіемъ пришла телеграмма съ предписаніемъ идти походнымъ порядкомъ. Благодаря этому пришлось верхомъ на конѣ пройти въ самую жару 60 верстъ, сдѣлавши два привала. Дорога отвратительная; то и дѣло въ обозѣ ломается либо ось, либо колесо. Наши четырехколески совершенно не подходятъ къ мѣстнымъ дорогамъ. Сверхъ того эти допотопные экипажи устроены вообще непрактично. На одномъ перегонѣ лошади разнесли экипажъ главнаго врача и разшибли доктора, который, боясь ѣхать верхомъ, пристроился туда.

М. Павловскій.

Митрополитъ Филаретъ Московскій о Православіи и Самодержавіи.

I.

По поводу волнующихъ современное наше общество вопросовъ, затрагивающихъ основныя начала государственной жизни Россіи, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ соотечественниковъ, святитель московскій Филаретъ, высказалъ цѣнное свое мнѣніе въ оставленныхъ имъ послѣ смерти бумагахъ. При томъ шатаніи мысли, коимъ отличается наше время всевозможнаго сектантства и отступничества отъ Православія, малоизвѣстныя публикѣ мнѣнія незабвеннаго Пастыря церкви Христовой могутъ принести несомнѣнную пользу многимъ колебающимся и соблазняемымъ русскимъ людямъ съ неокрѣпшими убѣжденіями. Поучительныя слова Святителя московскаго, высказанныя имъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, имѣютъ современный интересъ, о чемъ можетъ судить читатель настоящей моей статьи. Ослабленіе Православія въ нашихъ образованныхъ классахъ началось уже съ давнихъ поръ и митрополитъ Филаретъ для возстановленія вѣры совѣтуетъ прежде всего обратить особенное вниманіе на воспитаніе юношества въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ скептицизмъ и безвѣріе, приносимые въ наше отечество изъ другихъ странъ, встрѣчаютъ къ сожалѣнію не рѣдко, удобную почву для своего развитія. А отъ образованныхъ классовъ безвѣріе и лжемудрствованіе переходятъ въ народъ и развиваютъ среди него сектантство, подрывающее устои русскаго государства и грозящее его самобытному существованію. По этому прежде всего слѣдуетъ упомянуть о тѣхъ завѣтахъ одного изъ величайшихъ умовъ XIX вѣка, которые намъ оставлены по жгучему современному вопросу о народномъ образованіи. Митрополитъ Филаретъ, исходя изъ того положенія, „что истина религіозная и нравственная суть лучи одного свѣта и гдѣ пер-

вая смѣшана съ заблужденіемъ, тамъ не можетъ быть чиста и послѣдняя"[1]) и „что одна изъ главнѣйшихъ обязанностей гражданскаго начальства есть—беречь народную нравственность"[2]), испытывалъ скорбь отъ легкомысленнаго направленія значительной части нашего общества шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ истекшаго столѣтія, имѣвшаго столь вредное вліяніе на учившуюся тогда молодежь. Получивъ письмо отъ генерала адъютанта графа Путятина, находившаго въ 1861 году необходимымъ сообщить Его Величеству, что „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нужна большая твердость и сильныя мѣры", Святитель отвѣтилъ ему между прочимъ: „въ читанныхъ мною печатныхъ и письменныхъ воззваніяхъ опасность такъ ярко видна, что болятъ глаза; она говоритъ сама за себя такимъ громкимъ и угрожающимъ голосомъ, что нельзя представить себѣ, чтобы это не возбуждало вниманія... можно-ли не видѣть, что хотятъ разрушить Россію?.. да умолкнутъ раздѣленіе и частные взгляды; *да станутъ всѣ вѣрные и благонамѣренные въ силѣ единства, въ крѣпкій подвигъ подъ общимъ знаменемъ: вѣра, царь и Россія*[3]). Не то ли же самое нужно и въ наши дни?

Еще въ 1837 году въ министерствѣ народнаго просвѣщенія былъ выработанъ проэктъ (и нынѣ пропагандируемый нѣкоторыми газетами) о соединеніи духовныхъ училищъ съ свѣтскими. Объ этомъ проэктѣ митрополитъ Филаретъ сдѣлалъ отзывъ, въ которомъ читаемъ: „Церковь назидающая есть то средоточіе, изъ коего долженъ произойти свѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ укрѣпляющая сила для предстоящей намъ борьбы. *Раціонализмъ есть самообоготвореніе разума, врагъ власти.* Недовѣрчивость къ философіи, въ которой примѣтны покушенія превратить въ миѳъ непостижимое въ христіанствѣ, заботливое предусмотрѣніе угрожающей отъ сего борьбы, благовременное возбужденіе осторожностей—все сіе сколь справедливо, столь-же достойно ревностнаго участія",[4]) Въ проэктѣ министерства дѣйствующій уставъ духовныхъ училищъ названъ неподвижнымъ и стереотипнымъ. Возражая на это Святитель писалъ: „Если непостоянство свѣтскихъ наукъ препятствуетъ постоянству устава въ свѣтскихъ училищахъ, то религія вѣчная особенно взятая не въ приготовительномъ состояніи, въ какомъ

[1]) Сборникъ мнѣній и отзывовъ Филарета, митроп. Московскаго и Коломенскаго Т. III стр. 251.

[2]) Тамъ же т. IV стр. 579.

[3]) Тамъ-же, томъ V ч. 1 стр. 188 и 189.

[4]) Тамъ-же, томъ II стр. 388.

она была во времена ветхаго завѣта, но въ высокосовершенномъ раскрытіи, въ какомъ она является въ новомъ завѣтѣ, церковь основанная на неподвижномъ камени вѣры, догматъ неизмѣняемый, не могутъ ли безвиннымъ образомъ дать духовному ученію, и духовно-учебному устройству болѣе достоинства?.. Философія исторіи, безъ основательнаго и съ религіею согласнаго догматическаго изложенія философіи, нестолько послужитъ къ утвержденію ума, сколько къ броженію, круженію и опасному рысканью по стремнинамъ и пропастямъ“ [1]). Возражая далѣе противъ проэкта министерства народнаго просвѣщенія, Святитель московскій находитъ, что утвержденіе въ немъ высказанное, будто элементарныя знанія одинаковы для всѣхъ сословій—не вѣрно. Оно не вѣрно относительно гражданскихъ гимназій и военно-учебныхъ заведеній, не вѣрно и въ примѣненіи къ духовнымъ училищамъ, потому что „особеннаго направленія въ семъ случаѣ требуетъ не только особенность церковной службы, но и предосторожность, чтобы ученики, не имѣя особеннаго, съ самымъ устройствомъ училищъ сопряженнаго направленія къ церковной службѣ, не потеряли и наслѣдственнаго къ ней расположенія... На оселкѣ 1825 года чистою оказалась преданность престолу и отечеству не только православнаго россійскаго духовенства, но и свѣтскихъ чиновниковъ, получившихъ образованіе въ духовныхъ училищахъ. Подобно и во время Польскаго мятежа православное духовенство... и само въ чистотѣ соблюдало вѣрность престолу и отечеству и утверждало въ ней православный народъ. Когда иностранныя политическія тайныя общества покушались (свое) вліяніе распространить и на Россію, тогда для нѣкоторыхъ свѣтскихъ училищъ требовалась особенная проницательность начальства, чтобы подавить сѣмена зла, частью зароненныя; но православныя духовныя училища сохранились совершенно неприкосновенными заразѣ; такъ *духъ ихъ столь же національный, сколько церковный, самъ отражалъ чуждыя стихіи и не подавалъ надежды покушеніямъ*. Такимъ образомъ не по догадкѣ, а по опытамъ заключить должно, что отдѣльное существованіе духовныхъ училищъ не порождаетъ вреднаго эгоизма званія, а если и даетъ имъ особый характеръ, то церковный и чисто національный, не угрожаемый иностраннымъ вліяніемъ, котораго опасеніе признаетъ для свѣтскихъ училищъ записка, подавшая случай къ настоящимъ соображеніямъ“ [2]).

Изъ приведенныхъ выдержекъ слѣдуетъ заключить, что

[1]) Тамъ-же, томъ II стр. 389—393.

[2]) Тамъ-же, стр. 393—394.

воспитаніе дѣтей и юношей въ духовныхъ училищахъ вел
при митрополитѣ Филаретѣ на твердой основѣ православной вѣ
и что свѣтскимъ училищамъ для пользы Россіи слѣдовало
не сливаться съ первыми, но отъ нихъ многое позаимствова
Это вѣрно и для нашего времени. Если наши дѣти въ св
скихъ учебныхъ заведеніяхъ будутъ воспитываться такъ, что
господствующій въ нихъ средѣ духъ отличался Православіем
національностью, равно какъ самъ собою отражалъ-бы чужд
стихіи, то тревожный и далеко еще не разрѣшенный сов
менный вопросъ объ устройствѣ воспитательной и учеб
части въ Россіи былъ-бы на самомъ дѣлѣ разрѣшенъ вес
благопріятнымъ образомъ. Московскій Святитель всѣми за
сящими отъ него средствами домогался, чтобы въ нашихъ гр
данскихъ учебныхъ заведеніяхъ велось-бы преподаваніе въ д
православія. Между прочимъ министерство народнаго прос
щенія въ 1841 году одобрило конспектъ каноническаго пр
составленный свѣтскимъ лицомъ, профессоромъ Крыловы
Препровождая этотъ конспектъ на заключеніе Святѣйшаго
нода, министерство высказало, что онъ составленъ по рѣше
педагогическаго начальства для преподаванія въ университет
каноническаго права свѣтскимъ лицомъ, вмѣсто профес
Богословія, коему это до тѣхъ поръ было поручено. Рефор
въ преподаваніи этого предмета, по указанію профессора К
лова, вызывалась во первыхъ тѣмъ, что неудобно препода
ніе каноническаго права одной православной церкви, а н
ходимо преподавать въ университетѣ каноническое право *об*
содержанія для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, во втор
тѣмъ, что каноническое право не имѣетъ отдѣльнаго, с
стоятельнаго быта, особыхъ началъ, что канонъ есть допо
ніе къ свѣтскому праву и въ третьихъ тѣмъ, что самые ис
ники для того и другого права почти одинаковы. Возра
на предпринятую Крыловымъ реформу, ведущую къ умал
авторитета православной церкви въ пользу католицизм
лютеранства и всякихъ сектъ, митрополитъ Филаретъ уста
ливаетъ, что, преподавая общее содержаніе каноническаго пр
напримѣръ о бракѣ, который въ православной церкви со
няетъ древній каѳолическій видъ и совершенно измѣне
лютеранъ, придется встать на ту или другую сторону. Т
разумѣется слушатели подобнаго каноническаго права вм
твердыхъ познаній православія пріобрѣтутъ одно лишь в
вредное шатаніе мысли и это не только относительно од
брака, но и всѣхъ таинствъ и всѣхъ преданій и установ

[1]) Тамъ же томъ III стр. 37—42.

нашей церкви. Святитель опровергаетъ такъ же мнѣніе Крылова о томъ, что каноническое право есть дополненіе къ свѣтскому праву, имѣющему языческое происхожденіе и возникшему въ цвѣтущія времена древней Римской Имперіи. Каноническое-же право гораздо старѣе римскаго: одна изъ старинныхъ статей каноническаго права есть 18 глава книги Левитъ, написанная когда Рима еще не было. Источники свѣтскаго и каноническаго права весьма различны. Каноническое право вытекаетъ изъ священнаго писанія, правилъ святыхъ апостоловъ, изъ постановленій вселенскихъ соборовъ, твореній святыхъ отцовъ и изъ церковныхъ уставовъ. А свѣтское право, какъ извѣстно, имѣетъ совершенно иные источники. Если изъ русскаго права исключить все то, что, начиная съ XVII вѣка, заимствовано имъ изъ Западно-Европейскихъ государствъ, то оно могло-бы развиваться на почвѣ православія, но вѣдь этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ и реформа предлагаемая нашими западниками, подобными профессору Крылову, можетъ повести къ тому только, что изъ духа нашего законодательства православіе будетъ совершенно вытѣснено. Признавая характеристическою чертою каноническаго права неподвижность, профессоръ Крыловъ считалъ нужнымъ преподавать студентамъ университета что „если общія убѣжденія народа становятся не равны съ формою обряда, то нужна для нихъ новая форма и что „надо смотрѣть болѣе на низшіе слои народности, чѣмъ на высшіе, которые, по предположенію профессора, вовсе неинтересуются обрядною стороною православія“ и что „существованіе обрядности не стѣсняетъ совѣсти“ и, наконецъ, что „различіе восточной церкви отъ западной скрывается глубоко въ начальныхъ слояхъ новой цивилизаціи“, а не въ апостольскихъ преданіяхъ. Профессоръ Крыловъ въ 1841 г. въ своемъ конспектѣ относился къ православію такъ же отрицательно, какъ въ наше время относится къ нему лжеучитель графъ Л. Толстой, такъ-же, какъ знаменитый Пашковъ и другіе родоначальники современнаго опаснаго для цѣлости Россіи сектантства. И то, что незабвенный московскій Святитель говорилъ относительно Крылова, можетъ быть теперь съ пользою для истины отнесено къ современнымъ совратителямъ русскаго юношества и народа съ пути православія. Въ общемъ своемъ заключеніи о конспектѣ Крылова митрополитъ находитъ, что „въ представленномъ проэктѣ каноническаго права право подчинено идеальнымъ историко-философскимъ соображеніямъ и право положительное не освобождено отъ произвольныхъ порывовъ юридико-философскаго разума“, а это убѣждаетъ въ томъ „что неудобно

каноническое право отдавать свѣтской каѳедрѣ“ и „пусть это право исходитъ изъ устъ преподавателя христіанина не въ языческомъ, а въ христіанскомъ видѣ“, потому что „христіанство есть величайшая и чистѣйшая мудрость“; здравый разумъ и христіанская идея гражданскаго права „должны признать себя содружными“, если умъ „не ослѣпленъ предубѣжденіемъ и гордостью“ [1]).

Завѣты эти имѣютъ животрепещущій современный интересъ: они написаны какъ будто сегодня же, наканунѣ ожидаемой всѣми нами реформы гражданскихъ училищъ всѣхъ степеней, основою которой должно быть Православіе.

II.

Когда въ 1857 году митрополитъ Филаретъ былъ спрошенъ о томъ, считаетъ-ли онъ полезнымъ учрежденіе въ Московскомъ университетѣ каѳедры римско-католическаго богословія, тогда этотъ незабвенный печальникъ земли русской писалъ въ Правительствующій Синодъ: „Древняя столица (Москва), градъ священнаго вѣнчанія и помазанія благочестивѣйшихъ государей, средоточіе чисто русскаго населенія, хранилище древнѣйшей святыни, ради пользы Церкви и государства, *требуетъ попеченія объ охраненіи здѣсь въ полной силѣ русскаго и православнаго населенія и предосторожности противъ ненужнаго усиленія разнородности и разновѣрія*. Римско-католики всѣхъ сословій, живущіе въ Москвѣ, составляютъ 578 душъ мужескаго пола... Обязанностью служенія моего почитаю представить сіе благопопечительнѣйшему о благѣ Православной церкви начальственному вниманію Святѣйшаго Правительствующаго Синода“ [2]). По странному совпаденію обстоятельствъ вопросъ объ учрежденіи въ Москвѣ іезуитами Римско-католической каѳедры былъ возбужденъ свѣтскими властями во время подготовленія Польскаго возстанія, въ организаціи коего дѣятельное участіе принимало латинское духовенство. Оберегая ввѣренную ему Московскую Духовную Академію отъ вредныхъ для Православія и Самодержавія идей, московскій святитель въ своемъ сообщеніи, по сему предмету оберъ прокурору Св. Синода писалъ въ 1860 году: [3]) „не умолкаемыя не столько разсужденія, сколько необдуманныя и неопредѣленныя превозглашенія о свободѣ, оказали такое вліяніе на обучаю-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 41 и 42.

[2]) Сборн. мнѣній и отзывовъ Филарета митр. Москов. т. IV стр. 228

[3]) Тамъ-же, томъ IV стр. 575.

щихся въ свѣтскихъ училищахъ, что наставляемые присвоили себѣ права быть свободнѣе своихъ наставниковъ и полномочнѣе начальниковъ и сіе не разъ и не въ одномъ мѣстѣ открывалось въ дѣйствіяхъ, о которыхъ непріятно было бы, но и не нужно говорить, потому что къ сожалѣнію оныя очень извѣстны. Новѣйшая литература, которая порицаетъ все, въ томъ числѣ и училища, и учителей, и учебныя книги, и уставы, и распоряженія и распорядителей, и наставниковъ и начальниковъ и судей, получила такое распространеніе, что проникаетъ всюду, если не въ двери, то чрезъ преграды, въ щели. Такіе примѣры, такія мысли составляютъ искушеніе для учащихся". Подъ вліяніемъ тогдашнихъ идей студенты духовной академіи, въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго вѣка, выразили желаніе открыть воскресную школу для дѣтей сергіевскаго посада, хотя для него уже было два постоянныхъ училища. Высокопреосвященный Владыка объяснилъ студентамъ, что воскресною школою подобаетъ заняться священнику и діаконамъ и что „студентъ, ревностный ко своей существенной обязанности, имѣетъ съ избыткомъ много своего дѣла, для своего времени, что вмѣсто обученія дѣтей русской азбукѣ, нѣкоторые изъ нихъ болѣе имѣютъ нужды употреблять свободное время для усиленія своего знанія латинской и греческой словесности. По этому полагаю, что въ настоящее время, паче прежняго, требуется, чтобы *ректоръ академіи имѣлъ характеръ твердости въ управленіи*". Непрестанныя заботы митрополита были направлены къ тому, чтобы ректоръ и преподаватели духовной академіи въ Москвѣ были на высотѣ своего призванія, отличались твердымъ и неизмѣннымъ направленіемъ къ добру и имѣли соотвѣтствующія нравственныя достоинства и качества, на что такъ мало обращалось вниманія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому, при обозрѣніи академіи въ 1860 году московскій святитель имѣлъ великое утѣшеніе сообщить оберъ-прокурору синода что, „метафизическое ученіе о Богѣ и о мірѣ опытнымъ профессоромъ преподано основательно и съ истинами Божественнаго откровенія согласно и принято твердо. И въ преподаваніи прочихъ частей философскаго ученія усмотрѣна правильность и никакихъ несогласныхъ съ ученіемъ церкви мудрствованій не замѣчено... *Вообще состояніе академіи какъ учебное такъ и нравственное* представляло наблюденію виды утѣшительные и удовлетворительные. *Духъ кроткаго благочестія, благоговѣніе къ престолу помазанника Божія, сыновнаго послушанія власти церковной, взаимнаго мира и согласія, усердіе къ пользамъ службы одушевляющихъ начальниковъ*

и наставниковъ, получилъ соотвѣтственныя впечатлѣнія и въ студентахъ, которыхъ поведеніе и обращеніе показываютъ признаки сего добраго преемства" [1]). Таковъ живой примѣръ, взятый изъ дѣйствительной жизни и доказывающій, что при тщательномъ подборѣ знающихъ, преданныхъ дѣлу самоотверженныхъ православныхъ воспитателей юношества могутъ быть достигнуты тѣ отрадные, ободряющіе результаты, которые наблюдались въ московской духовной Академіи и въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX вѣка, отличавшихся шатаніемъ мысли нашихъ образованныхъ классовъ. Россія будетъ счастлива и будущность ея, какъ могучаго христіанскаго государства обезпечена, когда начальство свѣтскихъ нашихъ учебныхъ заведеній получитъ возможность сдѣлать такой-же отзывъ, который въ свое время о духовныхъ училищахъ высшаго типа дѣлалъ незабвенный труженикъ Святитель Филаретъ. Объ этомъ и нынѣ несомнѣнно молятъ Бога многіе родители современной учащейся молодежи всѣхъ возрастовъ. Представляя оберъ-прокурору списокъ кандидатовъ наставниковъ для ввѣренныхъ его попеченію духовныхъ училищъ, московскій владыка обращалъ особенное вниманіе на воспитательныя способности учащихъ и на ихъ нравственныя качества. Святитель московскій непрестанно требовалъ не только отъ учащихъ, но и вообще отъ всѣхъ служащихъ подъ его начальствомъ *твердаго православнаго исповѣданія,* въ которомъ онъ видѣлъ главную основу русскаго государства, коему подъ сѣнью самодержавія предназначено Провидѣніемъ внѣшнее охраненіе Церкви Христовой. Къ отчету по обозрѣнію духовной академіи митрополитъ прилагалъ личную характеристику всѣхъ служащихъ въ ней, останавливаясь на ихъ познаніяхъ, способностяхъ, образѣ мыслей, нравственности и усердіи [2]). Высокочтимый іерархъ имѣлъ въ 1860 году особый случай для выраженія своихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Случай представился, когда особый Кавказскій Комитетъ разрѣшилъ иновѣрнымъ миссіонерамъ обращать въ свое исповѣдываніе язычниковъ, подданныхъ русскаго Царя. Вотъ выписка изъ его офиціальной по тому поводу переписки: *„Во всѣ времена у всѣхъ народовъ господствующихъ государственная религія была, есть и будетъ скрѣпленіемъ, связью, цементомъ, такъ сказать, стихіей народности, языка, закона, нравовъ, правъ и обычаевъ. Гдѣ нарушалось единство религіи,*

[1]) Тамъ-же, томъ дополнительный, стр. 116. Обозрѣніе Духовной Академіи въ 1860 году.

[2]) Тамъ-же, стр. 117—119.

тамъ стихіи народныя разлагались, дробились, исчезали. Съ ними упадали правительства, разъединялись народы. Такъ съ лютеранствомъ латинсьая церковь (отпавшая отъ вселенской) утратила свою внутренную силу, держась по сей часъ внѣшними подставками, мірскою властью папъ, инквизиціею, іезуетизмомъ, индульгенціями, проклятіями съ Ватикана и тому подобнымъ, теряя милліоны своихъ сыновъ, увлеченныхъ бурнымъ потокомъ реформаціи, и стала вынуждена при всей нетерпимости своей терпѣть расколы... Наша Церковь, единая, истинная, апостольская церковь, всѣ прочія христіанскія и философскія вѣрованія признаетъ за расколъ и ересь. Свобода обращать отнынѣ въ Россіи не христіанскія племена въ то, или другое вѣроисповѣданіе, рушитъ основное ученіе православной, греко-россійской, восточной истино-Христовой Церкви; эта мѣра, не скажу терпимости, а безвѣрія и потрясенія государственныхъ и духовныхъ законовъ, правъ и обычаевъ упрочитъ, усилитъ и породитъ вновь расколы. Терпимость—не соглашеніе на всеобращенія, не признаніе ересей, а только отсутствіе гоненія, допущеніе иновѣрцамъ пребывать въ своей народной религіи, коснѣть въ заблужденіяхъ, доколѣ не озаритъ ихъ свѣтъ благодати, квакеръ-ли это, или еврей, гернгутеръ, или мусульманинъ, папежникъ, или язычникъ“ [1]). Теперь во время особенно развившихся въ Россіи всякихъ лжеученій, противныхъ Православію и Самодержавію, приведенныя здѣсь слова одного изъ величайшихъ русскихъ умовъ имѣютъ особенное значеніе; въ нихъ заключается полезнѣйшее для насъ предостереженіе. Шатаніе мыслей современной нашей интеллигенціи происходитъ въ значительной степени отъ того, что она почти вовсе не читаетъ священнаго писанія, которое у нашихъ предковъ составляло настольную книгу ежедневно читаемую въ свободное время, а это несомнѣнно поддерживало въ высшихъ классахъ духъ православія, нынѣ столько ослабѣвшій. Въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ подростающее поколѣніе, къ сожалѣнію, не пріобрѣтаетъ склонности къ чтенію священныхъ книгъ и большею частью своею не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній для отстаиванія православной вѣры. И потому каждый хитрый проповѣдникъ новой секты и и всякій раскольничій начетникъ легко пріобрѣтаютъ себѣ послѣдователей изъ числа отступниковъ отъ истинной Христовой вѣры. Невѣжество въ дѣлѣ религіи, а потому отсутствіе вѣры и твердыхъ нравственныхъ принциповъ—такова язва современнаго русскаго образованнаго общества. Отъ этой язвы

---

[1]) Тамъ-же, томъ IV стр. 557—558.

неусыпными стараніями митрополита московскаго Филарета и слѣдовавшими его примѣру другими іерархами православной Церкви, оберегались и понынѣ еще оберегаются воспитанники духовныхъ учебныхъ заведеній, среди коихъ отступничество отъ Православія составляетъ лишь единичныя явленія.

Митрополитъ Филаретъ предвидѣлъ развитіе сектантства нашихъ дней и въ 1866 году онъ утверждалъ, что „въ Россіи усилена способность и склонность перенимать чужое. Видятъ чужое, для себя новое, прельщаются; не останавливаются подумать, годится-ли это для насъ и какъ надежнѣе можетъ быть исполнено; поспѣшно приступаютъ къ дѣлу и производятъ только призракъ безъ содержанія, безъ силы и безъ плода“ [1]). Господствующій въ современномъ намъ образованномъ обществѣ матеріализмъ и всѣ гибельныя его послѣдствія происходятъ отъ недостаточнаго религіознаго воспитанія юношества въ свѣтскихъ школахъ и отъ неумѣнія нашей интеллигенціи согласовать философскія мудрствованія человѣческаго ума съ истинами Божественнаго откровенія, проникнуться которымъ мы можемъ не иначе какъ путемъ его изученія. Присяга вѣрноподданныхъ русскому государю требуетъ отъ насъ, православныхъ, такого же точнаго исполненія церковныхъ постановленій, какъ и предписаній учрежденій гражданскихъ. Неисполненіе государственныхъ законовъ является прямымъ послѣдствіемъ нарушенія законовъ Божіихъ. Отъ возстановленія религіознаго воспитанія въ школѣ и семьѣ слѣдуетъ ожидать нравственнаго возрожденія нашего общества и духовнаго его сближенія съ православнымъ народомъ, сохранившимъ свою вѣру, отъ которой его отвращаютъ всякіе лжеучители, свободная дѣятельность коихъ начинаетъ уже видимо развращать болѣе слабыхъ духовъ представителей нашего крестьянства въ нѣкоторыхъ уже отмѣченныхъ смутами мѣстностяхъ“. Поберегите академію (духовную). Поберегите жемчугъ святой истины, чтобы его неосторожно не уронили подъ ноги свиньямъ“ [2]), писалъ митрополитъ Филаретъ Св. синоду. Тоже слѣдуетъ сказать и о всемъ православномъ русскомъ народѣ, жемчужину вѣры котораго необходимо оберегать, какъ можно тщательнѣе.

III.

Твердо придерживаясь убѣжденія въ необходимости религіознаго образованія подростающаго поколѣнія, умъ котораго

[1]) Тамъ-же, томъ V стр. 809.
[2]) Тамъ-же, томъ IV стр. 512.

при этомъ оберегали-бы отъ буйства предъ Богомъ, Сотворившимъ все и вся, высокопреосвященный московскій владыка скорбѣлъ о томъ, что между тѣми, которые называютъ себя вѣрными, не мало такихъ, которые нуждаются въ ученіи оглашенныхъ, и къ большому прискорбію это встрѣчается между людьми, которые болѣе другихъ имѣютъ притязанія на просвѣщеніе. Вотъ что сказано въ благонамѣренной статьѣ о нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи (Журн. минист. народн. просвѣщенія 1860, декабр. стр. 186) *знаемъ, что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ*"[1]). Вѣра Христова не по враждѣ со знаніемъ (изучающимъ творенія Божія) и она „не въ союзѣ съ невѣжествомъ. Само священное писаніе миритъ вѣру съ знаніемъ. Одинъ и тотъ же апостолъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: вѣрою познаемъ, что вѣки устроены словомъ Божіимъ, такъ что изъ невидимаго произошло видимое (Евр. XI, 3) и въ другомъ: невидимое Его, вѣчная сила Его, и Божество отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что они безотвѣтны (Рим. I, 20). Что-же это какъ не знаніе?"[2]) Апостолъ Павелъ отличался большою ученостью, засвидѣтельствованною Шемономъ Фестомъ, царемъ Агриппой и всѣми его современниками. Святой Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, и другіе отцы Церкви тоже отличались своею ученостью и были выдающимися философами, соединяя въ себѣ вѣру Христову съ научными знаніями. Знаніе одностороннее и бываетъ безумно, если оно усваиваетъ себѣ только единичныя, частичныя проявленія силъ, красотъ и величія природы. Такое отрывочное знаніе не возвышается до понятія о томъ, что весь міръ съ его сложными законами и съ самымъ человѣкомъ, его наблюдающимъ, созданы глубокою мудростью и могуществомъ верховнаго существа, Богомъ силъ, благость, величіе и милость Котораго безконечны и любовь Котораго къ людямъ проявились въ сошедшемъ съ небесъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ, основавшемъ на землѣ Церковь, которую врата адовы не одолѣютъ. Еслибъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія начальство свѣтскихъ училищъ слѣдовало примѣру митрополита Филарета и также твердо проводило-бы въ сознаніе ввѣреннаго его попеченіямъ подростающаго поколѣнія Божественныя истины и воспитывало-бы ихъ въ духѣ Православія и Самодержавія, то мы предупредили-бы можетъ

---

[1]) Сб. мн. и отзыв. Филарета митр. Москов. и Колом. т. V ч. I с. 47.

[2]) Тамъ-же, стр. 48.

быть появленіе въ Россіи безпочвенной, иноземствующей интелли-
генціи и развитіе многихъ печальныхъ явленій современной на-
шей общественной и государственной жизни. На преподаваніе
въ среднихъ и высшихъ свѣтскихъ училищахъ богословія, с
давнихъ уже поръ не обращается достаточнаго вниманія. Об
этомъ профессоръ богословія въ С.-Петербургскомъ универси-
тетѣ І. Л. Янышевъ еще въ 1858 году представлялъ оберъ-
прокурору Св. Синода особую записку „о затрудненіяхъ, встрѣ-
чаемыхъ законоучителями въ университетѣ къ успѣшному пре-
подаванію богословскихъ наукъ". Затрудненія указанныя І. Л.
Янышевымъ таковы: „*во первыхъ* профессоръ богословія одинъ
изъ всѣхъ университетскихъ профессоровъ обязанъ читать
не спеціально одну какую нибудь науку, а вдругъ шесть
наукъ, а именно: богословіе догматическое, нравственное, цер-
ковную исторію, церковное законовѣденіе, логику и психоло-
гію съ присовокупленіемъ по возможности очерка исторіи фи-
лософіи, каковые предметы... въ С.-Петербургской Духовной
Академіи раздѣлены между восемью наиболѣе опытными про-
фессорами; *во вторыхъ* профессоръ богословія при многочислен-
ности преподаваемыхъ имъ наукъ, одинъ изъ всѣхъ прочихъ
профессоровъ университета почти лишенъ научныхъ пособій
и руководствъ для своихъ лекцій; *въ третьихъ* изъ лекцій по
всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ университетѣ, однѣ только
богословскія издавна положено начинать и оканчивать лишь
на первомъ самомъ младшемъ курсѣ. И только на четвертомъ
курсѣ юридическаго факультета читается еще церковное зако-
новѣденіе. Обстоятельство, какъ будто показывающее ученую
несостоятельность профессора богословія и явно противорѣ-
чащее цѣли преподаванія богословія въ университетѣ" [1]). К
этому слѣдуетъ добавить издавна заведенный порядокъ, по коему
изъ шести часовъ, въ теченіе которыхъ еженедѣльно въ универ-
ситетѣ читаются лекціи, для богословія были отводимы послѣ-
дніе часы, когда слушатели уже утомлены, и что денежное
вознагражденіе профессора богословія гораздо менѣе возна-
гражденія всѣхъ другихъ профессоровъ. Изъ этого несомнѣ-
нѣнно слѣдуетъ, что богословскія науки въ университетахъ
поставлены на самый заднiй планъ и вообще вытѣснены изъ
числа предметовъ и преподаванія, оставаясь только на самомъ
младшемъ курсѣ, какъ будто для соблюденія одной только фор-
мальности и для приличія. Когда въ высшихъ свѣтскихъ учеб-
ныхъ заведенія не считается крайне необходимымъ воспиты-
вать юношей въ духѣ Православія и вытекающихъ изъ онаго

[1]) Тамъ-же, томъ дополнительный, стр. 454.

Самодержавія и народности, то нельзя удивляться тому, что изъ нашихъ школъ выходитъ столько безпочвенныхъ космополитовъ. Въ дѣлѣ педагогіи такъ-же, какъ и во всякой иной отрасли человѣческаго труда, пожинается то, что сѣется. И теперь горькій опытъ уже указываетъ на неотложную необходимость поставить преподаваніе православныхъ богословскихъ наукъ въ университетахъ и въ гимназіяхъ на первый планъ, потому что безъ нихъ православіе, никѣмъ не изучаемое, должно быстро оскудѣвать среди образованныхъ классовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе люди, искуственно при томъ, обращаются въ космополитовъ. Въ университетахъ профессоръ богословія отчужденъ и униженъ относительно другихъ профессоровъ. Ни въ Англіи, ни въ иныхъ государствахъ Западной Европы богословскія науки, не находятся въ такомъ пренебреженіи какъ у насъ, въ православной Россіи, которой полезно въ этомъ случаѣ взять примѣръ хотя бы съ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ. Прочтя записку І. Л. Янышева, московскій владыка сдѣлалъ о ней слѣдующій отзывъ: „Дѣло о законоучителяхъ университетовъ требуетъ вниманія. Какъ на вьючное животное налагаютъ на законоучителя въ шестеро большее бремя, чѣмъ на другихъ профессоровъ, при недостаткѣ вспомогательныхъ средствъ и не даютъ удобнаго времени для уроковъ. Между тѣмъ взыскательно требуютъ одушевленія въ дѣлѣ, которое способно скорѣе убить жизнь законоучителя непомѣрнымъ трудомъ и скорбью отъ сознанія неудовлетворительности его, нежели одушевить другихъ“ [1]). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что студенты, юноши, вниманіе которыхъ не привлекается къ размышленію о высокихъ, облагораживающихъ душу религіозныхъ предметахъ, по свойственному ихъ возрасту легкомыслію и воспріимчивости, отдаляются отъ созерцанія величія Божія, погружаются въ матеріализмъ, требуемый отъ нихъ опытными науками, не освѣщенными философско-богословскими свѣдѣніями, черствѣютъ, отвлекаются отъ молитвы и благодати, а въ житейскихъ дѣлахъ отличаются скептицизмомъ, самолюбіемъ, гордостью и эгоизмомъ. Отъ этого спасаются только тѣ особенно даровитыя натуры, которыя способны съ раннихъ лѣтъ отличать истину и всецѣло ей отдаться. Для образованія души юношей и для выработки въ нихъ возвышенныхъ характеровъ съ свойствами мужества, твердости, честности и гуманности и для вселенія въ нихъ сознанія чувства благодарности и долга передъ Богомъ, Царемъ и роднымъ народомъ

1) Тамъ же, стр. 4!5

совершенно необходимо ежедневное ихъ упражненіе въ изученіи Священнаго Писанія, что не въ достаточной степени дѣлается въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще и въ университетахъ въ особенности. Высокочтимый святитель Филаретъ оставилъ намъ завѣтъ о томъ, чтобы мы пополнили этотъ пробѣлъ въ программахъ высшихъ учебныхъ заведеній и современныя обстоятельства, повидимому, уже вынуждаютъ насъ это сдѣлать. Сознаніе о Божествѣ живетъ въ зародышѣ въ душѣ каждаго человѣка, даже не получившаго религіознаго домашняго воспитанія, и развитіе этого сознанія и укрѣпленіе его составляетъ первѣйшій долгъ педагоговъ, одушевленныхъ желаніемъ принести пользу Отечеству и дать счастье ввѣреннымъ ихъ попеченію питомцамъ. Когда же учащимся дается камень вмѣсто хлѣба, они тогда оказываются весьма способными бросать этотъ камень обратно въ тѣхъ, отъ которыхъ онъ ими полученъ, и неспособными производить хлѣбъ и питать имъ нуждающихся. И нынѣ сомнѣніе въ религіозныхъ истинахъ, возвѣщенныхъ Духомъ Святымъ, высказывается и въ обществѣ и въ нашей печати, отчасти нашими-же педагогами. А этого быть не должно. Еще въ пятидесятыхъ годахъ Государь Императоръ Николай Павловичъ выразилъ желаніе, чтобы богословскія науки стояли въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ на первомъ планѣ, потому что *„Законъ Божій не можетъ быть уравненъ съ другими науками...* для воспріятія небесныхъ истинъ преподаватель долженъ прежде всего разогрѣть сердца юношей“ [1]). Желаніе мощнаго государя до сихъ еще поръ ждетъ выполненія. А до тѣхъ поръ отцы и матери и все наше общество тревожно наблюдаютъ за тѣми безпорядками и буйствами, которыми отъ времени до времени заявляетъ себя учащаяся молодежь въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Относительно же духовныхъ училищъ, руководимыхъ заботливою и отеческою любовью митрополита Филарета, онъ и послѣ 1860 года въ своихъ отчетахъ объ обозрѣніи Академіи повторяетъ съ благодарностью Богу и съ величайшимъ для себя утѣшеніемъ, что и нынѣ „состояніе учебной части въ академіи представляетъ тотъ же образъ благоустройства, какой усматривался въ предшествовавшемъ обозрѣніи. Богословскія науки первенствуютъ въ силѣ преподаванія и принятія... философія преподается безъ гордой независимости и мнимой самодовольности новѣйшихъ иностранныхъ философовъ, но въ сооруженіи здравыхъ началъ разума съ высшими истинами Откровенія,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 454.

при сознаніи недостаточности первыхъ безъ послѣднихъ. Нравственное состояніе академіи также представляетъ благопріятный видъ. Правильная и скромная, во взаимномъ согласіи, жизнь начальствующихъ и учащихъ и особенно старѣйшихъ подаетъ благородный примѣръ студентамъ, которыхъ поведеніе и слѣдуетъ такому направленію" [1]). Въ то же время товарищи воспитанниковъ духовной академіи, поступившіе въ число студентовъ университета, принимали въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX вѣка самое дѣятельное участіе въ его безпорядкахъ. Святитель московскій ясно видѣлъ, что при отсутствіи въ университетахъ нравственнаго и религіознаго воздѣйствія на студентовъ, предоставленныхъ самимъ себѣ и вліяніямъ на нихъ распространенной въ то время отрицательной литературы, въ храмъ науки вошло много учащихся не для пріобрѣтенія познаній, а съ другими, посторонними цѣлями, о чемъ великій іерархъ нашей церкви печалился въ слѣдующихъ словахъ: „Прежде шли учиться по долгу званія, по любви и благоговѣнію къ наукѣ и цѣлью имѣли успѣхъ; по превозглашеніи договоренныхъ наградъ и не призванные идутъ учиться, имѣя науку не цѣлью, но средствомъ, превращая ее въ дорогу, которую поспѣшно и небрежно попираютъ, чтобы дойти до блестящей награды, и которую вскорѣ оставляютъ позади себя" [2]). Тѣ демонстраціи и безпорядки студентовъ университета, на которые свѣтское начальство смотрѣло снисходительно, считались преступными для студентовъ духовной академіи, вовлекаемыхъ иногда въ производство такихъ безпорядковъ не въ Москвѣ, а въ другихъ городахъ. Въ 1861 году студентами казанскаго университета была заказана священнику Яхонтову панихида по убіеннымъ войсками въ селѣ Безднѣ мѣстнымъ обывателямъ, оказавшимъ сопротивленіе власти. Казанскіе студенты устроили эту панихиду при содѣйствіи профессора Щапова и на ней вмѣстѣ съ нѣсколькими стами университетской молодежи участвовало тридцать семь студентовъ казанской духовной академіи. Распоряженіемъ духовнаго начальства священникъ Яхонтовъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, бакалавръ Щаповъ лишенъ духовнаго званія и удаленъ изъ академіи, ректоръ духовной академіи смѣненъ; такъ же и инспекторъ оной, тридцать семь студентовъ академіи, присутствовавшіе на панихидѣ оштрафованы и по поведенію поставлены во второй разрядъ. Это было сдѣлано согласно мнѣнію

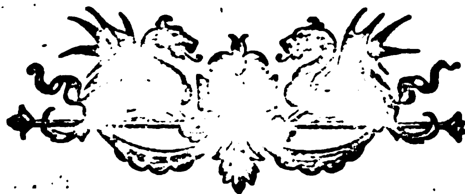
[1]) Тамъ-же, стр. 25.

[2]) Тамъ-же, томъ Ш, стр. 571.

митрополита Филарета, который послѣ того писалъ: „Невольно рождается вопросъ, какъ согласить то, что по дѣлу, за которое студенты академіи подвергнуты отвѣтственности, виновниками открыто объявляютъ себя студенты университета и остаются безъ всякой отвѣтственности? Посему духовному вѣдомству принадлежитъ не сужденіе, а только удивленіе“ [1]). Изъ этого видна та разница, въ направленіяхъ, которыхъ придерживалось духовное начальство въ дѣлѣ воспитанія и которыми руководилось свѣтское начальство XIX вѣка, одинаково обязанныя пещись о нравственномъ, патріотическомъ и умственномъ развитіи молодого поколѣнія. Дай Богъ, чтобы приведенные примѣры послужили въ пользу нашему тоже тревожному времени, трудящемуся надъ разрѣшеніемъ школьнаго вопроса.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Иванъ Кашкаровъ.

[1]) Тамъ-же, томъ V, часть I, стр. 95—108.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЪ.

Петербургское Русское Собраніе.

19 марта 1904 г. Д. Ф. Мертваго сообщилъ о военно-морскихъ планахъ Японіи. Докладчикъ выяснялъ, что японцы во всемъ стараются подражать сѣверо-американцамъ и высказалъ, что исторія Миссисипи, въ примѣненіи къ настоящей войнѣ, должна повториться такимъ образомъ: основываясь на достигнутомъ господствѣ надъ моремъ, въ концѣ апрѣля 1904 г. японцы предполагаютъ овладѣть Николаевскомъ на Амурѣ, лежащимъ въ 50 верстахъ отъ устья рѣки и открыть свободный входъ японскимъ военнымъ судамъ въ морскую оконечность рѣкъ амурскаго бассейна, причемъ въ руки японцевъ, по ихъ вожделѣннымъ разсчетамъ, перейдетъ какъ дальнѣйшее свободное плаваніе по Амуру, такъ и владѣніе желѣзной дорогой во Владивостокъ. По овладѣніи крѣпостью Хабаровскъ, или по ея обходѣ рѣчнымъ путемъ, японцы предполагаютъ, что какъ устье, такъ и все теченіе рѣкъ Амура и Сунгари жутся въ ихъ рукахъ, причемъ надѣются отрѣзать русскія силы, оперирующія на полуостровахъ: Квантунскомъ и Корейскомъ, отъ ихъ продовольственной и снабжающей боевыми запасами базы, отъ страны западнѣе Байкала. Намъ—русскимъ—необходимо укрѣпить возможно большее число пунктовъ ниже Хабаровска, самый Хабаровскъ, устье Уссури, нѣсколько мѣстъ по теченію этой рѣки. На Амурѣ, на Уссури, на Сунгари необходимо создать флотиліи. Благовѣщенскъ долженъ сдѣлаться морскимъ военнымъ портомъ съ верфями внутри. Докладъ былъ иллюстрированъ посредствомъ проэкціоннаго фонаря. Когда па экранѣ появилось изображеніе „Варяга", докладчикъ продекламировалъ стихотвореніе, посвященное судну. По окончаніи доклада, князь Волконскій, предсѣдательствовавшій въ собраніи, прочелъ стихотвореніе собственнаго сочиненія. Смыслъ его тотъ, что „политика Того, все-жъ покамѣстъ не того" и

что Портъ-Артуръ только въ мечтаніяхъ доступенъ Японіи. Докладчика и поэта благодарили дружными аплодисментами.

2 апрѣля, послѣ вступительной рѣчи предсѣдательствовавшаго въ Собраніи члена совѣта В. М. Пуришкевича, касавшейся главнымъ образомъ огромнаго значенія Великаго Сибирскаго пути въ возникшей войнѣ съ Японіей и извѣстныхъ послѣднихъ тяжелыхъ для насъ испытаній въ той же, войнѣ *П. Я. Пясецкій показывалъ,* съ подробными объясненіями, переполнившимъ залъ членамъ Собранія съ ихъ семьями, *свою новую панораму изъ поѣздки на Дальній Востокъ,* при чемъ дольше всего остановился на Портъ-Артурѣ, давая характерное выясненіе мѣстности въ соотвѣтствіи съ дѣйствіями находящагося тамъ русскаго и нападающаго японскаго флотовъ. Затѣмъ, по движущейся и ярко освѣщенной панорамѣ, подробно объяснялъ переправу черезъ Байкалъ на ледоколѣ; далѣе показывалъ главнѣйшіе виды мѣстностей и станцій по Манчжурской желѣзной дорогѣ, города Харбинъ, Цицикаръ, Владивостокъ, Дальній, Мукденъ и наконецъ виды Японіи съ главнѣйшими ея городами и наиболѣе живописныя ея мѣста. Присутствующіе съ интересомъ слѣдили за сообщеніемъ и, по окончаніи, дружными и шумными аплодисментами благодарили лектора.

7 апрѣля, членъ совѣта Собранія, директоръ департаментъ по дѣламъ дворянства *Н. Л. Мордвиновъ сдѣлалъ сообщеніе о Китаѣ.* Обосновалъ онъ докладъ главнымъ образомъ на посѣщеніи своемъ довольно обширной западной части Китая и на вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ. Предпославъ краткій историческій очеркъ китайской имперіи, докладчикъ подробнѣе остановился на послѣднемъ времени, касаясь общаго положенія дѣлъ; говорилъ о тенденціяхъ, о политикѣ ярыхъ приверженцевъ старины; о слабыхъ попыткахъ введенія нѣкотораго прогресса; о китайскихъ взглядахъ на европейцевъ; о дѣйствіяхъ европейцевъ, возбуждавшихъ въ особенно закоренѣлыхъ китайцахъ недоброжелательное и даже явно враждебное настроеніе; о болѣе дружелюбномъ расположеніи къ русскимъ, въ особенности въ западной части; о военномъ строѣ и плохомъ состояніи войска; о тайныхъ обществахъ; о торговлѣ; о хунгузахъ, въ составъ которыхъ уходитъ недовольное и зачастую болѣе энергичное населеніе; о томъ, цѣлесообразнѣе ли менѣе намъ вмѣшиваться въ китайскія дѣла, или напротивъ преслѣдовать нужно цѣли болѣе обширной и дѣятельной опеки, главнѣйше въ западной части, т. е. въ Монголіи и въ Манчжуріи; говорилъ о сильномъ угнетеніи народа мандар-

нами, дзянь-дзюнями и всѣмъ мѣстнымъ правящимъ классомъ, и вообще о полномъ порабощеніи личности въ пользу государственности, при чемъ въ параллель были приведены функціонирующія на Западѣ Европы тенденціи усиленія вліянія личности въ ущербъ государственности и наконецъ выяснялъ русскую золотую середину въ данномъ отношеніи, опирающуюся на извѣстное изрѣченіе: „Божіе Богови и Кесарево Кесареви". Докладъ вызвалъ продолжительный и оживленный обмѣнъ мнѣній. Предсѣдательствовавшій въ засѣданіи товарищъ предсѣдателя совѣта ген.-лейт. А. М. Золотаревъ, въ дополненіе доклада, довольно рельефно очертилъ, по большой картѣ, пространство всего западнаго, до великой стѣны, Китая; сообщилъ о составѣ населенія и объ его племенныхъ разновидностяхъ, о занятіяхъ; привелъ имѣющіяся въ литературѣ данныя о тяготѣніи къ русскимъ значительной части населенія въ Монголіи и Манжуріи, о наиболѣе удобныхъ военныхъ путяхъ для прохода войскъ; о томъ, какія части западнаго Китая представляютъ изъ себя наиболѣе здоровую и зажиточную мѣстность, тяготѣющую при томъ къ Россіи; далѣе, по вопросу о состояніи китайскихъ войскъ привелъ бывшій въ восьмидесятыхъ годахъ, въ присутствіи высшихъ военныхъ сферъ, горячій споръ между извѣстнымъ путешественникомъ по Китаю Пржевальскимъ, доказывавшимъ не только военное неблагоустройство, но и неспособность китайцевъ къ военнымъ дѣламъ, и бывшимъ тогдашнимъ забайкальскимъ генералъ-губернаторомъ, приводившимъ провѣренныя имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣдѣнія, что китайское войско далеко не плохо, и что русскимъ пришлось бы сильно считаться съ нимъ, въ случаѣ военныхъ мѣстныхъ осложненій; наконецъ, подробно останавливался на вопросѣ: что было бы выгоднѣе для насъ въ настоящее время по отношенію къ Китаю съ государственной точки зрѣнія?

16 апрѣля, княземъ М. Н. Волконскимъ сдѣлано было сообщеніе о его недавней поѣздкѣ на Дальній Востокъ. Во время своего путешествія докладчику пришлось довольно продолжительное время побывать въ портовомъ мѣстечкѣ Коломбо, городахъ Сингапурѣ, Гонконгѣ и Владивостокѣ. Наряду съ живыми очерками географическаго положенія и природы мѣстностей, князь Волконскій сообщилъ много любопытнаго о нравахъ и обычаяхъ туземнаго населенія и объ отношеніи его къ англичанамъ и къ русскимъ. На островѣ Цейлонѣ докладчику пришлось услышать нѣсколько легендъ, касающихся, между прочимъ, того, что наступитъ нѣкогда на островѣ господство „бѣлыхъ" съ сѣвера. Въ Сингапурѣ князь Волконскій

видѣлъ владѣтельнаго малайскаго князя, „флотъ“ котораго буквально состоитъ изъ трехъ небольшихъ катеровъ. Путешественникъ вынесъ отличное впечатлѣніе о твердыняхъ Владивостока и пораженъ былъ весьма живописной, особенно въ весеннее и лѣтнее время, около него, мѣстностью.

Юбилей князя Дм. П. Голицына-Муравлина. 14 апрѣля исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности кн. Дм. П. Голицына-Муравлина (род. 6 дек. 1860 г.). Но въ стѣнахъ Русскаго Собранія, лишь 18-го апрѣля, чествовался 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности предсѣдателя совѣта Собранія князя Д. П. Голицына (Муравлина). Къ двумъ часамъ дня наполнились до тѣсноты залы. Собралось много членовъ и гостей, знакомыхъ и почитателей таланта князя. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: сенаторъ Смирновъ, сенаторъ Гасманъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Мамантовъ, директоръ департамента Рахмановъ, вице-директоры Дебольскій и Вестманъ, попечитель оренбургскаго учебнаго округа Заіончковскій, главный редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“ Кулаковскій, генералы Демьяненковъ, Золотаревъ, графъ Гейденъ, Бородкинъ, членъ совѣта М. Н. П. проф. Будиловичъ, членъ ученаго комитета Ковалевскій, шталмейстеръ Саломонъ, князь Волконскій. При входѣ князя Д. П. съ супругою въ залъ началось молебствіе; оно закончилось Царскимъ многолѣтіемъ и многолѣтіемъ князю. Княгинѣ отъ совѣта Русскаго Собранія поднесенъ роскошный букетъ. На эстрадѣ заняли мѣста члены совѣта. А. М. Золотаревъ прочиталъ постановленіе совѣта и адресъ отъ „Русскаго Собранія“. Совѣтъ собранія постановилъ украсить залъ портретомъ своего предсѣдателя (большой фотографическій портретъ уже висѣлъ на стѣнѣ).

Передавая адресъ въ видѣ старинной русской грамоты съ золотою печатью на золотомъ шнурѣ, покрытый сотнями подписей, А. М. Золотаревъ высказалъ, что онъ безконечно счастливъ передать князю адресъ и рѣшеніе совѣта, тѣмъ болѣе, что убѣжденъ, что чувства уваженія, любви и преданности къ юбиляру безусловно и всецѣло раздѣляются всѣми присутствующими безъ исключенія. Рукоплесканія всего зала покрыли эти слова. Хоръ исполнилъ „Славу“. Затѣмъ послѣдовали привѣтствія. Прочтена была телеграмма отъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Привѣтствовали юбиляра отъ министерства сослуживцы князя, Императорскій Александровскій лицей (директоръ шталмейстеръ Саломонъ съ тремя депутатами лицеистами). Въ адресѣ лицей съ удовол

ствіемъ вспоминаетъ, что первыя, напечатанныя стихотворенія князя были написаны на лицейской скамьѣ. Поднесены адреса: отъ журнала „Русскій Вѣстникъ“ (гг. Тепловъ и Короленко) (адресъ выгравированъ на серебряной доскѣ и заключенъ въ бюваръ, верхняя серебряная доска котораго соотвѣтствуетъ обложкѣ журнала); газеты „Свѣтъ“ (гг. Стечькинъ и Комаровъ), Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія (свящ. Лахостскій и графъ Н. Ф. Гейденъ). О. Лахостскій произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что и духовное общество имѣетъ связь съ юбиляромъ, какъ свѣтскимъ писателемъ, провозвѣстникомъ идей исконной вѣрности православнымъ русскимъ началамъ. Ораторъ благодарилъ князя за то, что онъ, какъ предсѣдатель Русскаго Собранія, пригрѣлъ въ его стѣнахъ золотую, лучшую часть нашей учащейся молодежи. „Говорю, лучшую, потому что только лучшая часть можетъ питаться духовно идеями этихъ русскихъ началъ; соединяйте молодежь около того знамени, которому служите, и она откликнется на всѣ добрые завѣты всѣмъ сердцемъ и дѣломъ, какъ только способна пылкая отзывчивая юность. Да поможетъ Вамъ Богъ“. Затѣмъ привѣтствовали: комитетъ общества грамотности (гг. Мамонтовъ, Филоновъ, Ковалевскій), московское славянское общество (г. Военскій), Русское Галицкое братство, виленскій союзъ, члены Виленскаго отдѣла Русскаго собранія, „Виленскій Вѣстникъ“ (редакторъ г. Чумиковъ), русскій кружокъ въ Варшавѣ, педагогическій совѣтъ Аккерманской гимназіи (въ Бессарабіи) и группа студентовъ С.-Петербургскаго университета. Затѣмъ прочитаны телеграммы: изъ Цетинье отъ митрополита черногорскаго Митрофана, отъ редакцій: „Новаго Времени“, „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“, „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Историческаго Вѣстника“, отъ литераторовъ: П. И. Вейнберга, Морозова, Мердеръ, Меньшикова, Плещеева, Тихонова, Карпова, отъ художниковъ: Рѣпина. Каразина, Соломко и др., отъ артистовъ— М. Г. Савиной и др., отъ совѣта общества историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III, московскаго публичнаго Румянцевскаго музея, Русскаго театральнаго общества, Харьковскаго отдѣла Русскаго собранія, учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ, отъ Новороссійскаго университета; изъ за границы: Общества русскихъ журналистовъ во Львовѣ и отъ видныхъ славянскихъ дѣятелей и журналистовъ. Членъ совѣта князь Волконскій передалъ юбиляру еще цѣлую кипу телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи. Всемъ чтеніямъ апплодировали. Вездѣ въ нихъ вспоминались заслуги князя въ литературѣ, приводись характерныя цитаты

изъ его „Сна Услады“, и выражались благопожеланія. На привѣтствія князь Д. П. отвѣчалъ: „Если бы я хотѣлъ выразить всѣмъ свою благодарность, я бы не справился съ этою задачею. Я не могу высказать того, что я чувствую; 25 лѣтъ труда привели меня къ такимъ минутамъ, ради которыхъ стоило трудиться. Вполнѣ сознавая, что многими, всѣми допущены преувеличенія,—я сознаю это,—я вижу въ этомъ работу сердца моихъ друзей. Намъ, русскимъ людямъ, всѣмъ нужны друзья, не иноземные, но свои родные, близкіе, нужны во всей нашей жизни, особенно теперь. Что бы ни говорили, что бы ни дѣлали мы, но наши мысли не здѣсь, а тамъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ бурная ночь войны озаряется проблесками русской доблести во славу родной земли, во славу Государя“. Тутъ всѣ поднялись и хоръ спѣлъ „Боже Царя храни“. Три раза повторили гимнъ и залъ огласился криками „ура“. Въ заключеніе юбиляръ выразилъ благодарность всѣмъ присутствовавшимъ и собравшимся за сердечныя отношенія къ нему. Долгими рукоплесканіями отвѣчало ему собраніе.

Въ 6 часовъ состоялся обѣдъ. Обѣдало человѣкъ до 200. Князя съ супругою встрѣтили аплодисментами. За обѣдомъ первый тостъ за Государя возгласилъ статсъ-секретарь Галкинъ-Враскій. Музыка исполнила три раза гимнъ. Затѣмъ членъ Совѣта Русскаго собранія, генералъ Бородкинъ, въ прочувствованной рѣчи провозгласилъ здравицу за князя, какъ носителя русскихъ идей въ литературѣ, который не гонялся за популярностью, а боролся „съ вавилонянами“, какимъ словомъ охарактеризовалъ онъ антирусское направленіе. Было высказано до двадцати рѣчей.

Приводимъ красивую рѣчь, произнесенную М. М. Бородкинымъ: „Помните, князь Дмитрій Петровичъ, то славное время, когда вы спокойно заняты были своей *„Поэзіей“*, когда ходили съ мыслями о *„Любви“* и, сидя у *„Синя моря“*, любовались прекрасной природой. Хорошо тогда вамъ было, спокойно, привольно... Вы наслаждались творческой работой, публика читала ваши романы, критика хвалила ихъ. Затѣмъ настало для васъ болѣе тревожное время. Что же случилось? Чѣмъ вызвана была такая перемѣна? Краски въ вашихъ описаніяхъ сохранили прежнюю свѣжесть. Вы остались тѣмъ же психологомъ, какъ были. Темы вашихъ послѣднихъ произведеній столь же разнообразны, какъ и раньше. Ваша опытность возросла, талантъ созрѣлъ и окрѣпъ. И тѣмъ не менѣе гдѣ-то и что-то измѣнилось... Критика чаще принялась ставить свое глубокомысленное „но“...

Оказывается, что вы провинились въ томъ, что въ последнихъ произведеніяхъ все чаще и чаще начали подчеркивать слово русскій—русскія идеи, русскія національныя требованія и т. п.—и въ то же время все крѣпче принялись связывать славянство съ Россіей.

Роковымъ же для васъ словомъ явились „вавилоняне". „Вавилоняне мы, вавилоняне эпохи смѣшенія языковъ, забывшіе откуда и съ кѣмъ мы пришли; забывшіе, куда намъ слѣдуетъ идти. Своихъ мы считаемъ чужими, а у пришлецовъ охотно заимствуемъ идеалы"... Такъ, примѣрно, вы опредѣлили вавилонянъ нашихъ дней.—„Вавилоняне"—вотъ то новое зеркало. которое вы поставили передъ обществомъ и въ которомъ многіе узнали себя. „Вавилоняне"—это та стрѣла, пущенная вами, которая наиболѣе ранила...

А этихъ „вавилонянъ" у насъ оказались милліоны, т. е. такихъ людей, которые нерѣдко предпочитаютъ выражать свои задушевныя „русскія" мысли и чувства на иностранныхъ языкахъ, которые не понимаютъ другъ друга и не имѣютъ общихъ національныхъ и идейныхъ интересовъ. Вы говорите, что у нашихъ вавилонянъ языкъ русскій, что по метрикѣ или по послужному списку, они православные, но кровь у нихъ не русская, душа не русская.

И въ этихъ-то вавилонянахъ вы совершенно справедливо усмотрѣли нашихъ главныхъ внутреннихъ враговъ.

Вавилоняне не остались у васъ въ долгу и стали проявлять то нерасположеніе, которое вы нерѣдко чувствуете теперь, какъ писатель и какъ предсѣдатель „Русскаго Собранія".

Но съ того дня, какъ они обнаружили свои недружелюбныя чувства, вы, князь, сдѣлались для насъ, истинно-русскихъ людей, еще болѣе дорогимъ, еще болѣе симпатичнымъ. Имъ—вавилонянамъ, претитъ все русское національное, мы-же безъ этого начала, какъ безъ воздуха, существовать не можемъ. Они вдохновляются и живутъ Европой. Мы высоко чтимъ Западъ, но любимъ свою родину...

Вы указываете на опасность, грозящую Россіи отъ цѣпкаго паразита-вавилонянина... Онъ въ состояніи вызвать процессъ разложенія въ крѣпкомъ организмѣ нашего государства. Вы правы. Надвигающаяся невзгода космополитизма и нашествіе вавилонянъ побудили уже русскихъ людей учредить „Русское Собраніе" для борьбы съ этими внутренними врагами. Вавилоняне остались, конечно, недовольны появленіемъ „Русскаго Собранія" и причислили его членовъ къ „якобинцамъ"(!). Пусть причисляютъ. Наше рвеніе къ борьбѣ съ ними отъ этого

не остынетъ и знайте, князь, что въ этой борьбѣ мы всегд
съ вами и за вами.

Въ день вашего юбилея я не знаю лучшаго пожелані
какъ одолѣнія этихъ вавилонянъ. Это врагъ стойкій и упор
ный. Въ періоды грозы, разражающейся надъ нашимъ отече
ствомъ, онъ не опасенъ. Какъ въ настоящее время, напр
когда русскій богатырь очнулся, выпрямился, встряхнулся, ва
вилонянинъ притихъ и притаился. Но въ обыкновенное врем
когда Россія тихо идетъ по мирной колеѣ, беззастѣнчивый ва
вилонянинъ становится поперекъ дороги, дерзко проталкивается
впередъ и вызывающе разсаживается на первомъ мѣстѣ. Тут
русскій человѣкъ, не обладающій извѣстнымъ закаломъ и вы
держкой, уступаетъ вавилонянину и сторонится. Высшимъ ва
шимъ торжествомъ и тріумфомъ „Русскаго Собранія"—о чем
теперь можно лишь мечтать, какъ объ идеалѣ,—явилось-б
избавленіе Россіи отъ „плѣна вавилонскаго".

Этого успѣха и пожелаемъ, господа, автору романа „Ва
вилонянъ" и нашему многоуважаемому предсѣдателю, княз
Дмитрію Петровичу Голицыну. Ура!..."

Кромѣ М. М. Бородкина говорили г г. Кулаковскій, Бал
шевъ, Леонтьевъ, Короленко и др. Были стихи и проза. Г. Ми
хайловъ-Стоянъ сказалъ рѣчь и пропѣлъ здравицу князю стих
творнымъ древне русскимъ складомъ. За трапезой была прочита
телеграмма изъ Цетинье отъ князя Черногорскаго. „По пово
25-лѣтія вашего литературнаго труда, въ которомъ высъ любов
коснулись и этого славянскаго края, гдѣ питаютъ живѣйш
чувства братства и искренней признательности къ Царю
великому вашему отечеству, прошу принять мои сердечн
поздравленія и пожеланія еще долго распространять посре
ствомъ литературы ваши благородныя мысли. Князь Черн
горскій Николай".

Юбиляръ съ своей стороны, благодаря за привѣтств
поднялъ бокалъ за русскихъ писателей, будящихъ словомъ р
дину. Оркестръ л. гв. Измайловскаго полка исполнилъ во вре
обѣда 6 піесъ изъ русскихъ оперъ. Послѣ обѣда импрови
вался дивертисментъ изъ любителей.

*По почину Русскаго Собранія, въ день столѣтней год
щины со дня рожденія Алексѣя Степановича Хомякова,* 1 м
были совершены архіерейская литургія и панихида въ хра
общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣ
нія въ духѣ православной церкви, съ участіемъ хора Ша
хина мужскихъ и женскихъ голосовъ. Преосвященный Ан
нинъ, викарій Петербургскій, и доцентъ духовной акаде

іеромонахъ Михаилъ сказали каждый прочувствованное слово, характеризуя Хомякова какъ истиннаго сына православной церкви.

2 мая была отслужена въ Русскомъ Собраніи панихида протоіереемъ Ф. Н. Орнатскимъ, при участіи хора Шатохина, *по А. С. Хомяковѣ*, при чемъ о. Орнатскій произнесъ слово, характеризуя Хомякова какъ лицо, по выраженію Самарина, „жившее въ церкви", одушевленное истинно русскими началами и вполнѣ достойное для подражанія въ ученіи и въ жизни. Затѣмъ въ большомъ залѣ Павловой состоялось торжественное засѣданіе членовъ Русскаго Собранія и гостей, на которомъ, между прочимъ, присутствовали: Сербскій посланникъ Новаковичъ съ супругою, много членовъ славянскаго благотворительнаго общества, нѣсколько профессоровъ духовной академіи, совѣтъ Собранія, нѣсколько студентовъ университета, входящихъ въ составъ „христіанскаго содружества", много дамъ. Предсѣдательствующій въ засѣданіи А. В. Васильевъ сообщилъ, что Дмитрій Алексѣевичъ Хомяковъ, на приглашеніе въ засѣданіе отвѣтилъ, что ему въ этотъ день необходимо быть въ Москвѣ на чествованіи памяти А. С. Хомякова. Тульскій предводитель дворянства, въ телеграммѣ на имя предсѣдателя совѣта Русскаго Собранія, высказалъ, что, чествуя память великаго и славнаго русскаго дѣятеля А. С. Хомякова, дворянство шлетъ привѣтъ Русскому Собранію—поборнику его завѣтовъ. Далѣе Кіевскій профессоръ В. С. Завитневичъ, въ обширной, продолжавшейся часъ, рѣчи, сообщилъ данныя о семьѣ А. С. Хомякова, о его воспитаніи, о прекрасномъ знаніи языковъ; обрисовалъ первыя стихотворенія Хомякова, юношескія и послѣдующія, гдѣ видно сознаніе себя, какъ русскаго народника; обрисовалъ жизнь А. С. Хомякова, какъ помѣщика, поднявшаго вопросъ еще въ тридцатомъ году о необходимости освобожденія крестьянъ съ землею; выяснилъ, какъ А. С. Хомяковъ выступилъ въ защиту русскаго народнаго быта, въ защиту общины; охарактеризовалъ записки А. С. Хомякова по всемірной исторіи и въ особенности подробно церковно-историческія его и богословскія воззрѣнія. А. В. Васильевъ остановился на славянофильствѣ А. С. Хомякова, на отношеніи послѣдняго къ славянамъ и любви къ нимъ. Въ заключеніе говорилъ о Хомяковѣ по воспоминаніямъ нѣсколькихъ русскихъ людей Н. П. Аксаковъ, сообщившій интересные случаи изъ жизни Хомякова.

4 мая, въ помѣщеніи Русскаго Собранія состоялся музыкально-литературный вечеръ, посвященный памяти Алексѣя

Степановича Хомякова. Вступительное слово объ этомъ великомъ русскомъ писателѣ сказалъ А. В. Васильевъ; свое краткое сообщенiе онъ заключилъ замѣчанiемъ, что А. С. Хомяковъ любилъ искусство, русскую пѣсню, въ силу чего этотъ вечеръ и рѣшено удѣлить музыкальному исполненiю. Програмна заключала въ себѣ произведенiя нашихъ отечественныхъ авторовъ, въ которой приняли участiе: К. И. Михайловъ-Стоянъ, Д. Андреевъ (арфа), А. С. Ермоловъ, А. А. Ляровъ. Первое отдѣленiе закончилось пѣнiемъ хора пѣвчихъ Шатохина, исполнившаго нѣсколько русскихъ пѣсенъ. Наибольшiй успѣхъ выпалъ на долю великорусскаго оркестра В. В. Андреева. Вечеръ закончился народнымъ гимномъ „Боже Царя храни", исполненнымъ хоромъ Шатохина при единодушныхъ крикахъ „Ура". Въ Русскомъ Собранiи присутствовали и нѣкоторые родственники незабвеннаго А. С. Хомякова, прекрасный портретъ котораго былъ помѣщенъ въ залѣ у эстрады.

21 мая въ назначенномъ общемъ собранiи было доложено, что предсѣдатель совѣта Русскаго Собранiя кн. Д. П. Голицынъ, отъ завѣдывающаго канцелярiею Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, секретаря Ея Величества и управляющаго дѣлами Августѣйшихъ дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ, графа Я. Н. Ростовцева получилъ письмо съ сообщенiемъ о томъ, что Ея Величество Государыня Императрица Александра Өеодоровна, освѣдомившись о пожертвованiи членами Русскаго Собранiя въ пользу воиновъ на Дальнемъ Востокѣ бѣлья, обуви, теплыхъ вещей и иныхъ разныхъ продуктовъ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволила благодарить отъ имени Ея Величества за пожертвованiе.

Это сообщенiе о благодарности Ея Величества было радостно принято собранiемъ восторженными апплодисментами и криками „ура", огласившими залъ Русскаго Собранiя.

Въ Русскомъ Собранiи 1 iюня состоялось общее собранiе членовъ, въ которомъ избрано 50 новыхъ лицъ, въ томъ числѣ сенаторъ В. И. Мерцаловъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенiя графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ, проф. прот. С. А. Соллертинскiй, инспекторъ сельскаго хозяйства И. И. Мещерскiй, артистъ Императорской оперы К. Т. Серебряковъ и др. Въ настоящее время всѣхъ членовъ состоитъ 1800.

17 iюля, въ помѣщенiи Русскаго Собранiя, протоiереемъ Владимiрской церкви, при хорѣ пѣвчихъ, *отслужена была панихида по скончавшемся министрѣ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве.* На панихидѣ присутствовали генералы Н. Л. Мордвиновъ и А. М. Золотаревъ, баронъ Тизенгаузенъ, баронесса Е. А

Тизенгаузенъ, редакторъ „Правительственнаго Вѣстника" П. А. Кулаковскій, баронъ М. Ф. Таубе, Е. А. Максимовъ, Г. Воскресенскій и многіе другіе. При пѣніи „вѣчная память" всѣ присутствовавшіе опустились на колѣни.

Генераломъ А. М. Золотаревымъ и Н. Л. Мордвиновымъ *возложенъ на гробъ В. К. Плеве серебряный вѣнокъ* съ надписью на лентахъ: „Стойкому борцу за исконныя русскія начала". „Отъ Русскаго Собранія".

Въ залахъ Русскаго Собранія устраивается обширный этнографическій музей. Основаніемъ для него послужили вещи и предметы изъ музея извѣстнаго любителя этнографіи умершаго чеха Іезберы, пріобрѣтенные Собраніемъ за 1000 рублей. особенно богатъ и разнообразенъ русскій инородческій отдѣлъ, въ которомъ находятся коллекціи одѣяній, обуви, головныхъ уборовъ, музыкальныхъ инструментовъ, моделей храмовъ, памятниковъ, разнаго рода построекъ и предметовъ сельскаго обихода. Обращаютъ также на себя вниманіе коллекціи горныхъ уральскихъ породъ, нумизматики и женскихъ украшеній. Въ новомъ музеѣ есть достаточное количество старинныхъ, весьма цѣнныхъ рукописей, такъ называемыя „бирки"—прототипы русской грамотности, ноты—„куранты" временъ Петра Великаго и т. п. Ближайшее завѣдываніе вновь устраиваемымъ музеемъ лежитъ на Е. К. Яковлевѣ и А. Н. Колюбакинѣ.

В. Стѣлковъ.

Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія [1]).

Прочитанный 16 апрѣля П. П. Оленичемъ-Гнененко докладъ „*о причинахъ успѣха Максима Горькаго*" вызвалъ очень продолжительное и живое обсужденіе. По мнѣнію докладчика, первая причина успѣха Горькаго заключается въ его правдивости: Горькій подарилъ человѣку, лишенному возможности наслаждаться красотами природы,—живое ея изображеніе и показалъ намъ страждущую душу человѣка-бѣдняка, босяка. „Горькій не могъ не писать правды: онъ писалъ только то, что самъ перенесъ или наблюдалъ, вращаясь между своими героями. Вырвавшись изъ болота благодаря своему таланту, онъ рѣшилъ показать людямъ ту грязь, которая чуть-чуть не засосала его, чтобъ всѣ знали, что и на днѣ есть люди, чтобъ ихъ пожалѣли, чтобъ имъ помогли. Вотъ цѣль его произведеній... И его поняли всѣ любящіе страждущее человѣчество и

---

[1]) См. Мирный Трудъ № 7.

полюбили за состраданіе къ отверженнымъ и униженны
Въ этомъ кроется вторая и самая важная причина его успѣх
Третья заключается въ томъ отвѣтѣ на запросы современ
ковъ, какой даетъ М. Горькій, подобно Марлинскому, изоб
зившему героевъ-горцевъ,—если хотите, босяковъ Кавказа,
царями-идеалистами". Наша молодежь, въ лицѣ героевъ Го
каго увидала новыхъ людей, страдающихъ за чужіе грѣ
повѣрила, что такіе люди дѣйствительно есть, хотя имъ вмѣ
подлинной ихъ души онъ показалъ свою собственную, ду
интеллигентнаго бродяги, познакомившагося съ многими сов
менными теоріями. М. Горькій сдѣлался какъ и Марлинс
героемъ минуты и его ждетъ участь Марлинскаго, если
не создастъ что либо болѣе талантливое и разностороні
что будетъ читаться съ интересомъ и черезъ десятки лѣ
Только тогда онъ, быть можетъ, сравняется съ Гоголемъ, Т
геневымъ и Толстымъ, которые разнообразны, какъ разн
разна и сама природа. У Максима же Горькаго всѣ его ге
по внутреннему строю напоминаютъ одинъ другого, какъ сап
пошитые на одну колодку. Но это утомительное однообр
босяковъ, разсуждающихъ все о томъ же, замѣтно тѣмъ,
перечиталъ всѣ его произведенія. Большинство читаетъ л
отдѣльные разсказы, а „Челкашъ", „Дружки", „Бывшіе лю
„Проходимецъ", „Двадцать шесть и одна", это такіе разск
что каждый изъ нихъ въ отдѣльности стоитъ много дор
многотомнаго романа; на каждой страницѣ этихъ разсказ
больше поэзіи, чѣмъ въ иномъ объемистомъ сочиненіи". В
четвертая причина его успѣха. „Недалекое будущее покаж
сумѣетъ ли нашъ писатель-поэтъ занять мѣсто рядомъ съ
големъ, Тургеневымъ и Толстымъ, избѣгнувъ присущаго
однообразія. Сила его таланта настолько велика, что можно н
яться, что онъ избѣжитъ участи Марлинскаго—героя мину

Пренія по докладу г. Оленича-Гнененко были откр
возраженіями, сдѣланными *В. И. Харціевымъ*, который вы
залъ слѣдущія соображенія: „Докладчикъ, поставивъ воп
о причинахъ успѣха М. Горькаго, и желая объяснить э
успѣхъ огромнымъ талантомъ автора и новымъ направлен
его творчества, весьма кстати вспомнилъ объ успѣхѣ въ
лыя времена Марлинскаго. Параллель между этими двумя
сателями и ихъ вліяніемъ была бы полная, если бы была
ведена прекрасная страница Тургенева объ этомъ давно
бытомъ писателѣ, „наложившемъ печать на современное
поколѣніе" („Стукъ... стукъ... стукъ! VIII томъ: „Герои
Марлинскій попадались вездѣ... разговаривали, переписыва

его языкомъ... въ обществѣ держались сумрачно, сдержанно— „съ бурей въ душѣ и пламенемъ въ крови". Женскія сердца „пожирались" ими... Чего, чего не было въ этомъ типѣ? И байронизмъ, и романтизмъ; воспоминанія о французской революціи, о декабристахъ—и обожаніе Наполеона; вѣра въ силу характера, поза и фраза и тоска пустоты; тревожныя волненія мелкаго самолюбія и дѣйствительная сила и отвага; благородныя стремленія—и плохое воспитаніе, невѣжество). Но никоимъ образомъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ докладчика о небываломъ художественномъ изображеніи природы и проч., обезпечившемъ успѣхъ моднаго писателя. Послѣ стиховъ Пушкина и Лермонтова на Руси нельзя уже писать дурныхъ стиховъ; послѣ Тургенева, Гончарова, Л. Толстого и др. точно также нельзя писать дурныхъ повѣстей и разсказовъ. Горькій обладаетъ даромъ разсказа и имѣетъ за спиной великихъ учителей, и, если хотите, стоитъ на спинѣ ихъ. Стаскивать его съ этого пьедестала—пустая забава, но трезво судить о немъ имѣетъ право всякій. Горькій забылъ стихи Пушкина:

...Мечты поэта!
Историкъ строгій гонитъ васъ!

и, заряжая читателя извѣстными чувствами, забываетъ, что въ каждомъ изъ насъ сидитъ этотъ историкъ, и что читатель русскій, избалованный литературнымъ пейзажемъ и жанромъ великихъ его предшественниковъ, не можетъ удовлетворяться декадентскими тычинками съ пучкомъ листьевъ вмѣсто деревьевъ и, ради сильныхъ эпитетовъ, говорящихъ о бурѣ, протестѣ, мести, увлекаться такими художественными картинами природы: темная ночь, луна выглядываетъ изъ-за горъ, прибой волнъ, бирюзовый цвѣтъ моря и въ довершеніе всего отраженіе перистыхъ облаковъ, которые и днемъ-то во время прибоя не отразятся. Ссылка на то, что и у Гоголя есть такія вещи, какъ мѣсяцъ посреди неба и въ то же время лѣса бросили огромную тѣнь отъ себя, дѣла не поправитъ. Читатель, усумнившійся въ „психологіи природы", имѣетъ право сомнѣваться и въ „психологіи человѣка", понимая художественность прежде всего, какъ правдивость, вѣрность впечатлѣній. Художнику нельзя пренебрегать этимъ элементарнымъ требованіемъ, а Горькій несомнѣнно пренебрегаетъ, обезпечивая себѣ успѣхъ чѣмъ-то другимъ, забывая завѣты Л. Толстого какъ художника, Достоевскаго и другихъ. Героемъ моихъ произведеній была всегда *правда*, заявилъ Л. Толстой; Бѣлинскій по поводу перваго блестящаго опыта Достоевскаго сказалъ молодому автору: „Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ

художнику, досталась, какъ даръ; цѣните же вашъ даръ, оставайтесь ей вѣрны и будете великимъ художникомъ". Мы знаемъ, какъ вѣренъ былъ Достоевскій этой правдѣ, и въ этомъ отношеніи любопытно одно мѣсто изъ воспоминаній Григоровича. Читалъ онъ Достоевскому свою повѣсть „Петербургскіе шарманщики". Когда въ одномъ мѣстѣ авторъ прочелъ: „чиновникъ бросилъ изъ окна пятакъ, который упалъ къ ногамъ шарманщика", Достоевскаго всего передернуло: „Нѣтъ! Пятакъ упалъ на мостовую, звеня и подпрыгивая!" Нѣтъ, вотъ этой художественной правды и свободы нѣтъ въ творчествѣ Горькаго (объ этой свободѣ, даваемой образованіемъ, есть золотая страница у того-же Тургенева „Литературныя воспоминанія"). Достаточно вспомнить исторію съ его повѣстью „Мужикъ", относительно которой было заявлено редакціей журнала „Жизнь", гдѣ она печаталась, что повѣсть не будетъ дальше печататься, что авторъ вновь ее передѣлаетъ и тогда уже предложитъ читателямъ. Мы знаемъ, почему неокончена „Неточка Незванова" Достоевскаго, застигнутаго врасплохъ арестомъ по дѣлу Петрашевцевъ; но у Горькаго вышло иначе: повѣсть оказалась не по мысли учителей Горькаго, т. е. кружка, исповѣдывавшаго извѣстную соціальную программу, кружка, дорожившаго „добродѣтельнымъ интеллигентомъ", на котораго напиралъ немилосердно мужикъ, соединившій въ себѣ здравый смыслъ и просвѣщеніе. Да, Горькій художникъ, и художникъ поучающій, дидактикъ. Что жъ и тутъ можетъ сказаться большой талантъ. Художникъ моралистъ рисуетъ иллюстраціи къ своимъ идеямъ, выбираетъ примѣры; и, какъ художникъ, можетъ увлечься изображеніемъ жизненнаго примѣра, можетъ тогда дать въ своемъ „примѣрѣ" больше, чѣмъ требуется для узкой морали, задѣть явленія, разрушающія эту мораль. Горькій, по совѣту друзей, остановился „во-время", отказавшись рисовать дальше свой примѣръ, чтобы сохранить „вѣрность идеямъ", которыми онъ заряженъ.

Докладчикъ объясняетъ успѣхъ Горькаго новымъ направленіемъ. Въ чемъ же оно заключается? Прежнія изображенія „униженныхъ и оскорбленныхъ", загнанныхъ, забитыхъ, прежняя литература о „меньшемъ братѣ" проникнута была любовно-жалѣніемъ (русское народное любить-жалѣть), состраданіемъ призываніемъ милости къ падшему. Босякъ Горькаго вмѣсто минорнаго взялъ бравурный тонъ, не жалѣніе, а другое что-гордость босячествомъ, гордость паденіемъ. А контрастъ между соціальнымъ и моральнымъ положеніемъ съ одной стороны и красивой фразой и позой, съ другой стороны, дополняетъ эт

новое направленіе. Сильный языкъ, свѣжій эпитетъ создаютъ особое настроеніе, по вкусу извѣстнаго кружка просвѣтителей извѣстнаго направленія. Склонность къ символизму въ критикѣ, пониманіи художественныхъ произведеній, склонность этими символами объяснять и понимать самую дѣйствительность, развитая до болѣзненной односторонности, выражается нерѣдко курьезнымъ образомъ. Пьеса Горькаго „На днѣ", съ особымъ успѣхомъ ставилась на одномъ изъ берлинскихъ театровъ. Актеры загримированы были такъ, что не трудно было узнать въ герояхъ пьесы—босякахъ и Вл. Соловьева, и Михайловскаго и самого Пѣшкова-Горькаго. Если представители литературы—босяки, то страна, гдѣ они живутъ—подвалъ, кутузка, квартальный. Публика апплодировала, публика восторгалась авторомъ (иллюстраціи въ „Мірѣ Божіемъ" 1902 г.), помимо своей воли заражавшимъ зрителя не добрыми чувствами, а самымъ настоящимъ шовинизмомъ. Этотъ успѣхъ не важный, и объясняется онъ не огромнымъ, небывалымъ талантомъ, а тѣмъ вниманіемъ къ „глиняному колоссу", надъ которымъ летаютъ „буревѣстники". Міровая слава Горькаго, не выпадавшая такъ дешево его великимъ русскимъ предшественникамъ, переводы чуть ли не на всѣ иностранные языки объясняются проще и спокойнѣе успѣхами цивилизаціи, средствъ сообщенія, усиленіемъ обмѣна, телеграфомъ и телефономъ, пароходами и желѣзными дорогами, съ одной стороны, а съ другой—тѣмъ вниманіемъ, которое вызываетъ къ себѣ жизнь великаго славянскаго народа, жизнь, къ которой чутко прислушивается весь міръ".

Замѣчанія В. И. Харціева были покрыты дружными и долго не смолкавшими рукоплесканіями. Затѣмъ слово было предоставлено, дѣйствительному члену *А. Г. Троицкой:*

„Вы, г-нъ Гнененко, сказали, что одною (главною) причиною успѣха М. Горькаго надо признать „правдивость" изображенія его героевъ, а также то, что М. Горькій, „первый" горячо вступился за „бывшихъ людей", за „униженныхъ и оскорбленныхъ".

Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ „о правдѣ" Горькаго: позвольте подѣлиться тѣми чувствами и мыслями, какія испытываю я, каждый разъ, при чтеніи произведеній М. Горькаго. Когда вся Россія заговорила о Горькомъ, когда въ печати стали раздаваться голоса за и противъ Горькаго, я рѣшила добросовѣстно прочесть нѣсколько разъ его произведенія чтобы составить о немъ „свое мнѣніе", чтобы прочувствовать, созданные имъ образы, понять его идеи, „его правду"... И что-же? Къ моему глубокому сожалѣнію, въ произведеніяхъ

М. Горькаго я нашла только красивую форму изложенія (и то часто заимствованную), громкія фразы, слова и... отсутствіе правды. Я думаю: только тотъ писатель правъ, который, изображая неприкрашенныя отрицательныя стороны жизни, заставляетъ насъ сознавать весь позоръ нашей мелочной жизни, нашего пошлаго самодовольства. Правъ писатель, который, защищая „униженныхъ и оскорбленныхъ", наполняетъ сердца наши любовію, милостію къ „униженнымъ", будитъ сознаніе, что мы виноваты въ паденіи нашихъ „меньшихъ братьевъ" и обязаны помочь имъ. Такими великими борцами за правду и любовь были: Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, а въ настоящее время Толстой, Короленко и Чеховъ, но только не Горькій. Читая Гоголя, Достоевскаго и др., я всѣмъ сердцемъ чувствую, какъ эти великіе писатели земли Русской любили всѣхъ людей (а не босяковъ только или, какъ ихъ теперь называютъ, увріеровъ), какъ скорбѣли о „мертвыхъ душахъ" и какъ хотѣли оживить ихъ, воскресить... Совершенно противоположныя чувства волнуютъ меня при чтеніи Горькаго. Во-первыхъ, меня (повторяю) поражаетъ у М. Горькаго только красота слога, красота фразы... Возьмемъ его прославленную „Пѣснь о Соколѣ", гдѣ онъ преподноситъ читателю азбучную (даже въ переносномъ смыслѣ) истину: „рожденный ползать летать не можетъ" и „безумству (?) храбрыхъ" поетъ „славу". Не понимаю, чѣмъ гордится Соколъ Горькаго предъ гадиной? Мнѣ кажется, они стоютъ другъ друга, различенъ лишь способъ движенія. Змѣя ползкомъ, тишкомъ хватаетъ добычу, а Соколъ съ высоты полета бросается на добычу... А кто эти „храбрые", „безумству" которыхъ авторъ поетъ „славу"? Борцы за правду? За честь? Нѣтъ. Судя по словамъ героевъ Горькаго, это тѣ „храбрецы", которымъ „все дозволено", люди „безъ предразсудковъ", похерившіе такія „устарѣлыя понятія", какъ честь, совѣсть, любовь къ ближнимъ, и избравшіе своимъ девизомъ: „я хочу", „мнѣ такъ выгодно"... Горькій мечтаетъ „въ небо хоть разъ подняться", забывая, что въ небо поднимаются тѣ, кто глаголомъ жжетъ сердца людей, кто пробуждаетъ въ ихъ сердцахъ голосъ правды, добра и красоты, а не такіе (красивые по виду) хищники, какъ Соколъ...

А его „Буревѣстникъ"! Какъ красиво, живо, звучно написанъ! Но... „слова, слова",—и больше ничего! Каждый отлично понимаетъ, какую „бурю" съ демонскимъ хохотомъ предвѣщаетъ „Буревѣстникъ" Горькаго... Понимаю и я... И мое сердце болитъ при чтеніи „Буревѣстника", мнѣ грустно за людей, грустно за нашъ великій русскій народъ, грустно

Горькаго... Какой талантъ и какъ ложно направленъ!.. „Буря“ красива и величественна, особенно если наблюдать „бурю“, ничѣмъ не рискуя... Но какъ ужасны ея послѣдствія! Обломки кораблей, разрушенныя хижины бѣдняковъ, затопленные города, деревни, нивы...—А сколько человѣческихъ жертвъ!? Неужели Горькій этого не знаетъ?! А если знаетъ, то чѣмъ объяснить этотъ восторгъ, въ ожиданіи „бури“, этотъ хвалебный гимнъ ея красотамъ?! А это значитъ: „для краснаго словца не пожалѣлъ и роднаго отца“... Наконецъ, неужели Горькій не понимаетъ, что въ настоящее время, въ вѣкъ гуманизма, торжества человѣческаго разума, братской любви, хвалебныя пѣсни грубой стихійной силѣ звучатъ фальшиво. Мнѣ кажется, намъ—русскимъ теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нуженъ писатель, призывающій насъ на самоотверженный подвигъ служенія роднинѣ, нашимъ „меньшимъ братьямъ“, при этомъ призывающій созидать, а не разрушать...

Во-вторыхъ, вы, г-нъ Гнепенко, сказали, что Горькій „первый“ заговорилъ о „бывшихъ людяхъ“, о босякахъ. Нѣтъ. До Горькаго о босякахъ, нашихъ „меньшихъ братьяхъ“, писалъ Достоевскій и, къ слову сказать, писалъ несравненно выше, лучше. При этомъ я увѣрена, что въ настоящее время, ни у одного истинно интеллигентнаго человѣка не хватитъ духу бросить камнемъ въ „бывшихъ людей“, отвернуться отъ нихъ съ презрѣніемъ и не признать ихъ за своихъ братьевъ, но никогда не соглашусь съ тѣмъ, что мои меньшіе братья—„соль земли“, великія натуры, способныя „пріобрѣсти весь міръ“, какъ сказалъ Львовъ [1]) и какъ думаютъ Горькій и его поклонники. Неужели подобный взглядъ на босяковъ, можно считать правдою? Если это правда, то я могу только молить Создателя, да сохранитъ Онъ дѣтокъ г-на Львова (если они у него есть) и не допуститъ ихъ дожить до того времени, когда „сіе пророчество“ (Львова) сбудется...

„Землю можно побѣдить только именемъ неба“, сказалъ Аміель. Босяки Горькаго далеки отъ неба, поэтому считать ихъ натурами высшими, чуть не избранными—фальшь и неправда.

Многіе поклонники Горькаго утверждаютъ, что онъ призываетъ людей къ жизни, вливаетъ въ наши души бодрость, смѣлость, что онъ жизнерадостный оптимистъ, а не жалкій пессимистъ... А мнѣ кажется, (я на себѣ испытала) что произведенія Горькаго, вмѣсто душевной бодрости, вызываютъ уныніе, злобу, завнсть, негодованіе, подрываютъ вѣру въ торжество

[1]) „Образов.“ февр. „Писатель-интеллигентъ“, стр 52. „Босяку нечего было терять, а пріобрѣсти онъ могъ весь міръ“...

духа, въ торжество вѣчной правды... И я думаю, въ этомъ отношеніи, произведенія Горькаго приносятъ не пользу, а вредъ особенно нашему многострадальному русскому народу, который жаждетъ свѣта, но только „истиннаго свѣта“, добивается свободы, но только истинной свободы человѣческаго духа, ищетъ правды—истинной правды. Если-же мы „вмѣсто хлѣба подадимъ ему камень“, вмѣсто любви, нѣжности наполнимъ сердце его злобой, завистью, ненавистью, о, тогда нашъ великій народъ погибнетъ!

„Только посредствомъ любви можно вернуть свободное существо къ Богу и грѣшный міръ къ добру“, говоритъ Аміель“.

Возраженія г-жи Троицкой вызвали взрывъ долго неумолкавшихъ рукоплесканій, такъ какъ нашли живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ. Засимъ слово было предоставлено члену собранія *князю М. Л. Шаховскому*, который сказалъ нижеслѣдующее:

„Для того, чтобы составить болѣе или менѣе основательное представленіе о причинахъ успѣха М. Горькаго, надо не только изучить все то, что написано авторомъ до настоящихъ дней, но и изучить настроеніе и направленіе общества „горькаго“ періода. Всѣ серьезные критики Горькаго, даже его славословы, характеризуютъ его, какъ малокультурнаго послѣдователя Ницше.—Ницше, относясь съ демонстративнымъ отрицаніемъ ко всему, выражаетъ даже сомнѣніе въ необходимости истины для человѣка. „Мы хотимъ истины, говоритъ Ницше, почему не лжи? Чѣмъ истина лучше лжи?“ Горькій въ одномъ изъ наиболѣе философскихъ разсказовъ почти дословно повторяетъ слова Ницше: „Ложь, по словамъ героя разсказа, нельзя назвать вредной,... предпочитать ей истину... еще вѣдь неизвѣстно, что такое истина“. Во всѣхъ произведеніяхъ Горькаго, даже не вдумчивый читатель, увидитъ своеобразную философію лжи, поэзію лжи, стремленіе вселить читателю „насъ возвышающій обманъ“.

Кульминаціоннымъ пунктомъ проповѣди лжи, является странникъ Лука въ сценахъ или пьесѣ или въ винигретѣ того и другого: „На днѣ“. Вотъ что говоритъ Лука чахоточной умирающей Аннѣ: „Смерть, она все успокоитъ“. „А какъ тамъ, спрашиваетъ Анна, тоже мука?“ „Ничего не будетъ. Ты вѣрь. Спокой и больше ничего“. Но когда видитъ мучительное страданіе Анны отъ этихъ словъ. Лука продолжаетъ: „Призовутъ тебя къ Господу, и скажутъ: Господи погляди-ка, вотъ пришла раба твоя Анна“. Сопоставьте эти двѣ мысли внушенія Аннѣ и вы увидите ту ложь, тѣ взаимныя уничтожающія противо-

рѣчія, которыя разсѣяны по всему якобы творчеству Горькаго. Фотографировать природу Горькій умѣетъ. Но природа сама по себѣ обладаетъ такими поэтическими красотами, что грамотный пересказъ дивныхъ пейзажей, самихъ по себѣ величественныхъ явленій той же природы не можетъ быть поставленъ въ особую заслугу писателю.—Въ этомъ врядъ ли слѣдуетъ признавать то, что понимаютъ подъ творчествомъ.—Такимъ образомъ я полагаю, что настроеніе сочинительствъ Горькаго, ихъ существо, проповѣдь, въ нихъ заключающаяся, исключаютъ всякое понятіе о правдѣ, а потому искать успѣха сочиненій Горькаго „въ правдѣ" какъ это ставитъ во главу угла причинъ докладчикъ неосновательно.—Именно у Горькаго нѣтъ художественной правды, т. е. того, чѣмъ именно прославили себя дѣйствительные корифеи русской литературы.—Вотъ все, что я могу сказать въ данную минуту.—Въ данную, потому что массу возраженій и доказательствъ можно бы было представить, имѣя для диспута больше времени".

Послѣ дружныхъ рукоплесканій, вызванныхъ рѣчью кн. Шаховского, г. предсѣдатель предложилъ желающимъ высказать свои соображенія. Такъ какъ никто не воспользовался этимъ приглашеніемъ, то *проф. А. С. Вязигинъ* намѣтилъ свою точку зрѣнія на предметъ обсужденія. Сущность его замѣчаній была такова: Многія изъ сдѣланныхъ докладчику возраженій объясняются тѣмъ, что стороны подъ „правдой" разумѣютъ не одно и тоже. Писатель, вѣрно изображая дѣйствительность, точно воспроизводя явленія и красоты природы, мастерски вскрывая сложный міръ человѣческихъ чувствъ и страстей, несомнѣнно служитъ правдѣ—*реальной*. Но можно вѣщимъ словомъ и художественнымъ даромъ увлекать людей въ царство должнаго, прекраснаго и справедливаго, поднимая надъ землей къ безсмертнымъ идеаламъ вѣчной правды—въ область лучшаго, болѣе совершеннаго, чѣмъ повседневная житейская суета. Горькій не является поборникомъ правды реальной, не оказывается и вѣстникомъ правды идеальной. Его герои-босяки повторяютъ почти дословно Ницше, Метерлинка, разныя популярныя книжки по общественнымъ вопросамъ. Это не типы, выхваченные изъ жизни, а попытка изобразить „сверхчеловѣковъ", стоящихъ „по ту сторону добра и зла", согласно указаніямъ извѣстнаго лагеря, который и рекламируетъ Горькаго. Въ этой рекламѣ, беззастѣнчивой и дружной, таится очень важная причина успѣха молодого писателя. У него замѣчается несомнѣнный талантъ; порой проглядываетъ умѣнье передать настроеніе; его языкъ—ярокъ, красивъ, образенъ, какъ

показываютъ, напр. рѣчи Маякина въ „Ѳомѣ Гордѣевѣ“. Но творчество Горькаго сковано: онъ не свободный художникъ, а вѣщатель узко-партійныхъ завѣтовъ. Бриліантъ попалъ въ руки неискусныхъ гранильщиковъ и они его испортили. Онъ пишетъ по заказу, онъ выдумываетъ въ угоду своимъ руководителямъ. А они награждаютъ за послушаніе похвалами, имѣніями, славой. При такихъ условіяхъ неудивительно, что большія произведенія не удаются Горькому. Нельзя долго насиловать себя и переписывать прописи, хотя бы и либеральныя. Мужикъ былъ запрещенъ „либеральной“ цензурой, „Ѳома Гордѣевъ“ и „Трое“ оказались растянутыми произведеніями, изобилующими утомительными длиннотами и повтореніями, хотя на иныхъ страницахъ ярко блещетъ талантъ истиннаго художника. Но это не спасаетъ цѣлаго, надъ которымъ тяготѣетъ партійная указка, требующая извращенія дѣйствительности. Развѣ можно признать правдивымъ того писателя, который съ ненавистью относится къ труженнику крестьянину, изображаетъ его глупымъ, подлымъ и жаднымъ. Развѣ нашъ крестьянинъ дѣйствительно таковъ? Развѣ можно повѣрить, что Горькій во время своихъ скитаній по Россіи *нигдѣ* не видѣлъ нашего мужика-хлѣбороба съ его несомнѣннымъ умомъ, сметкой и своеобразной порядочностью? Неужели всѣ наши рабочіе тоже только кандидаты въ босяки и между ними нѣтъ честныхъ труженниковъ, тяжелымъ, упорнымъ и постояннымъ трудомъ добывающихъ себѣ и семьѣ кусокъ хлѣба? Не изобразилъ вѣрно Горькій ни священника, ни помѣщика, ни купца, ни чиновника, исполняющаго свой долгъ, пускай они самые обыкновенные люди, какихъ мы всѣ знаемъ. Нѣтъ, только черная краска нашлась для нихъ на палитрѣ „правдиваго“ художника. Подумаешь, всѣ и вся въ Россіи только мошенники, негодяи, глупцы и надъ всѣми ними высоко стоитъ выдуманный босякъ, носитель новаго развитія! Оглянемся кругомъ и мы тотчасъ подмѣтимъ, что Горькій сознательно лжетъ ради возвеличенія подонковъ общества—тѣхъ самыхъ пролетаріевъ, которымъ однобокая доктрина сулитъ окончательное торжество. Предшественники Горькаго изображали дѣйствительную Россію, давали типы людей разныхъ сословій и положеній, а модный писатель малюетъ своего излюбленнаго „босяка“ въ ущербъ реальной правдѣ.

Еще менѣе данныхъ, чтобъ признать Горькаго—вѣстникомъ новой правды, глашатаемъ новыхъ идеаловъ. Онъ повторяетъ чужія слова, онъ проповѣдуетъ насиліе, презрѣніе къ закону, порядку, власти, сѣетъ злобу, презрѣніе къ слаб

жажду переворота. Развѣ это „правда", развѣ могутъ эти идеалы вытравить изъ сердецъ людей вѣчные завѣты Спасителя, возвѣстившаго миръ и любовь между всѣми сынами небеснаго Отца. Если бы Горькій не попалъ въ руки нетерпимыхъ фанатиковъ, а развивался самостоятельно, всесторонне, не по партійному шаблону, то Россія въ немъ получила бы выдающагося писателя-художника. Теперь для всякаго видно, что Горькій идетъ назадъ; его произведенія не улучшаются, не углубляются, становятся ходульными, трескучими. Искренность глохнетъ, а проповѣдничество процвѣтаетъ въ ущербъ правдѣ, какъ бы мы ее ни понимали. И это не проходитъ даромъ: звѣзда Горькаго начинаетъ меркнуть; его сочиненія пріѣлись и не пользуются прежнимъ успѣхомъ. Можно только пламенно желать, чтобъ Горькій возвратилъ себѣ утраченную свободу, вырвался изъ того унизительнаго рабства, которое губитъ его большой талантъ. Намъ же надлежитъ поблагодарить докладчика, который вызвалъ столь живой обмѣнъ мыслей.

Собраніе отвѣтило взрывомъ рукоплесканій.

П. Хорсовъ.

Побѣдима ли Россія?

(По поводу фельетона г. Меньшинова[1]).

Недавно г. Меньшиковъ помѣстилъ на страницахъ Новаго Времени довольно обширный фельетонъ по вопросу „Побѣдима ли Россія“. На этотъ разъ г. Меньшиковъ приходитъ къ совершенно безотраднымъ положеніямъ. Россія по его мнѣнію страна самая бѣдная, самая отсталая, самая невѣжественная, а русскій народъ, это—пьяницы, распутники, жестокіе и тупые люди, не могущіе проявить никакой духовной мощи

Но послушаемъ лучше, какъ это изложено г. Меньшиковымъ. Мы пропускаемъ первыя главы, въ которыхъ нѣтъ ничего любопытнаго: это плохо изложенныя и недостаточно продуманныя положенія, не болѣе. О нихъ говорить не стоитъ. Мы просимъ читателя однако внимательно просмотрѣть приводимую нами часть фельетона г. Меньшикова „Изъяны духа“. Она написана хорошо, съ огнемъ, она вылилась съ такой отчетливостью, которая не оставляетъ сомнѣнія ни въ искренности г. Меньшикова, ни въ его нескрываемомъ презрѣніи къ русскому народу и отечеству.

Итакъ вотъ что пишетъ г. Меньшиковъ: „Кромѣ пространства, въ чемъ же еще условія нашей „непобѣдимости“ Гр. Л. Л. Толстой указываетъ на „духовную и умственную мощь“ русскаго народа. Мы, видите-ли, настолько превышаемъ сосѣдей силою ума и сердца, что именно мы заслужили быть господами свѣта. Право, если бы не извѣстная искренность нашего автора, можно бы счесть его комплименты русскому народу за ядовитую иронію. Исключительный разумъ народный конечно сила великая, но гдѣ же онъ у насъ? Выражается ли онъ въ *почти повальномъ невѣжествѣ русскаго народа* въ то время, какъ всѣ народы вокругъ—бѣлые и желтые—имѣютъ болѣе или менѣе обезпеченное народное просвѣщеніе? Грамотность такая вещь, что при достаточномъ ум

[1]) См. *Новое Время* № 10256 отъ 19 сент.

ственномъ запросѣ могла бы сдѣлаться общимъ достояніемъ въ полвѣка, а у насъ она роскошь черезъ тысячу лѣтъ послѣ св. Кирилла. Выражается ли нашъ народный разумъ въ высокой нравственности, въ стремленіи къ трезвости, благообразію быта, въ обычаяхъ гражданскаго достоинства, въ законченности государственнаго строенія? Но *у насъ нравственность народная гораздо ниже, чѣмъ у сосѣдей, и это со временъ Тацита. Бытовая нечестность, продажность, жестокость, распутство, пьянство, неуваженіе къ правамъ человѣка—этотъ грубый цинизмъ проникаетъ населеніе до его корней.* Если духовная мощь народа выражается въ его творчествѣ, я спрошу: гдѣ оно? Народное искусство у насъ ничтожно, народной письменности нѣтъ вовсе. Культура наша сплошь заимствована и все-таки самая бѣдная на свѣтѣ. Выражается ли народный разумъ на худой конецъ хоть въ матеріальномъ богатствѣ? Оно вѣдь то же творчество, накопленіе энергіи и таланта, кристализующееся въ вещахъ. Но Россія безспорно самая бѣдная страна на свѣтѣ, а народныя массы нищи. Въ чемъ же, скажите, обнаруживается наша исключительная мощь народная, „умственная и духовная"? Народы Запада могутъ похвастать образованностью, сравнительнымъ здоровьемъ (у нихъ смертность 16, у насъ 36), сытостью, достаткомъ, свободой. Грамоту на благородство духа у нихъ скрѣпляютъ дивныя созданія искусства, восьмисотлѣтніе соборы, замки, университеты, могилы великихъ ученыхъ, философовъ, борцовъ за свободу. На Западѣ „умственная и духовная мощь" не фраза, а фактъ, бьющій въ глаза. На желтомъ Востокѣ народный разумъ сказался—кромѣ многаго другого—въ неподражаемо высокомъ земледѣліи. Въ чемъ-же, скажите по совѣсти, въ чемъ сказалось наше духовное превосходство? Если повышенный разумъ народный есть условіе непобѣдимости, то, къ глубокому сожалѣнію, Россія и здѣсь позади сосѣдей. Я коренной русскій и люблю свою родину не меньше гр. Л. Л. Толстого, но *въ жизни моего народа я вижу торжество не разума, а какой-то странной придурковатости, той захолустной народной темноты, которая есть естественное слѣдствіе одичанія благородной расы, духовнаго вырожденія ея подъ гнетомъ слишкомъ непосильныхъ жертвъ.* Обезсилила-ли душу народную титаническая борьба съ огромной територіей, съ дремучими лѣсами и пустынями, усталъ-ли народъ отъ внѣшняго и внутренняго рабства, но сейчасъ именно разумъ народный у насъ въ упадкѣ, и именно это основная причина нашихъ бѣдствій. Плохо дѣйствующій умъ

народный держитъ безмѣрную энергію страны въ состояніи анархіи, гдѣ одни силы губятся другими. Не говорите мнѣ объ отдѣльныхъ талантливыхъ людяхъ, о Пушкинѣ и Львѣ Толстомъ: по правдѣ сказать, много ли ихъ у насъ на 140-милліонный народъ? Странно было бы столь огромной странѣ быть безъ золотыхъ и алмазныхъ розсыпей. Но упадокъ народнаго духа покрываетъ черной тьмой всѣ богатства. *Глупость народная держитъ и образованные классы въ своемъ плѣну.* Простонародные предразсудки идутъ до верховъ и дѣлаютъ нашу интелигенцію безвольной. У насъ встрѣчаются иногда даровитые люди, но гдѣ же „мощь", гдѣ же умственная сила, гдѣ ненасытная жажда правды, гдѣ подвиги таланта и сердца?

Вопреки гр. Л. Л. Толстому, я съ глубокой скорбью думаю, что Россія не только побѣдима, но можетъ быть въ настоящихъ условіяхъ она есть *самая побѣдимая* [1]) изъ странъ. Именно это страшное сознаніе заставляетъ меня вмѣстѣ съ немногими тревожиться, призывать всѣ силы страны къ великой оборонѣ. Именно потому, что Россія огромна, народу нашему трудно отстоять ее. Именно потому, что народъ русскій таковъ, какъ онъ есть, онъ не внушаетъ увѣренности въ его силахъ. *Нищій, невѣжественный, одичавшій до равнодушія къ своей судьбѣ, народъ недоѣдающій и безобразно перепивающій, обезземеленный, больной*—въ пору ли такому народу мечтать вмѣстѣ съ гр. Л. Л. Толстымъ о всесвѣтномъ владычествѣ? Сумѣетъ-ли онъ отстоять хоть свое-то мѣсто подъ небомъ?—Вотъ вопросъ.

Что Россія *могла бы быть* [1]) непобѣдимой, противъ этого я конечно отнюдь не спорю. По обилію земли и населенія Россія могла бы быть при иной культурѣ слономъ среди народовъ, великаномъ мирнымъ и неприступнымъ. Но что же говорить о томъ, чего нѣтъ. Земля наша велика и обильна но „наряда въ ней нѣтъ". Нѣтъ „наряда", то-есть упорядоченности, организованности, и великій народъ безсиленъ. Посмотрите, какъ на Западѣ удивительно раздѣлана земля—огороды, сады, поля, рощи. Природа тутъ какъ бы получила второе созданіе свое, пріобрѣла нѣчто отъ духа человѣка. Но также какъ земля, на Западѣ воздѣланъ и народъ. Онъ организованъ въ свободное сообщество, всѣ его силы воспитаны и сбережены, геній націи и ея воля входятъ въ творчество народной судьбы. Только *организованные* [1]) народы непобѣдимы. Пока Россія боится себя самой, пока силы народныя крут

[1]) Курсивъ автора.

связаны, пока нація не признана въ правахъ участія въ своей жизни,—можно ли говорить о непобѣдимости и всесвѣтномъ господствѣ?"

Редакція Новаго Времени была видимо сконфужена появленіемъ только что приведеннаго шедевра на страницахъ ея собственнаго изданія. Въ передовой статьѣ (№ 10259) она отъ себя посвящаетъ тому же вопросу нѣсколько словъ и пытается смягчить то тяжелое впечатлѣніе, которое произвелъ фельетонъ г. Меньшикова на всѣхъ русскихъ людей. Авторъ передовой статьи, какъ кажется, даже склоненъ признать въ произведеніи г. Меньшикова, нѣкоторую долю неумѣстнаго и несвоевременнаго самооплеванія. По нашему же мнѣнію это нѣчто гораздо больше, это—скверная, нелѣпая и дерзкая клевета на нашу родину. Можно искренно и глубоко скорбѣть о томъ, что она появилась именно въ „Новомъ Времени" рядомъ съ истинно патріотическими, талантливыми и глубоко прочувствованными письмами А. С. Суворина. Отчего бы г. Меньшикову не послать своей статьи въ „Освобожденіе"? Тамъ остались бы очень довольны. На страницахъ органа, гдѣ враги нашего Отечества изрыгаютъ всякую хулу на Россію и русскій народъ было бы надлежащее мѣсто и произведенію г. Меньшикова.

Впрочемъ теперь уже дѣлать нечего. „Что написано перомъ, не вырубишь топоромъ". Постараемся доказать, что г. Меньшиковъ неправъ. Сдѣлаемъ это не для того, чтобы убѣдить г. Меньшикова, или заставить его измѣнить свое мнѣніе о Россіи. Такая задача дѣлала бы слишкомъ много чести въ сущности заурядному газетному фельетонисту. Дѣло въ томъ, что все написанное г. Меньшиковымъ прочитано и нашими врагами, и массой людей маловѣрныхъ. Первые извлекутъ изъ произведенія г. Меньшикова нѣсколько новыхъ якобы доказательствъ нашей слабости, а вторые падутъ духомъ. Въ своемъ отвѣтѣ мы желали бы нашимъ врагамъ доказать, что фельетонъ г. Меньшикова простой и злостный вздоръ, а маловѣрныхъ поддержать, вдохнуть въ ихъ слабыя души вѣру въ свѣтлое будущее нашей потрясенной матери-земли.

Начнемъ съ основного пункта. Откуда г. Меньшиковъ почерпнулъ увѣренность въ продажности, нечестности, жестокости, неуваженіи къ правамъ человѣка и прочихъ дурныхъ сторонахъ русскаго человѣка? Всякій, кто рѣшается высказывать громко тяжкія обвиненія въ нечестности, продажности и пр., обязанъ это доказать, если самъ желаетъ быть честнымъ, если его слова не должны считаться ничѣмъ не заслу-

женной бранью. Никакихъ доказательствъ у г. Меньшикова по этому поводу однако нѣтъ. Съ своей стороны мы совершенно иного мнѣнія и это послѣднее составилось у насъ на основаніи долгихъ, положительныхъ наблюденій. Одинъ судья, много лѣтъ рѣшавшій вопросы крестьянской жизни, утверждалъ, что если бы народъ былъ менѣе честенъ и лгалъ, то никакая дѣятельность суда не была бы возможна. Мнѣ скажутъ, что это мнѣніе одного лица, но я замѣчу, что черезъ руки этого судьи прошли десятки тысячъ дѣлъ по вопросамъ о владѣніи имуществомъ, наслѣдованіи и другихъ весьма существенныхъ сторонахъ крестьянской жизни и его убѣжденіе за много лѣтъ осталось непоколебимымъ.

Еще несправедливое обвиненіе нашего народа въ непризнаніи правъ человѣка. Совершенно наоборотъ. Въ русскомъ народѣ воспитано и укрѣпилось сознаніе необходимости уважать человѣческія права въ гораздо большей степени, нежели въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. Посмотрите, какъ относится народъ къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ, къ такъ называемымъ пріймакамъ, какъ онъ относится къ женщинѣ, къ ея правамъ въ семьѣ, къ наслѣдованію имущества и т. д. и вы увидите, что русскій народъ въ его юридическихъ нормахъ далеко опередилъ не только наше интеллигентное общество, но и хваленый западъ. Мы можемъ посовѣтывать г. Меньшикову и его сторонникамъ, награждающимъ русскій народъ бранными эпитетами, познакомиться съ работами по обычному праву (напр. съ извѣстными работами члена Харьк. Судебн. Палаты Н. С. Илларіонова), чтобы получить неопровержимыя доказательства, что русскій народъ самобытно разрѣшилъ очень много жизненныхъ вопросовъ въ идеальной формѣ, еще недоступной такъ называемому образованному обществу. Въ разрѣшенія этихъ вопросовъ г. Меньшиковъ и ему подобные безсовѣстные хулители народа найдутъ безспорное и всестороннее опроверженіе народной нечестности и жестокости, ибо въ основѣ ихъ положены народомъ начала самой глубокой справедливости, самаго свѣтлаго ума. Я искренно убѣжденъ, что г. Меньшиковъ не знаетъ народа и, что еще хуже, не хочетъ его знать, и что еще въ десять кратъ хуже, смѣшиваетъ отбросы народа съ этимъ послѣднимъ. Г. Меньшиковъ знаетъ народъ скорѣе всего по пропойцамъ и дегенератамъ М. Горькаго. Inde ira.

Скажемъ нѣсколько словъ и о народной глупости. Такую широкую аттестацію цѣлаго народа не только недоказанную, но и не могущую быть доказанной, конечно нельзя при-

нимать въ серьезъ и мы отвѣтимъ на этотъ упрекъ г. Меньшикова полушуткой. Въ русскомъ народѣ дуракомъ зовутъ дѣйствительно глупаго человѣка, а въ образованномъ обществѣ дуракомъ называютъ чаще всего умнаго человѣка. Что это значитъ? Очень просто. Въ образованномъ обществѣ, считающемъ себя умнымъ, въ дѣйствительности умные люди составляютъ досадную рѣдкость, которую и оцѣниваютъ именемъ глупца. Кто не знаетъ, что у насъ всякій плутъ, ловкій мошенникъ и даже крупный негодяй всегда считается умникомъ. Ну, а въ народѣ, повѣрьте, всѣ эти господа носятъ соотвѣтственныя имъ имена. Г. Меньшиковъ впрочемъ обрушивается не только на народъ непосредственно, т. е. на народъ черный, но трогаетъ всю нашу Русь-матушку. „Не говорите мнѣ объ отдѣльныхъ талантливыхъ людяхъ, о Пушкинѣ и Львѣ Толстомъ, много-ли ихъ у насъ на 140-милліонный народъ?" Слава Богу, что г. Меньшиковъ не совсѣмъ оплевалъ насъ. Хоть нашлись *талантливые* люди въ родѣ Пушкина и Льва Толстого. До г. Меньшикова ихъ называли геніальными, но ужъ дѣлать нечего, пускай хоть въ талантливыхъ-то побудутъ. Но шутки въ сторону. Намъ думается, что и здѣсь г. Меньшиковъ ошибается.—Наша литература, наша музыка, наша живопись и скульптура такъ богаты крупными и самобытными талантами, а образцы выдающихся произведеній столь многочисленны, что русскій народъ съ этой стороны, стороны своего творчества, занимаетъ дѣйствительно одно изъ первыхъ мѣстъ среди народовъ всего міра. Пусть г. Меньшиковъ для примѣра укажетъ намъ на тѣ націи, которыя насъ превосходятъ и мы будемъ рады побесѣдовать съ нимъ. Мы постараемся доказать г. Меньшикову, что его утвержденія объ отсутствіи творчества въ русскомъ народѣ покоятся на его полномъ незнакомствѣ съ этимъ предметомъ. Съ чисто фельетонной развязностью г. Меньшиковъ толкуетъ о такихъ вещахъ, о которыхъ ему слѣдовало бы хранить глубокое молчаніе, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока онъ съ ними хотя мало мальски поладитъ. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ писать о народномъ духѣ, ровно ничего не зная!

Г. Меньшиковъ интересно заканчиваетъ свое произведеніе. „Только *организованные* (курсивъ г. Меньшикова) народы, пишетъ онъ, непобѣдимы". Не угодно-ли? Русскій народъ повидимому неорганизованъ, такъ какъ его г. Меньшиковъ къ непобѣдимымъ не причисляетъ. Чего же ему нехватаетъ, „конституціи или севрюжины"? „Пока Россія боится себя самой, пока силы народныя круто связаны, пока нація не признана

въ правахъ участія въ своей жизни—можно ли говорить о непобѣдимости и всесвѣтномъ господствѣ?" Вотъ г. Меньшиковъ такъ дурно отзывается о русскомъ народѣ, а скажите пожалуйста, на какомъ языкѣ будетъ звучать такъ красиво даже пустой наборъ словъ, каковой въ сущности и представляетъ изъ себя это непонятное замѣчаніе г. Меньшикова.

Но довольно.

Фельетонъ г. Меньшикова произвелъ удручающее впечатлѣніе, онъ обидѣлъ безъ нужды всѣхъ русскихъ людей, искренно любящихъ свое отечество. Это дурной поступокъ, особенно непріятный, разъ онъ исходитъ отъ публициста. Г. Меньшикову трудно будетъ смыть пятно, которымъ онъ заклеймилъ себя самъ. Для того, чтобы показать, что г. Меньшиковъ неправъ, поговоримъ на ту же жгучую тему, по существу, побѣдима ли Россія. До сихъ поръ она была, или непобѣдима или по крайней мѣрѣ, настолько трудно побѣдима, что требовались цѣлыя коалиціи многихъ народовъ, чтобы одолѣть наше отечество. Въ настоящую нашу войну съ Японіей враги Россіи ждутъ нашего униженія, желаютъ побѣды Японіи, помогая ей всѣми способами, прикрываясь въ то же время своимъ quasi-нейтралитетомъ.

Напрасно. Русскій народъ выйдетъ побѣдителемъ и слава его будетъ ярче прежняго.

Настоящая война по справедливости война особенная.

Десять лѣтъ нашъ противникъ готовился къ борьбѣ. Въ то время, когда Россія желала мира, а Русскій Самодержецъ призывалъ народы къ разоруженію, Японія ковала свой ножъ. Съ помощью Англіи и Америки, въ культурности и честности которыхъ г. Меньшиковъ вѣроятно не сомнѣвается, все, что только можно, было принято во вниманіе. Всѣ наши слабыя стороны изучены шпіонами (не однихъ японцевъ), всѣ новѣйшія изобрѣтенія техники любезно предоставлены Японіи, деньги столь необходимыя для войны, даны. Ударъ расчитанъ вѣрно. Насталъ урочный часъ и, несмотря на уступки Россіи, нашъ врагъ предательски, безчестно нападаетъ на наше отечество и нарушаетъ мирное теченіе нашей жизни. На первый разъ онъ какъ будто бы застаетъ насъ въ расплохъ, неготовыми къ борьбѣ. Да! Онъ, сильный, вооруженный, онъ уже гордящійся своей купленной культурой, онъ смѣлый, увѣренный въ своемъ торжествѣ, а рядомъ съ нимъ старые, завистливые враги, торжественно объявляющіе себя нейтральными. Какъ ожидали всѣ, рѣшительно всѣ, что на этотъ разъ не уйти Россіи отъ разгрома. Наконецъ нашелся народъ, который сокрушитъ этого ненавистнаго великана.

Къ счастью нашему не все усчитали Японцы и Англичане съ своими шпіонами. Не усчитали и не могли усчитать народнаго духа, ибо судили о Россіи по раболѣпствующей, космополитной и разношерстной интеллигенціи, среди которой не мало умственно незрѣлыхъ особей, мнящихъ себя передовыми, а подчасъ и вершителями судебъ Россіи. Не усчитали и многаго другого. Кто могъ думать, что русскіе съумѣютъ и будутъ въ силахъ охранить свою десятитысячеверстную дорогу отъ всякихъ покушеній? Кто могъ допустить, что русскіе втеченіе короткаго времени, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, соорудятъ и откроютъ для движенія Кругобайкальскую желѣзную дорогу, преодолѣвъ чудовищныя препятствія? Кто могъ представить себѣ изумительную защиту Портъ-Артура? Ожидалъ ли кто нибудь, что горсть казаковъ задержитъ десятки тысячъ непріятеля на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ? Разсчитывали ли наши враги, что Россія за это время переброситъ 300 тысячъ войска изъ своего далекаго центра, перевооружитъ артиллерію? Нѣтъ, ничего подобнаго никто не думалъ, и тѣмъ не менѣе все это наступило. Когда я пишу эти строки радостно бьется сердце, ибо уже объявлено командующимъ нашей арміей всему міру, что „пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ“. Этотъ твердый голосъ великаго вождя, увѣреннаго въ побѣдѣ русскаго оружія, раздался именно 19 сентября, въ тотъ самый день, когда г. Меньшиковъ обнародовалъ свой позорный фельетонъ. Какое отличіе настроенія сидящаго въ безопасности дома и переживающихъ всѣ опасности войны! Одновременно прозвучали два совершенно противоположныхъ отвѣта на поставленный вопросъ: жалкое словоизверженіе петербургскаго фельетониста полно клеветы на весь русскій народъ; въ боевомъ же приказѣ ген. Куропаткина видно ясное сознаніе непреодолимой мощи нашего отечества, проявленной въ столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: только восемь мѣсяцевъ понадобилось Россіи для того, чтобы получить возможность сразиться съ врагомъ съ надеждой на побѣду, только восемь мѣсяцевъ для того, чтобы армія выросла отъ нуля до грозной силы, способной сокрушить врага, небоящагося смерти, врага многочисленнаго, дерзкаго, незнающаго ни Бога, ни чести, и потому страшнаго.

Вотъ тутъ и сказывается въ одно и то же время и мощь русскаго народа и ошибки нашихъ враговъ. Когда надъ нашей родиной разразилась гроза, никто до послѣдняго мужика не усумнился, что мы воюемъ не съ одной Японіей, но и съ Англіей. Русскіе всѣ до единаго знаютъ, что борьба идетъ

на жизнь или смерть, борьба за то, что ы стать полноправ-
нымъ въ семьѣ народовъ. Настоящая вой. ь большой экзамен
и къ счастью все говоритъ, что мы этотъ экзаменъ выдержимъ.
Уже никто не сомнѣвается, что нашей арміей командуетъ ге-
ніальный полководецъ, генералъ Куропаткинъ, коренной рус-
скій человѣкъ. Въ арміи уже отмѣчены славныя имена—Стес-
сель, Кондратенко, Мищенко, Самсоновъ и цѣлая масса именъ,
которыя исторія занесетъ па свои скрижали. Съ этой стороны
все благополучно. Упорная оборона Портъ-Артура и Ляояна
обязаны конечно геройскому духу защитниковъ, но вмѣстѣ
съ тѣмъ и инженерной наукѣ, которая оказалась въ Россіи
на должной высотѣ.

Но что особенно важно, это то, что въ нашей арміи до
сихъ поръ не развились эпидемическія заболѣванія, уносящія
гораздо больше жертвъ, чѣмъ непріятельскіе снаряды. И здѣс
сказались успѣхи Россіи въ наукѣ и общемъ развитіи. В
настоящей войнѣ, первой за весь рядъ прожитыхъ вѣковъ
только въ русской арміи приняты такія мѣры къ оздоровле-
нію арміи, которыя спасутъ ее отъ истощенія, а всему мір
докажутъ, что Россія не всегда идетъ въ хвостѣ Европы.

Намъ кажется, возможно понять, что если въ данны
моментъ страна, ради-ли своей защиты или по какой либ
другой причинѣ, проявляетъ всѣ признаки своей жизнеспособ-
ности въ самыхъ различныхъ отрасляхъ знанія, искусства, в
самыхъ различныхъ сторонахъ своей духовной жизни, как
мы видимъ это въ нашемъ отечествѣ теперь, то ее нельз
назвать бѣдной, некультурной, негодной, какъ это дѣлают
г.г. Меньшиковы, лицемѣрно именующіе себя истинно русским
и любящими свою родину.

Въ заключеніе возвращаемся къ фельетонамъ г. Мень-
шикова. Въ одномъ изъ нихъ г. Меньшиковъ жестоко напал
на князя Мещерскаго за его совѣтъ поскорѣй заключить мир
съ Японіей. Князь Мещерскій, какъ человѣкъ воспитанный
совѣтуя Россіи унизиться передъ Японіей, все таки не пре-
давалъ позору русскій народъ. Г. Меньшиковъ передъ всѣм
свѣтомъ унижаетъ русскій народъ, низводя его до самыхъ по-
донковъ человѣческаго общества. Намъ кажется, что г. Мень-
шиковъ и здѣсь не былъ справедливъ. Онъ долженъ подат
руку своему собрату, ибо въ концѣ концовъ онъ, г. Мень-
шиковъ, только мотивировалъ рѣшеніе князя Мещерскаго
необходимости скорѣйшаго и возможно полнаго униженія Россі

Степанъ Ягайкинъ.

Памяти профессора А. П. Лопухина.

22 августа (сего года) скончался профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи по каѳедрѣ гражданской исторіи, Александръ Павловичъ Лопухинъ, широко извѣстный нашей читающей публикѣ своими многочисленными богословскими трудами, переводами и изданіями.

Почившій—сынъ священника с. Митякина Саратовской епархіи, воспитывался въ Саратовской Духовной Семинаріи и С.-Петербургской Духовной Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1878 г., такъ называемымъ магистрантомъ. По окончаніи академическаго курса, какъ прекрасно владѣвшій англійскимъ языкомъ, онъ былъ назначенъ псаломщикомъ-миссіонеромъ при русской церкви въ Нью-Іоркѣ (въ Америкѣ), каковую должность занималъ до 1882 г. Изъ Америки онъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ защищать свое сочиненіе, „Римскій католицизмъ въ Америкѣ", представленное въ Совѣтъ С.-Петербургской Академіи на соисканіе степени магистра богословія. Въ 1883 г. Совѣтъ Академіи, которому хорошо были извѣстны выдающіяся способности бывшаго ея воспитанника, избралъ его на каѳедру сравнительнаго богословія, а по закрытіи этой каѳедры, съ введеніемъ въ академіяхъ новаго устава въ 1881 г., перевелъ его на освободившуюся каѳедру древней гражданской исторіи, каковую каѳедру онъ занималъ до своей кончины.

Профессоръ Лопухинъ былъ выдающійся ученый труженикъ, который оказалъ огромныя услуги русской богословской наукѣ и русскому образованному обществу своими крупными изслѣдованіями, журнальными статьями и переводомъ иностранныхъ произведеній и святоотеческихъ твореній. Какъ много написано и переведено этимъ ученымъ, очень часто скрывавшимъ свое почтенное имя подъ разными псевдонимами, объ этомъ читаемъ слѣдующее въ органѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, „Церковномъ Вѣстникѣ" (1904 года, № 36), въ спеціальной статьѣ, посвященной памяти почившаго: „когда однажды онъ высказалъ мысль о томъ, что хорошо-бы всѣмъ

профессорамъ с.-петербургской духовной академіи собрать въ особую библіотечку, въ одинъ шкафъ, всѣ свои сочиненія и изданія, то самъ сознался, что онъ же и явится главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этой мысли: труды только его одного займутъ цѣлый довольно солидный по размѣрамъ шкафъ... Если бы когда-нибудь возникла мысль издать всѣ его статьи, напечатанныя только въ академическихъ изданіяхъ, то получилось бы многотомное „собраніе сочиненій". Сдѣлать такъ много въ сравнительно небольшой періодъ времени почившій могъ благодаря своимъ недюжиннымъ способностямъ, прекрасному знанію новыхъ языковъ и необыкновенному трудолюбію. Непрерывныя, усиленныя занятія подточили его организмъ и свели въ могилу. Когда однажды мнѣ пришлось быть у него по дѣлу, я пришелъ въ благоговѣніе: въ кабинетѣ его я узрѣлъ цѣлую библіотеку, а самъ почтенный ученый представился мнѣ буквально живой мощей...

Еще будучи студентомъ Академіи, Александръ Павловичъ началъ заниматься литературнымъ трудомъ и уже въ это время написалъ болѣе ста статей и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ. Наиболѣе крупная изъ нихъ—статья о ветхозавѣтныхъ пророкахъ.

По окончаніи курса Академіи, находясь на службѣ въ Нью-Іоркѣ, почившій напечаталъ множество замѣтокъ о религіозной жизни американскаго народа въ русскихъ журналахъ и газетахъ: „Церковномъ Вѣстникѣ", „Православномъ Обозрѣніи", „Страннникѣ". „Берегѣ", „Недѣлѣ" и „Новостяхъ", а также сотрудничалъ въ американскомъ журналѣ „The Oriental Church Magasine", органѣ православной русской миссіи въ Нью-Іоркѣ.

По возвращеніи изъ Америки, молодой ученый напечаталъ слѣдующія, довольно крупныя изслѣдованія: 1) „Законодательство Моисея. Изслѣдованіе о семейныхъ соціально-экономическихъ и государственныхъ законахъ Моисея, съ приложеніемъ трактата: Судъ надъ Іисусомъ Христомъ, разсматриваемый съ юридической точки зрѣнія". (Первое сочиненіе въ русской литературѣ по данному вопросу). 1881 г. 2) „Жизнь за океаномъ. Очерки религіозной, общественно-экономической и политической жизни въ Соединенныхъ Штатахъ Америки". 1881 г. 3) „Религія въ Америкѣ", 1882 г. 4) „Римскій католицизмъ въ Америкѣ. Изслѣдованіе о современномъ состояніи и причинахъ быстраго роста римско-католической церкви въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки". 1881 г. Послѣднее сочиненіе доставило автору степень магистра богословія и открыло путь къ профессорской каѳедрѣ.

Будучи профессоромъ, Александръ Павловичъ напечаталъ капитальный трудъ „Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій“, 1889 г. и 1895 г. („Ветхій Завѣтъ“ и „Новый Завѣтъ“), обнимающій три огромныхъ тома, всего болѣе 3,000 страницъ. Кромѣ того, онъ состоялъ десять лѣтъ (1893—1902 г.г.) редакторомъ „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ и пять лѣтъ (1899—1904 г.г.) редакторомъ „Странника“, въ которыхъ помѣстилъ множество статей частью публицистическаго, частью научнаго характера. Каждое выдающееся открытіе въ западной богословской наукѣ онъ не только отмѣчалъ, но и обслѣдовалъ, посвящая ему спеціальную статью, иногда даже нѣсколько ихъ. Въ „Христіанскомъ Чтеніи“ онъ въ теченіе 14 лѣтъ (1886—1902 г.г.) велъ отдѣлъ заграничной лѣтописи. „Странникъ“, мало распространенное изданіе, онъ, взявши его въ свои руки, обратилъ въ весьма популярный журналъ, помѣщая въ немъ разныя интересныя статьи, преимущественно на современныя темы, и давая въ приложеніи цѣнныя изслѣдованія или переводы, иногда примѣнительно къ потребностямъ жизни и состоянію науки. Изъ приложеній особенно заслуживаетъ упоминанія „Православная богословская энциклопедія, или богословскій энциклопедическій словарь“, къ участію въ составленіи котораго онъ пригласилъ лучшихъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей въ Россіи. Кстати замѣтимъ, что онъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи Энциклопедическаго словаря Брокгауза. Наконецъ, имъ переведено на русскій языкъ много иностранныхъ сочиненій, которыя получили въ Россіи самое широкое распространеніе не только среди духовнаго міра, но и въ свѣтскомъ обществѣ. Таковы: 1) многочисленные труды (на англійскомъ языкѣ) знаменитаго богослова (экзегета и историка) Ф. В. Фаррара (нѣкоторые изъ нихъ выдержали въ Англіи 30 изданій): „Жизнь Іисуса Христа“, „Жизнь и труды св. апостола Павла“, „Жизнь и труды св. отцовъ и учителей Церкви“, „Первые дни христіанства“, „На зарѣ христіанства“ и „Власть тьмы въ царствѣ свѣта“; 2) „Исторія христіанской Церкви“ Робертсона (на англійскомъ языкѣ) и Герцога (на нѣмецкомъ языкѣ); 3) „Христіанская благотворительность“ Ульгорна (на нѣмецкомъ языкѣ) [1]). По его иниціативѣ, какъ редактора ака-

[1]) Полагаемъ, что при переводахъ съ иностранныхъ языковъ почтенный ученый пользовался услугами писцовъ. Сличая нѣкоторыя мѣста въ его переводахъ съ оригиналомъ, мы встрѣчали такія погрѣшности, которыя никакъ нельзя приписать переводчику языковѣду и которыя очень легко объяснить ошибкой слуха.

демическихъ журналовъ, начать переводъ полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста, который (переводъ) выходитъ въ видѣ приложенія къ этимъ журналамъ.

Считаемъ долгомъ отмѣтить особо, что профессоръ Лопухинъ оказалъ значительныя услуги русской церковно-исторической наукѣ. Тремя вышепоименованными сочиненіями—„Жизнь за океаномъ", „Религія въ Америкѣ" и „Римскій католицизмъ въ Америкѣ" онъ первый познакомилъ обстоятельно русскихъ богослововъ съ религіозной жизнью американскаго народа, о которой до нихъ не доходило ранѣе никакихъ отголосковъ даже чрезъ иностранную литературу. Два тома „Исторіи христіанской Церкви въ XIX вѣкѣ", вышедшіе въ качествѣ приложенія къ журналу „Странникъ" за 1900 и 1901 г.г., представляютъ собою цѣнное пособіе при изученіи исторіи Церкви въ это время (значительная часть этого труда принадлежитъ перу Александра Павловича). Переведенная имъ на русскій языкъ съ англійскаго и нѣмецкаго „Исторія христіанской Церкви" двухъ ученыхъ—Робертсона (англійскаго) и Герцога (нѣмецкаго) представляютъ собою первый въ русской литературѣ полный научный курсъ исторіи Церкви отъ апостольскаго вѣка до настоящихъ дней[1]). Переводы вышеупомянутыхъ сочиненій Фаррара представляютъ незамѣнимое пособіе при пользованіи этими капитальными трудами по исторіи христіанства во времена Спасителя, въ вѣкъ апостоловъ и отчасти въ послѣдующее время. Въ журнальныхъ статьяхъ дана оцѣнка всѣмъ, болѣе или менѣе выдающимся, событіямъ въ жизни Церкви и открытіямъ въ церковно-исторической наукѣ; таковы, напримѣръ: стремленіе англиканской церкви къ сближенію съ восточной церковью, старокатолическое движеніе[2]), вмѣшательство папъ въ дѣла восточной церкви, обращеніе къ православію сирохалдейскихъ несторіанъ, открытіе изреченій Христа Спасителя (такъ наз. Λόγια Ἰησοῦ), открытіе актовъ мученика Аполлонія и друг.

Потеря, понесенная С.-Петербургской Духовной Академіей въ лицѣ почившаго ея профессора А. П. Лопухина, невольно напомнила намъ объ утратѣ, понесенной ею такъ еще

---

[1]) Въ видахъ точности, поясняемъ, что въ этомъ изданіи названные историки переведены не сполна, а по частямъ, именно: изъ Робертсона—исторія Церкви до раздѣленія церквей, изъ Герцога—исторія ея по раздѣленіи послѣднихъ.

[2]) Александръ Павловичъ былъ даже дѣятельнымъ участникомъ устраиваемыхъ старокатоликами съѣздовъ по вопросу о соединеніи съ православною Церковью.

недавно (въ 1900 г.) въ лицѣ знаменитаго ея профессора В. В. Болотова, церковнаго историка, который стоялъ на одномъ уровнѣ съ лучшими западными учеными и даже превосходилъ многихъ изъ нихъ, какъ обладавшій изумительно широкими познаніями въ области филологіи[1]), и который подарилъ церковно-исторической наукѣ не мало совершенно самостоятельныхъ, выдающихся своей огромной эрудиціей, трудовъ.

Но славная Петербургская Академія можетъ имѣть утѣшеніе въ томъ, что ея профессорская семья не оскудѣваетъ выдающимися учеными. Для примѣра укажемъ на профессора Н. Н. Глубоковскаго, талантливѣйшаго и плодовитаго ученаго, прекрасно знающаго древніе и новые языки и обладающаго огромной эрудиціей, который не такъ давно (въ 1890 г.) подарилъ церковно-исторической наукѣ капитальнѣйшее изслѣдованіе „Блаженный Θеодоритъ, епископъ киррскій, его жизнь и литературная дѣятельность“ (въ 2 томахъ), обратившее на себя вниманіе даже западныхъ ученыхъ[2]), а теперь выпускаетъ одно за другимъ изслѣдованія по исторіи апостольскаго вѣка, занявъ въ Академіи (по предложенію) каθедру Св. Писанія Новаго Завѣта[3]).

Профессоръ Э. Бродовичъ.

---

[1]) Онъ зналъ не только многіе европейскіе языки (кромѣ древнихъ—греческаго и латинскаго, нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, голландскій, датско-норвежскій и португальскій), но и нѣсколько восточныхъ: еврейскій, сирскій, арабскій, эфіопскій, коптскій, армянскій, отчасти персидскій и санскритскій.

[2]) Сочиненіе это было представлено въ качествѣ магистерской диссертаціи, но можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что за него можно было бы удостоить автора степени доктора церковной исторіи.

[3]) Н. Н. Глубоковскій—ученикъ и магистръ промоціи московскаго профессора, славнаго церковнаго историка А. П. Лебедева.

Мнимая спасительность парламентаризма.

Въ послѣднее время усилились толки о преимуществахъ парламентаризма, отъ котораго ждутъ „весны" для нашего отечества и чудеснаго исцѣленія всѣхъ нашихъ общественныхъ недуговъ. Даже вопросъ объ исходѣ войны съ Японіей ставится въ тѣсную связь съ измѣненіемъ нашего государственнаго строя: г. Меньшиковъ прямо говоритъ: „только *организованные* народы непобѣдимы. Пока Россія боится себя самой, пока силы народныя круто связаны, пока *нація не признана въ правахъ участія въ своей жизни* (курсивъ нашъ)— можно ли говорить о непобѣдимости и всесвѣтномъ господствѣ?" Итакъ стоитъ ввести народоправство и мы получимъ основаніе говорить о непобѣдимости, о всесвѣтномъ господствѣ; все измѣнится какъ по мановенію волшебнаго жезла: русскій народъ перестанетъ быть „глупымъ", „придурковатымъ", „нищимъ", „невѣжественнымъ, одичавшимъ до равнодушія къ своей судьбѣ" и пр. Если повѣрить непогрѣшимости сужденій г. Меньшикова на слово (доказательствъ онъ не приводитъ), то невольно придется задуматься, какъ можно ввѣрять власть обществу, гдѣ „*глупость народная* держитъ и образованные классы въ своемъ плѣну", гдѣ „простонародные предразсудки идутъ до верховъ и дѣлаютъ нашу интеллигенцію *безвольной*". Хорошъ совѣтъ—отдать „безвольнымъ" и „глупымъ" людямъ управленіе обширнымъ государствомъ, предоставить имъ „права участія въ своей жизни!" да вѣдь это будетъ величайшей ошибкой, конечной гибелью всей страны, ибо, очевидно, несамостоятельные глупцы натворятъ множество нелѣпостей.

Только недомысліе можетъ породить такую непродуманную политическую программу. Будь г. Меньшиковъ болѣе логичнымъ и послѣдовательнымъ, онъ прямо потребовалъ бы призванія новыхъ варяговъ съ Запада, который онъ рисуетъ намъ какимъ то земнымъ раемъ: тамъ, по его мнѣнію, нѣтъ „бытовой нечестности, продажности, жестокости, распутства, пьянства, неуваженія къ правамъ человѣка, грубаго цинизма, ко-

торый у насъ проникаетъ населеніе до его корней", ибо у насъ нравственность народная гораздо ниже, чѣмъ у сосѣдей и это со времени Тацита, т. е. съ той поры, когда не было помину о Россіи, русскихъ и даже о „нашихъ сосѣдяхъ". Нельзя же взбираться на общественную трибуну съ такими скудными познаніями по исторіи родного народа съ единственною цѣлью облить его помоями. Народъ нашъ осудилъ такое поведеніе мѣткой и мудрой пословицей: „плоха та птица, что гнѣздо свое мараетъ".

Неужели г. Меньшиковъ думаетъ, что въ Россіи никто не знаетъ, что происходитъ на Западѣ при господствѣ столь излюбленнаго имъ парламентаризма? Развѣ мы не читали о продажности народныхъ представителей, о подкупахъ на выборахъ, о дракахъ въ стѣнахъ парламентовъ, объ упадкѣ семейной жизни, вырожденіи, алкоголизмѣ, ростѣ преступности, безвѣріи, вопіющей нищетѣ, доводящей до самоубійства и смерти отъ голода, объ ожесточеніи соціальной борьбы въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ якобы оказывается вершителемъ своей судьбы!

Просвѣщенные и передовые мыслители Запада съ ужасомъ указываютъ на ту пропасть, куда онъ стремится; государственные люди озабочены изысканіемъ средствъ для борьбы со все растущимъ общественнымъ разложеніемъ, пониженіемъ культурнаго уровня и упадкомъ идейныхъ запросовъ въ массѣ народной. Неужели же г. Меньшиковъ не знаетъ о страшномъ ростѣ соціализма, объ успѣхахъ анархизма, о политическихъ убійствахъ, возведенныхъ въ систему, о постоянныхъ стачкахъ и кровавой расправѣ съ рабочими на Западѣ?

Надо быть очень самонадѣяннымъ человѣкомъ, чтобъ выступить въ наши дни съ повтореніемъ чаадаевскихъ положеній: и теперь мы знаемъ Западъ лучше, чѣмъ онъ насъ, хотя правильное пониманіе Россіи прокладываетъ все шире себѣ дорогу въ средѣ западныхъ народовъ. Они признаютъ, что наше духовное превосходство сказалось *въ нашихъ идеалахъ*, въ нашемъ исканіи путей къ осуществленію идеаловъ всесвѣтнаго мира и братства всѣхъ народовъ, къ водворенію Божьяго Царства на землѣ, гдѣ не будетъ обижающихъ и обиженныхъ, гдѣ возстановится давно попранная правда. На Западѣ нашихъ писателей считаютъ учителями жизни, цѣнятъ ихъ напряженные поиски лучшаго, преклоняются передъ ихъ душевнымъ величіемъ и глубиною ихъ міровоззрѣнія, понимаютъ, что „глупый или придурковатый народъ" не породилъ бы такихъ сыновъ, какъ Пушкинъ, Достоевскій, Тургеневъ, Толстой и цѣлыя тысячи второстепенныхъ величинъ, по мѣрѣ

силъ служащихъ облагороженію души человѣческой. Лучшіе люди Запада сознаютъ, что нельзя гоняться за внѣшностью и мѣрять ею качества народныя. Они, преклоняясь, подчеркиваютъ, сколько величія духовнаго проявлено русскими воинами на далекомъ Востокѣ, сколько подвиговъ совершено нашими женщинами, убирающими раненыхъ подъ выстрѣлами „просвѣщенныхъ японцевъ".

Самопожертвованіе и самоотреченіе русскихъ людей ради служенія высшей идеѣ засвидѣтельствованы передъ всѣмъ міромъ въ безчисленномъ множествѣ примѣровъ и хорошо извѣстны г. Меньшикову, который постыдно замолчалъ эти дивныя дѣянія, изумляющія всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, правильно оцѣненныя даже нашими врагами.

Изумительно это глубокое паденіе человѣка, который столько толковалъ о любви къ ближнему, о самоусовершенствованіи, нравственной чуткости. Многіе ему вѣрили, но теперь ясно всѣмъ, что эта проповѣдь была лицемѣріемъ и погоней за успѣхомъ, прикрытой красивыми словами. Сладко говорилъ г. Меньшиковъ въ своихъ „Думахъ о счастьѣ" и „Письмахъ къ ближнимъ", и увлекалъ довѣрчивыя неопытныя сердца, не смотря на предостерегающіе голоса и кличку „нововременскій Іудушка", заклеймившую его на столбцахъ многихъ повременныхъ изданій. Дѣйствительно, онъ оказался „мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ", ибо *онъ любви не имѣетъ*. Выступить передъ 100-тысячной аудиторіей съ такимъ поруганіемъ Родины, зная, что клеветническія измышленія будутъ прочитаны тамъ, на полѣ брани, среди полагающихъ душу за други своя, среди ежеминутно ждущихъ смерти, больныхъ, раненыхъ—это верхъ жестокости и безсердечія. Это такое отсутствіе сознательнаго отношенія къ переживаемымъ нами событіямъ, что только у ненавистника России могла подняться рука для написанія такого безпримѣрнаго „произведенія".

Вѣдь г. Меньшиковъ несомнѣнно кое-что читаетъ и обдумываетъ, развѣ можетъ быть ему неизвѣстенъ, напр. такой отзывъ Ницше о Россіи: „Россія—единственная держава, у которой въ настоящее время есть будущность, которая можетъ ждать, можетъ обѣщать. Россія—явленіе, обратное жалкой нервности мелкихъ европейскихъ государствъ, для которыхъ съ основаніемъ „Германской имперіи" наступило критическое время. У всего Запада исчезли тѣ инстинкты, изъ которыхъ выростаютъ учрежденія, на которыхъ строится будущее; его современному духу ничто, быть можетъ, не противорѣчитъ въ такой степени, какъ эти инстинкты. Люди живутъ только се-

годняшнимъ днемъ, живутъ торопливо, снимая съ себя всякую отвѣтственность за жизнь и это называютъ „*свободой*“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ Ницше даетъ о парламентаризмѣ такой отзывъ: „ничто не причиняетъ такого вреда свободѣ, какъ общепризнанныя либеральныя учрежденія. Они подводятъ подъ одинъ уровень высокое и низкое, они дѣлаютъ людей мелкими и трусливыми,—въ нихъ торжествуетъ стадное животное. Либерализмъ въ переводѣ означаетъ торжество *стаднаго начала*“. Вотъ голосъ безспорно талантливаго наблюдателя, который прекрасно зналъ хваленый Западъ, а не судилъ о немъ изъ царскосельской дали. Что-то непонятное произошло съ „кроткимъ проповѣдникомъ“, желающимъ облагодѣтельствовать насъ тѣмъ, что теряетъ почву на самомъ Западѣ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Меньшикову слишкомъ хорошо извѣстно, что парламентскій строй держится на рѣшеніи вопросовъ большинствомъ народныхъ представителей, уполномоченныхъ на власть большинствомъ избирательныхъ голосовъ. Что же онъ можетъ возразить на такую отповѣдь Ибсена, вложенную этимъ великимъ писателемъ въ уста „Доктора Стокмана“: „Опаснѣйшіе среди насъ враги истины и свободы—это сплоченное большинство. Да, проклятое сплоченное, либеральное большинство!.. Вѣдь именно огромное большинство нашего общества лишаетъ меня свободы, хочетъ воспретить мнѣ говорить правду... Большинство никогда не бываетъ право. Никогда, говорю я! Это общественная ложь, одна изъ тѣхъ общепринятыхъ лживыхъ условностей, противъ которыхъ обязанъ возставать каждый свободный и мыслящій человѣкъ. Изъ какихъ людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или глупыхъ? Я думаю, всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляющее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно-ли, чортъ возьми, чтобъ глупые управляли умными? *(шумъ и крики)* Да! Да! Вы можете перекричать меня, но не опровергнуть мои слова. На сторонѣ большинства *сила*, къ сожалѣнію, но *не право*“ [2]). Извѣстный романистъ, тонкій психологъ и истолкователь общественныхъ настроеній, *Поль Бурже*, раздѣляетъ точку зрѣнія Ибсена: „всеобщая подача голосовъ, пишетъ онъ, т. е. *глупая тиранія числа*, царство силы въ формѣ наиболѣе несправедливой и слѣпой, вотъ режимъ, установленный демократіей всюду, гдѣ она восторжествовала. Къ этому она присоединила бѣшенное пробужденіе толпы, всеобщее недовольство судьбою и постоянную угрозу бунтомъ со

[1]) „*Сумерки кумировъ*“ § 89, стр. 216—217.

[2]) Врагъ народа (Докторъ Стокманъ) пер. съ датскаго, стр 90—91.

стороны четвертаго класса, класса нищеты и ненависти къ цивилизаціи, которая обѣщала свободу, равенство, братство и обанкротилась съ этими неосуществимыми обѣщаніями".

Въ самомъ дѣлѣ, почему надо думать, будто большинство людей, обладающихъ вдобавокъ непремѣнно опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, обязательно проявитъ надлежащія для рѣшенія государственныхъ вопросовъ качества, будетъ стремиться къ общему благу, а не къ личнымъ выгодамъ, станетъ неустанно заботиться объ искорененіи общественныхъ золъ? Вѣдь дѣйствительность показываетъ совершенно обратное: всюду замѣчаются неспособность парламента быстро принимать надлежащее рѣшеніе и паденіе интереса народныхъ представителей къ ихъ обязанностямъ. По этому поводу проф. Лабандъ замѣчаетъ: „газеты сообщаютъ всему германскому народу, что около 20, 30 или 40 его представителей присутствовало въ засѣданіяхъ имперскаго парламента, а зрители съ трибунъ удостовѣряютъ, что они видѣли пустыя скамьи; однако-же, несмотря на это, въ парламентѣ принимались рѣшенія. Если не болѣе какъ ни на *чемъ не основанная и произвольная фикція, будто большинство депутатовъ парламента* выражаетъ волю большинства народа, то эта фикція доводится уже просто до смѣшного, если какая нибудь маленькая кучка случайно присутствующихъ членовъ парламента должна представлять собою представительство цѣлаго народа".

Вторымъ признакомъ крушенія парламентаризма, несомнѣннымъ показателемъ его полнаго вырожденія на самомъ Западѣ, является все учащающаяся *обструкція.* Съ цѣлью затруднить принятіе мѣръ, внесенныхъ сильными противниками, говорятся безконечныя рѣчи, вносятся пустыя, величаемыя „неотложными" предложенія. „Ораторамъ противной стороны мѣшаютъ говорить, кричатъ пѣтухами. Торжествуетъ тотъ, у кого крѣпче глотка. Это-ли осуществленіе народовластія?—спрашиваетъ г. Валерій Брюсовъ [1]. „Но еще безсмысленнѣе, продолжаетъ независимо мыслящій русскій поэтъ обструкція по существу. Парламентаризмъ—правленіе большинства. Воля большинства должна быть свята. Какое же право имѣетъ оппозиція не подчиняться этой волѣ? Что такое обструкція, какъ не отреченіе отъ самаго принципа парламентаризма?"

На Западѣ много говорятъ и пишутъ о концѣ парламентаризма, который не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ

[1]) См. „Новый Путь" № 2. 1903 г. „Кризисъ парламентаризма" стр. 203.

и не удовлетворяетъ измѣнившимся общественнымъ и культурнымъ особенностямъ [1]). Поворотъ въ общественномъ настроеніи бросается въ глаза непредубѣжденному наблюдателю: „Въ обществѣ и особенно въ народѣ парламентаризмъ уже совершенно утратилъ свое прежнее обаяніе. Не даромъ же здѣсь въ ходу популярныя названія парламентовъ: „заведенія для болтовни“ (Schwatzanstalten), „мельницы-трещотки для пустой соломы“ (Klappermühlen für leeres Stroh) и т. п. Наивныхъ до глупости людей, которые и теперь еще считали бы парламентаризмъ всеисцѣляющей панацей, или всеобщимъ цѣлительнымъ средствомъ, помогающимъ въ политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ печаляхъ, нуждахъ и недугахъ, право, въ Германіи и со свѣчкой не найдете. Напротивъ, старики, въ юности вѣровавшіе въ эти иллюзіи, теперь сами постоянно смѣются надъ ними и въ разговорахъ и въ печати. А люди, болѣе современные, когда заходитъ рѣчь о парламентахъ и возлагавшихся на нихъ ожиданіяхъ, лишь машутъ руками, покачиваютъ головами и вообще не хотятъ говорить объ этомъ [2]). Неудивительно, что пользующійся всемірной извѣстностью философъ, Эдуардъ фонъ Гартманнъ [3]) ищетъ помощи не въ одряхлѣвшемъ парламентаризмѣ, а въ цѣлесообразной дѣятельности правительства: „великая и очень важная задача, возлагаемая теперь на правительство, состоитъ въ упрощеніи и практичномъ устройствѣ законодательства, правосудія, административнаго и полицейскаго управленія. Дѣло идетъ о томъ, чтобы наскоро построенное временное зданіе, въ которомъ мы всѣ чувствуемъ себя стѣсненными и угнетенными, замѣнить новымъ, болѣе прочно устроеннымъ, въ которомъ были бы приняты во вниманіе всѣ серіозныя потребности и которое поэтому было бы болѣе удобообитаемымъ“.

Много можно было бы привести примѣровъ подобныхъ же сужденій выдающихся сыновъ Запада о парламентаризмѣ и его очевидной несостоятельности, но въ этомъ нѣтъ необходимости. Стоитъ лишь припомнить, что парламентаризмъ не спасъ Францію отъ дѣла Дрейфуса, не предотвратилъ нестроеній въ нѣмецкой арміи, не разрѣшилъ рабочаго вопроса, не умиротворилъ національную вражду, не упорядочилъ отношеній церкви къ государству. Онъ запятналъ себя продажностью, гоненіями за вѣру и убѣжденія, преслѣдованіями на-

---

[1]) См. Мирный Трудъ 1902 г. № 3 „Упадокъ парламентаризма“ стр. 200.

[2]) См. Berliner Blatt. 1903. № 1.

[3]) *E. von Hartmann* Neue Tagesfragen. 1903.

родныхъ языковъ, угнетеніемъ населенія, непомѣрнымъ ростомъ милитаризма и т. п. Онъ не сдѣлалъ „организованную“ Италію непобѣдимой, ибо дикіе абиссинцы со своимъ Негусомъ разгромили обладавшихъ „говорильней“ итальянцевъ. Онъ не далъ австрійскимъ славянамъ „права участія въ своей жизни“, а превратилъ ихъ въ дойную корову, въ рабочій скотъ для нѣмцевъ, венгровъ, евреевъ и своихъ же измѣнниковъ. По плодамъ судимъ о деревѣ, а потому кто можетъ желать „организаціи“ Россіи на западно-европейскій ладъ, какъ не наши враги, для которыхъ Самодержавіе остается неприступнымъ оплотомъ высокихъ общественныхъ идеаловъ справедливости и „законныхъ правъ каждаго“.

Почему мы должны преклоняться передъ выборнымъ правительствомъ, когда о парламентскихъ выборахъ въ Англіи, образцѣ конституціонныхъ системъ, замѣчательный философъ, критикъ и историкъ *И. Тэнъ*, разсказываетъ такія прелести: „механика выборовъ груба, иногда грязна. Кандидатъ нанимаетъ отель или гостинницу, держитъ открытый столъ, вина вдоволь, катаетъ избирателей въ своихъ экипажахъ, нанимаетъ музыкантовъ, ораторовъ, которые говорятъ за него въ тавернахъ, иногда людей, которые сыплютъ въ его противника яблоками и кулачными ударами. Выборы стоятъ денегъ; избраніе обходится въ пять, шесть тысячъ фунтовъ и болѣе (50,000—60,000 рублей!). Чтобы избиратель побезпокоился и пришелъ подать голосъ, нужно дать ему что нибудь положительное: мѣсто, обѣщаніе мѣста, нѣсколько хорошихъ обѣдовъ, эля и вина, сколько душа приметъ, иногда денегъ“. Всѣ безпристрастные отчеты о выборахъ показываютъ, что множество избирателей не пользуются своими правами, что правящая партія и оппозиція заманываютъ обѣщаніями, прибѣгаютъ къ подлогамъ и подкупамъ при голосованіи, мѣшаютъ свободной подачѣ голосовъ, оказываютъ давленіе на избирателей, не гнушаются грубыми насиліями. Убитые и раненые или посаженные въ тюрьмы избиратели—вотъ наглядное доказательство „свободы, насаждаемой парламентаризмомъ“.

Вмѣсто прославленія Запада намъ надо изученіе нашего отечества, его особенностей и потребностей. Намъ надо устраненіе пагубнаго предразсудка, будто Самодержавіе несовмѣстимо съ самоуправленіемъ; намъ надо привлеченіе мѣстныхъ силъ къ разрѣшенію мѣстныхъ нуждъ, ибо въ обширнѣйшей державѣ Россійской столько разнообразія, что нельзя и думать объ общей для всѣхъ мѣркѣ. Но это самоуправленіе должно имѣть въ виду пользу края, а не притязать на рѣ-

шеніе общегосударственныхъ вопросовъ. Дѣятельность земскихъ и городскихъ самоуправленій должна подлежать строгой отчетности передъ правительствомъ. Общество путемъ широкой гласности также должно знать *все* о дѣятельности своихъ избранниковъ, дабы самоуправленіе не оказалось самооткармливаніемъ сплоченной кучки воротилъ, пристроившихся возлѣ общественнаго пирога. Недаромъ примѣръ того же Запада наставляетъ насъ, что погоня за властью подъ видомъ народнаго представительства насаждаетъ господство кучки политикановъ, не пропускающихъ свѣжихъ, безкорыстныхъ работниковъ въ парламенты, политикановъ, дѣлящихъ между присными блага земныя, грабящихъ народъ соглашеніями съ международными капиталистами и уклоняющихся отъ плодотворнаго труда надъ общественными улучшеніями ради торжества партійныхъ интересовъ. Чужой опытъ поучителенъ и не годится повторять сдѣланныя другими ошибки.

Хорошо поставленная печать, отвѣтственная передъ судомъ и закономъ, вполнѣ чуждая зависимости отъ космополитовъ-плутократовъ, можетъ принести странѣ несравненно большую пользу, чѣмъ пресловутая „организація". Но наше общество должно постичь отличіе между доносомъ и разоблаченіемъ, должно стряхнуть съ себя иго „самозванной цензуры", требующей, чтобъ никто не смѣлъ касаться извѣстныхъ предметовъ. Для ищущаго правды такой запретъ никогда не будетъ имѣть связующей силы, но и среда обязана подняться надъ мелочами сплетенъ, личныхъ счетовъ, заугольныхъ осужденій. Надо имѣть мужество открыто высказывать свои мнѣнія, не бояться давленія „общественнаго мнѣнія", а честно исполнять свой долгъ, равнодушно относясь къ запугиваніямъ, которыя такъ любятъ пускать въ ходъ наши лжелибералы— типичные деспоты и угнетатели свободной мысли. Надо помнить золотыя слова И. С. Аксакова [1]): „свобода жизни разума и слова—такая свобода, которую, по настоящему, даже смѣшно и странно формулировать юридически и называть правомъ: это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая либо политическая, а есть необходимое условіе самого человѣческаго бытія; при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни вмѣнять что либо ему въ преступленіе; умерщвленіе жизни мысли и слова—самое страшнѣйшее

[1]) Сочиненія. Томъ IV стр. 399 сл.

изъ всѣхъ душегубствъ. Человѣкъ, стѣсненный въ свободѣ мыслить и выражать свою мысль словомъ, чувствуетъ себя стѣсненнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, требующихъ участія мысли и воли,—не годится ни для какого общественнаго дѣла, плохой гражданинъ, плохой слуга обществу и государству". „Свобода слова не есть свобода политическая и защитники мнѣнія о несогласіи принципа свободной печати съ нашимъ политическимъ принципомъ могутъ точно также, съ неменьшимъ основаніемъ, утверждать, что эта форма правленія несовмѣстима и съ свободой жизни, свободой—пить, ѣсть, дышать, ходить и двигаться. Если же признается возможнымъ и жить и дышать и совершать прочія отправленія подъ защитой неограниченной монархической власти, то нѣтъ причины унижать значеніе Самодержавія до такой степени, чтобы считать немыслимою жизнь духа и разума подъ его эгидою. Напротивъ, мы думаемъ, что настоящее, именно русское, Самодержавіе предполагаетъ полную свободу нравственной общественной жизни и безъ этой свободы перестаетъ быть русскимъ".

Таково смѣлое и прямое сужденіе поборника славянофильскихъ завѣтовъ, сочиненія котораго получили право свободнаго обращенія благодаря широкимъ воззрѣніямъ чисто русскаго Самодержца, незабвеннаго Императора Александра III. Исполненіе пламенныхъ надеждъ всѣхъ лучшихъ людей Россіи—созданіе свободной и независимой печати, дорожащей своимъ правомъ и достойнымъ образомъ представленной, честной и неподкупной—поведетъ къ пріобрѣтенію надлежащаго вліянія безкорыстными, свѣдущими и талантливыми людьми, къ паденію ложной славы тѣхъ, кто скрываетъ свою духовную несостоятельность ссылками на мнимое запрещеніе правительственной цензуры говорить о данномъ предметѣ. Вовсе не цензура, а раболѣпство передъ толпой, угодничество заставляютъ многихъ молчать и осуждать тѣхъ, кто смѣло касается наболѣвшихъ нуждъ, кто разоблачаетъ злоупотребленія, желая спасти невинныхъ, приносимыхъ въ изобиліи на алтари кровожадныхъ партійныхъ боговъ.

Но свобода печати—орудіе обоюдоострое, могущее причинить неисправимый вредъ при неосмотрительномъ съ нимъ обращеніи. Развращенная болтовня уличныхъ листковъ не приведетъ къ благу, если они получатъ право судить и рядить обо всемъ съ высоты своего невѣжества. Нужны знанія, нужно глубокое проникновеніе святостью служенія свободнымъ словомъ великимъ идеаламъ Вѣры и Истины, нужна горячая

искренняя любовь къ своему Отечеству, благоговѣйное уваженіе къ его святынямъ и пламенное желаніе устраненія недочетовъ мирными средствами, безъ потрясеній и насилій: не проповѣдью презрѣнія къ своему и восхваленіемъ чужого, не огульной бранью и тяжкими оскорбленіями души народной, но любовнымъ и бережнымъ къ ней отношеніемъ можно выполнить великій и отвѣтственный долгъ гражданина, становящагося подъ знамя свободнаго слова. Понимающій свое призваніе, отвѣтственный передъ своей совѣстью и закономъ писатель никогда не позволилъ бы себѣ бросать въ Россію такимъ комкомъ грязи, какой пустилъ въ дѣло г. Меньшиковъ, будь у насъ надлежащимъ образомъ развито національное самосознаніе, которое крѣппетъ только при благопріятныхъ для свободнаго слова условіяхъ, при наличности независимой печати, которой у насъ еще совсѣмъ нѣтъ, ибо наши газеты, въ огромномъ большинствѣ, превратились въ промышленныя предпріятія и забыли о своихъ общественныхъ обязанностяхъ. Вѣдь г. Меньшиковъ не встрѣтилъ даже отпора и только въ „Руси" „Англичанка" выступила съ горячимъ письмомъ: „Я живу много лѣтъ въ Россіи", пишетъ здѣсь *иностранка*, защищающая нашу родину отъ клеветническихъ измышленій *русскаго* писателя, „и часто провожу лѣто въ русской деревнѣ. За всѣ эти годы я успѣла довольно хорошо узнать народъ и полюбила его всѣмъ сердцемъ за его глубокую вѣру, кротость, терпѣніе, природный умъ, разумъ и истинно христіанское отношеніе и состраданіе къ ближнему. Народъ съ такими качествами духовно великъ, и ему предстоитъ великое будущее. Фельетонъ г. Меньшикова ошеломилъ меня и обида за русскій народъ закипѣла въ душѣ. Онъ—„русскій" и такъ мало знаетъ свой народъ!".

Конечно не знаетъ, ибо ростъ народныхъ сбереженій, покупка крестьянами земель, машинъ, примѣненіе ими усовершенствованій при обработкѣ, полученіе ими наградъ на выставкахъ, всѣми признанная изобрѣтательность и сноровка русскаго рабочаго, развитіе промысловъ и торговли, появленіе въ деревняхъ зажиточнаго населенія, стремленіе народа къ знанію рядомъ съ неутомимыми поисками *правды* и неумирающими мечтами о праведной землѣ показываютъ, что г. Меньшиковъ поспѣшилъ превратить русскаго человѣка, угождая „Новостямъ", въ какое-то грубое и глупое животное. Въ своемъ угодничествѣ онъ зашелъ такъ далеко, что выразилъ даже сомнѣніе, „сумѣетъ ли русскій народъ отстоять хоть свое то мѣсто подъ небомъ". Это стомилліонный христіанскій народъ съ тысячелѣтней исторіей, съ

міровой литературой, своей наукой, искусствами не сумѣетъ? И все потому, что ему не хватаетъ говорильни, при помощи которой инородцы не замедлятъ внести западно-европейское разложеніе и сѣсть намъ, не любящимъ властвовать, на шею. Кого думаютъ обмануть такими ухищреніями? Нѣтъ, для русскаго молодого вина нужны не старые, поношенные мѣха западно европейскаго производства, но новые собственнаго приготовленія. Наше спасеніе не въ заимствованіи у чужихъ народовъ, а въ пробужденіи національнаго творчества.

Первымъ его условіемъ, залогомъ наступленія свѣтлыхъ дней для Россіи—будетъ созданіе національной русской печати, получившей свободу поисковъ лучшаго и критики современнаго: совокупныя усилія ряда честныхъ, убѣжденныхъ людей, хотя бы и придерживающихся противоположныхъ воззрѣній, неизбѣжно приведутъ къ самому тщательному, всестороннему и внимательному выясненію необходимыхъ улучшеній, къ указанію потребныхъ средствъ и путей для ихъ осуществленія. Правительство получитъ возможность сдѣлать надлежащій выборъ и найдетъ поддержку во всѣхъ благомыслящихъ сынахъ Россіи. Но для устраненія партійной борьбы изъ за власти, ради пресѣченія злоупотребленій ею, во главѣ Россіи должна стоять неподкупная совѣсть христіанскаго Самодержца: вѣчно памятный завѣтъ славянофиловъ: „Царю свобода рѣшенія—землѣ свобода мнѣнія“ да послужитъ краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основу обновленія великой, непобѣдимой россійской державы!

Не парламентаризмъ, проклинаемый въ Европѣ, а иное самобытное сочетаніе свободной общественной самодѣятельности, и мощной стоящей безконечно высоко, внѣ партій, власти потребно нашему дорогому отечеству: каждый получитъ возможность служить ему въ мѣру своихъ знаній, способностей и дарованій, разъ у насъ будетъ строго *отвѣтственная*, но свободная печать, стоящая на высотѣ своего великаго призванія. Намъ нужны не новыя учрежденія, но новые, политически и общественно развитые люди, провѣрившіе свои убѣжденія путемъ свободнаго обмѣна мнѣній, имѣющаго цѣлью благо „всей семьи русскаго народа“.

А. Каутъ.

Крестъ во спасеніе.

Тяжко, тяжко на душѣ! Невольно подступаютъ слезы при воспоминаніи о нашихъ погибшихъ герояхъ, при мысли о жестокихъ страданіяхъ нашихъ братьевъ. Они гибнутъ въ волнахъ Тихаго океана и на поляхъ Манджуріи; они проливаютъ кровь, защищая своей грудью всѣхъ насъ, а съ нами и всю Западную Европу... И что же? У насъ слезы и страданія, а у Европы злорадный смѣхъ: мы также одиноки, какъ Тотъ крестотерпецъ на Голгофѣ, когда Онъ отдавалъ Свою кровь, спасая жизнь людей... Да, мы подъ крестомъ. Но русскій народъ знаетъ, что дѣлать, когда Богъ посылаетъ испытанія. Стряхнемъ-же скорѣе слезу, и съ удвоенной силой—за работу, за нашу главную работу: за покаяніе, за провѣрку нашихъ прегрѣшеній и за ихъ исправленіе..

Всѣ мы, русскіе люди, отъ мала до велика, грѣшили и грѣшимъ по сей день—гораздо больше, гораздо глубже, чѣмъ думаетъ наша покладистая совѣсть! Взглянемъ только зорко на все то безобразное, что мы такъ спокойно и равнодушно допускали въ предѣлахъ святой Руси, и намъ станетъ ясенъ—карающій смыслъ нашего креста. Какъ? Это русскій-то народъ, безъ всякаго противодѣйствія, терпитъ въ своей средѣ безбожниковъ? И не только терпитъ, но и поддается ихъ соблазну? Это русскій-то крестьянинъ, во главѣ съ сумасшедшимъ толстовцемъ, громитъ въ Павловкахъ православный храмъ, и, вмѣстѣ съ „штундистами", произноситъ надутыя слова, *не вѣритъ* голосу Церкви и *бунтуетъ* противъ своего природнаго Государя, Помазанника Божія?

Тысячелѣтняя исторія Россіи до сихъ поръ не знала о подобныхъ паденіяхъ своего народа. Въ семидесятые годы, въ годы крамолы, нашъ народъ еще съ твердымъ презрѣніемъ отгонялъ отъ себя „нигилистовъ", такъ называемыхъ „друзей народа", и умѣлъ еще отличать волковъ въ овечьей шкурѣ. Если же въ наши дни даже крестьяне захвачены тлетворнымъ духомъ противленія, то легко представить себѣ, что творится въ другихъ классахъ, болѣе шаткихъ въ вопросахъ вѣры съ давнихъ поръ.

И дѣйствительно—совершается что-то небывалое! Нѣчего останавливаться на нашей безпочвенной интеллигенціи и на иныхъ такъ называемыхъ „людяхъ науки", систематически раз-

вращающихъ молодое поколѣніе,—это зло стародавнее. Но теперь встрѣчаются даже духовныя лица, служители алтаря, которые открыто восхищаются толстовской ложью и проповѣдуютъ ее; теперь многіе изъ нашихъ дворянъ рукоплещутъ босяцкой литературѣ, одобряютъ богохульниковъ, революціонеровъ, выбираютъ въ предводители активныхъ поклонниковъ Толстого, и, подъ прикрытіемъ „космополитизма", просто-напросто—измѣняютъ своей родинѣ. А русскіе служилые люди, облеченные властью для защиты народа отъ духовныхъ соблазнителей? Какъ многіе изъ нихъ безпрепятственно допускаютъ распространеніе зла во всѣхъ отрасляхъ народной жизни! Достаточно вспомнить Тверскіе безпорядки, не смотря на которые, Петрункевичамъ другихъ губерній предоставлено продолжать свое дѣло по прежнему! И вѣдь это никого не удивляетъ, никого не смущаетъ; это всѣми считается—въ порядкѣ вещей. На глазахъ народа, судъ оправдываетъ бунтовщиковъ-штундистовъ; японофиламъ любезно пожимаютъ руки; безбожникамъ даютъ командовать въ земскихъ собраніяхъ; въ народныхъ школахъ терпятъ учителей-толстовцевъ; въ народныхъ домахъ ставятъ пьесы тенденціозныхъ невѣрующихъ литераторовъ. Вотъ та нравственная атмосфера, которой дышетъ нынѣ русскій народъ. И ни одного звука протеста!... Далеко-же мы зашли въ дебри! Загрубѣли-же сердца, что такъ „снисходительно" стали относиться къ окружающей насъ мерзости запустѣнія!

Это малодушное попустительство, эта пошлая „терпимость", это—заигрываніе съ врагами Христа—*нашъ общій грѣхъ*. Всѣ мы повинны въ немъ и всѣ въ отвѣтѣ. Ибо грѣхъ этотъ—тяжкій! Россія „охладѣла къ своей первой любви"; она забыла Бога и Его святые законы; она отвернулась отъ Истины и начала прислушиваться къ рѣчамъ лжеучителей и сѣятелей смутъ. Въ этомъ—залогъ ея будущей гибели и причина всѣхъ ея теперешнихъ несчастій, ибо, не находись среди насъ крамольниковъ, развѣ осмѣлился-бы хоть одинъ народъ поднять свой мечъ на Русь—страшную для всѣхъ въ своемъ единеніи?!

И вотъ Десница Божія, тяжкими ударами, будитъ насъ изъ оцѣпенѣнія, будитъ, ради спасенія нашего, къ борьбѣ съ безбожными соблазнителями.

Опомнимся же, пока не поздно! Начнемъ-же противодѣйствовать злу не на словахъ, а на дѣлѣ, и возблагодаримъ Эту Десницу за ниспосланный крестъ: онъ одинъ былъ въ состояніи разбудить насъ и призвать къ вѣрному пути, отъ котораго мы такъ легкомысленно, такъ непростительно удалились.

В. Задонскій.

Опасныя стороны новаго закона о бракѣ.[1])

Едва ли кто нибудь станетъ отрицать, что семейная жизнь на Западѣ и у насъ являетъ множество примѣровъ крайняго упадка нравственности и поруганія брака. Свобода любви возводится иными фанатиками въ обязанность молодыхъ поколѣній и проповѣдь полной разнузданности, пріобрѣтая своей соблазнительной легкостью многочисленныхъ сторонниковъ, грозитъ превратить въ царство разврата область семейныхъ отношеній.

„Неустройство семьи разстраиваетъ всю вселенную", наставляетъ великій учитель, св. Іоаннъ Златоустъ, и дѣйствительно многія общественныя нестроенія коренятся въ паденіи прочнаго домашняго уклада, который держался на твердой вѣрѣ и возвышенномъ воззрѣніи на бракъ. Въ противоположность современнымъ любострастникамъ, утверждающимъ что „нѣтъ незаконныхъ касаній женщины, а есть только супружество", низводимое ими до „прилѣпленія половъ", даже языческій міръ далъ устами юриста Модестина прекрасное опредѣленіе брака, принятое и христіанскимъ законодательствомъ: „бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и сбытіе во *всей жизни*, божественныя и человѣческія правды общеніе" гласитъ наша Кормчая, повторяя римскаго законовѣда.

Для христіанина бракъ есть таинство, стоящее очень высоко, ибо отношенія Христа къ церкви уподоблены апостоломъ отношеніямъ мужа къ женѣ. Естественно, что нравственная сторона брачныхъ узъ выдвигается, при такомъ пониманіи ихъ характера, на первое мѣсто и славное прошлое христіанства знаетъ браки, чуждые тѣлесному общенію. Настоящій

---

1) Уже давно было подмѣчено, что столкновеніе разнообразныхъ мнѣній ведетъ къ установленію истины, а потому считаемъ необходимымъ намѣтить иную точку зрѣнія на „новый законъ въ пользу брака", чѣмъ та, которую проводитъ нашъ почтенный сотрудникъ, о. Іоаннъ Филевскій, въ своемъ „письмѣ въ редакцію", помѣщенномъ въ сентябрьской книжкѣ Мирнаго Труда.

бракъ нерасторжимъ и заключается на *всю* жизнь—въ этомъ единодушно сходятся лучшіе люди древности, христіанскіе завѣты и наиболѣе глубокіе мыслители новаго времени. Разводъ допускается Спасителемъ только по „жестоковыйности сердца" грѣшныхъ людей и Его глаголъ будетъ вѣчно обязателенъ для всякаго вѣрующаго сына основанной Имъ церкви.

Но наше время видитъ страшный ростъ невѣрія, ведущаго къ новому торжеству первоначальныхъ грубыхъ языческихъ представленій. Утратившіе вѣру не могутъ признавать бракъ таинствомъ и возвращаются къ воззрѣніямъ дикарей на бракъ, опускаются даже ниже животныхъ въ своемъ утонченномъ сладострастіи. Изъ года въ годъ увеличивается это отступничество отъ христіанскихъ идеаловъ и передъ государствомъ встаетъ вопросъ, какъ упорядочить устой всякой общественной жизни—семью, какъ обезпечить дѣтей и предотвратить дальнѣйшее разложеніе. Для достиженія этой благой цѣли возможенъ, по нашему убѣжденію, лишь одинъ путь—разрѣшеніе такъ называемаго гражданскаго брака для лицъ, утратившихъ вѣру въ обязательность, святость и нерасторжимость брака церковнаго. Никакія распоряженія, никакія уступки не заставятъ невѣра вѣрить. Онъ лишь по внѣшности принадлежитъ къ числу сыновъ церкви. Снисхожденіе ея понимается имъ какъ проявленіе слабости и только укрѣпляетъ его въ высокомѣрномъ отношеніи къ учрежденію, допускающему очевидное отступленіе отъ вѣковыхъ руководящихъ началъ. Новые язычники должны имѣть особое брачное право, подобно мусульманамъ, евреямъ и другимъ инородцамъ. Но отнюдь нельзя ради упорядоченія семейныхъ отношеній однихъ лицъ вносить соблазнъ въ сердца другихъ, какъ, несомнѣнно, внесъ новый законъ, подвергающій православную русскую церковь заслуженнымъ нареканіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій можетъ прочесть въ Евангеліи ясныя слова Спасителя: „что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ" (Маркъ X, 9), „*всякій*, разводящійся съ женою и женящійся на другой, *прелюбодѣйствуетъ* и *всякій*, женящійся на разведенной съ мужемъ, *прелюбодѣйствуетъ*" (Лука XVI, 18. Тоже Матѳей V, 32, Маркъ X, 11).

Равнымъ образомъ всѣмъ извѣстно наставленіе св. апостола Павла: „А вступившимъ въ бракъ, не я повелѣваю, а Господь: женѣ *не разводиться съ мужемъ*. Если же разведется, то *должна оставаться безбрачною* или примириться съ мужемъ своимъ и *мужу не оставлять жены своей* (I. Кор VII 10—11).

Въ виду этихъ ясныхъ свидѣтельствъ св. Писанія—опре-

дѣляющаго кругъ обязанностей всѣхъ вѣрующихъ христіанъ, установленіе церковнаго брака для разведенныхъ по „жестовыйности" изъ за вины прелюбодѣянія вноситъ отступающее отъ толкованій св. Отцовъ пониманіе таинства и даетъ въ сущности разрѣшеніе на новое прелюбодѣяніе. Церковь можетъ вязать и разрѣшать, прощая грѣхи, но не освящать грѣхъ своимъ благословеніемъ. Вѣдь въ приводимой от. Іоанномъ Филевскимъ ссылкѣ на евангельское реченіе, читаемъ слова Спасителя „женщинѣ, взятой въ прелюбодѣяніи": Иди и впредь *не грѣши*. Выходъ же ея замужъ послѣ развода былъ бы несомнѣннымъ грѣхомъ. Въ виду этихъ соображеній едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ, усматривающимъ „главную заслугу" новаго закона „въ снятіи со свѣтлыхъ ризъ церкви черныхъ пятенъ, брошенныхъ въ пылу гнѣва и негодованія тѣми, кто обвинялъ ее въ нелюбви и холодности къ браку". Во первыхъ, не всякое обвиненіе справедливо, а во вторыхъ „черныя пятна", бросаемыя гг. Розановымъ и Амфитеатровымъ, не могутъ пристать къ свѣтлой ризѣ церкви, пока она будетъ свято придерживаться евангельскихъ указаній. Надѣяться на прекращеніе нападеній на церковь г. Розанова послѣ новаго закона никакъ нельзя, что и доказали его послѣднія, еще болѣе ожесточенныя, выходки противъ цѣломудрія и нерасторжимаго брака. Надо думать о малыхъ сихъ и тяжкой отвѣтственности за внесеніе соблазна въ ихъ простыя вѣрующія сердца (Ср. Матѳей XVIII, 6. Маркъ IX, 42), ибо Спаситель (Матѳ. XVII, 27) и Апостолъ (I Коринѳ. VII, 13) собственнымъ примѣромъ заповѣдали „не соблазнять братьевъ своихъ". Гадательное присоединеніе къ церкви отшатнувшихся не искупитъ той путаницы, которая внесена сторонниками нравственной разнузданности, во всеуслышаніе и печатно объявляющими, что новый законъ является лишь первой ступенью къ разрушенію усвоенныхъ всѣми истинно православными людьми представленій о бракѣ, какъ о таинствѣ (Ефес. V, 32), нераздѣльно соединяющемъ два существа въ одно (Матѳ. XIX, 5—6, Маркъ X, 8). Разрушеніе одного таинственнаго сочетанія, оскверненаго прелюбодѣяніемъ, не даетъ права осквернителю вступать въ новое. Таково наставленіе св. писанія, таково воззрѣніе отцовъ церкви, такова практика первыхъ христіанъ, придерживающихся евангельскихъ завѣтовъ. Вотъ почему новый законъ можетъ еще дальше оттолкнуть отъ насъ католиковъ и раскольниковъ, которые, несмотря на свои заблужденія, все таки ближе стоятъ къ православію, чѣмъ проповѣдники „новаго христіанства".

Никто не можетъ отрицать, что преимущества, доставленныя расторгшимъ бракъ по прелюбодѣянію столь милостивымъ къ нимъ отношеніемъ, имѣютъ въ виду исцѣленіе одной изъ наиболѣе тяжкихъ язвъ времени. Но средства цѣленія способны вызвать заболѣваніе еще болѣе тяжкое у другихъ, доселѣ не утратившихъ духовнаго здоровья. Христіанину непререкаемо воспрещено Апостоломъ (Галат. I, 8) принимать иное благовѣствованіе, чѣмъ то „что мы благовѣствовали вамъ". Воззрѣніе на бракъ, какъ благодатное таинство, проводится пастырскими наставленіями и школьнымъ преподаваніемъ. Всѣмъ православнымъ издревле внушается искать познанія и руководства въ словѣ божьемъ и въ настоящее время уже милліоны читаютъ евангельскія истины, пытаясь сознательно проникнуть въ ихъ глубину. Немощи человѣческой, склонной впасть въ ошибку отъ невѣрнаго пониманія различныхъ мѣстъ писанія, приходятъ на помощь назиданія св. Отцовъ и Свѣтильниковъ церкви Христовой. Русь цѣлые вѣка придерживалась опредѣленнаго толкованія ясныхъ словъ Спасителя и древнехристіанское воззрѣніе на бракъ вошло въ плоть и кровь нашего народа. Трудно постичь, почему спокойствіе его пробудившейся совѣсти нарушено ради того, чтобъ относительно все таки немногочисленныя семьи получили церковное благословеніе. Облегчить ихъ тяжкое положеніе—задача, достойная всякаго сочувствія, но ее надо рѣшать, не подвергая новымъ нареканіямъ русскую церковь и ея представителей. Вѣдь еще въ 1899 году оберъ прокуроръ св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ издалъ переводъ прекрасной книги Тирша: „Христіанскія начала семейной жизни", которая получила вполнѣ заслуженно широкое распространеніе. Здѣсь совершенно справедливо указывается, что государство ради существующей безнравственности можетъ быть вынуждено дѣлать уступки, подобно законамъ Моисея [1]), но и предлагается такой знаменательный вопросъ [2]): „Если христіанское государство поступаетъ такимъ образомъ, что дѣлать христіанскому духовенству? Осмѣлится ли и оно отступать отъ закона христова, изрекать отъ лица Его благословеніе тамъ, гдѣ Онъ воспрещаетъ и гдѣ кара связана съ нарушеніемъ заповѣди? Должно ли ему принимать на себя отвѣтственность за браки разведенныхъ лицъ только потому, что государственной власти, помимо христіанскаго закона, угодно называть такіе браки законными? На страшномъ судѣ нельзя будетъ ссылаться на

[1]) Ср. *Лютардъ*. Апологія христіанства, стр. 922.
[2]) Стр. 40—41.

свѣтскіе законы;—не кто другой, а самъ Христосъ будетъ судить своихъ служителей, судить по Своему слову, а не по человѣческому уложенію. Каждый самъ понесетъ свое бремя и ни одинъ изъ приставниковъ дома Божія, осквернившихъ тайну Божію, не спасетъ своей души, если станетъ оправдываться тѣмъ, что ему такъ было приказано отъ земной власти. Они повиновались властителямъ земнымъ и сдѣлались ослушниками Царя Небеснаго, измѣнили Его законамъ и повелѣніямъ, измѣнили и повѣренному имъ народу". „Несомнѣнно то, что какъ совмѣстное многоженство Алкорана, такъ точно и послѣдовательное многоженство новаго законодательства [1])— мерзость передъ Богомъ. Послѣднее еще хуже, потому что оно совершается христіанами и оправдывается во имя Христа".

Во избѣжаніе кривотолковъ и соблазновъ въ средѣ народной необходимо дать самое широкое распространеніе объясненію руководившихъ при изданіи закона побужденій, правильному истолкованію наводящихъ на раздумье мѣстъ св. Писанія, свидѣтельствъ Отцовъ и Учителей Церкви, равно какъ отношенію къ браку разведенныхъ прелюбодѣевъ со стороны представителей восточныхъ православныхъ церквей. На Руси развелось уже слишкомъ много сектантовъ, а потому лучше заранѣе принять мѣры для устраненія возможныхъ осложненій, неизбѣжно порождаемыхъ столь „значительной реформой въ брачномъ законодательствѣ", лишенной надлежащей канонической основы.

А. Вязигинъ.

---

[1]) Прусскаго, умножившаго поводы къ разводу.

Памяти мученика

(† 1904 г., 15 Іюля).

Кому прощальный гимнъ поютъ колокола?
По комъ свершаются молитвенныя тризны?
То сына лучшаго Россіи смерть взяла:
Убитъ слуга Царя и честный сынъ отчизны.

Какъ безкорыстный стражъ, какъ вѣрный часовой,
Онъ отъ враговъ хранилъ родной Россіи знамя,
И вотъ убитъ, убитъ предателя рукой,
Погасло навсегда любви священной пламя!

Онъ сердца на-двое ехидно не дѣлилъ,
Не улыбался онъ измѣнникамъ въ угоду,
Но Русь, но свой народъ, страдающій, любилъ,
И счастія желалъ такъ горячо народу.

Трудясь для родины, онъ чувствовалъ и ждалъ,
Что за любовь къ Руси, за преданность къ Престолу,
Въ награду ждетъ его иль бомба, иль кинжалъ,
И вотъ погибъ, какъ мученикъ, склонился долу...

Звучатъ кругомъ потоки жалкихъ, пошлыхъ словъ,
Звучатъ по городамъ торжественныя тризны,
Но въ нихъ мнѣ слышенъ смѣхъ бездомныхъ чужаковъ
Смѣхъ одураченныхъ измѣнниковъ отчизны...

Когда-жъ, когда конецъ? грядушее темно,
Какъ ночь осенняя, глядитъ оно угрюмо;
Что тамъ, вдали, за тьмой? намъ вѣдать не дано.
И умъ заволокли безрадостныя думы...

Когда-же грянетъ громъ? когда пойметъ толпа
Кошмаръ, обманъ, навѣянный ея врагами?
Къ могиламъ дорогимъ когда пройдетъ тропа,
Тропа, омытая народными слезами?

Ф. Пестряковъ.

По поводу XXXII передвижной выставки картинъ.

I.

Болѣе тридцати лѣтъ, какъ передвижная выставка картинъ общества русскихъ художниковъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ посѣщаетъ г. Харьковъ и на цѣлый мѣсяцъ открываетъ свой салонъ для публики. Эта выставка въ теченіи многихъ годовъ доставляла публикѣ истинное, высоко-художественное удовольствіе. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ эта, всегда желанная и всѣми любимая, гостья, начинаетъ все болѣе и болѣе рѣдѣть художественными произведеніями искусства, въ которомъ равносильно и одновременно проявляли себя и духъ творчества художника и правдивость натуры, списанной съ оригинала не съ фотографическою и бездушною правдивостью, а съ тѣмъ проникновеніемъ въ скрытый отъ толпы тайный смыслъ жизни каждаго листка, каждой былинки, какое присуще и свойственно познавать только людямъ, отмѣченнымъ геніемъ и талантомъ. Неужели наше искусство клонится къ упадку, или составъ представителей передвижныхъ выставокъ обновился, не обновивъ собою искусства? Эта мысль настолько печальна и такъ побуждаетъ каждаго любящаго родное искусство къ отысканію причины такого явленія, что я останавливаю на ней вниманіе читателя.

Я обошелъ салонъ XXXII передвижной выставки картинъ нѣсколько разъ, останавливаясь то у одного, то у другого холста. Припоминая картины, какими были полны салоны этой же выставки въ началѣ семидесятыхъ годовъ, мнѣ невольно пришли на память слова поэта:

„Все тѣ-же звѣздъ полныя ночи
И пѣсни крестьянокъ,—все тѣ-жъ;
Но гдѣ же прелестныя очи,
Красавицы-дѣвицы гдѣ-жъ?...

И этихъ-то *„прелестныхъ очей“*, этихъ *„красавицъ-дѣвицъ“*, за послѣдніе десять лѣтъ почти уже не встрѣчаешь. А между тѣмъ, такъ свѣжи въ памяти всѣ тѣ картины этой, всегда желанной гостьи-выставки, которыя приковывали къ себѣ по-

свѣтителя ея, съ непреодолимой силой, окрыляя его возвышенной идеей добра и любви къ ближнему.

Нельзя не замѣтить отсутствія въ ней новыхъ мотивовъ, новыхъ вопросовъ и еще незатронутыхъ больныхъ и здоровыхъ мѣстъ жизни. На ея холстахъ, нерѣдко написанныхъ кистью талантливаго художника, видимъ только варьянты на одни и тѣ же мотивы, давно уже исчерпанные и ничѣмъ не обновляемые. Не бѣдна выставка и мотивами, разработанными исключительно ради эффекта, получаемаго въ темную ночь отъ огня, отъ луннаго свѣта и отъ лучей солнца въ полдень и въ часы его восхода и заката. Сюжеты для такихъ картинъ, въ большинствѣ случаевъ, настолько ординарны и безсодержательны, что готовъ вѣрить, будто они взяты, чтобы послужить только мѣстомъ для пятна огневаго, луннаго или солнечнаго свѣта. Назвать такія картины творческимъ искусствомъ нельзя; между тѣмъ, причислить ихъ просто къ этюдамъ, нежелательно, такъ какъ, въ былое время, такимъ картинамъ было мѣсто въ мастерской художника, гдѣ онѣ давали цѣну студіи и говорили въ пользу таланта художника. Съ такимъ вопросомъ оставляешь холстъ, подходишь къ другому, къ третьему и... все тоже, все тотъ же поверхностный взглядъ на задачи искусства; все то же небрежное отношеніе къ вдумчивости и къ усидчивой работѣ надъ исполненіемъ предпринятаго труда, надъ выборомъ мотива и надъ разработкой композиціи картины.

Неужели жизнь наша настолько оскудѣла эпизодами и мотивами проявленій духа и стремленій его все глубже и глубже въ жизнь, все дальше и дальше въ высь, что не остается ничего, какъ только повторяться, шаблонно пробавляясь мотивами прошлаго, довольствуясь банальными эффектами пятенъ восхода, заката солнца и луны, или же сценами изъ будничной жизни, ничѣмъ неотличимой день отъ дня. Русское искусство стоитъ ли наканунѣ застоя, или въ періодѣ старческой спячки и безсилія?

Заглянемъ въ перечень картинъ экспонентовъ выставки и посмотримъ, какими мотивами богатъ каталогъ картинъ этихъ молодыхъ силъ, этой общей надежды на возрожденіе искусства. Но и эти силы не говорятъ намъ ничего въ пользу надеждъ на лучшее. И тутъ видишъ тѣже мотивы, тѣже пѣсни. „Первые цвѣты", „Ночь", „Цыплята",—все это мотивы бѣдные для картинъ; все это детали для будущихъ картинъ. Не перестаютъ появляться на выставкахъ и такіе холсты, которые хотя и имѣютъ претензію быть картиной, но вслѣдствіе грубаго неряшливаго письма, какимъ напримѣръ написана кар-

тива „Послѣдній снѣгъ“, напоминаютъ обои, декарацію, но не художественное произведеніе искусства.

Жизнь людей, за эти три десятка лѣтъ ушла впередъ, обогатилась новыми мотивами, измѣнилась въ своихъ радостяхъ и скорбяхъ: со времени уничтоженія крѣпостного права прошло уже полвѣка и выросло уже третье поколѣніе, незнавшее рабства. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда было только что уничтожено крѣпостное право, художникъ Мясоѣдовъ написалъ картину „Чтеніе манифеста“, которою правдиво и живо показалъ всѣмъ намъ, какъ былъ принятъ этотъ радостный и незабвенный манифестъ народомъ, изнывавшимъ подъ игомъ крѣпостного права. Кому же, какъ не представителямъ той же передвижной выставки, слѣдовало бы продолжать идти по протоpенному пути. Да и вообще корифеи передвижныхъ выставокъ, начала семидесятыхъ годовъ, писали картины, которыми показали, какъ ихъ нужно писать и какъ нужно относиться къ искусству; но ихъ преемники не продожаютъ идти дальше. Между тѣмъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ возникли уже новыя художественныя общества и открыли свои салоны, въ которыхъ уже видны иные мотивы и слышны новыя пѣсни. Что же касается художественныхъ выставокъ на западѣ, то таковыя убѣждаютъ насъ, что отъ чисто реальнаго искусства, совершается поворотъ къ идейному (не говорю идеальному) искусству. Опредѣленный путь его уже достаточно ясенъ и имѣетъ уже весьма талантливыхъ представителей. Молодое искусство текущихъ дней начинаетъ примиряться съ искусствомъ древнихъ грековъ и временъ возрожденія. Оно сознаетъ, что заслуги этихъ двухъ искусствъ безсмертны; что произведенія ихъ геніальны; что идеи ихъ чисты и возвышенны. Не копируя, не заимствуя у нихъ пріемы и манеры техники, а продолжая воплощать идеи новой жизни на холстахъ и въ мраморѣ, новое искусство возражаетъ идеи жизни не съ одной реальной, но и съ духовной стороны ихъ существа.

II.

Такъ какъ нѣтъ абсолютнаго совершенства на землѣ, то говорить ли о томъ, что не было и нѣтъ полнаго совершенства въ искусствѣ какъ въ древнемъ или временъ Возрожденія, такъ и въ современномъ намъ? Вотъ почему школа современнаго искусства, находя недостатки въ искусствахъ древнемъ и временъ Возрожденія и отдавая имъ должную дань своего уваженія, не подражаетъ имъ, а ищетъ новыхъ путей къ совершенству. И эти пути указали искусству, что сухими фак-

тами жизни убивается возвышенный полетъ фантазіи—этой главной струны творчества—и губится всякая самобытность. Не все то художественно, что реально. Истинно прекраснымъ можно считать только то, что непосредственно насъ не касается. То, что дѣйствительно случается, непригодно для искусства. Природа сама по себѣ безсмысленна и неудобна; она совершенно равнодушна къ человѣку и даже враждебна ему, и горе и радости, и жизнь и смерть человѣка для нея одно и то же. Человѣкъ для природы не выше скота, пасущагося на зеленомъ лугу. И потому, копируя природу, рабски подражая ей, нельзя о многомъ говорить ни словомъ, ни кистью, ни рѣзцомъ. Это хорошо понимали древніе греки и египтяне, почему въ ихъ искусствѣ много аллегоріи и символизма. Египетскій Сфинксъ и теперь не перестаетъ быть полнымъ интереса для художниковъ современнаго искусства. Греческіе Фавны, Сатиры, Наяды, Дріады, Феи Галловъ, Русалки Славянъ никогда не умрутъ и навсегда останутся поэтическими образами для воплощенія различныхъ идей. Природа, какъ великая мать вселенной, существуетъ только въ нашемъ воображеніи. Она если и мать всѣхъ насъ, то безсмысленная мать, творящая все и насъ всѣхъ такъ, какъ поетъ нашъ грамофонъ, дѣйствующій на основаніи непреложныхъ законовъ, которые для нея составляютъ conditio sine qua non.

Человѣкъ, въ постоянной борьбѣ съ нею, дошелъ до возможности, не только улучшать въ качественномъ отношеніи, но даже измѣнять въ формѣ, многихъ домашнихъ животныхъ, а такъ же и самого себя. Вотъ почему искусство древнихъ грековъ создавало природу, дѣлая ее, по вдохновенію художника, прекрасною или безобразною.

Исходя изъ сказаннаго, природа для высшаго искусства не можетъ быть цѣлью его, а только даетъ *матеріалъ, служащій ему средствомъ* для олицетворенія той или другой идеи. Ея формы, линіи и краски, содержатъ въ себѣ всѣ элементы, необходимые для картины такъ же, какъ въ звукахъ природы, композиторъ находитъ всѣ ноты и тоны для воспроизведенія ораторіи или сонаты Но если художникъ рѣшается брать природу такъ, какъ она есть, онъ дѣлаетъ большую ошибку уже потому, что своему духу творчества, перевязываетъ крылья и становится жалкимъ копіистомъ.

Извѣстный художникъ Габріель Максъ, написалъ фантастическій портретъ перваго человѣка,—этого звѣря, названнаго „Homo Sapiens", по даннымъ современной науки. Съ искусствомъ большого таланта, написалъ онъ этого Адама, который

на его картинѣ стоитъ весь обросшій шерстью, облокотясь на стволъ растущаго дерева. А у ногъ его сидитъ его жена—Ева и кормитъ свое первое дѣтище. А древній грекъ, изваялъ изъ мрамора Венеру Милосскую и Аполлона Бельведерскаго, въ лицѣ которыхъ мы можемъ подразумѣвать тоже Адама и Еву, какъ первыхъ людей на землѣ. Но рознь между произведеніемъ Габріеля Макса и Праксителя состоитъ въ томъ, что первый показалъ намъ первыхъ людей съ внѣшней, физіологической стороны ихъ бытія; а Пракситель показалъ ихъ такими изящными, чистыми и возвышенными по существу, какими они будутъ въ далекомъ своемъ будущемъ, если не перестанутъ стремиться къ совершенству. Адамъ и Ева Макса были просто звѣри высшей породы. И тѣже Адамъ и Ева Праксителя были боги, по своему совершенству.

А кто видѣлъ картину Рафаэля „Адамъ и Ева, у дерева познанія добра и зла", тотъ не могъ не убѣдиться въ томъ, что этотъ геній, стоя на христіанской почвѣ, пошелъ еще дальше. Онъ и его и ее представилъ настолько обаятельной красоты тѣломъ, и обоимъ придалъ выраженіе настолько чистыхъ душъ, полныхъ довѣрія другъ къ другу, безхитростныхъ, добрыхъ и далекихъ отъ житейскихъ, грубыхъ помысловъ, что эти первые два человѣка, дѣйствительно составляютъ собою вѣнецъ твореній Бога-Отца вселенной, сотворенныхъ *„по образу и подобію Его"*.

III.

До тѣхъ поръ пока античное искусство изображало боговъ и полубоговъ, въ которыхъ выражались возвышенныя идеи вѣрованій древнихъ эллиновъ, оно стояло на высотѣ своего призванія и даръ творчества не покидалъ его. Но впослѣдствіи греки къ идейному искусству начали пріурочивать идеализмъ, изображая своихъ излюбленныхъ героевъ и властелиновъ не такими, какими они были въ натурѣ, а болѣе красивыми, придавая однимъ грацію, красоту и мужество; другимъ—сосредоточенность мысли и благородство; третьимъ—обоятельную красоту, соединенную съ молодостью и граціей всей фигуры. Всѣ эти качества были обаятельны и отвѣчали требованіямъ возвышеннаго и чистаго искусства до тѣхъ поръ, пока они принадлежали идеѣ, но не лицу, живущему или недавно жившему. Но когда эта идеализація придавалась обыкновеннымъ смертнымъ, образовавъ такъ называемое *„иконическое искусство"*, не заботясь о томъ, что этимъ путемъ искусство служитъ лжи и лести,—порокамъ, несовмѣстимымъ съ

свойствами истиннаго искусства,—творческій духъ его началъ падать. Явились иконическія статуи Александра Македонскаго, который изображался молодымъ, красивымъ, полнымъ граціи и мужества, напоминая собою бога войны, Марса. Такъ явилось изображеніе Фрины, которая своей красотой конкурировала съ Венерой Милосской. Такъ начали появляться статуи цезарей, полководцевъ,—включительно до величаво-красивой иконической статуи Нерона съ свиткомъ въ рукахъ и со взглядомъ Аполлона Бельведерскаго.

Вступивъ на христіанскую почву, греческое искусство безотносительно отрѣшилось отъ искусства античнаго" міра и даже начало преслѣдовать его. Въ XV и XVI столѣтіяхъ началось возрожденіе его и закончилось тѣмъ, что величайшіе геніи Италіи и Фландріи обратились къ искусству античнаго міра и вновь поклонились ему. Высокія и еще болѣе чистыя идеи христіанства не нуждались въ тѣлесной наготѣ, безъ которой античный міръ не могъ обойтись. Тщательно изучивъ контуры человѣческой фигуры, христіанское искусство начало олицетворять идеи христіанскаго культа, паря въ высь, какъ бы забывая о радостяхъ и скорбяхъ въ земной юдоли людей.

IV.

Прошло много вѣковъ. Христіанство не переставало вліять на смягченіе нравовъ людей. Не только на материкѣ Европы, но и на континентѣ Новаго Свѣта было уничтожено рабство и введены новые международные законы отношеній людей къ людямъ. Идейное искусство расширило свою дѣятельность и обратилось къ людямъ всѣхъ сословій и націй. На такой почвѣ возникло новое искусство, которое заявило себя такъ энергично и талантливо въ Россіи, открытіемъ передвижныхъ выставокъ въ 1872 году. Новое искусство взяло своей задачей изучить жизнь такою, какою она есть, проникая въ ея щели и клѣти не боясь ни труда, ни равнодушія толпы, ни злословія предвзятой критики.

Первая передвижная выставка посѣтила многіе города Россіи. Дорогая гостья была принята какъ заря обновленнаго искусства. Послѣ продолжительной зимней ночи, это былъ разсвѣтъ теплаго и радостнаго утра весны. Множество картинъ на новыя темы и мотивы, проникнутыя жизненной правдой и человѣколюбіемъ, роскошнымъ букетомъ раскинулись по выставкѣ, привлекая къ себѣ взоры посѣтителей.

Какъ вдохновитель на все лучшее и честное, искусство подняло свое новое знамя съ девизомъ: „Жизнь, правда и твор-

чество", заговорило живымъ словомъ о братской любви, о святыхъ вѣрованіяхъ въ жизнь лучшую и призывало всѣхъ къ „Царствію Божію, которое внутри насъ есть". Заслуга представителей этого искусства неизмѣримо велика. Велика она еще и тѣмъ, что открытіе передвижныхъ выставокъ, совпало съ временемъ гоненія на искусство. Талантливый публицистъ Писаревъ, находилъ необходимымъ вычеркнуть искусство изъ жизни людей, „разбить, размолоть его въ порошокъ и развѣять по вѣтру". Но не устрашили такія рѣчи новаторовъ искусства и они продолжали свое славное дѣло съ завидною устойчивостью и энергіей.

Разбивъ кольцо условности и выйдя изъ орбиты ея круга, они начали работать на свободѣ, въ полѣ, въ лѣсу, на берегу моря, въ мастерскихъ тружениковъ, на пристаняхъ моря и большихъ рѣкъ, въ лачугахъ и въ лѣсныхъ землянкахъ сторожей, въ ночлежныхъ домахъ и въ богатыхъ хоромахъ, въ храмахъ и у входа въ нихъ, въ маскарадахъ и на чердакахъ, въ подвалахъ и на кладбищахъ. Метели, вьюги, снѣга и ливни, морозы и весеннія бури, лучъ солнца, золотящій обои богатаго дома и радостно играющій въ мастерской сапожника, сквозь тусклое стекло аршиннаго окна,—все было написано талантливою и правдивою кистью новаго искусства...

Въ моей памяти вереницей проходятъ картины этихъ художественныхъ выставокъ: „Бурлаки на Волгѣ"—Рѣпина; „Царевна Софья"—его-же; „Христосъ въ пустынѣ"—Крамского; „Петръ I и царевичъ Алексѣй"—Ге; „Екатерина у гроба Елизаветы"—его-же; „Тайная вечеря"—его-же; „Грѣшница передъ Іисусомъ"—Полѣнова; „Генисаретское озеро", „Христосъ среди учителей"—его-же; „Чтеніе манифеста 19-го февраля", „Ботикъ Петра Великаго"—Мясоѣдова; „Меньшиковъ въ ссылкѣ"—Сурикова; „Ночь въ Малороссіи"—Куинджи; Морскіе виды—Судковскаго; „Утро на пашнѣ"—Клодта, и пр., и пр., и пр.

Всѣ перечисленныя произведенія не составляютъ собою даже десятой части тѣхъ художественныхъ произведеній, какими были богаты передвижныя выставки картинъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Не могли не влiять эти выставки даже на людей съ апатичнымъ характеромъ, на подъемъ духа къ жизни, на вызовъ энергіи къ труду, на обновленіе вѣры въ хорошее будущее жизни. Да иначе и быть не могло. Картина, однимъ взглядомъ на нее зрителя, овладѣваетъ имъ и внушительно разсказываетъ ему о цѣломъ событіи, о которомъ надо много времени и нерѣдко много книгъ прочесть, чтобы узнать и все же неизвѣдать, какъ оно было. Что можно было написать кистью, зарисовать карандашемъ или высѣчь на камнѣ

рѣзцомъ, этими неутомимыми тружениками, было сдѣлано и ихъ труды будутъ приняты съ признательностію и благодарностію будущими поколѣніями[1]). Въ этихъ трудахъ уже тогда виденъ былъ поворотъ къ тому, чтобы показать связь человѣка съ природой не съ одной только физіологической, матеріальной стороны жизни, но и со стороны духовной. Руль жизненнаго корабля поворачиваетъ въ сторону иной, еще мало извѣстной, но полной интереса духовной стороны жизни человѣка, такъ какъ, изучая его животную сторону жизни, человѣчество слишкомъ много отдало силъ своихъ на эту работу и все же чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. Даже такіе первоклассные ученые матеріалисты, какъ Бюхнеръ, написавшій извѣстную книгу „Kraft und Stoff", въ послѣднихъ сочиненіяхъ (напр. Natur und Geist, Aus dem Geistesleben der Thiere) открыто сознаются, что безъ психической стороны жизни, онъ находятъ невозможнымъ одною матеріею объяснить причины нѣкоторыхъ явленій.

V.

Молодые таланты занялись исканіемъ новыхъ путей, которые бы пролили свѣтъ на вопросы, касавшіеся разгадки мучительныхъ вопросовъ, что такое жизнь и какая цѣль ея. Явились новые романтики, декаденты, импрессіонисты, матеріалисты, мистики, окультисты, символисты, появились люди, которыхъ не радуетъ жизнь съ ея прогрессомъ, страдающіе тоскою, невидящіе цѣли жизни, люди, полные отчаянія, и наконецъ,— съ вѣрою смотрящіе на будущее, идущіе впередъ, падающіе, встающіе и вновь падающіе, но не перестающіе идти все впередъ и впередъ.

Почвой для творчества новаго искусства избрана впервые не какая-либо исключительная сторона жизни, что мы видѣли въ искусствахъ античнаго міра и времени Возрожденія, но жизнь всѣхъ классовъ и сословій, жизнь весьма сложная и разносторонняя. Вслѣдствіе измѣнившагося строя жизни, создавшаго новые классы и сословія людей и измѣнившаго условія отношеній людей къ людямъ, явились новыя требованія отъ жизни. Развитіе заводской и фабричной дѣятельности, усиленная разработка подземныхъ богатствъ, сокращеніе разстояній благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, знакомство съ новыми народами, закрѣпленное промышленными и торговыми интересами, все это вмѣстѣ взятое, создало не мало но-

[1]) Картинная галлерея Третьякова, составленная имъ изъ лучшихъ произведеній передвижныхъ выставокъ, останется навсегда славнымъ памятникомъ этого искусства.

выхъ людей, среди которыхъ выработались новые типы съ новымъ обычаемъ жизни, несходнымъ съ общепринятымъ когда-то обиходомъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Шахтеры, крючники, фабричные и заводскіе рабочіе, городскіе и желѣзнодорожные служители, рантьеры и банкиры—дали большой запасъ матеріала, едва тронутаго искусствомъ, и породили разногласіе среди молодыхъ и пылкихъ представителей искусства, на обязанности котораго, лежитъ теперь забота примирить всѣхъ, привести къ единству мысли и задачи, чтобы вновь дружною семьею взяться за трудъ и начать продолжать такъ славно и успѣшно начатое дѣло обновленія искусства, подъ девизомъ „жизнь, правда и творчество".

Такой всесословной и спѣшной работы, какая теперь совершается на землѣ вездѣ и всѣми, еще никогда не было. Во времена язычества трудъ лежалъ на раменахъ рабовъ и паріевъ. Въ библейскія времена, Іегова наложилъ трудъ на Адама въ наказаніе за его грѣхопаденіе: „И сказалъ Іегова Адаму: въ потѣ лица своего ты снѣдишъ хлѣбъ свой по трудѣ своемъ". И только Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, придалъ труду высокое значеніе и награждалъ за него человѣка „сторицею". Достаточно вспомнить притчу Его о работникахъ, пришедшихъ на работу передъ закатомъ солнца и получившихъ отъ господина своего тоже, что получили работники, пришедшіе съ разсвѣтомъ дня. Еще болѣе поощряетъ Онъ трудъ человѣка въ другой притчѣ о розданныхъ господиномъ талантахъ тремъ рабамъ своимъ. Трудъ,—это путь къ счастію, которое лежитъ въ томъ отдыхѣ, какой имѣетъ труженикъ и каждый разъ испытываетъ его или теряетъ его отъ себя, или отъ другихъ. Характеръ труда, въ переживаемое нами время, раздѣлился на спеціальности и образовалось немало отдѣльныхъ муравейниковъ, въ которыхъ трудъ ключемъ кипитъ неумолкая. Но отдыхъ, а слѣдовательно и счастье, испытуемое въ этомъ отдыхѣ, неодинаковы. Между тѣмъ всѣ эти проявленія жизни едва только намѣчены талантами художниковъ передвижныхъ выставокъ. Словомъ: дѣла много, да дѣлателей мало. И дѣло ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ и вѣритъ, что они есть и прійдутъ на его зовъ. Вслѣдствіе этого спѣшнаго дѣла, какимъ занято современное человѣчество, люди разучились ходить. Человѣкъ уже болѣе не идетъ, а бѣжитъ. Онъ занятъ дѣломъ; для него минуты дороги и это отразилось на литературѣ, которая въ настоящее время почти неимѣетъ большихъ романовъ и большихъ повѣстей [1]). Ихъ чи-

[1]) Въ Америкѣ очень интересовались романами Э. Золя. Но такъ какъ его романы всегда были длинны, то не находили времени ихъ читать. Поэтому въ большихъ городахъ появились молодые люди, нужда-

тать нѣтъ времени. Вотъ почему въ наши дни начинаетъ особенно развиваться драматическая литература и входить въ силу сцена театра, на которой, въ досужій часъ вечера, человѣкъ труда ждетъ увидать въ дѣйствіи то, о чемъ когда-то его отцы читали въ романахъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. По той-же причинѣ, художественныя выставки начинають все болѣе и болѣе дѣлаться любимыми публикой и посѣщаются значительно. Просмотрѣть драму, увидать картину жизни на выставкѣ, прочитать разсказъ или повѣсть въ половину печатнаго листа,—это счастье, испытуемое тружениками въ часы отдыха и не требующее много времени.

VI.

Заканчивая свой бѣглый очеркъ дѣятельности общества художниковъ передвижныхъ выставокъ, я считаю долгомъ сказать, что не смотря на оскудѣніе, за послѣдніе пять—семь лѣтъ. выставокъ такими произведеніями искусства, какія украшали ихъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, несмотря на отсутствіе крупныхъ талантовъ, все же нельзя сказать, что передвижныя выставки картинъ, отжили свое время, что „ихъ пора закрыть, что членамъ ихъ слѣдовало бы присоединиться къ вновь возникшимъ выставкамъ въ Москвѣ и Петербургѣ".

На всѣ эти замѣчанія и совѣты можно безъ страха сказать: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Передвижная выставка не умерла не отжила свой вѣкъ. Она все еще имѣетъ большой запасъ здоровыхъ силъ и не далеко то время, когда она вновь заблещетъ отраднымъ лучомъ солнца, вновь заговоритъ живымъ словомъ, зовущимъ къ жизни и къ труду. Если въ настоящее время въ ея салонахъ какъ-то сѣро, непривѣтливо, то это явленіе временное. Солнце ея дней, даже не дошло еще до зенита, а до заката его еще долеко Въ туманные дни не видно солнца, но это не значитъ, что его нѣтъ. Разсѣется туманъ, зардѣетъ голубое небо и сверкнутъ лучи солнца. Выставка переживаетъ свои туманные дни. Какъ я уже сказалъ выше, художники ищутъ новыхъ путей и найдутъ ихъ и пойдутъ по нимъ для труда и творчества.

Интеллигентные слои общества, въ часы своего досуга находятъ отдыхъ въ театрахъ, въ чтеніи и на выставкахъ. Но есть не мало и другихъ тружениковъ, которые также имѣютъ отдыхъ, а съ нимъ и счастье, заложенное въ немъ. Угле

ющіеся въ трудѣ, которые по заказу читали романъ, дѣлали изъ прочитаннаго для себя рефератъ и потомъ въ вечерніе часы среди семьи дома передавали о всемъ ими прочитанномъ.

копъ, шахтеръ, литейщикъ у раскаленной доменной печи, рабочій, кузнецъ у парового молота, писецъ, бѣднякъ почтальонъ, мелочной лавочникъ, всѣ они тоже имѣютъ отдыхъ, а съ нимъ и счастье. А какой ихъ отдыхъ и какое ихъ счасьте, мы о томъ и о другомъ знаемъ немного или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не знаемъ. Мы видѣли „Бурлаковъ на Волгѣ", кисти Рѣпина; „Смѣна въ шахтѣ"—Касаткина; „Умирающая сестра милосердія"—Клодта и пр. другія незабвенныя картины. Но это одна сторона жизни, сторона страданія. У всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ людей есть и отрадная сторона жизни, о которой искусство тоже намъ разскажетъ понятнымъ и внушительнымъ разсказомъ на картинахъ, художественно и талантливо написанныхъ.

Да и много ли лѣтъ прошло, какъ существуютъ передвижныя выставки? Тридцать лѣтъ,—это молодые года для такого великаго дѣла. Желать дальнѣйшаго процвѣтанія и расширенія круга дѣятельности передвижныхъ выставокъ, для развитія любви къ искусству въ тѣхъ городахъ, которые, какъ пасынки земли Русской, живутъ обойденными ими, болѣе умѣстно и необходимо, чѣмъ отворачиваться отъ дверей ея салоновъ и хулить ея произведенія огульно. Мнѣ могутъ возразить, что уже возникли новыя художественныя выставки, что размноженіе выставокъ можетъ повести къ нежелательнымъ результатамъ. Напрасныя опасенія! Россія такъ велика; ея климаты такъ различны; характеры и типы людей, населяющихъ Россію, такъ разнообразны, что возникновеніе различныхъ художественныхъ школъ и выставокъ не только въ данные годы желательно, но даже необходимо на основаніи всего высказаннаго выше. А при семъ не лишнимъ будетъ, если мы вспомнимъ Италію временъ Возрожденія искусства. Этотъ небольшой полуостровъ, омываемый двумя морями, имѣлъ нѣсколько своебразныхъ и самостоятельныхъ художественныхъ школъ. Римъ былъ средоточіемъ ихъ, а затѣмъ его окружали не менѣе знаменитыя школы: Венеціанская, Болонская, Флорентинская, Генуэзская, Неаполитанская и Пизанская. И всѣ эти школы настолько были своеобразны по колориту, по композиціи картинъ, по выбору сюжетовъ и по манерѣ освѣщенія фигуръ, что даже небольшой знатокъ могъ при взглядѣ на картину сказать, какой она принадлежитъ школѣ. Каждая изъ нихъ дала міру по нѣсколько талантовъ, по разнымъ отдѣламъ искусства. Что же касается Россіи, то она обширнѣе Италіи, а жители, населяющіе ее, не менѣе талантливы и отзывчивы къ прекрасному.

В. П. Карповъ.

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ [1].

Мѣсяцъ тому назадъ наши зарубежные враги съ ликованіемъ возвѣщали о „бѣгствѣ русской арміи“, „разгромленной“ де у Ляояна; телеграммы изъ Токіо сулили, что „*черезъ нѣсколько часовъ* Мукденъ будетъ занятъ японскими войсками, насѣдающими на разбитаго непріятеля“; мнимые друзья толковали о посредничествѣ для спасенія Россіи отъ окончательнаго разгрома; наши простодушные политики заговорили о необходимости мира съ Японіей во что бы то ни стало; иные выдвигали даже мысль о союзѣ съ надменнымъ врагомъ. „Гражданинъ“ обнаружилъ трогательное единомысліе, на этотъ разъ, конечно, съ разбрасываемыми подметными листами и воззваніями, распространяемыми проповѣдниками переворота въ Россіи. Вотъ до чего доходитъ современная путаница и неумѣнье понять насущныя потребности и дѣйствительные интересы нашего Отечества!

Нелѣпость подобныхъ плановъ очевидна: японцы требуютъ огромную контрибуцію (не менѣе милліарда), уступки всего побережья Тихаго океана и желѣзной дороги со всѣми сооруженіями, воздвигнутыми на кровныя деньги русскаго народа. Согласиться на такое униженіе значило бы доказать міру свою полную несостоятельность, слабость и трусливую готовность подставить шею подъ пятку всякаго наглеца, тогда какъ при затратѣ того же милліарда на военныя нужды можно быть увѣреннымъ въ окончательной побѣдѣ надъ явственно утомившимся врагомъ, въ поднятіи своего международнаго положенія и пріобрѣтеніи свободнаго выхода въ незамерзающій океанъ. Ужъ если надо занимать деньги, такъ съ цѣлью истратить ихъ на войну, а не на уплату контрибуціи, которой никогда не платили русскіе Самодержцы. Эта контрибуція ляжетъ тяжелымъ бременемъ на народъ и такимъ образомъ позорный миръ породитъ лишь неисчислимыя экономическія

[1]) См. Мирный Трудъ № 2—7.

затрудненія рядомъ съ невознаградимымъ ущербомъ для достоинства всей страны. Вѣдь тогда наши кредиторы поставятъ намъ условія, равносильныя утратѣ самостоятельности. Намъ нужна побѣда и для возмѣщенія своихъ расходовъ и для оправданія безчисленныхъ жертвъ и для нравственнаго оздоровленія нашего общества. Трусливая уступчивость лишь вовлечетъ насъ въ цѣлый рядъ войнъ, ибо каждый сосѣдъ потянется къ лакомымъ кускамъ, лишеннымъ надлежащей защиты. Неисчислимыя бѣдствія и внутреннія неурядицы ожидаютъ того изъ противниковъ, кто признаетъ себя побѣжденнымъ. Но намъ странно говорить о мирѣ и подбадривать тѣмъ своего врага. Силы наши далеко не исчерпаны; оробѣли лишь немногіе нервные люди; всѣ русскіе, постигающіе важность поднятыхъ войною вопросовъ, дружно стоятъ за доведеніе ея до конца, достойнаго Россіи; эту готовность къ новымъ жертвамъ учитываютъ и любезные сосѣди, отказавшіеся отъ мысли о посредничествѣ, такъ какъ наше правительство твердо придерживается избраннаго пути, посылаетъ на Востокъ новыя сильныя подкрѣпленія, „дабы въ скорѣйшее по возможности время достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ", образуетъ вторую армію, порученную опытному воину и другу Куропаткина, генералу О. К. Грипенбергу; вторая тихоокеанская эскадра, усиленная новыми судами, подготовленная къ трудному плаванію предварительными упражненіями, вскорѣ тронется въ далекое и трудное плаваніе; деньги у насъ еще имѣются; кредитъ стоитъ достаточно высоко. Стало быть, унывать не приходится, даже если бы на насъ обрушились дѣйствительно грозныя испытанія и неудачи. Тѣмъ болѣе основаній сохранить терпѣніе и душевную бодрость теперь, когда воочію выяснилось, что бой подъ Ляояномъ вовсе не былъ побѣдой японцевъ. Цѣною десятковъ тысячъ жертвъ они добились приказа объ отступленіи русскихъ на подходящія подкрѣпленія, не захватили военныхъ трофеевъ и ради самообмана принялись считать очищенные нами дома и бревна, видя въ нихъ свидѣтельство своихъ успѣховъ! Понесенныя японцами потери были такъ велики, они израсходовали такое множество снарядовъ, такъ разстроили свои силы, что за весь истекшій мѣсяцъ не обнаружили ни одной сколько нибудь настойчивой попытки къ наступленію. Рядъ мелкихъ схватокъ, начавшихся лишь черезъ нѣсколько дней послѣ ляоянскаго боя, замѣнилъ вытѣсненіе изъ Мукдена „разбитаго противника". Военная же исторія учитъ, что побѣдителемъ оказывается не тотъ, кто захватилъ добровольно очищенныя позиціи, а тотъ, кто наи-

лучшимъ образомъ воспользовался происшедшимъ кровопролитіемъ. Съ этой точки зрѣнія японцы не имѣютъ никакихъ основаній считать себя побѣдителями: цѣлый мѣсяцъ, словно тяжко раненый звѣрь, зализывали они свои раны въ Ляоянѣ, откуда ускользнула, казалось, уже захваченная ихъ когтями добыча. Наоборотъ, русскіе, первоначально думавшіе объ отступленіи за Мукденъ, пришли къ сознанію, что располагаютъ теперь достаточными силами для нападенія: 19 сентября генералъ Куропаткинъ обнародовалъ свой историческій приказъ, гдѣ находятся такія отрадныя для русскаго сердца слова: „теперь уже настало желанное и давно ожидаемое всею арміею время идти самимъ впередъ на встрѣчу врагу. Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы маньжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе", „дабы скорѣе выручить нашихъ братьевъ въ Портъ-Артурѣ, семь мѣсяцевъ геройски отстаивающихъ ввѣренную ихъ оборонѣ крѣпость".

Это движеніе на выручку нашихъ чудо-богатырей встрѣтитъ только глубочайшее сочувствіе во всѣхъ, кто цѣнитъ высокую доблесть, ими проявленную Эти сыны „невѣжественнаго и придурковатаго" народа показали, на какіе поистинѣ сказочные подвиги способенъ русскій человѣкъ. Безстрашное выполненіе долга, изумительное искусство, глубина знаній у начальниковъ, рѣдкая изобрѣтательность и мастерское умѣнье воспользоваться мѣстностью, наличными средствами и боевыми приспособленіями только при выносливости, мужествѣ и самоотверженности нашего солдата могли сдѣлать Портъ-Артуръ грознымъ охранителемъ нашего могущества на Тихомъ Океанѣ. Словно рыцарь безъ страха и упрека, А. М. Стессель зорко блюдетъ честь ввѣренной ему твердыни и снимаетъ всякое пятно, налагаемое на ея оборону лицами, не стоящими на высотѣ своего отвѣтственнаго призванія. Всѣ событія, краснорѣчиво и неоспоримо показываютъ, что смѣлый личный починъ и способность находить даровитыхъ помощниковъ въ высокой степени присущи нашему національному герою, хотя онъ принадлежитъ къ „вырождающемуся" русскому народу, а не къ „талантливому" (на другихъ только поприщахъ) „избранному племени".

Будучи настоящей душой безсмертной портъ-артурской обороны, генералъ Стессель со своими храбрыми сподвижниками по прежнему отбиваетъ неистовыя нападенія японцевъ. Послѣ кратковременнаго затишья они опять принялись за продолженіе своихъ бѣшеныхъ приступовъ, съ удвоенной, отъ

скаго склада оружія, способнаго оказать намъ услуги противъ неутомимаго врага. Всѣ эти обстоятельства показываютъ, что положеніе дѣлъ въ Портъ-Артурѣ далеко не является безотраднымъ и можно надѣяться, что „оборона крѣпости, построенной на научныхъ основаніяхъ, одержитъ полную побѣду надъ безумными штыковыми аттаками".

Главная опасность грозитъ со стороны осадной артиллеріи, въ составъ которой вошли 11 дюймовыя мортиры, обладающія большой разрушительной силой на далекомъ разстояніи. Снаряды японскихъ орудій будто бы попадаютъ въ наши суда и ожесточенное обстрѣливаніе ставитъ ихъ въ опасное положеніе. Для нанесенія врагу наибольшаго ущерба, рядомъ съ холоднымъ оружіемъ обѣ стороны широко пользуются ужасными взрывчатыми веществами, бросая ихъ въ мѣшкахъ и ящикахъ, какъ ручныя гранаты. Повидимому, японцы приблизились на столько своими траншеями, что примѣненіе этихъ средствъ получило большое распространеніе рядомъ съ известью и краснымъ перцемъ, которыми наши солдаты засыпали глаза штурмующимъ японцамъ.

Ген. Стессель сталъ прибѣгать въ послѣднее время къ вылазкамъ, значитъ появилась настоятельная потребность ослабить врага и повредить его работамъ цѣною невознаградимой гибели нѣсколькихъ драгоцѣнныхъ защитниковъ.

Ясно, что несмотря на засвидѣтельствованную бодрость и неутомимость безстрашныхъ защитниковъ Портъ-Артура, нельзя медлить въ оказаніи имъ помощи, разъ она представляется возможной: сохраненіе за нами портъ-артурской твердыни существенно перетягиваетъ въ нашу пользу вѣсы военныхъ сочетаній, а потому приказъ генерала Куропаткина о наступленіи на выручку героевъ наполняетъ надеждой на улучшеніе ихъ положенія, хотя надо ждать отчаянныхъ усилій японцевъ захватить Портъ-Артуръ.

Послѣднія извѣстія глухо говорятъ о переходѣ къ осуществленію обѣщанія нашего вождя: наша армія двинулась на врага и предстоятъ крупныя событія на бранномъ полѣ. Двумя способами можетъ Куропаткинъ нанести ударъ противнику: если у насъ достаточно обезпеченъ численный перевѣсъ, то, не останавливаясь передъ потерями, [illegible] Куроки изъ горъ на равнину и тутъ конч[illegible] бо-емъ со всѣми японскими силам[illegible] сто; если же у насъ нѣтъ значите[illegible] насту-пленіе пойдетъ противъ бол[illegible] ходу, съ цѣлью заставить ихъ по[illegible]

Естественно, что у японцевъ господствовало совершенно иное настроеніе: продолжительное замедленіе давно обѣщаннаго взятія Портъ-Артура вызвало народное нетерпѣніе и газеты наивно спрашиваютъ, почему генералъ Ноги не можетъ заставить крѣпость сдаться. Одна японская газета разсуждаетъ еще съ большей прямолинейностью: мы хотѣли бы послать славному генералу отточенную саблю, висящую въ нашей редакціи. Харакири—логическое послѣдствіе неумѣнья успѣшно выполнить столь важную задачу". Вотъ чѣмъ отвѣтили просвѣщенные японцы на откровенное заявленіе Ноги, что Портъ-Артуръ будетъ въ состояніи сопротивляться еще 2—3 мѣсяца! Новыя подкрѣпленія и новыя дальнобойныя орудія были отправлены изъ Японіи противъ столь стойкаго, вопреки посуламъ, оплота, хранящаго въ своемъ „ковшѣ" все еще опасное ядро первой тихоокеанской эскадры. Бомбардировка осажденной крѣпости идетъ непрерывно и все усиливается; нападенія продолжаются: такъ, ночью на 19 сентября японцы попытались дѣйствовать на сѣверо-восточномъ участкѣ, подобравшись къ нашимъ окопамъ по глубокимъ ходамъ, но были остановлены нашими залпами. На крайнемъ правомъ флангѣ непріятелю удалось было въ туже ночь завладѣть Сигнальной горой, но послѣ сосредоточеннаго обстрѣливанія этой позиціи крѣпостными орудіями наши охотники отобрали ее, выгнавъ японцевъ. Трудно сказать, какъ далеко продвинулись японцы и какія именно изъ второстепенныхъ укрѣпленій заняты ими. Повидимому водопроводный редутъ переходитъ изъ рукъ въ руки, ибо еще въ Августѣ возвѣщалось японцами о его захватѣ, а въ Сентябрѣ имъ понадобилось его снова брать. Несомнѣнно, что вся главная линія остается за нами и японцы не могутъ похвастать своими удачами. Таковы скудныя, но достовѣрныя вѣсти, проникающія къ намъ черезъ сплошную стѣну непріятельскихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, отдѣляющую нашихъ героевъ отъ остальнаго міра. Но эта стѣна не является непреодолимой преградой: съ опасностью для жизни смѣльчаки доставляютъ донесенія доблестнаго генерала Стесселя; умудряются пересылать телеграммы роднымъ; на утлыхъ джонкахъ инымъ удается пробраться въ Чифу и принести вѣсти изъ осажденнаго города. Даже большой пароходъ съ припасами и снарядами (свыше 400.000 пудовъ) прорвалъ блокаду и увеличилъ наши оборонительныя средства. Китайскія суда и даже англійскіе предприниматели выжидаютъ удобнаго случая, чтобъ зашибить деньгу, снабдивъ крѣпость необходимыми предметами. Снова говорятъ о находкѣ китай-

Если исполнятся надежды всей Россіи, то отнынѣ починъ перейдетъ въ наши руки и японцы вынуждены будутъ ограничиться упорной обороной, которая будетъ длиться до полнаго истощенія ихъ силъ. Если же выяснится, что врагъ располагаетъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій по прежнему болѣе многочисленными войсками и при помощи перевѣса въ силахъ нанесетъ намъ ущербъ, то эта побѣда бу..етъ куплена такой дорогой цѣною, что подходящія изъ Россіи подкрѣпленія одолѣютъ изнемогшаго врага, ибо не даромъ генералъ Куропаткинъ заявилъ: „если окажется недостаточнымъ присланныхъ уже полковъ, придутъ новые, но непоколебимая воля Государя Императора, дабы мы побѣдили врага, будетъ *неуклонно* исполнена".

Никто не обманываетъ себя на счетъ предстоящихъ трудностей борьбы съ „сильнымъ и храбрымъ противникомъ"; всякій сознаетъ, что для прочнаго торжества надъ нимъ „кромѣ численности войскъ, нужна твердая рѣшимость всѣхъ чиновъ арміи отъ мала до велика одержать эту побѣду, какихъ бы жертвъ для сего не потребовалось". Но теченіе событій зависитъ отъ воли Держащаго въ рукѣ судьбы Царствъ, а потому вся вѣрующая Россія вмѣстѣ съ своимъ Государемъ смиренно молитъ Всевышняго о дарованіи побѣды и покорно повторяетъ вмѣстѣ съ А. Н. Куропаткинымъ: „да будетъ надъ всѣми нами воля Господня", уповая, что усердная молитва будетъ услышана, по евангельскому обѣтованію „всякій просящій получаетъ", и мы дождемъ часа нашего успѣха не по заслугамъ своимъ, а по неизреченной благости и милости Господней.

Но мудрая русская пословица не даромъ говоритъ: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай". А потому намъ надо всѣ свои помышленія, средства и силы сосредоточить на войнѣ, дабы добиться поскорѣе побѣды. Только полная побѣда, а не трусливая уступчивость, не позорный миръ, спасетъ насъ отъ надвигающихся бѣдствій. Наши внѣшнія и внутреннія дѣла пойдутъ полнымъ ходомъ только при торжествѣ надъ „желтолицымъ врагомъ". Это надо постоянно помнить и всѣмъ дружно работать надъ его одолѣніемъ, необходимымъ для благосостоянія всѣхъ подданныхъ Россійскаго Самодержца, независимо отъ ихъ состоянія, положенія и происхожденія.

26 сентября. *Н. Черниковъ.*

БИБЛІОГРАФІЯ.

Слова и Рѣчи Преосвященнаго *Стефана, епископа Сумскаго*. Х. 1904. ц. 1 р., VIII + 285 + 3 стр.

Хорошо изданное собраніе проповѣдей Преосвященнаго Стефана, нынѣ занимающаго епископскую каѳедру въ Могилевѣ, даетъ назидательное чтеніе для всякаго вѣрующаго сына св. Православной Церкви. Много интереснаго и наводящаго на размышленія найдетъ и пытливо ищущій правды Божіей оторвавшійся отъ лона церковнаго „интеллигентъ". Да и совершенному невѣру не мѣшаетъ знакомиться съ иной точкой зрѣнія на вещи и событія. Въ особенности эта книга можетъ пригодиться воспитателямъ юношества, ибо въ ней находятъ правдивое освѣщеніе и опроверженіе многія изъ ходячихъ воззрѣній, коими набиваютъ молодыя головы „посторонніе наставники". Таковы напр. Слово въ день св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, обращенное къ воспитанникамъ первой харьковской гимназіи, рѣчь при освященіи харьковскаго Народнаго Дома, рѣчь дворянству харьковской губерніи при принятіи присяги предъ выборами и множество другихъ прочувствованныхъ и продуманныхъ проповѣдей. Всюду виденъ независимый, стойкій, убѣжденный и мужественный борецъ за св. вѣру и великіе устои нашей государственной и общественной жизни, пламенный изобличитель нашихъ нестроеній и опытный врачеватель нашихъ недуговъ. Просто, изумительно ясно и вразумительно излагаетъ Преосвященный Владыка свои мысли, не гоняясь за искуственнымъ витійствомъ и многословіемъ. Опредѣленное, руководящее положеніе развивается стройно, соразмѣрно и убѣдительно. Въ краткихъ словахъ, что такъ мало распространено у насъ, ораторъ умѣетъ заключать много разума, много бодрящаго душу воодушевленія, много правдиваго изобличенія. Такія выдающіяся качества позволяютъ обратить на эту поучительную и интересную книгу особое вниманіе и пожелать ей заслуженнаго успѣха.

А. —нъ.

Ивановъ Вас. Ив. „На память о Русско-Японской войнѣ“. Стихотворенія. Харьковъ. 1904. Ц. 40 к.

Хорошо извѣстный на Югѣ Россіи, поэтъ и публицистъ, Вас. Ив. Ивановъ, отличается большой отзывчивостью на современныя событія; изображеніе ихъ всегда согрѣто у него сердечной мягкостью, любовью къ родинѣ и Царю, теплой вѣрой въ благое Провидѣніе. Въ только что выпущенномъ сборникѣ соединены его стихотворенія, имѣющія живую и тѣсную связь съ войной на Дальнемъ Востокѣ. Самымъ поэтическимъ, на нашъ взглядъ, является написанная народнымъ размѣромъ „Легенда о Петропавловскѣ и о С. О. Макаровѣ“, сюжетъ которой взятъ изъ народныхъ сказаній о гибели нашего славнаго флотоводца: монахъ опускается на дно морское и видитъ тамъ искалѣченный Петропавловскъ, слышитъ молитвы св. Сергія Радонежскаго и погибшихъ героевъ: „за Царя, за Русь православную, чтобъ послалъ Господь одолѣніе надъ язычникомъ—лютымъ ворогомъ“. Монахъ узнаетъ, что „дастъ побѣду Богъ царству Русскому“,

Петропавловскъ нашъ
Искалѣченный
Вновь подымется
Надъ пучиной водъ.
И Макаровъ нашъ
Смотръ тутъ сдѣлаетъ
Флоту русскому
И скомандуетъ
Онъ—идти ему
Въ стольный вражій градъ
Миръ предписывать
Злому ворогу,
Побѣжденному.
Весь нашъ флотъ предъ нимъ,
Петропавловскомъ,
Пройдетъ съ музыкой,
Съ пѣсней радостной,
И народный гимнъ
Загремитъ, какъ громъ,
Отъ Россійскихъ странъ
До Японіи...
А тогда, какъ флотъ
Мимо весь пройдетъ,
„Петропавловскъ нашъ
Тихо медленно
Въ бездну волнъ морскихъ
Вновь опустится
И уже на вѣкъ
Тамъ останется.

Очень искренни, а потому оставляютъ сильный слѣдъ въ душѣ читателя стихотворенія: „Первыя жертвы“, „Христосъ Воскресъ“, 18 апрѣля 1904 г., „Царь зоветъ“, „Портъ-Артуръ“. Всюду глубокая вѣра въ побѣду Россіи сочетается съ человѣчнымъ отношеніемъ ко врагу, скорбью по поводу жертвъ, павшихъ на полѣ брани, и яснымъ сознаніемъ необходимости дать противнику достойный отпоръ. Для Харьковцевъ особенно цѣнны стихотворенія: „Варягъ“ и „Кореецъ“ въ Пушкинскомъ училищѣ и „4 мая 1904 года“, воспѣвающее Высочайшій

смотръ. Сборникъ заканчивается шутливымъ стихотвореніемъ— признаніемъ россійскаго японофила"

Я страсть къ Японіи питаю,
И, чтобъ ей должное воздать,
Я съ умиленьемъ предлагаю
Ее Шпіоніей назвать.

Сборникъ стихотвореній г. Иванова можетъ по своимъ качествамъ послужить прекрасной памяткой о русско-японской войнѣ, являясь поэтическимъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, которыя переживали всѣ истинно русскіе люди.

Н. Черниковъ.

Въ редакцію Мирнаго Труда по 20 сентября доставлены слѣдующія книги:

Бородкинъ М. Война 1854—1855 гг. на финскомъ побережьѣ. Петербургъ. 1904 г.

Будиловичъ А. С. Академія наукъ и реформа русскаго правописанія. Петербургъ. 1904 г.

Д. Х. Къ исторіи отечественной бюрократіи. Тула. 1904 г.

Ивановъ В. Ив. На память о Русско-Японской войнѣ. Харьковъ. 1904 г.

Кузинъ М. В. Дурныя привычки—самые опасные наши враги. Харьковъ. 1903 г.

Лависсъ Э. Основные моменты политической исторіи Европы. Москва, 1903 г. пер. П. Д. Первовъ.

Ольховскій Г. Правдивое слово о Холмской Руси. Холмъ. 1902 г.

Первовъ П. Д. Жители крайняго Сѣвера. Москва. 1903 г.

Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго, Слова и Рѣчи. Харьковъ. 1904 г.

Іозефовичъ Б. Еврейскій вопросъ. Кіевъ. 1904 г.

Ярмонкинъ. Письма идеалиста. Петербургъ. 1904 г.

